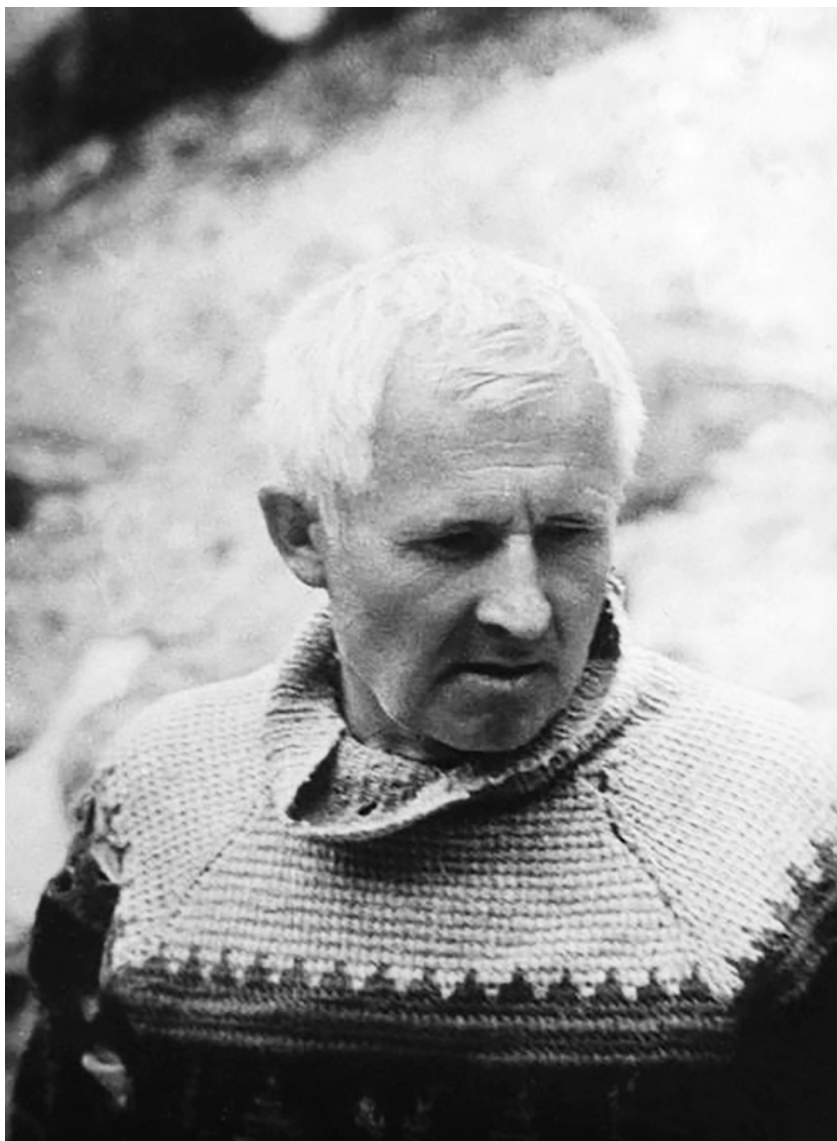

Альпинист

АНАТОЛИЙ
ВИНОКУРОВ

Альпинист
АНАТОЛИЙ ВИНОКУРОВ

Анатолий Филиппович Винокуров
6 марта 1935 – 23 декабря 2015

Альпинист
АНАТОЛИЙ ВИНОКУРОВ

2016

КНИГА СОДЕРЖИТ НЕСКОЛЬКО ВОСПОМИНАНИЙ
АЛЬПИНИСТОВ ОБ УДИВИТЕЛЬНО ТАЛАНТЛИВОМ ЧЕЛОВЕКЕ
И ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМ СПОРТСМЕНЕ АНАТОЛИИ ФИЛИППОВИЧЕ
ВИНОКУРОВЕ.

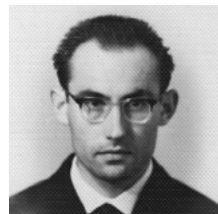
С 1969-70 ГОДОВ И ДО КОНЦА СТОЛЕТИЯ ВИНОКУРОВ БЫЛ
ЛИДЕРОМ, ОРГАНИЗАТОРОМ И ДУШОЙ ПОДМОСКОВНОГО
АЛЬПИНИЗМА. МОЖНО ГОВОРИТЬ О ШКОЛЕ ВИНОКУРОВА, ИЗ
КОТОРОЙ ВЫШЛО МНОГО МАСТЕРОВ СПОРТА. ВИНОКУРОВ
БЫЛ СИЛЬНЫМ И СМЕЛЫМ АЛЬПИНИСТОМ, НА ПРОТЯЖЕНИИ
МНОГИХ ЛЕТ СОВЕРШАЛ ВОСХОЖДЕНИЯ ВЫСШЕЙ
СЛОЖНОСТИ, УДИВЛЯЯ СПОРТИВНЫМ ДОЛГОЛЕТИЕМ.

В КНИГЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ВИНОКУРОВЕ, О ЖИЗНИ В ГОРАХ
И О ВОСХОЖДЕНИЯХ.

Часть I
АЛЬПИНИСТ

САМОРОДОК

Б.И.Борисов

Борисов Борис Иванович (22.08.1936) родился в селе Молоково Калининской (Тверской) области. Окончил мехмат МГУ в 1959 году. Работал в области программно-управляемых средств связи. Альпинизмом начал заниматься в 1957 году в альп-секции МГУ. Мастер спорта СССР (1980).

Эта книга — воспоминания альпинистов об Анатолии Филипповиче Винокурове.

Анатолий Филиппович Винокуров родился 6 марта 1935 в городе Щёлково. Город и станция Щёлково находятся на северо-востоке от Москвы, с Ярославского вокзала на электричке около часа езды. В Щелкове и ещё в соседнем городе-наукограде Фрязино прошла вся его жизнь. В семидесятые и восьмидесятые годы жил во Фрязино с женой Софьей Ильиничной, Галей и Машей в трёхкомнатной квартире, откуда они ездили в Фаны, на Тянь-Шань, Кавказ и Памир. Позже, в девяностые годы и позднее, жил в Щёлково с женой Ириной в квартире, оборудованной собственными руками. Отсюда они путешествовали по Европе и Америке, где Толя делал восхождения в Альпах и Кордильерах. И здесь же, рядом со Щёлково на дачном участке Толя строил дом. Просторный Дом с большой буквы. Строил сам: лил фундамент, клал стены, возводил крышу, отделявал внутри. Дом получился прочным и основательным, как всё, что он делал, как прочным и основательным было каждое его восхождение в горах.

Первое впечатление о Винокурове — сильный, бесстрашный, талантливый альпинист. Когда узнаешь ближе — Богом одарённый многими талантами, мудрый. И когда узнаешь ещё ближе и вступишься внимательней, то поймешь, какой человеческий человек рядом с тобой. Захочется подражать.

Ребята из Фрязино говорили о нём: — «Самородок». Действительно, это слово подходит к нему больше всего. Не ювелирное изделие, не отшлифованная драгоценность, а самородный слиток чистого золота. Смотришь со стороны — вроде бы и простоват, как бы «от сохи», а познакомившись ближе, понимаешь — глубокий, интеллигентный человек. Человек самобытный, он отличался от всех нас, может быть, потому, что таким был от рождения, а, может быть, ещё и потому, что мы все воспитаны и причислены периодом студенческой жизни, которую он не проходил (высшее образование получил заочно). До всего хотел дойти своим умом, продумать, понять.

Винокуров был разносторонне талантлив. Умел шить, готовить, мастерить, печь хлеб, строить. Хорошо бегал, прекрасно лазил по скалам, организовывал спортивные сборы и играл на гитаре. Аспирантура и научная работа. И основная

Эту люстру сделал
Винокуров

работа — руководство заводом. Эти способности у него, казалось, не от воспитания, а от Бога: за что ни возьмётся — всё получится. Как бы и не спеша, между делом. Анатолий Филиппович никогда не выглядел чрезвычайно занятым человеком, перегруженным делами. Удивительным его талантом была способность точно оценить ситуацию, понять существо дела и принять верное решение, часто неожиданное для остальных, за что и прозвали Самородком.

...Сложное восхождение, Толя целый день лидировал, а вечером, в палатке, готовит для всех еду, как будто устал меньше других. И потом, когда все укла-

дываются на ночь, ложится в самый сырой или холодный угол.

...В Москве мне надо встретить жену с маленькими детьми. Толя откладывает все дела, садится в машину и везёт меня в аэропорт... И т.д.

Таким он был — благородный рыцарь. Безупречный и бескорыстный. И как рыцарь одинокий.

В альпинизм Винокуров пришёл поздно, когда ему исполнился 31 год. К этому времени многие завершают спортивный рост и ездят в горы, сохраняя свой достигнутый уровень в альпинизме.

Винокуров, получив третий разряд в 1966 году, только-только познакомившись с горами, сразу ставит задачу достигнуть высшего мастерства для себя и своих друзей-альпинистов. Ходить на самые сложные вершины по самым сложным путям. И эту задачу быстро реализует. В этот начальный период обучения альпинизму Толя осваивает и правила, и умения, и принципы поведения самостоятельно. Он не говорит: «Возьмите меня на сборы, возьмите в команду». Сам планирует, сам организует вокруг себя, сам намечает цели восхождений, и очень скоро начинает руководить поездками в горы и руководить восхождениями в горах.

Уже через два сезона, в 1969 году, Толя прошёл маршрут 5Б на вершину Свободная Корея. Он лидер в группе. Понимает альпинизм, как будто за плечами 10 лет учебы и совершенствования. Проходит первым сложные скальные маршруты, как будто многие годы тренировался в скалолазании. Откуда это? Да, физическая подготовка была, но всё остальное? Конечно, спортивный талант. Но ещё и жизненная позиция, когда выбирает не что полегче, а что потруднее. Надо на разряд 3Б, выбирает самую трудную тройку в районе. Надо 4Б, выбирает самые трудные 4Б. Надо было закрыть КМС пятёркой «Б» — пошёл на Коштан по Симонику. Для тех, кто не знает: это очень трудный маршрут.

Толя не только спортсмен. Он организатор. Ведёт подготовку спортивных сборов, обеспечивает условия для выезда в горы всем ребятам, а в горах успешно руководит сборами. Толя — лидер и на восхождении и в коллективе при выездах в горы. И никакой звёздности, вождизма, важничанья. В общении такой же, как все. Хороший, заботливый товарищ. А вот что отличало, так это его душевная щедрость и доброта. Человеком он был симпатичным и обаятельным. Запанибрата не был, цену себе знал, конечно. Но никакого зазнайства. Всё естественно, всё по-простому, по-товарищески. Ездить с Винокуровым было интересно.

До занятий альпинизмом Толя был достаточно спортивным человеком. Занимался борьбой, лёгкой атлетикой. Первый раз поехал в альпинистский лагерь новичком по путёвке летом 1962 года. Это было в лагере Алибек, первым инструктором у него был Лёва Добровольский, известный впоследствии альпинист. Пока Лёва — молодой инструктор, второразрядник, а Толя постигает азы и получает значок «Альпинист СССР». Горы наверняка произвели на Винокурова впечатление, однако первая поездка продолжения не имела. После этого Винокуров в горы не ездил три сезона, четыре года. Вторая поездка у Толи состоялась в **1966 году**. После такого большого перерыва по всем правилам Толя считался новичком. Он приехал в альплагерь Уллугтау, где был принят в отделение значкистов. Значит, удалось сразу показать себя. Там он совершил положенные для значкистов восхождения и выполнил третий спортивный разряд. Сходил на такие двойки: Кичкидар, Тютюбаши, Виатау.

После 1966 года Толя ездит в горы ежегодно. Горы стали его жизнью. Смотрите, как стремительно он рос: 68 год — второй разряд, 69 год — первый разряд, 70 год — кандидат в мастера спорта (КМС).

В 1967 году чистый третьеразрядник Винокуров едет в Алибек на 30 дней. Тот сезон оказался не совсем удачным — непогода, дожди. Однако Толе удалось сделать пять восхождений, среди них две 3А и руководство 2Б. Теперь у него третий разряд с превышением (см. Беседы с Винокуровым, «Новичок и значкист»).

Перед сезоном **68 года** Толя, видимо, активно работал в секции, потому что летний сезон он проводит уже со своим коллективом. Образовалась группа из пяти человек: Винокуров, Наташа Ни, Витя Мерлис и ещё двое, все третьеразрядники, кроме Наташи Ни, у которой был второй разряд. Этих перспективных ребят включили в состав сбора областного «Труда», который проводился в тот год в Фанских горах в районе озера Искандеркуль, и где принимали второй разряд и выше. Включили с условием, что перед тем ребята выполняют нормы второго разряда. Для этого они поехали в а/л «Дугоба» по путёвкам. В Дугобе должны были закрыть вторые разряды, а затем, уже свежее испечёнными

второразрядниками, приехать к началу сбора в Фанских горах и там ходить. В «Дугобе» Толя ходил удачно: на 3А, на 3Б участником, на 3Б руководителем, выполнил нормы второго разряда и получил право участвовать в спортивных сборах. Остальные тоже выполнили второй разряд.

Воспоминания Винокурова о поездке в Фанские горы можно прочитать ниже (см. Беседы с Винокуровым, рассказ «Первый раз в Фанах»). А о лагере «Дугоба» Толя любил петь песню

Лагерь, заброшенный в горы,
Снизу шумит Дугоба...

В Фанских горах в этом году Толя прошёл пять троек, две 4А и одну 4Б. Представляете, какой скачок: в начале сезона приехал в «Дугобу» третьеразрядником с небольшим превышением, который до этого был в горах только два сезона и ходил на восхождения в группе с инструктором. Такой обычно считается начинающим малоопытным альпинистом. А в конце сезона уехал зрелым спортсменом, близко к первому разряду. В альпинизме первый разряд — это много, это значит, что человек приближается к вершинам мастерства.

Конечно, можно сказать, что перед сезоном 68 года Винокуров был альпинистом начинающим, но нельзя сказать, что он был малоопытным. Ему 33 года. Позади занятия спортом, которые дали ему физическую силу и выносливость. Позади трудовая жизнь, которая научила его общаться с людьми и самостоятельности. Скорее всего, именно тогда к нему пришло понимание гор, и именно тогда он скачком превратился из начинающего в зрелого альпиниста.

Для альпиниста важно уметь взаимодействовать с товарищами по группе, понимать горы и иметь ещё одно качество, которое раньше называли «реакция на высоту». Другими словами — не бояться в горах. Если эти главные качества есть, то в добавок к ним требуется целый ворох разнообразных знаний и умений: техника продвижения и страховка на различных рельефах, тактика, первая помощь, правильная оценка выбранного пути и т.д. и т.д. Всё это у Толи было.

В 1969 году Винокуров и Софья Ильинична едут на Тянь-Шань в район альплагеря «Ала-Арча». У Толи формально второй разряд, не позволяющий участвовать в восхождениях высших категорий. Это пока. В Ала-Арче Толя быстро выполняет нормативы первого разряда и начинает ходить на пятёрки.

В том сезоне Винокуров сделал руководства восхождениями на 3А, 4А, 4Б, сходил две 5А и одну 5Б участником. С этого времени Толя — лидер. И на восхождениях, которыми он руководил, и на восхождениях, где он был участником. Он и продумывает восхождение, и идёт первым. Пройденный их маршрут «Траверс

пика Свободная Корея с подъёмом по Северной стене» 5Б к.т. занял III место в заочных соревнованиях на первенство ЦС ДСО «Труд» по альпинизму. Винокуров, Андреев, Цемко, Подымов — первая Винокуровская команда.

За два сезона Винокуров проделал путь от третьеразрядника до альпиниста, совершившего восхождение высшей — 5Б категории трудности и участвовавшего в первенстве спортивного общества. Можно сказать, Винокуров достиг мастерства, осталось только серьёзными восхождениями подтвердить его.

В этом же году проявилась чисто Винокуровская черта: ходить на одну вершину по разным маршрутам до полного освоения. Толя совершил три восхождения на вершину Ак-Таш по путям 2Б, 4А (руководителем), 4Б (руководителем).

После сезона 1969 года у Винокурова первый спортивный разряд, и пройден маршрут 5Б — задел на разряд КМС (Кандидат в Мастера Спорта).

1970 год, Кавказ, район Узункол. Винокуров начинает ходить на стены. Верный своему правилу, он делает три восхождения на вершину Далар: по Восточному гребню 5А, по Северо-Восточному гребню 5Б, по Западной стене 5Б (руководителем). Восхождение на вершину Кирпич по 5А. Он лидер команды и забойщик на маршруте. На сложных восхождениях, когда группа поднимается по верёвкам, важно, кто идёт первым и прокладывает путь. Первым идёт Винокуров.

После всех восхождений в Узунколе у Толи до получения разряда КМС осталось пройти всего одну 5Б. Можно было бы, как делали многие, выбрать популярную и расхоженую 5Б, такую, как, например, пик Щуровского через Сурка, и ею закрыть КМС. Так делали многие. Экономно, надёжно, и ты КМС. Винокуров поступает иначе.

С небольшой группой он приезжает в район Безенги и совершает сложнейшее восхождение на вершину Коштан-тау по маршруту Симоника, тогда 5Б, теперь 6А. Восхождение, доступное не каждому мастеру. Представьте, приехали в новый район, в котором ни разу не были, причём такой сложный, как в Безенги. Там были 5Б попроще, хотя бы тот же Коштан по Калишевскому. Конечно, Винокурову необходимо было закрыть КМС, это давало определённые права: право идти на маршрут любой категории без ограничений, право руководить альпинистским мероприятием (с некоторыми ограничениями в части самовыпуска и т.д., все права в советском альпинизме имел мастер спорта). Но, как я понимаю, ещё важнее было пройти достойный маршрут. Он всегда выбирал по максимуму: Коштан, Фанские шестёрки, «Колодец».

Винокуров на этом восхождении и формальный и фактический руководитель. Восхождение совершалось в суровых

условиях, в плохую погоду, по обледенелым скалам. Винокуров идёт впереди и ведёт за собой команду. Винокуров — лидер, на нём ответственность не только за прокладку маршрута, но и за всю группу, за восхождение целиком.

1971 год, Кавказ, Цей. После тренировочного выхода на пик Николаева 3А, Винокуров с группой выходит сразу на 5Б — вершина Уилпата. А затем, как и в прошлом году, переезжают в Безенги, где делают восхождение на вершину Крумкол 6-й категории трудности. В то время эта стена считалась сложнейшей в Безенги. Маршруты шестой категории только-только ввели, и таких людей, которые прошли шестёрку, было мало. Толя об этом восхождении рассказывал: «Я так и лез. На одной ноге галоша, на другой — кошка (галоши — это признанная обувь скалолазов).

По умению, мастерству, по сложности пройденных маршрутов Винокуров 1970-71 годов соответствовал уровню Мастера Спорта. А во многом превышал этот уровень, однако сложилось так, что оформление затянулось на долгие годы. Звание МС ему будет присвоено только в 1978 году.

В 1972 году Винокуров, его жена МС Софья Ильинична в составе команды Московской области снова едут в район Алла-Арчи. Там они успели совершить сложное восхождение на пик Симагина. Но следующее запланированное восхождение не состоялось. А потом произошло расхождение с командой. В конфликте между Софьей Винокуровой и командой Толя стал на сторону жены. Винокуров с Соней остались вдвоём. В последующие годы ездили с другими коллективами. Об этом сказано в тексте у Сони и немного у Журздина. В 1975 году летом у Винокуровых родилась дочка Маша. В горы не ездили.

В 1976 году Винокуров начинает создавать новую команду. Поездка на Кавказ в альплагерь Уллуатау. «Я не расписывал планы восхождений и не обсуждал. Но в голове у меня план-то был» — как-то сказал он мне. В 76-82 годы Винокуров провел ряд удачных сборов в Фанских горах и на Кавказе. Вокруг Винокурова собирается много талантливых ребят. Быстро растут разряды у участников. До 76 года было два мастера спорта — Софья Винокурова и Наталья Ни (другие «областные» мастера ездили по лагерям). Теперь мастерами спорта становятся: Валерий Прокопенко, Анатолий Филиппович Винокуров, Виктор Петрович Мерлис, Женя Монаенков, Юра Джапаридзе, Лев Воробьёв. Ходят на сложные восхождения 5Б и 6 к.с. Стас Охрименко, Саша Карзанов, Борис Борисов, Юра Калагин, Миша Пархута и более молодые Коля Опойцев, Лёва Самсонов... В книге можно прочитать как мы жили ходили тогда.

В последующие годы Винокуров организует поездки, делает восхождения на Центральном Памире, на Юго-Западном Памире, в Фанах, в ущелье Каравшин, на Кавказе, в Альпах,

в Кордильерах и т.д. Его спортивное долголетие удивляет. 1994 год — восхождение по сложнейшему маршруту на пик 4810, 1997 год — восхождение на вершину Эль Капитан по маршруту Салате (США). Это в 62 года.

Об авторитете. Есть авторитет должности, есть авторитет личности. Если исключить ранние альпинистские годы, то в горы Винокуров всегда ездил руководителем. Начальником сборов, выпускающим, старшим тренером. Конечно, альпинисты выполняли бы его распоряжения в порядке дисциплины. Альпинисты — народ дисциплинированный, без дисциплины невозможна совместная деятельность на восхождении в обстановке риска для жизни. Не совсем как в армии на войне, но всё же.

Винокуров не опирался на авторитет должности, ему это было не надо. Те, кто ездил с ним не один год, знали, что всё, что он скажет, будет разумно, а те, кто был в команде впервые, быстро убеждались в этом. С Винокуровым никто не спорил. Потому что не возникало предмета спора. Все привыкли, что Винокуров опять окажется прав, и не пытались возражать. Если вспоминать команду 1978-82 годов, то надо сказать, что споры между ребятами возникали иногда. Когда подросли, стали мастерами или около, то почувствовали себя уверенней в отстаивании своей точки зрения. С Винокуровым не спорили, а между собой спорили. Винокуров молча смотрит, слушает, как кипят страсти, скажет цитатой из известного мультфильма: «Ребята, давайте жить дружно!» и отойдёт.

Руководство сбором у него проходило как бы само по себе. Возится у костра с маленькой Машей, которой три годика, или варит ей кашку и между делом говорит, кому что надо сделать, кому куда собираться. Удивительный талант. Словно заранее всё обдумал, хорошо запомнил и держит в памяти, осталось только вовремя сказать. Жизнь на сборах течёт естественно, дежурные готовят еду, группы собираются, набирают продукты, уходят и возвращаются. Проводятся разборы восхождений, тренеры, в том числе и Винокуров, дают рекомендации. Винокуров ходит на восхождения как всякий прочий участник. Вроде бы особо распоряжения и не нужны. А фактически жизнь организована, никаких упущений, все стороны в голове у Толи учтены.

Ребята это понимали и Толю как руководителя уважали. Другой бы распределил груз забот и обязанностей, а на себя взял координацию и контроль за делами. Но Толе с его уникальной головой проще было делать самому, у него получалось без надрыва, так что мы чувствовали себя на всём готовом. Жить на таком сборе было легко.

Несмотря на такое, казалось бы, вольное руководство, Толя хорошо понимал необходимость единоначалия и выражал это такими словами: «В каждом стаде баранов должен быть козёл».

Да, Толе свойственны были прозорливость и житейская мудрость. У него без усилий получалось представить суть ситуации, и это понимание позволяло ему предлагать верные решения. Бывали и промашки, когда принималось решение, все соглашались, а потом, задним умом, оказывалось, что можно было сделать разумнее. Но это редкие исключения. Винокуров не был вычислительной машиной, которая не ошибается. Был простым и естественным человеком, ошибался, конечно, только заметно реже других, и грубых ошибок не было.

Анатолий Филиппович был грамотным альпинистом. Четко понимал, как надо себя вести в горах и как обеспечивать безопасность. «Есть правила, и их надо выполнять. Нельзя нарушать», — говорил он и сам следовал этому, показывая пример другим. Вся альпинистская жизнь его прошла безаварийно. Хотя он понимал, что правила не гарантируют, а только повышают вероятность остаться целым. «Может быть, нам и повезло» — сказал он однажды.

Свои впечатления о пребывании в горах вместе с Винокуровым я изложил в данной книге (см. главу «В команде Винокурова»). Позвольте добавить ещё одно воспоминание о том времени.

Первое знакомство с Винокуровым. 1976 год. У меня был и есть старинный друг Валера Кравченко. С Соней Кравченко я был знаком сначала как с женой Валеры, потом как с бывшей женой Валеры. Знакомство с Соней было шапочным. На сборах в Улутуау 1976 года, куда Соня меня пригласила, я познакомился поближе и с ней и с её новым мужем Винокуровым. Приехали они с двумя детьми: с Галей Кравченко, школьницей, и с грудной Машей 11 месяцев.

На сборах было одно отделение первого разряда и несколько отделений второго разряда. Винокуров и Соня — руководители и тренеры. Интересно, что из тех многочисленных второразрядников с нами в дальнейшем ездил только Юра Калагин.

Семья Винокуровых жила в комнате без кроватей, спали на полу. Толя варил на примусе для Маши каши. Однажды Соня попробовала кашку, ей не понравилось, и она стала громко ругать Винокурова — зачем сварил невкусную кашу? Винокуров молчал, не сказал ни слова. Я удивлялся про себя: «Зачем кричать? Взяла бы и сама сварила вкусную кашку, а невкусную съели бы или выбросили».

Первая половина сборов была по лагерным путёвкам. Путёвок оказалось на две меньше, чем людей. Винокуров и Соня решили, что этими двумя «без путёвок» будут они. А не имея путёвок, они не имели права ходить на восхождения. Благородный поступок.

Началась вторая половина сборов, теперь все равны. Винокуров и Соня пошли на вершину Джайлык по стене, 5Б, в этой

группе был и я. Это моё первое восхождение с Винокуровым и Соней (смотри рассказ «В команде Винокурова»). Винокуров шёл первым, шёл сильно. Наблюдать за ним, идти с ним в группе было великолепной школой.

Заночевали на стене. На второй день Винокуров шёл так же мощно. Соня освоилась (ведь был перерыв после родов) и шла хорошо. На третий день спускались в жуткую непогоду. Винокуров проводил спуск блестяще: дюльфер всегда через два крюка, спуск всех, кроме последнего, с верхней страховкой. Никакой нервозности и торопливости. И прекрасно вела себя Соня. Активно работала, пела песни в этой круговерти.

О Толе и Соне. Моё отношение к Толе однозначное — бесконечное уважение. В отношении к Соне такой однозначности нет. Как говорить, много «за», есть и «против».

Соня по жизни, прежде всего, сильная спортсменка, можно сказать, выдающаяся альпинистка. Альпинизм, горы для неё — всё. Ради этого занятия, восхождений на горные вершины, готова была пожертвовать многим.

Смотрите. Все, цвет команды, и Соня в их числе, вернулись с шестёрок и пятёрок «Б», хотят отдохнуть, настроится на следующее восхождение. А второразрядникам нужны тройки для очередного разряда. И Соня сразу после своего восхождения охотно идёт с ними, ведёт на тройку или четвёрку, оставив в лагере маленькую Машу на попечение Винокурова...

Когда я начал ходить руководителем на 5Б и на шестёрки, то охотно брал Соню в группу. В те времена шестёрки считались пределом человеческих возможностей, а женщина всё-таки физически слабее мужика. Разумеется, Соня не могла тащить рюкзак как, например, Калагин или Винокуров, ей давали рюкзак немного полегче. Но Соня группу не ослабляла, потому что для руководителя она всегда была опорой в моральном плане. За что ей многое и прощалось. Иногда бывает настолько кисло, что ребята готовы сломаться, отказаться от восхождения и начать спуск. Соня тут же прекращала всякие колебания: «Да вы что! Только вверх! Никаких разговоров!». Насколько легче руководителю, когда не он приказывает, а гонит всех вверх участник, да ещё женщина! Впрочем, Соня с её великолепной физической подготовкой не ослабляла группу и по скорости движения.

Соня — человек искренний, открытый и энергичный. Ей хотелось, чтобы всё делалось правильно, по любви. Причём, правильно в её понимании. Несдержанная на язык, Соня начинала шуметь по делу и без дела, и остановить её было трудно. Не всем это нравилось. Объективности ради отмечу, что в подавляющем большинстве случаев выступления Сони на разборах и вообще относительно других ребят были разумны, может быть только

повышенно эмоциональны. Да, относительно других ребят, но только не относительно Винокурова, которого она критиковала на правах жены, что ли. Винокуров всегда молчал и ждал, когда Соня успокоится. Винокуров всегда молчал и ждал, когда Соня успокоится. На общую атмосферу сборов это влияло не сильно. Жили мы дружно, обаяние винокуровской личности углы сглаживало. Но время шло, и, в конце концов, Винокуров с Соней расстался.

В последний период жизни Винокуров ездил в горы с физтемами один или с новой женой Ириной.

А дом, который строил много лет, построить успел. Большой дом с двумя этажами, с отоплением и горячей водой, с камином. Там он мечтал жить с Ириной. Предусмотрел комнаты для дочерей Маши и Гали...

Внезапная и тяжёлая болезнь не сломила Винокурова. Он продолжал активно жить и работать, сохранил ясную голову до последних дней. Умер Анатолий Филиппович 23 декабря 2015 года. Урна с прахом похоронена на кладбище в Щелково (Мемориал), там, где могила матери...

Винокуров в 2005 году

*2013 год. Фрагмент будущего дома
и спина Анатолия Филипповича*

2013 год. Винокуров строит дом

КОМАНДА МОЛОДОСТИ НАШЕЙ...

Ю.О. Джапаридзе
*Джапаридзе Юрий
Отарович (Джип)
родился 23 июля 1947
года в городе Тбилиси.
Вырос и проживает
в городе Щелково,
Московской обл. Тре-
нер клуба «Романтик».
Окончил Институт
Физкультуры –
1983 и аспирантуру
МОГИФК по кафедре
лыжного спорта.
Альпинизмом зани-
мается с 1970 года.
Мастер спорта СССР
(1979).*

Всё дальше от нас времена нашей молодости. Стираются из памяти события, свидетелями и участниками которых мы были. Уходят из жизни наши друзья и наставники, которых мы любили и уважали. В то, далёкое уже время, никто и думать не мог, что эти счастливые времена закончатся. Казалось, мы будем вместе вечно — команда молодости нашей.

1975 год. Мы, альпинисты Московского областного труда, остались без своего куратора Рустема Георгиевича Шафеева. Человека, очень много сделавшего для развития Подмосковного альпинизма. Поэтому вместо совместных сборов все поодиночке или небольшими группами разъехались по разным альпинистским лагерям.

Распалась и основная команда, за плечами которой был ряд сложных восхождений, в том числе на Коштан по маршруту Симонника, Крумкол — маршрут Тимофеева, Даллар по Северной стене, маршрут на Свободную Корею по Северной стене. От прежней команды осталось два человека: Анатолий Винокуров и Виктор Мерлис.

Впереди был новый сезон 1976 года. Бессменный руководитель всех восхождений и лидер Московского областного альпинизма Винокуров по крохам начал создавать новую команду. Небольшой разношерстный коллектив альпинистов второго, первого разрядов и такие мастера дела как Анатолий Винокуров, Виктор Мерлис, Софья Винокурова отправились по путёвкам в Уллутау. Посчастливилось и мне, молодому перворазряднику быть среди первых членов новой команды и в дальнейшем быть свидетелем развития и становления мастерства. У Винокуровых было что-то не в порядке со спортивными документами. Они сидели в лагере. Поэтому основной состав выглядел так: Виктор Мерлис — ведущий спортсмен команды, Миша Пархута, Боря Борисов и я. С Борей я был не знаком. Он в первый раз был с нами в горах. На сборы он приехал после болезни, и его спортивная форма оставляла желать лучшего. Но чувствовалось, что это опытный альпинист с большими потенциальными возможностями. Поначалу у меня с ним не складывались отношения. Но постепенно совместные восхождения сглаживали острые углы и, в конце концов, мы даже сдружились.

В Уллутау нас благожелательно встретили Юрий Иванович Порохня и Ким Кириллович Зайцев, но проверку нашим

*Ю. О. Джпаридзе
после прохождения
«Колодца»*

возможностям устроили. Вначале на скалах, затем на тренировочном восхождении 5А на Тютюбаши. Маршрут интересен тем, что сразу с ледника начинается верёвка 6 категории сложности. Затем идут несложные скалы 3-4 категории. Готова команда к такому маршруту — пройдёт без ночёвки. Не готова команда — сразу уйдёт в лагерь, не теряя понапрасну время и силы. Я руководил восхождением и взял на себя лидерство, прошёл половину верёвки и застрял. Надо забить крюк, а некуда. Выручил Витя Мерлис. Я попросил его подойти ко мне и встать мне на плечи. Витя так и сделал, а потом залез и на голову. Пока он там шарил руками, ища зацепку, я стоял с трясущимися от напряжения ногами и головой. Великолепный скалолаз, он прошёл оставшуюся сложную часть верёвки, а дальше, как у нас говорят —

дорога. После этого восхождения нам сказали: «Куда хотите, туда можете идти».

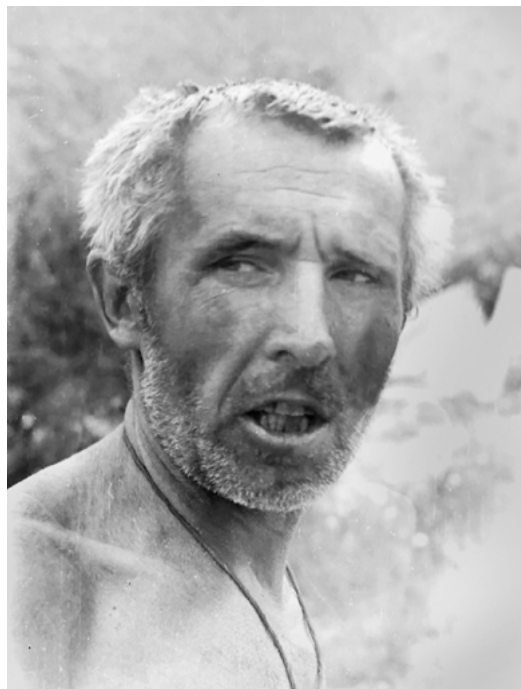
Сезон получился удачный. За 30 дней сходили Улутуа 5Б, в первый же день вышли под вершину, Джайлык 5Б и Тютюбаши 5Б, маршрут Хергиани (сейчас 6А), скалы были сильно обледенелыми, весь маршрут шли в кошках. Ну, кроме того, ещё 3Б и 5А, как тренировочные. В Чемпионате страны среди общества «Труд» заняли 3 призовое место.

Надо сказать, что команда, руководимая Толей Винокуровым, ходила всегда много и обязательно самые сложные восхождения района, в который мы приезжали. Цель наша, как говорил Винокуров: «Это себя зарекомендовать». Пройдя многолетнюю Винокуровскую школу, я с успехом пользовался этим принципом в своей работе с командой «Романтик» г.Щёлково и сборной командой Московской области. На отдых между восхождениями не более двух дней. Чем больше ходишь, тем увереннее чувствуешь себя на маршруте, тем безопаснее. Тренироваться надо дома в течение года, а в горах ты должен показывать всё своё мастерство. Акклиматизационный выход на маршрут 3 категории сложности, а потом уже основной маршрут. Так поступал Толя, так старался поступать и я.

В семидесятых годах советские альпинисты начали осваивать Фанские горы. Были пройдены маршруты на Чапдару, Бодхону, Зиндон, Мирали и т.д. За некоторые из них команды на Чемпионате СССР получали медали. Было принято решение:

сезон 1977 года провести в Фанах, в этом интересном скальном районе. Приехали опять по путёвкам в лагерь Артуч. Как и в Уллуатау начальник учебной части Тысячная устроила нам проверку и даже приставила инструктора на тренировочное восхождение. Пройдя все проверки, мы получили добро на выходы. Больше всего мне запомнилась вершина Диамар. Это первое моё восхождение в двойке с Борей Борисовым, которое и сейчас вспоминаю с удовольствием. Было какое то праздничное настроение. Прошли весь маршрут легко и быстро. Шли одновременно лазанием, с промежуточной крючьевой страховкой. Затем в двойке с Сергеем Андреевым проложили новый маршрут 5А на тот же Диамар. Итог 30 дневного сбора: 6 восхождений, 3 из которых новые маршруты 5Б категории трудности на вершины Мирали, Рудаки и Сарышах и одно 5А на Диамар.

Наконец, в следующем сезоне 1978 года появилась возможность не связываться с лагерем, а организовать свой собственный сбор. Выбрали район Аллудинских озёр в Фанских горах. Район отдаленный и мало посещаемый. В последнем селении наняли ишаков и сами с рюкзаками два дня «челночили» грузы. Надеваешь рюкзак, берёшь ишака с грузом и целый день под палящим солнцем идёшь до базового лагеря. Там оставляешь груз и назад. На следующий день всё повторяется сначала. Как всегда, Винокуров ставил задачу максимум — совершить вторые прохождения маршрутов, занявших на Чемпионате СССР золотые медали. Таковыми были Зиндон по маршруту Ю.Емельяненко и Чапдара по маршруту Монагарова. После тренировочного восхождения прошли шестёрку на Бодхону, затем шестёрку на Чапдару (маршрут Солонникова). После этих восхождений я пошёл руководить на Чимтаргу 5Б по юго-западному контрфорсу. А Толя Винокуров повёл команду на Зиндон. Золотой маршрут прошли очень быстро, с одной ночёвкой. Затем вышли на маршрут Монагарова. Эта команда (Монагарова) славилась тем, что умела быстро забивать шлямбурные крючья. Шлямбуры были забиты, где надо и не надо. Помню верёвку лазания, где шли, забивая крючья в прекрасную трещину. Рядом, метров в десяти, шла шлямбурная дорожка команды Монагарова. Мы ею специально не пользовались и полностью игнорировали.

*А. Ф. Винокуров
после прохождения
«Колодца»*

*Владимир Журздин
после прохождения
«Колодца»*

Под вершиной, когда уже все трудности были позади, набрали на брошенное командой Монагарова снаряжение: рюкзаки, верёвки, карабины и мешочек с шлямбурными крючьями. Часть верёвок забрали с собой, чтобы потом расплатиться ими за ишаков. В Фанских горах чисто скальные маршруты, сложны не только в техническом плане, но и отсутствием воды. Поэтому вес рюкзаков изрядно увеличивался, так как приходилось нести и воду. Но в условиях невыносимой жары и тяжёлой работы её всё равно не хватало. Помню как на ночёвке закрываешь глаза и видишь перед собой стакан с водой. Сезон принёс в мою копилку опыт: три шестёрки и одну 5Б. Толя Винокуров и Витя Мерлис прошли четыре шестёрки. В те времена столько сложных маршрутов за один сезон ни одна команда не ходила.

К сезону 1979 года готовились особенно тщательно. Предстоял первый очный Чемпионат СССР на Замин-Кароре или, как ещё называли этот массив, на Ягнобской стене. Заявку на участие в Чемпионате подали более десяти команд, в том числе и наша команда. Десяток команд на одной стене и все стартуют одновременно. Снизу, вероятно, захватывающее зрелище. Сбор было решено провести на том же месте, на Алаудинах.

Опять Винокуров ставил задачу максимум: проложить перед Чемпионатом новый маршрут на Чапдару по северо-восточной стене (Колодец). В 1974 году команда из Москвы под руководством Юрия Емельяненко заявляла эту стену на Чемпионат СССР, как основной маршрут. Запасным вариантом было первопроходные стены Зиндона. Но по каким-то причинам они отказались от основного маршрута, успешно прошли Зиндон и получили первое место на Чемпионате.

К тому времени сборная команда Московской области формировалась из представителей двух спортивных обществ: «Труд» и «Зенит». Состав оказался таким:

Анатолий Винокуров, МС – руководитель, «Труд»
Виктор Мерлис, МС, «Труд»
Владимир Журздин, МС, «Зенит»
Лев Воробьёв, КМС, «Зенит»
Евгений Монаенков, КМС, «Труд»
Юрий Джапаридзе, КМС, «Труд».

Эта же команда должна была участвовать и в Чемпионате СССР. Техническая сложность маршрута очень высокая. Все шестёрки в Фанских горах, пройденные мной, ни в какое сравнение с этой стеной не шли. Да и после, пройдя несколько шестёрок, включая 6Б, остаюсь при своём мнении — это один из самых сложных маршрутов в нашей современной Российской классификации маршрутов. Перепад стены более 800 м. Лёгких участков нет. Сразу начинается напряжённое лазание 5-6 категории. Всё осложнялось тем, что нижняя часть стены с десяти часов утра и до двух часов дня заливалась водой. Приходилось основную работу делать с утра, затем сидеть под полиэтиленом и ждать, когда солнце перестанет топить снег на крыше. Название «Колодец» себя оправдывало полностью. Иногда работали до 9 часов вечера.

Несчастье случилось на второй день восхождения. Камнем Володе Журздину выбило зубы. Пришлось делать уколы и накладывать повязку. В таких случаях команда должна непременно спускаться вниз. Володя опытный восходитель, к тому времени Мастер спорта, третий призёр Чемпионата СССР, проложивший шестёрочный маршрут на пик Джигит в Караколе, обладающий завидным мужеством и силой воли (эти его качества подтвердились в тот же год на Замин Кароре), настоял идти дальше. На этом восхождении Толя Винокуров проявил себя и как психолог. В какой-то момент вышли под нависания, за которыми не видно, куда идти дальше. Решили сидеть и ждать связи с наблюдателями, которые могли снизу посмотреть и подсказать дальнейший путь. Слева, по ходу движения, видна снежная косая полка, но видно, что после неё пути нет. Несмотря на это, Толя Винокуров говорит мне, чтобы я лез в направлении этой полки. Я удивился, там же нет дальнейшего пути. Страхovali прямо из палатки. Очень долго пролезал верёвку. Сделал станцию и хотел принимать второго, но снизу кричат, чтобы спускался вниз. Чертыхаясь «дюльфернул» вниз. А Толя уже собрался идти вправо по маршруту. Была связь, и наблюдатели посоветовали идти вправо. Как потом оказалось, он специально это сделал, потому что долго сидеть без дела нельзя, и если бы мы ещё немного просидели, то начали бы спускаться вниз. Моё казалось бы, бессмысленное

*Лев Воробьев
после прохождения
«Колодца»*

*Виктор Мерлис
после прохождения
«Колодца»*

лазание заставило всех работать и быть в напряжении, что в итоге спасло ситуацию. Если до середины стены мы страдали от большого количества воды, то во второй половине маршрута страдали от её недостатка. Запомнилось, как пошли с Винокуровым навешивать верёвки. Жара стояла невыносимая. Толя лез первым, я страховал, стоя в лесенках. Не было ни одного уступчика, чтобы можно было встать. Он проходил метров 10-15 и принимал меня. За день прошли не более 70-80 метров. В какой-то момент у меня так пересохло в горле, что я никак не мог проглотить слюну. Пытался это сделать, меня стошнило, нога соскочила с лесенки, и я повис, не выпуская страховочной верёвки из рук. Потом в палатке Толя говорил: «Как же это ты догадался, что меня надо было подтянуть».

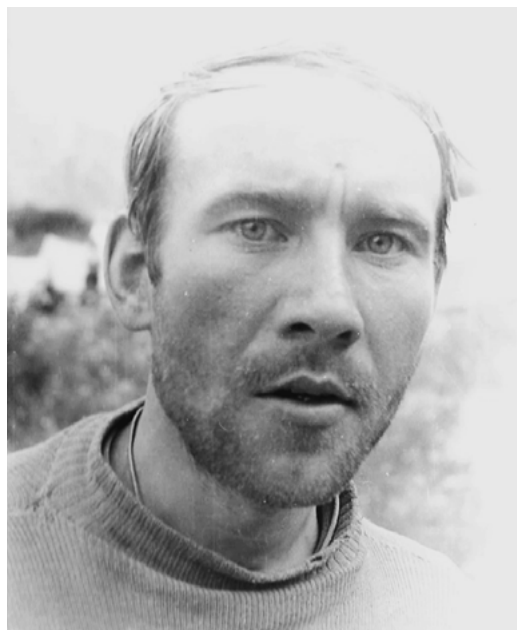
В то время было правило: шестую категорию сложности мог получить маршрут только если он был пройден в рамках Чемпионата страны. Наш маршрут, не участвуя ни в каких чемпионатах, был оценен как шестой категории сложности (подкатегорий А и В тогда не существовало). Через год или два узнаём, что он теперь 5Б. Оказалось, что обвал льда с крыши вершины прошёлся по маршруту. Маршрут посчитали опасным и на всякий случай понизили до 5Б, чтобы его больше не ходили. Кто пойдёт такой сложный маршрут за 5Б. Чиновники альпинизма забыли, что категорией определяется техническая сложность маршрута, а не опасность камнепада или льда. Если следовать этой логике, то многие существующие маршруты надо закрывать. Взять хотя бы маршруты на Шхару западную по северной стене или северную стену Мижирги, или Кюкюртлю. Можно долго перечислять. Маршрут не обвалился, как говорят некоторые. Он существует с 1979 года, стоит и ждёт своих восходителей, которые дадут ему свою оценку.

Как говорил Винокуров, надо всегда включать мозги и тщательно разрабатывать тактику восхождения. В дальнейшем, будучи руководителем сборов и многих сложных восхождений, я всегда старался следовать тем принципам, которые вложила в нас школа Анатолия Винокурова.

В этом же сезоне 1979 года нам предстояло восхождение в рамках первого очного Чемпионата СССР на Замин-Кароре (Ягнобской стене). Команды в течение сезона должны были заявить маршрут, который они выбрали на стене. Если маршруты

совпадали, то кидали жребий. Нам не повезло, присмотренный маршрут отошёл другой команде. Пошли запасной вариант, но тоже первопрохождение. До восхождения все команды отдавали судейской коллегии тактический план восхождения: нитка маршрута, количество дней, места ночёвок по дням и т.д. Всякое отклонение каралось штрафом. На этом восхождении Володе Журздину камнем сломало ребро и осколок проколол лёгкое. Видно этот сезон был не его. До верха оставался ещё день пути, и он лез по вертикальным верёвкам, несмотря на боль. Тактический план мы нарушили, не дошли до запланированной ночёвки две верёвки. В результате проиграли третьему месту меньше балла.

Следующий 1980 год получился у меня каким-то сумбурным. Я сильно опаздывал на сборы. Когда добрался до базового лагеря, команду не застал. Команда без меня уехала на Замин-Карор на восхождение. Сходил тренировочное восхождение. Затем пошёл руководителем на «Замок». Надо было Коле Опойцеву закрыть его первую 5Б. Пока ходили этот маршрут, команда вернулась из-под Замин-Карора и вышла на Бодхону по маршруту Влодарчика. Опять я пролетал с интересным восхождением. Толя Винокуров, Женя Монаенков, Боря Борисов и Юра Калагин были уже на стене. На «Замке» в это время шла наша двойка: Стас Охрименко и Дмитриев Толя по 5Б. Связи с ними не было. Меня и Льва Самсонова, тогда ещё второразрядника, послали понаблюдать за ними. Уже под стеной «Замка» видим, бежит вниз Софья Винокурова, и скрывается за поворотом, не замечая нас. Сразу мысль — что-то случилось. дождался связи с группой Винокурова. Толя сказал, что видели красную ракету на «Замке». Значит, там что-то произошло. Толя обрисовал примерное место на стене, откуда шёл сигнал. Договорились, что мы с Самсоновым пойдём вверх по маршруту навстречу группе. До полки, где находилась двойка, было веревки три. Верх перед выходом на полку закрывал карниз. Самсонов страхует, я лезу. Подошёл под карниз. Пробую справа. Вроде пошло, но в какой-то момент схватил «живой» камень. Перешёл в левую часть и всё-таки вышел на полку. Вначале страшная картина: лежит человек, и непонятно живой он или нет. Это был Дмитриев. Вдруг он заговорил, и сразу отлегло от сердца. Со Стасом организовали спуск по верёвке.

*Евгений Монаенков
после прохождения
«Колодца»*

К тому времени ребята спустились с Бодхоны и пришли на помощь. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Я включился в работу основной команды. После спасательных работ сходили шестёрку на Бодхону по маршруту Влодарчика. Но на этом эпопея спасательных работ не закончилась. На этой же горе, на этом же маршруте и на этом самом месте я побывал ещё раз. Пришло сообщение, что у «Зенитовской» команды, шедшей по этому маршруту на «Замок», заболел участник, и его нужно спускать. Второй раз я полез уже по знакомым скалам, но на полку не вылезал. Так как команда спускалась и могла скинуть камни, то от карниза до самого низа повесили верёвки.

Сбор походил к концу. Формировались группы, иногда с большим трудом. Надо было учитывать интересы всех. Не получалась группа на Чапдару, по маршруту Солонникова. Боря Борисов, Женя Монаенков, Соня Винокурова нужен был четвёртый. Ребята попросили меня идти с ними, хотя в позапрошлом сезоне я уже ходил этот маршрут. Я согласился. Это восхождение было моим кошмаром, которое я запомнил на всю жизнь. Заболел зуб. Болел очень странно. Если стоишь на месте, то всё нормально. Стоило пройти по перилам, возникала невыносимая боль. Правда, по перилам мы не ходили, а бегали, так учил Винокуров. Ты должен бежать, как 100 метровку. Прилетаешь на «станцию», стой и дыши, с тебя снимут рюкзак и организуют страховку другие, а ты дыши. Я съел все таблетки, какие были в нашей аптечке. Зуб меня так измучил, что когда вышли со стены на пологое место, у меня уже не было сил о чём-то думать. Я стоял не застрахованный на засыпной полке и в какой-то момент поехал с неё вниз. Спасибо Боре, он успел меня схватить. Уже на равнине пошёл к зубному врачу. Он ничего не нашёл. Что это было — загадка.

В дальнейшем сложилось так, что судьба меня разлучила с командой. Я решил уйти в самостоятельное «плавание». Работал инструктором в альплагере «Шхельда», руководил командой лагеря, участвующей в Чемпионате страны. В составе команды все ребята были из Минска: Стас Шабуня, с которым мы были на методическом сборе в 1979 году, Ачасов Олег, Саша Раготнер. Прошли Нахар, первопрохождение маршрута шестой категории сложности. Работал тренером-спасателем в международном альпинистском лагере на Памире. Закалка школы Винокурова позволила мне за один сезон сходить три семитысячника: пик Коммунизма, пик Корженевской, пик Ленина. Побывал ещё на одном семитысячнике, на Хан-Тенгри (вообще-то 6995 метров). Была неудачная попытка первопрохождения на пик Коммунизма. В 1993 году организовал детскую секцию альпинизма при Центре «Романтик» в г. Щёлково. В 55 лет вместе со своими воспитанниками второй

раз выполнил норматив Мастера спорта. И опять помогла школа Винокурова.

С Толей связь не прерывалась никогда. Он живо интересовался нашими делами, давал советы. В 2000 году он в составе команды «Романтик» прошёл шестерку на Даллар по Варбуртону. Ему тогда было 65 лет. В 2003 году съездили в Альпы, в Шамони. Там, мы в двойке с Толей прошли маршрут 5Б категории на Депенни. Это восхождение позволило ему стать чемпионом страны среди ветеранов.

От той команды, что проложила маршрут в 1979 году на Чапдару по «Колодцу», осталось три человека — Владимир Журздин, Евгений Монаенков и автор этих строк. Погиб в Крыму Витя Мерлис. Умер Лёва Воробьёв. Умер в декабре 2015 года и наш наставник, великолепный спортсмен и человек Анатолий Винокуров.

Анатолий Филиппович Винокуров родился в 1935 году. Образование высшее. Закончил аспирантуру МВТУ. Кандидат технических наук. Долгое время работал в должности главного конструктора на Щёлковском насосном заводе. В 1992 году организовал своё производство, которое успешно действует и сегодня. Насосы, выпускаемые на производстве, пользуются большим спросом, как у нас в стране, так и за рубежом. Анатолий Филиппович является автором многих разработок, на которые были получены патенты.

Под руководством и при участии Анатолия Винокурова было проложено много новых маршрутов высшей категории сложности. А восхождение на 4810 под руководством К.Сахарова, участником которого он был, признано одним из самых сложных. Многие годы бессменный организатор спортивных сборов и тренер, был лидером подмосковных альпинистов. Воспитал плеяду сильных спортсменов, мастеров своего дела. Тот опыт, те знания и навыки, полученные от Винокурова, являются для меня базовыми в подготовке новых поколений альпинистов.

РАССКАЗ О ВИНОКУРОВЕ

В. И. Журздин

Владимир Иосифович Журздин родился в 1937 году, мастер спорта с 1976 года. Живёт во Фрязино. Выпускник (1959 год) Московского энергетического института (МЭИ). Альпинизмом занимается с 1965 года (а/л Уллутая).

Винокуров начал заниматься альпинизмом, можно сказать, в 1966 году. А меня в секцию привела Наталья Ни. В то время Цемко, Подымов, Соня были на голову выше нас. Все мы принадлежали к спортивному обществу «Труд» Московской области.

В семьдесят четвёртом году мы разошлись с Винокуровым. Нас перевели в «Зенит». В 74-м я был ещё в «Труде». Джигит ходил, а в 75-м мы уже были в «Зените». Туда из «Труда» перевели оборонную часть предприятий. Винокуров остался в «Труде». Фирма «Исток» (Фрязино) ушла в «Зенит». В «Труде» остались подольские ребята.

Примечание. В чемпионате СССР 1974 года по классу технических восхождений: ...«Третье место присуждено восхождению на пик Джигит (Терской Алатау) по северной стене (5Б, первопрохождение), совершенному командой ДСО «Труд» (Московский областной совет) под руководством В.Журздина в составе Б.Калинычева, Е.Подымова, В.Прокопенко и Ю.Щеголева» /см. Победённые вершины, 1973-1974, стр. 207/Б.

С середины 70-х для альпинистов Московской области настали времена, когда сборы, соревнования, чемпионаты, короче, все спортивные мероприятия делились: год — профсоюзные (чемпионаты «Труда», «Зенита» и т.д.), а следующий год — споркомитетовские (чемпионаты области, города, республик и т.д.), когда и трудовцы и зенитовцы могли быть на общих сборах, участвовать вместе в одних соревнованиях.

Мы, «Труд» и «Зенит», ездили вместе как область. Он старший тренер, — я начспас. И наоборот бывало. В 78-м на Алаудинских озёрах были вместе. Он первый туда заехал, а я с вечера пошёл, около речки переночевал и рано утром пришёл на озёра. И мы с ним бумаги все взяли и через перевал в Артуч (на Куликолон). С Мумджи поговорили, оказывается мы оба из Самарканда. К вечеру пришли обратно.

1979 год

В 1979 мы вместе выступали в чемпионате СССР на Замин-Кароре (Ягнобской стене). Готовились. Филиппыч предложил мне слетать в мае под Ягноб вдвоём в разведку. В апреле или в мае прилетели в Самарканд, зашли к Мумджи Тимуру, он у брата жил. Переночевали у моего брата. Рано утром на местных автобусах,

битком набитых... Правда, рюкзаки у нас не очень большие были. Самарканд, Пенджикент, потом до Айни, до Верхнего Зеравшана и Ягноба. Там уже рядом стена. Переночевали у местного учителя. Я обычаи знал их, говорю, ночевать где хочешь можно. По дороге познакомились с учителем и пришли к нему домой. Переночевали, на утро подошли под Ягнобскую стену налегке, пощупали скалы. Порисовал я. Нашли маршрут, который хорошо бы пройти. Не стали задерживаться у стены и рванули сразу под Верхний Зеравшан. Там неширокое ущелье, обрамлённое холмами. Мы решили набрать мумиё. И с килограмм набрали чистого, хорошего мумия. Набрали, машиной доехали до Айни. В Айни сели в автобус, чтобы приехать в Пенджикент.

Толян говорит: «Слушай, пить охота». Я говорю: «Теперь уж терпи». «А я, — говорит, — сбегаю», и побежал. Водитель тут же, вжик, и поехал. Я ему кричу по-узбекски, что человек отстал. Он сразу остановился. Смотрю, бежит мой Филиппыч с пузатой бутылкою «Гамзы», болгарского вина. Бутылка вина на полтора или два литра. Он говорит: «Всё. Нам теперь хватит до Самарканда!». Приехали в Пенджикент, все автобусы уже ушли в Самарканд. Что делать? Мы расположились на площади, от которой отправлялись автобусы в Самарканд. Там тепло. Мы расстелились в уголке. Насколько тогда было всё спокойно! Часто люди предлагали зайти чаю попить, предлагали зайти к ним переночевать. Переночевали, рано утром в Самарканд рванули. Приехали в Самарканд, оставили брату немного мумия и улетели. Год был насыщенный.

Винокуров всё рассказывал мне: — Вот на Колодец пойдём. Такой маршрут! — Я говорю, — ну, ты просматривал? — Да, говорит, я просматривал...

Колодец, 1979 год

Команда была из шести человек. Лев Воробьёв и я из «Зенита», остальные из «Труда». Капитан Винокуров. Два старика (мы с Винокуровым) и молодёжь. Правда, Мерлис с 39 года, он промежуточный между нами и молодёжью. С Винокуровым мы ближе всего. В связке мы с ним.

...Мы с Монаенковым вышли чуть-чуть вперёд, потому что Мерлис запёрся куда-то в угол. Винокуров кричит ему: — Ну что ты туда полез? Чего тебе там надо? А потом: — Ну, ладно, пусть лазит.

...И мы с Монаенковым пошли. Ну, давай я, говорю, пойду. А там лилось. Чем Колодец отличался, это водой. Столько воды было! Я прошёл. Навесить пришлось верёвку так: там кар небольшой метра два высотой и метра полтора шириной, поток воды лился и закрывал весь этот кар. Я туда под водопад в кар залез,

там не капает почти что. Крюк ледовый замолотил в скалу и на верёвке спустился к Монаенкову, там метров десять было *(вверх лез по извилистой траектории, спустился по прямой. Мокрый весь был, замёрз, спирту дали)*. К нам с Монаенковым подошли остальные, расселись. Здесь мы сидя переночевали. Там была не площадка, а скальные пятнышки. Утром Джип пошёл по моей верёвке, потом я пошёл и верёвкой свалил на себя камушек. Камень ударил в рот. Один зуб вылетел, я выплюнул, другой — сюда. Винокуров потом рассказывал: «Он взял зуб и обратно втиснул». Вроде бы он прижился на какое-то время. Зуб. Так и шёл я с зубом.

...Верёвкой сбросил. Они выше сидели уже и принимали меня. Одну тянули, по второй я поднимался с зажимом. Две верёвки, как всегда... Видимо, было сотрясение, потому что у меня сознание поплыло. Говорю, ребята, не могу, отключаюсь. Рюкзак я снял, они вытянули его, через некоторое время я подошёл к ним. То ли дали выпить, то ли не дали в этот раз. Зуб — это ничего. Вот когда ребро сломалось на Ягнобе, это...

...На Колодце воды до самого верха. А вверху уже, я с больным зубом, схватился за выступ и на себя. Не полетел, ничего, прыгнул. Камушек спустил вниз.

...Винокуров дальше говорит: «Дай-ка я первый пойду». Предпоследний карниз, здоровый такой. Там Винокуров никому не доверил, пошёл сам. Куда бить крючья, он нашёл. Даже не пользовался шлямбуром. Под карниз, вправо, и вылез. Он мне всегда говорил: «Карнизы хорошо ходить». Я говорю: «Если силы есть, то можно». Он говорит: «Если карниз, то вверху должна быть или полка, или за что ухватиться можно. Лишь бы набить как следует крючья и вылезти наверх».

...Выше было и полегче и посуше до главного препятствия — этого длинного карниза. Там Винокуров пошёл (на шестой день). Уже, видимо, устали все. Молодежь как устанет, начинает сачковать, так мы считаем. Я полверёвки пролез. Винокуров говорит, это у тебя остаточное от зуба, дай я полезу. И он полез карниз. Долго лез. Под карниз подлез. Я говорю ему, тебе там хорошо, ни дождя, ни солнца. ...Если прямо идти, то там самое широкое место карниза. Он ушёл вправо метров на пятнадцать, всё это надо было пробить. Где стена примыкала к потолку карниза, он там забивал, какие-то щели были там. Он прошёл вдоль карниза и потом полез через карниз. Всё равно карниз был. Полез на лесенках. Я его держу, он бьёт крючья. Когда он вылез наверх, сразу забил станцию. Дальше, на мой взгляд, равнина была. К вечеру мы поднялись фактически на «крышу». Под утро у меня горняшка случилась. Мы там расположились как? Там углубления были. Каждый себе углубление нашёл. Крючья забили, привязались. Не помню, примус разводили — не разводили? Что-то попили. Я мало хватал горняшек, даже на семитысячниках не хватал,

а здесь, вот, схватил. Голова кружится, бессилие, думаешь, как бы не свалиться. Прошли вершину, приспустились, и я уже был в норме. На «крыше» было сухо.

...Шесть человек, одна палатка. У всех были пуховые штаны. Там не так холодно. Мы даже шли иногда в них (в штанах).

...Я не боюсь. Понимаю, что придётся много работать. Забывать крючья, держаться на малых зацепках. Я первый много ходил. Если у меня были Гладченко, Пенчук и Подымов, из них никто первым не ходит. Никто. Я это знаю, поэтому я всю стену иду первым. На Джигите я первым шёл, и чуть-чуть мне помог Валерка Прокопенко. Я его пускал там, где видел, что можно. Большую часть скального я там прошёл тоже, на Джигите. Валерка правильно там себя вёл...

После Колодца чемпионат СССР в том же составе. Чемпионат был очным на массиве Замин-Карор. Нам присудили четвёртое место.

На первой ночёвке мы на три дня застряли. Если бы здесь была одна ночёвка. Ну, максимум, две. В тактическом плане была вторая ночёвка как дополнительная. А мы три раза ночевали, нарушили тактический план. Там среди судей Стариков был, сказал, что если бы мы провели две ночи на первой ночёвке, а лучше одну, то нам бы дали третье место. Все прицепились к этим ночёвкам. Поначалу Винокуров всех пропускал вперёд, кто рвётся. Кто-то зашёл под карниз. Прямо под карнизом там сидели. По стене текла вода. Она текла как зеркало тонким-тонким слоем, мы её набирали тряпками. Первые, кто рвался, не прошли, он на второй день ещё кого-то пустил вперёд. У нас вперёд рвался обычно Мерлис, Джип как-то так не очень, но шёл он тоже. Монаенков не рвался. Вот там надо было бить <шлямбуры> побольше, чтобы быстрее выйти. Хотя бы одну ночь надо было сэкономить, а мы растранижирили. Пролезть то пролезли всё, но надо было не просто пролезть, ведь чемпионат был. Скорость не приветствовалась тогда, а приветствовалось соблюдение тактического плана, который заранее предоставляли судьям.

Маршрут этот серьёзным был. Правда, мы почти все сказали, что Колодец сильнее, когда был разбор с судьями. Может быть, это им тоже не понравилось (*«значит, путь, выбранный и пройденный вами, был не самый трудный»*). Здесь, на Замин-Кароре, сухо было. От жажды просто мучились. Собирали воду тряпками, выжимали.

...На чемпионате у меня два ребра сломало. Камнепад ночью пошёл. Мы уже прошли высоко. Заночевали. На одной полочке Винокуров полулёжа, я у него в ногах. Полка была длинная, лечь можно было. Когда камни застучали, я испугался не за себя, а за Винокурова, потому что он лежал без каски. Говорю: «Толян, где каска твоя?» Палатку брали, но куда её... Ещё хуже было бы

в палатке. Там, во-первых, тепло, а во-вторых, слишком мало места для палатки.

И как мне по ребру даст! Я говорю: «Ребята, за что мне это всё?» Они смеются. Но мы уже высоко были. Надо было мне решать (*спускаться или идти дальше*). Я говорю, если разгрузите, то пойду вверх. Говорят, нет вопроса. С рюкзаком идти я явно не мог. Да и так лезть тяжело было. Вертикальные верёвки. Я говорю, полезу вверх, но только без рюкзака. Они рюкзак мой распределили. Вверх лезть — дышать нельзя было, больно было. Мы всё-таки пошли вверх. Не пошли вниз. Судьям приврали, что камни мимо пролетели. Один камень Воробью пуховку разорвал. Джип вколот мне укол обезболивающий прямо через рубаху.

Когда мы были на озёрах, пришел Шатаев с новой женой. Винокуров его на плов пригласил. Мы этот плов с ним пытались сделать из того, что есть. Была тушёнка, морковь была, рис был. Что-то сделали. Плов был не лучший. Шатаев человек вежливый, покушал.

Ещё воспоминание. В 1979г. на сборе у нас был врач из больницы им. Склифосовского — профессор Вайс. Это был пожилой, но достаточно бодрый человек, «заразившийся» на Алаудинах альпинизмом и часто просивший Винокурова или меня сводить его на вершину 1-й категории трудности. И вот Филиппыч как-то говорит мне: «Давай сводим доктора на пик Северный по маршруту 2Б к.т.» До маршрута на «Колодец» оставалось 6-7 дней, и я согласился. Рано утром мы втроем начали подниматься на перевал Алаудин, а когда поднялись, увидели, что маршрут занят (крики и переклички на две веревки вверх). Док расстроился, а я тихо говорю: — Толян, давай поднимем доктора на противоположный гребешок и засчитаем ему «единичку». Док воспрянул духом, и мы двинулись с веревкой в связке на гребешок. Часа два мы его водили по гребню, после чего Филиппыч говорит доку: — Ну, поздравляем с первым восхождением. Док был очень доволен, глаза его сверкали — сходил в связке с двумя мастерами спорта на восхождение!

Чатын, 81 год

...Шли два параллельных маршрута. Вышли на «крышу» одновременно. Он (Толя) своих выпустил и я своих выпустил. А мы выходим последние. Он говорит: «Эти мои засранцы поесть не дали утром». А у меня в кармане что-то было, мне еду дали. Я с ним поделился. Наверху вылезли, темнеть начало. Девять человек, их четверо и нас пятеро: Бойко, Ефимов, Журздин, ещё двое (Васильев, Кукушкин). Залезли почти все в палатку. Кроме

Калагина и Бойко, наверное. У меня плащ был, я плащ отдал, чтобы они накрыли над входом. Наутро спустились на плато.

О разном

Как я стал инструктором. Нам разрешали сдавать экзамен экстерном. Потом давали одну смену отстажироваться. Я в Алибеке стажировался одну смену. И Винокуров не учился в школе (*инструкторов*). Он тоже экстерном.

...Тогда ездили с Шиловым. Женщинам мест не дали. Соня поехала по правилу: «Соня не женщина, Соня инструктор». Я с Шиловым не ездил. Ездил с Шафеевым и Поварнинным. Поварнин — профессор из Химико-Технологического.

Диалог в 2016-м

Соня. В 62-м он (Винокуров) просто поехал в горы со своими друзьями. И значок получил. В 66-м получил третий разряд. В 69-м он уже на пятёрку ходил. На Корею шли Винокуров, Андреев, Подымов, Цемко. Мы были в Алаарче. И Цемко был там.

Ж. Цемко чуть в тебя не запустил камнем. Ты шахматы задела.

Соня. Надо было дрова... А они сидят, в карты играют. Я возненавидела. Мы там жили в палатках.

Ж. Узункол, 70-й год. Тут я тоже был с ними. До того, года за два, я был в этом лагере просто участником. Приехали. Винокуров, Подымов, спрашивают: — Ну, кто тут был? Показывайте! Я показываю — это то-то, это то-то...

Соня. 72 год, Ала-Арча. Ходили на пик Симагина. Винокуров, Подымов, Мерлис, я. Они меня уронили. Стена, я полезла, и вдруг лечу вниз. А они хохочут. Крюк вывалился, за который они меня принимали. Погода была плохая, дул снег. Там угол, снег надуло в угол. И я прямо по вертикали в этот снег. Весело было. Потом Винокуров в одном месте сорвался. Довольно прилично. Симагин считается не легче Кореи.

В Фанах

(Продолжение рассказа Журдзина)

Мы с Винокуровым в последние годы... Говорит, давай сходим на Ботхону. Вдвоём. Я ему: я уже первый не хочу ходить. А он говорит, я пройду первый. А ты, говорит, будешь меня страховать. Пошли. Пролезли верёвки три-четыре. *(Это конец восьмидесятых)*. Там угол со льдом. Лёд натёчный. Я говорю, Толян, тут тебе кошки надо. Да я, говорит, попробую. Полез. Лезет, лезет. Как только он скрылся, метров пять верёвки всего истратил я. Прошло много времени. Для Винокурова это непозволительно так медленно идти. Я жду, молчу. Держу, крюк забит выше, еле видно. Он хороший крюк там заложил. Потом он говорит: «Володя, держи!» Я говорю: «Держу, не бойся», и он — вжжить — соскользнул.

Я его приспустил на крюке. Говорю: «Ну его на фиг», и он говорит: «Да, пошли вниз». Если бы раньше, когда я был моложе, я бы сказал, давай я попробую. А сейчас я ему ещё внизу сказал. А он: «Я пойду первым».

Как разошлись с Шафеевым

В 1972 году мы были все в «Труде», в это время отношения Филиппыча с Софьей кардинально поменялись («Да она же шпал» — было), теперь, помню, они вдвоём мне сообщили, что будут расписываться.

А до этого произошло полное расхождение их с Руستمом Шафеевым, с которым остались все из их команды: Подымов, Мерлис, Андреев — да, короче, все, кроме Винокуровых. Я в это время ещё «подростал» до их уровня и не стал ни на чью сторону, хотя Руستم уже поддерживал меня, как лидера (скорее будущего). В этих событиях свою роль «разлучницы» сыграла Софья: сильная альпинистка, инструктор, член команды Винокурова, она, тем не менее, своей взбалмошностью настроила против себя всю команду и даже Рустема... Были на сборах ребята, которые критиковали её (Наталья Ни, Ким Карашоков, Стас Охрименко, Цемко, Журздин и др.), но по-дружески. Старались понять. Она могла накричать на Филиппыча (она же жена, «имеет право!») на сборах, при всех... Это было её большой! ошибкой.

— *Винокуров уникальный человек. В чём, ты считаешь, уникальность?*

— Во-первых, он талантливый во всём почти. Что бы ни взялся, он может. И он очень человечный. Мы с ним были друзьями. Но друзья такие: мы по году могли пропускать. А когда собирались вместе, всё-таки даже в команде мы с ним были отдельно. Чуть-чуть, но отдельно. Мы уже соображали более по-старчески, а все остальные прислушивались. Они гордились, что могут пройти, что сильнее. Но мы тоже могли пройти. Особенно и не стремились, даже когда и по отдельности были, и когда вместе. Хотя я ему говорил, на чемпионате, вот прозеваем. Я ему как-то сказал это после первого дня: «Может быть, давай я пойду, или мы с тобой пойдём?» Он говорит: «Пусть наедятся, а мы с тобой завтра пойдём». Такой разговор был. Мы с ним по-человечески понимали друг друга.

...Я говорю жене: «Ты видела у него пальто кожаное? Это он сам сшил». Она: «Да брось ты. Надо же, талантище!». На всех биваках ботинки эти дурацкие. Уже старые, шьёт, прошивает.

...Оказывается, что он и хороший менеджер. Он был главным инженером и директором насосного завода.

Про первенство на Замин-Кароре

Мы поспорили со свердловчанами за этот маршрут. Был спор между нашими командами, им повезло. Жребий бросали. Там, среди судей, был Даутер, был Гена Стариков. Мы думали, что подскажут. А, может, и прозевали. Главное, что мы сами прозевали, когда три ночёвки на одном месте устроили.

Я ему говорю, давай мы с тобой пойдём. Он говорит: «Завтра». А завтра — это уже был третий день. И действительно, на третий день мы с ним пошли. Там уже ребята набили крючья, я сделал беседку и выпускал его. Он с трудом, с трудом, но пролез. Вытащили рюкзаки, потом рванули. Быстро пошли. «Три дня сидели-курили, а потом...».

Про восхождение женской командой на Чапдару в 1989

Сначала я выпускал их на пик Домашний 5А, это было в Аксу. Потом они ходили на Чапдару в чемпионате на следующий год. На Чапдару выпускал их уже Винокуров. Мы поехали в Аксу. Мне дали бумагу от Шатаева, что будет женский чемпионат, от четвёрок «Б» и далее.

Е.И. Монаенков

Монаенков Евгений Иванович родился 28.10.1949 в Подольске Московской области. Окончил технологический институт легкой промышленности. 1980-2000 годы – служил в МВД России. Полковник запаса. С 2005г. проживает в Екатеринбурге, работал в Главном управлении МЧС по Свердловской области, спасатель 1 класса.

Альпинизмом начал заниматься в 1967 году в секции альпинизма завода швейных машин им. М.И.Калинина, г. Подольск. Мастер спорта по альпинизму (1980), инструктор-методист 1 категории (1991), руководитель первого сбора «Спасение в горах» 2006 года, кавалер ордена «Эдельвейс».

НА СЕВЕРНОЙ СТЕНЕ ЧАТЫНА СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ФИЛЛИПPOBИЧА BИНОКУРОВА

Но очень скоро, может быть, завтра
наступит время новой встречи с друзьями,
после которой уже не будет дороги назад.
И скажу им, без сожаления покидая мир зла,
лжи, насилия и страданий:
– Здорово, ребята, я пришёл.

*А.А. Герасименко, полковник в отставке,
доктор технических наук, «Снежный барс»*

Сейчас, когда немного улеглась боль от потери близкого мне человека Винокурова Анатолия Филипповича, нашего старшего товарища, хорошего друга и партнера по совместным восхождениям на Кавказе, Памиро-Алае и на Юго-Западном Памире в составе подмосковной команды «Труд», где нами был пройден ряд шестерочных восхождений, хочу поделиться некоторыми своими воспоминаниями, которые проходили при моем участии.

Впервые моя встреча с Анатолием Филипповичем произошла в 1972 году весной в подмосковном Царицыно. Это была «Мекка» для тренировки альпинистов Москвы и Подмосковья на искусственно сложенных камнях под названием «Руины». Здесь, перед выездом в горы на отборочных соревнованиях по скалолазанию я занял первое место среди альпинистов-разрядников, приехавших из близлежащих городов Подольска, Фрязино, Щёлково, Мытищи, Электростали и др. Ко мне подошёл спортивного вида седой, коротко стриженный мужчина средних лет, представился. Немного поговорили о моих тренировках на скалах. Я сказал, что сам из Подольской альпсекции, а тренируюсь на скалах с ребятами за городом в известняковом карьере. Анатолий Филиппович как старший тренер пригласил меня на альпинистские сборы, которые должны были пройти в горах Киргизии в альпинистском лагере «Ала-Арча». Я дал согласие. С тех пор и практически до начала девяностых годов ежегодно выезжал на альпинистские сборы, где много ходили с ребятами на маршрутах различной категории сложности, совершенствуя свою альпинистскую квалификацию. Затем вместе с Анатолием Филипповичем участвовали в одной команде на различных первенствах по альпинизму. В 1980 году в Фанских горах в составе сборной команды «Труд», которой он руководил, мы прошли три маршрута шестой категории трудности на вершины Замин-Карор, Бодхона, Чапдара,

где я выполнил норматив «Мастера спорта СССР». К этому времени у нас уже сформировался стабильный и спортивный коллектив в составе: Виктора Мерлиса, Володи Журздина, Валеры Прокопенко, Юры Джапаридзе, Стаса Охрименко, Бори Борисова, Софьи Винокуровой, Юры Калагина, Николая Опойцева, Миши Пархуты и др., в котором Анатолий Филиппович как высококлассный спортсмен по праву занимал место ведущего тренера.

Большой спортивный интерес для нашей молодой команды в восьмидесятые годы представляли вершины, расположенные в небольшом узле Главного Кавказского хребта, окружающем высокогорное Ушбинское плато. Пик Щуровского, массив Чатына и главный массив Ушбы. Мне вспоминается одно из восхождений, совершенное в 1981 г. на вершину Чатын по Ромбу (маршруту А. Снесарева). По Ромбу северной стены пройдены маршруты, входящие в число тех труднейших маршрутов Кавказа, на которых альпинисты сдают экзамен на альпинистскую зрелость. Риск, и зачастую не малый, сопутствует сложным восхождениям. К тому времени и наша команда, благодаря Толяну, так запросто, но с большим уважением мы называли его между собой, была готова к прохождению таких сложных и опасных маршрутов.

Для участия в рамках Чемпионата СССР 1981 года в техническом классе нашей командой был заявлен маршрут на Северную Ушбу по Северо-восточной стене. В первых числах июля наш сбор в полном составе собрался на поляне «Улыбка Шхельды», где нужно было установить базовый лагерь, разместить наши семьи с женами и детьми и наладить по возможности быт.

Затем всем спортивным составом сбора был совершен акклиматизационный выход на вершину Бжедех по Северному гребню. И вот все готово к тренировочному перед участием в Чемпионате СССР выходу на вершину Чатын. Ещё дома при подготовке к этому восхождению взяли консультацию у Миши Конькова, который ходил этот маршрут. Он как бы в шутку посоветовал взять с собой гидрокостюмы, т.к. на маршруте днем сверху постоянно течёт вода. Шутку мы поняли, и взяли с собой всё новое снаряжение, изготовленное нами ещё зимой. Это двойной утепленный вибрам, непромокаемые анораки и бриджи, а также широкие накладки для защиты рюкзаков от снега и дождя. Маршрут выбран, тактика его прохождения обсуждена и одобрена. Крючья и короба, изготовленные Юрой Калагиным у себя в институте, опробованы, снаряжение подогнано, продукты уложены в кулечки по дням. Организационная часть закончена.

На общем собрании участников сбора было решено идти на стену двумя группами по разным маршрутам для визуального наблюдения и оказания помощи в случае непредвиденной ситуации. В этом весь Винокуров, который всегда настраивал нас, молодых и рьяных, на соблюдение мер безопасности для безаварийного

прохождения серьёзных маршрутов. Значительно сложнее с определением руководителей на восхождение и с составом групп (от избытка претендентов). Дело тягостное для всех, и решать его должен старший тренер сбора. Анатолий Филиппович никогда не зажимал молодых спортсменов и, по мере их готовности, всегда давал возможность руководства. В составе нашей группы из четырех человек руководителем был назначен кандидат в мастера спорта Юра Калагин, а участниками стали сам Винокуров, Коля Опойцев и автор этих строк. Другой группой «Зенита» руководил мастер спорта Володя Журздин (*этой группой руководил В.Ефимов. Участники: Журздин, Бойко, Васильев, Кукушкин/Б.*). Такие собрания старший тренер всегда проводил заблаговременно до выхода на маршруты, чтобы все успели осознать случившееся. Команде — начать готовить себя непосредственно к стене, а другим — к обязанностям членов спасотряда сбора для оказания своевременной экстренной помощи в случае необходимости.

До сих пор не могу забыть ту ситуацию, в которой оказался наш товарищ и мой давний напарник по связке мастер спорта Юра Джапаридзе. Ему не хватило места в команде, которая готовилась к Чемпионату Союза на Северную Ушбу. Дело в том, что по обоюдному согласию старших тренеров Анатолия Винокурова и Владимира Журздина команда была сформирована поровну из альпинистов Московского областного «Труда» и «Зенита», и для альпинистов общества «Труд», куда входил Юра, было всего четыре места. Законы соревнования жесткие, всего в команде восемь человек, а претендентов достаточно. Надо признать, что Юра стойко перенёс этот удар по самолюбию и, несмотря на это, не потерял связи с Винокуровым. И в дальнейшем на наших сборах всегда оставался одним из основных забойщиков на маршрутах, которые мы ходили.

Двумя командами мы вышли из базового лагеря на поляне «Улыбка Шхельды» и двинулись дальше к верховьям Шхельдинского ледника. Обогнув пик Щуровского, начали подъем в направлении снежной седловины перевала Ложный Чатын. С перевала благополучно спустились в верхний цирк ледника Чалаат. Перед нами предстал во всей своей мощи угольно-черный отвес Ромба, который не освещался солнцем, что делало его еще мрачней и угрюмей. Всё наше внимание устремлено к стене, на которой Винокуров показывает предполагаемый путь подъема. Вечером на биваке решаем, что пойдем стену без предварительной обработки, дабы не упустить хорошую погоду, которую нам обещали по радио.

На следующий день с раннего утра выходим. Чем ближе стена, тем больше желания прибавить темп, скорее подойти под неё. Преодолев бергшрунд, по крутому ледово-снежному склону поднимаемся в направлении косой Снесаревской полки.

Здесь собрались вместе. Связались, Винокуров — Калагин и Монаенков — Опойцев. По давно сложившейся традиции в первый день на маршруте начинает работать Толя Винокуров. А его фраза, что «Главное правильно начать, а там сам маршрут выведет в нужное место», навсегда оставалось моим принципом при хождении в горах.

Позвякивая крючьями на скалах, он по косой, прерываемой плитами и стенками заснеженной Снесаревской полке поднимается вверх-влево. Погода радуется, что вселяет в нас ещё одну долю оптимизма. Однако, чем теплее становится, тем больше воды начинает течь по скалам, и двигаться вверх становится намного сложнее. Слышим его голос и команды: «Выдай веревку. Закрепи. Еще выдай», и он движется вверх, всё уменьшаясь, сливаясь со стеной. Затем траверс по разрушенным трудным скалам под стенку. Калагин орет во всё горло, задрал голову, что осталось пять метров. Напряженно все ждем ответа. И слышим откуда-то сверху: «Перила готовы».

Стенной маршрут измеряется не количеством метров, а числом пройденных верёвок. В этот день, пройдя пять веревок, встали на небольшой наклонной полочке и стали готовить площадку для ночевки. Первая связка продолжила движение вверх по трудным разрушенным скалам и плитам. Достав из рюкзака палатку, я стал передавать её Коле Опойцеву в протянутые руки. Тут произошло невероятное: мы с ним упустили палатку. Она, развернувшись, полетела вниз в бергшруд, на прощанье взмахнув нам крылом как большая птица. Стоим в шоке и не знаем, что делать. Как двигаться дальше без палатки? По всем правилам надо было бы спускаться вниз, пока ещё не высоко поднялись. Ждём, пока спустятся на площадку Винокуров с Калагиным для принятия общего решения. Выслушав наше с Колей лепетание о том, что произошло, Юра обозвал нас чудаками на букву «М», и все вместе смотрим на Винокурова. А он как всегда без нервов, спокойно предлагает переночевать здесь, а завтра двигаться вверх, добавляя при этом: «Ну что мужики, снаряжения титанового наготовили, пошили новые пуховки, вибравы, анораки, плащи. Вот и проверим, какого оно качества». Да, только Толян мог одной фразой разрулить патовую ситуацию и внушить нам уверенность в успешном прохождении маршрута. Он всегда был готов взять на себя основную тяжесть (моральную ответственность) за наши жизни. Светлая ему память.

Надев на себя все свои запасные тёплые вещи, закутавшись в пуховки и плащи, натянув на ноги рюкзаки, а под «пятую точку» подложив пенополиуретановые коврики, приготовились к холодной ночевке. Завели примус «Фебус», поели горячего и напились чаю. В полудреме провели первую ночь на стене.

С утра погода начала хмуриться. Моя очередь идти вперед. Собрал всё необходимое, пошёл вверх по навешенным перилам, разогревая затекшие мышцы рук и ног. Намокшие скалы за ночь покрылись натечным льдом. Поднимаюсь по трудным углам, плитам в направлении скального карниза, который обхожу слева с применением ИТО и лесенок. На каждой веревке приходится чистить зацепки для пальцев от натечного льда, движение замедлилось. По крутому широкому трудному с живыми, замороженными камнями 50-метровому углу выхожу на косую заснеженную Абалаковскую полку, пересекающую Северную стену. На площадке нахожу старую алюминиевую ложку, оставшуюся от прежних восходителей. Видно, кто-то из них решил оставить здесь лишний груз. Радуюсь, что половину стены прошли. Готовлю перила. Кричу вниз, чтобы начинали движение.

Подо мной привычная картина. Черная стена, проектирующаяся на ледник внизу. На ней закреплены две веревки, проходящие от крюка к крюку, а в двадцати или тридцати метрах друг под другом на веревках работают ребята. Сверху вижу каску и две руки Анатолия Филипповича, который методично продвигает жумары по веревке или отыскивает зацепки. Он всегда по веревке старался идти вторым. Отсюда удобнее координировать действиями группы, чтобы вовремя подсказать ведущему путь наверх или вовремя сменить его при необходимости. Третьим поднимается Калагин, который тащит рюкзак, кучу крючьев и веревку. Замыкает движение Коля Опойцев, он молотком с цепью выбивает скальные крючья и короба.

Погода портится прямо на глазах, хотя во время работы на стене этого не замечаешь. На Абалаковской полке собрались все вместе. Стали готовиться к ночевке. Растянув над полкой по стене верёвку, навесили на неё сверху и закрепили карабинами два коврика, на них свои плащи, — получили закрытое пространство. Не люкс, но жить можно, а вторую веревку растянули под ноги. На полке расположились полулёжа по горизонтали друг за другом. У каждого в рюкзаке приготовленные заранее кулёчки с перекусом, расфасованными по дням восхождения. Заварили чай. Ночлег в таком состоянии на холодной и мокрой стене не восстанавливает силы. Полноценного отдыха нет, но и этому рады. Поэтому ещё внизу планировали каждый день обрабатывать с вечера как можно больший участок дальнейшего пути.

Ночью резко ухудшилась погода. Поднялся сильный ветер, дождь с мокрым снегом. И так всю ночь. Вода течет сверху по стене, затекая на полку и под нас, постепенно пропитывает влагой нашу одежду и особенно пуховое снаряжение. Рано утром Коля выглянул наружу и сообщил, что пришла зима. Посовещавшись, решили пока не выходить. Серьёзная схватка с природой требует огромного напряжения и высочайшего

коллективизма в команде, особенно когда одному приходится выходить в непогоду и работать, а другим сидеть на месте и ждать результата.

Как только немного рассвело, утепляюсь, напяливаю на себя все шерстяные вещи, т.к. намокшая шерсть все же согревает тело. Собираю снаряжение и выхожу из нашего укрытия в непогоду. Необходимо навесить хотя бы одну веревку при такой непогоде, чтобы на завтра был маленький задел для того, кто пойдет первым. Пройдя обработанный участок до карниза по обледенелой веревке, подхожу к внутреннему углу. Войти в него непросто, т.к. сверху с карниза льёт водопад — «маленькая Ниагара» прямо на каску. Деваться некуда, надеваю на каску капюшон и лезу под водопад. Скалы трудные, заглажены от постоянно текущей воды. Здесь вспомнил Мишу Конькова и его консультацию, он был прав. От воды, текущей в рукава, за шиворот и по веревке за пазуху, некуда деться. Промок почти насквозь и медленно замерзаю. Пройдя ещё по косо́й полке 20-25 метров до её раздвоения, нахожу под карнизом сухой участок и делаю станцию. Всё. Самый мокрый участок пройден. Завтра всем будет легче подниматься, хотя верёвки наверняка заледенеют. Чтобы совсем не замерзнуть, начал спускаться вниз к ребятам. Руки коченеют, одним словом, бьёт колотун. Спустился до них и тут же начал снимать с себя всю намокшую одежду. Ребята ждали с горячим чаем, плеснули туда спирту. Полегчало. Достали из рюкзаков свои сухие вещи и одели меня. Немного согрелся. Посоветались и решили ещё одну ночь провести на Абалаковской полке. К вечеру погода опять испортилась. Завьюжило. Ночь прошла беспокойно.

С раннего утра Винокуров всех тормозит: «Парни, здесь сидеть больше нельзя. Надо двигаться и только вверх». Начали собираться, но это не просто сделать на узкой полке. Попили чаю. Анатолий Филиппович берёт все необходимое и уходит вверх по перилам, своим жумаром очищая веревку ото льда. Оставшиеся собирают бивак с приютившей нас Абалаковской полки. Выбиваем крючья, за которые крепились верёвки, коврики, плащи и прочее снаряжение. Собрал рюкзаки, мы, по очереди, начинаем подъём. С утра достаточно прохладно и намело много снега. Прохождение обработанной части маршрута по обледенелой веревке с рюкзаками за спиной оказалось делом не простым и заняло много времени. Сильный ветер забрасывает в лицо снежную крупу. От последнего вчерашнего крюка, где была закреплена перильная веревка, связка Винокуров — Калагин начала дальнейшее движение вверх на 40-50 метров по очень трудным вертикальным плитам с использованием ИТО и лесенок. Обошли справа карниз и вышли под большой угол. По углу вверх по трудным разрушенным скалам 50-60 метров и по полкам подошли к расщелине. Вечерет. До выхода на «крышу»

еще не менее двух веревок. Погода не даёт расслабиться. Задул сильный ветер. Подмораживает.

Ребята приняли нас с Колей на маленькой полочке, где можно только стоять. Решаем, что делать дальше. Здесь ночевать вчетвером невозможно. Анатолий Филиппович предлагает мне подняться чуть вверх по расщелине и устроиться там с Колей друг под другом. Так и делаем. Внутри расщелины вырубает в льду два места для сидения. Набиваем крючьев для страховки, развешиваем рюкзаки и садимся на них. Внизу под нами Калагин стоя греет воду для чая. Перекусываем, у кого что осталось. По возможности утепляемся и закутываемся в плащи. Заснуть не получается, холодно, сидим в полудрёме. Винокуров и Калагин стоят коленями на рюкзаках. Я медленно сползаю вниз со своего сидения на рюкзаке и ногами упираюсь Коле в голову. Так, без сна, и промучились до трёх часов ночи. Очень холодно. Вся наша одежда отсырела и особо не греет. Впервые за эти дни видим звёзды на небе.

Наконец Анатолий Филиппович начинает всех тормошить и, чтобы согреться, предлагает громко петь песни. Начинаем орать во всё горло, что есть мочи. Мысль только одна, скорее бы наступило утро. А время движется очень медленно. Наконец стал светлеть горизонт. Чтобы согреться, Коля Опойцев разводит примус, держа его в своих руках. Топим лёд, который нарубили в расщелине, готовим чай. Всё делаем как в замедленном кино. Немного согрелись. Винокуров бьёт башмаками в стену, разогреваясь, готовясь к выходу. Надевает кошки, чтобы идти по обледенелым скалам. И опять, уже в который раз, берёт на себя основную тяжесть пути. Маршрут не даёт передышки. Толян поднимается вверх по трудным разрушенным обледенелым скалам две верёвки и по нависающей небольшой стенке выходит на «крышу» Ромба. Кричит нам вниз, что впереди дорога. Для нас это означает, что основная стена пройдена.

Начинает пригревать солнце и от скал идёт испарение. Двигаемся в тумане по крутому ледово-снежному склону и по скалам средней трудности до наклонной площадки. Здесь собрались все вместе, здесь можно спокойно стоять. Снимаем с себя всё лишнее снаряжение. Перекладываем рюкзаки, убираем лишние две верёвки и большую часть скальных крючьев, равномерно распределяя на всех оставшийся груз. При выстёгивании из карабина у Винокурова оборвалась тесёмка, страховавшая связку запасных шлямбурных крючьев. Провожаем их взглядом, как они вначале медленно, а затем, всё ускоряясь и скользя по скалам к краю стены, падают вниз. Никто из нас даже не дернулся, чтобы их как-то задержать. Мы настолько устали, что не было сил нагнуться или подставить хотя бы ногу, чтобы остановить падение крючьев. За время этого восхождения реакция у каждого

из нас притупилась. Идёт уже пятый день, как мы находимся на стене Чатына.

Надеваем кошки и самостоятельными связками поднимаемся по ледово-снежному склону. Впереди идёт Юра Калагин и аккуратно, не торопясь, закручивает ледобуры, а я стою на страховке, готовый двигаться по команде. Солнце греет всё сильнее. Одежда на нас парит. Глаза начинают слипаться, и одолевает сон. Вдруг судорожно зажимаю в руках верёвку, резко открываю глаза и вижу, что Юра стоит почти что на том же месте. Умом понимаю, что организм начинает расслабляться и это очень опасно. Натираю снегом лицо, чтобы немного освежиться. Смотрю вниз, наблюдая, как за нами медленно поднимается вторая связка. Продолжаем двигаться вверх по обледенелому кулуару и выходим на гребень-склон. Справа от нас слышны голоса наших друзей из команды «Зенита», которые прошли по правой части Северной стены по маршруту В.Граковича. Это добавляет нам оптимизма и прибавляет сил. Еще 1,5 – 2 часа работы по крутым заснеженным скалам средней трудности гребня и снежному склону выходим на Западный гребень. Затем по простым скалам поднимаемся на вершину Чатын, где нас уже ожидают ребята.

Нет слов, чтобы предать всю радость от встречи с ними, да ещё на такой горе. И невозможно объяснить словами счастье этих минут. Все девять человек стоим на площадке, вытоптанной в снегу на самой вершине. Кажется, что все неприятности уже позади. Вместе решаем проблему ночлега т.к. у нас нет палатки. Понимаем, что придётся провести эту ночь в одной «Памирке». Кое-как сидя, сложив ноги штабелем, все девять человек разместились внутри, а вот ноги Калагина остались снаружи. Немного поворчав, Юра привычно натягивает на ноги рюкзак и закрывает сверху плащом. Где бы ни стояла палатка, стоит в неё влезть, сразу чувствуешь себя как за каменной стеной. Какой ни какой, а всё-таки отдых. Говорить не хочется, а только пить. У всех пересохло в горле от сосулек и съеденного снега. Хорошо, что в запасе осталось немного бензина для примуса, чтобы растопить снег. Так и отпивались талой водой все по очереди. Готовим общий ужин из того, что осталось у каждого по карманам и в рюкзаках. Вечером начинает холодать. Снаружи градусов восемь-десять мороза, а это признак хорошей погоды на завтра для спуска вниз на Ушбинское плато. Последняя ночь на горе прошла в постоянном переключении ног: если тому, чьи ноги снизу, невольно было терпеть, он вытаскивал их и клал сверху. И так все по очереди.

Утром встаём поздно. Солнце освещает палатку, и с крыши начинает капать. Нужны большие усилия, чтобы собраться и снова двигаться вперёд. Но вот все в сборе, и надо начинать движение вниз. Связались по три человека. Наша связка это я, Винокуров и Журздин. Анатолий Филиппович предупреждает

всех об опасном месте на спуске при траверсе двадцатиметрового кулуара. Напоминает случай, когда на спуске с Чатына, при пересечении этого кулуара, сорвалась и улетела вниз двойка мастеров спорта Игоря Рощина и Ветрова. Первыми опасный участок прошли «Зенитовцы», а за ними перебрались и остальные. Внизу просматривается Ушбинское плато, но налетел туман и всё закрыл, ничего не видно. Решили подождать, когда туман растянется ветром, но как назло, ни ветерка. Как спускаться? Впереди нас в тумане шустро спускаются две наши связки. Решаем идти вниз на страховке в три такта, лицом к склону. Володя Журздин спускается первым аккуратно, не спешит. Осторожно идёт по следам. Слегка ворчим, поторапливая его, нервишки начинают шалить. Прошли одну верёвку, вторую, третью. Налетевший ветерок растянул туман. Вдруг слышим внизу ребячий хохот. Это они увидели такую картину, как почти перед самым плато, наша связка, страхуясь на 25-градусном склоне, спускается вниз в три такта, подняв пятые точки выше головы. Оглянувшись на их голоса мы, подобрав свободную верёвку, втроем уже бежим вниз по снежному склону к ожидающим нас товарищам. Восхождение закончено, но это ещё не конец. Надо спуститься вниз по Ушбинскому ледопаду, но всё-таки это уже не так сложно. А там внизу нас с нетерпением ждут наши близкие и друзья.

Вот так непросто прошло наше восхождение. И по прошествии времени я понимаю, что только присутствие в команде Анатолия Филипповича вселяло в нас чувство уверенности в своих силах, хотя какой-то элемент удачи, конечно, был, не отрицаю. А полагаться только на фортуна нам не приходилось, и победа над Северной стеной Чатына далась нам нелегко. Поднявшись на вершину, пройдя такой сложный и опасный путь, можно сказать словами Мориса Эрцога: «То, что мы сделали — это прекрасно».

Скажу к слову, что через несколько лет молодая команда альпинистов альпклуба МИФИ, оказавшаяся на этой стене в условиях резкого ухудшения погоды, когда трудности достигли критической величины, не смогла их преодолеть. Команда потеряла на этом маршруте трех человек. О чем писала газета «Комсомольская правда» от 18 ноября 1989 г.

Последняя моя встреча с Анатолием Филипповичем произошла в марте 2014 года. В пригороде Щёлково, на даче у нашего общего друга Юрия Отаровича Джапаридзе, собрались вместе: Володя Журздин, Анатолий Филиппович и я. Хорошо посидели. Много вспоминали о нашей спортивной молодости, совместных восхождениях и пели старые альпинистские песни. К сожалению, в последнее время Анатолий Филиппович сильно болел. Однако он успел показать мне свой, ещё недостроенный им дом на дачном участке. Хотел оставить его как память своим родным. Он всегда всё делал своими руками: будь то ремонт в квартире,

ремонт своей машины или что-то другое. В лихие девяностые годы, имея учёную степень кандидата технических наук, сумел организовать и наладить производство тяжёлых насосов. Эти изделия до настоящего времени пользуются большим спросом в народном хозяйстве. Однако тяжёлая болезнь не дала свершиться его дальнейшим планам.

Скоротечно проходит время, и вот нас всё меньше остаётся на этом свете из числа участников сборной команды областного «Труда». Год назад не стало Юры Калагина, Стаса Охрименко, Володи Ипполитова. И вот совсем недавно 24 декабря 2015 года ушёл из жизни прекрасный человек, Анатолий Филиппович Винокуров — высококлассный альпинист и тренер, лидер нашей команды, человек, вложивший в нас молодых свою любовь к горам. Он всегда говорил: «Только в горах каждый может испытать своё мужество, силу воли и свои скрытые возможности, о которых человек сам и не догадывается».

И пока мы ещё можем ходить в горах, в полной мере ощущать их дыхание и прикасаться к облакам, Анатолий Филиппович будет оставаться с нами в связке. Светлая ему память.

А.С.Седов

Седов Анатолий Сергеевич родился в 1942 году в Щелковском районе Московской области, окончил Политехнический институт, работал ведущим инженером НПО Исток, г.Фрязино.

ВОСПОМИНАНИЕ О МАКСИМАЛИСТЕ А.ВИНОКУРОВЕ

Филиппыч, Толя, Толян — Винокуров Анатолий Филиппович был по жизни многогранным человеком — максималист в любом деле.

В производстве, работая начальником КБ, защитил в «Бауманке» диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук по разработанной им уникальной конструкции насоса. Организовал свое дело по производству многофункциональных насосов. Имея успехи в науке и производстве, Анатолий Филиппович колоссальную часть своего времени посвятил альпинизму. Альпинизм был не просто увлечением. Это была яркая, насыщенная, богатая событиями часть его жизни, в которой он был магнитом, притягивавшим сильнейших альпинистов Подмосковья. И двух своих дочерей Филиппыч пытался привлечь к занятиям альпинизмом, но каждая из них пошла по жизни другим путем.

Филиппыча я знаю с далёкого 1966 года, когда он был главным судьёй соревнований альпинистов МОС ДСО «Труд» — весенняя сессия сдачи нормативов альпинистами Подмосковья на получение путёвки в горы за 33 рубля! На 20 дней. Это было на одном из островов Истринского водохранилища, куда перебрались на гребных баркасах. Он вместе с инструктором по альпинизму МОС ДСО «Труд» Ю.Шиловым блестяще организовал и провёл слёт альпинистов Подмосковья с завершающими аккордами гитары в его исполнении у костра.

Вспоминается его участие в соревнованиях по скалолазанию альпинистов ЦС ДСО «Труд» в Красноярске, где он в связке с Е.Подымовым сумел обойти по результату сильнейших альпинистов-скалолазов Москвы и СССР В.Онищенко и Б.Коршунова. Неоднократное участие в команде альпинистов-скалолазов Подмосковья в первенствах ЦС ДСО «Труд» и первенствах СССР по скалолазанию в Крыму характеризует его как спортсмена с отличной скальной подготовкой, что позволяло ему быть лидером восхождений в горах при сложнейших критических ситуациях. Об этом свидетельствует множество повторений «золотых» маршрутов чемпионатов СССР, совершенных его командой.

Одним из ярких моментов спортивной жизни команды Подмосковья был выигрыш бронзовых медалей чемпионата ЦС ДСО «Труд» по альпинизму в классе технически сложных восхождений. Команда Подмосковья на тот момент была первопроходцем

маршрута «Колодец» в Фанских горах на вершину Чапдара. Это Филиппыч выбрал маршрут, собрал команду из альпинистов Подмосковья, в которой были: А.Винокуров, В.Мерлис, В.Журздин, Ю.Джапаридзе, Е.Монаенков, Л.Воробьев.

Мне вспоминается эпизод майского выезда в Крым в район посёлка Новый Свет на гору Сокол. После очередного прохождения маршрута, загорая на пляже вместе со своей женой Софьей, Филиппыч готовился к экзамену по философии для поступления в аспирантуру. Софья в очередной раз заставляла его не отвлекаться, а заниматься подготовкой к экзамену. А он вдруг прервал читку вслух философского монолога. Лёжа на спине и глядя на стены горы Сокол, сказал: «Завтра пойдём вон по той щели под нависание, а там куда полезем, будет видно». В этом была его жизнь. Занимаясь чем-то иным, но не альпинизмом, он жил в альпинизме. Соня была его верной спутницей на многих сложнейших альпинистских маршрутах, которые прошла команда Подмосковья.

Практически мне не пришлось из-за своей раздвоенности — горы и вода, альпинизм и походы (с женой Надеждой на байдарках и плотах, где покорились многие реки, в том числе грозный Башкаус на Алтае) — ходить с ним классные маршруты в Больших горах в технически сложной классификации. Остановлюсь на двух моих восхождениях с его участием.

В далеких 70-х годах в а/л Узункол на Кавказе проходил сбор альпинистов Подмосковья, где Филиппыч, как инструктор-наблюдатель шел с нами (отделением) на гору Доломиты (Северн.) от озера вверх. В этом восхождении ярко проявился его максимализм. Узнав накануне вечером, что мы собираемся завтра по зеленым полкам выйти на широкую полку под ребром, сказал, что мы приехали сюда не по полкам ходить, а заниматься альпинизмом, и предложил начать маршрут не по полкам от озера, а по черным подтекам на скалах до широкой полки под ребром. На следующее утро мы начали движение от озера к черным скалам. В одном месте было сложное лазанье впереди идущего. Группа перед выходом на широкую полку остановилась на полочке. Поднявшись последним, Филиппыч по-хозяйски оглядел место нашей остановки и попросил одного из нас подняться с разрушенного холмика из камней, разворошил его до основания и достал проржавевшую банку десятилетней давности с запиской внутри (!), которую заложил П.Захаров, нынешний начальник а/л «Узункол» и первопроходец маршрута времен основания этого альпинистского лагеря. 10 лет альпинисты обходили по полкам этот тур, и мы бы обошли, но МАКСИМАЛИСТ А.Винокуров погнал нас по черным скалам.

Вспоминается наш майский выезд в Крым и восхождение в массиве «Форос» напротив стоянки у скалы «Парус». После

очередного восхождения на Яйлу через пещеру Филиппыч предложил пройти другой маршрут. В бинокль маршрут просматривался без верхней части. Не имея консультации по предполагаемому маршруту, а положившись на интуицию Филиппыча, что маршрут может быть интересным, мы на следующее утро, 30 апреля, были на маршруте. И пророчество Филиппыча сбылось. Мы втроем с Винокуровыми Толей и Соней просидели в верхней части маршрута перед щелью до сумерек и спустились к палатке.

Другие на месте Филиппыча, может, и не полезли бы вновь на этот маршрут, но останавливаться перед трудностями не в его правилах альпинистской жизни. Повторно, 2 мая, маршрут был пройден, двойкой А.Винокуров — А.Седов. Как оказалось потом, этот маршрут имел название «Щель Бершова».

Одна из основных черт альпинистского мастерства А.Винокурова — это безаварийность. И не только на Крымских маршрутах. Безаварийность просматривалась и в больших горах, где оттачивалось мастерство участников сборов по подбору состава спортивных групп, их оснащенности, тактике восхождения. Перечисленное помогало его команде провести в горах много сезонов и не потерять ни одного альпиниста, что высоко ценится в спортивной среде.

Вспоминается восхождение с Филиппычем в Итальянских Альпах — Доломитах. Этот маршрут с юга на центральную вершину «Drai-Ziny» считается интересным и часто посещаем. Проспав выезд не по своей вине, вышли на маршрут в десять утра вместо шести, вышли втроем: Анатолий Винокуров, Дима Гешкенбейн и Анатолий Седов. В памяти четко осталось: подошли к началу маршрута, а он начался со сложного лазанья, подобно части маршрута на скале Крестовая в Крыму (первенство СССР 1965 г., когда чемпионом стал М. Хергиани). Этот участок Филиппыч проходит свободным лазаньем, хотя на тот момент ему шел 70-ый год. Его чутье по нахождению правильного (проходимого) маршрута всегда поражало многих.

Из-за позднего выхода на маршрут мы в сумерках поднялись на вершину, выпили НЗ (600 гр. энергетического напитка, который накануне вечером приготовил Дима) — остальной перекуса в выездной суете был забыт в кемпинге под Кортина д'Ампеццо.

Вечер выдался очень холодным, и Филиппыч с фразой «Мы здесь ночью околеем» приступил к поиску начала спуска. Луна не освещала стену, и пять дюльферов сразу с вершины проходили в темноте, при двух налобных фонарях. Первым спустился Филиппыч. Дима спускался последним. Здесь надо сказать несколько слов о «буржухах альпинистского мира Западной Европы». Они продумывают по передвижению в горах почти все. При подъеме по маршруту на станциях я обратил внимание, что в скале рядом со старым, потемневшим от времени

страховочным кольцом, который надежно простоит еще десятки лет, вмонтирован, как будто вчера, блестящий «бублик» со свободным вращением. Думаю, зачем? А жизнь показала, что такие блестящие «бублики» очень нужны. В темноте под лучами фонаря они сверкают, что указывает на продолжение спуска.

То наше восхождение длилось 20 часов вместе со спуском по крутому замерзшему снежнику. Филиппыч превосходно в своем семидесятилетии прошел этот маршрут. Его уверенность, советы в выборе направления движения помогли безошибочно покорить этот маршрут.

Не могу не вспомнить поездки, организованные с его участием к альпинистам города Дубна — спасибо им за неоднократные приглашения на их базу на берегу Московского моря за грибами или поездки за клюквой. Все эти поездки по окончании летнего альпинистского сезона сопровождалось песнопением под гитару: в первом случае на берегу водохранилища у костра, а во втором — на одной из квартир Дубнинских альпинистов, чаще у В.Шатилова. Посиделки заканчивались под утро, где звучали и аккорды гитары Филиппыча. А уже было пора уйти за грибами или отъезжать на машинах за клюквой...

Любому делу Филиппыч отдавался полностью, без остатка, чем бы ни занимался. К примеру, при строительстве дачи абсолютно все работы он выполнял своими руками: и рытье котлована и затаскивание шестиметровых балок с сечением 200 мм на 250 мм на 2-ой этаж, монтаж электропроводки и отопления, все, что необходимо для комфортного проживания.

Можно писать и вспоминать о нем до бесконечности... Это неоднократные забросы сборов под его руководством на Алаудинские и Куликолонские озера в Фанских горах с последующими запоминающимися восхождениями. Восхождения на стену 4810 в Таджикистане, на маршрутах, в которых он провел 39 дней. Не боясь ответственности, впервые в СССР после трагедии с женской командой сильнейших альпинисток СССР на склонах пика Ленина он уверенно выпустил на самый сложный многодневный маршрут Кустовского на Чапдаре (Фаны) женскую команду подмосковных альпинисток, в подготовке которых была и его частичка альпинистского мастерства.

В памяти остались его поездки с семьей в Протвино на берег реки Протва, где стоят развалины старой мельницы — место неоднократно проводимых соревнований первенств Московской области по скалолазанию. Филиппыч и здесь показывал себя надежным скалолазом, ни разу не сорвавшись, заканчивал маршруты пусть не первым, но впереди многих более молодых спортсменов.

А чего стоит организованная им поездка на заре активного становления альпинизма в Подмоскowie в Парамонов овраг

под Яхромой на соревнования по горнолыжному двоеборью альпинистов Москвы с экзотичными ночевками в полуразрушенной бане.

А как не вспомнить действия А.Винокурова как капитана команды?! В том далеком 1974-м столкнулись интересы его команды Подмосковья с командой-представителем Урала, возглавляемой А.Рябухиным, которые выбрали в первенстве ЦС ДСО «Труд» «золотой» маршрут Мышляева по центру на вершину «Свободная Корея» (Это было в 1972 году).

Как порой говорят в жизни: в победе все правила хороши. Наша команда имела преимущество по времени перед командой уральцев первыми выйти на заявленный маршрут. Поскольку приехали в а/л Алла-Арча — район, где расположена заявленная вершина, раньше рябухинцев, и до их приезда в непогоду блестяще прошли тренировочный «золотой» маршрут Симагина на вершину Малая Корея.

Я в момент выхода команды Подмосковья на выбранный маршрут оказался соучастником её снятия с маршрута, т.к. был наблюдателем команды и один находился на верхних ночевках напротив вершины Свободная Корея. Там же стояли несколько палаток спортсменов, отдохавших внизу, в том числе ушедшая накануне вниз команда Рябухина после тренировочного восхождения. Врач команды уральцев, консультировавший А.Винокурова по травме одного из членов его команды В. Мерлиса, не высказал опасения, что этот спортсмен не может идти на вершину. В момент консультации присутствовал и капитан уральцев — А.Рябухин.

Интриги есть и в спорте. А.Рябухин воспользовался полученной информацией о травме нашего спортсмена, чтобы снять с маршрута конкурента и оказаться в очереди на восхождение первым. На утренней связи с КСП района я получил радиотелеграмму, где предлагалось нашей команде спуститься в лагерь для медосмотра перед выходом на заявленный маршрут.

После получения телеграммы я подошел под стену, где Стас Охрименко уже обрабатывал вторую веревку ледово-снежного склона стены Свободной Кореи. На вопрос Филиппыча, что там? — пересказал текст телеграммы. По содержанию было ясно — команда снималась с маршрута по причине травмы руки одного из участников команды. О ТРАВМЕ ЗНАЛА ТОЛЬКО КОМАНДА СОПЕРНИКОВ. Трудно передать текстом, что пришлось мне услышать, особенно от Сони Винокуровой, но здесь проявилась личность капитана команды — Филиппыча, который после бурного обсуждения сложившейся ситуации вынес вердикт — ВОЗВРАЩАЕМСЯ ВНИЗ. За этой фразой стояло многое, но он, как Капитан с большой буквы произнес ее осознанно. Друзья-альпинисты его поняли.

О Винокурове Анатолии Филипповиче можно вспоминать долго, перебирая эпизоды его альпинистских будней и повседневной жизни. От полутора до двух десятков альпинистов Подмосковья благодарны ему, бессребренику, в присвоении им звания мастеров спорта СССР по альпинизму. И что они скажут свое слово о его жизни, не забывая восхождения в национальных парках США и Европы?

С.И. Винокурова

Софья Ильинична Винокурова (в девичестве Усова) родилась 27 июня 1938 года в Белоруссии. Окончила Сибирский Госуниверситет телекоммуникаций и информатики (1957-1962). С 1964 года живёт и работает в г. Фрязино Московской области. Научный сотрудник. Альпинизмом занимается с 1957 года. Мастер спорта по альпинизму (1970). Инструктор альпинизма с 1964 года.

АЛЬПИНИСТ АНАТОЛИЙ ВИНОКУРОВ

Ранние годы

Мать у него из интеллигентной семьи. Отец у матери, дед Анатолия, до революции был Мировым судьей, не знаю в каком городе, наверное, в Курске. Толян мне говорил, что мать его родила в 29 лет, значит, она с 1907 года. После революции старший брат матери уехал в Щёлково. Потом, в те трудные времена, её туда позвал. Она жила в бараках около железнодорожной станции Щёлково. Звали её Мария Николаевна Винокурова. Эта фамилия по её отцу. У Толи фамилия по матери.

Начала работать. Вышла замуж. Фамилия мужа была Колесников. Родился сын, первый ребёнок, он умер. Следующим родился Толя. Этот Колесников был специалистом по энергосетям. Когда Толя родился, отец уехал в командировку в Сибирь и не вернулся. Никаких известий от него не было. Толя отца не знал.

Мать работала на станках на Каланчёвке. Там было производство. Во время войны поезда ходили редко, и она частенько шла пешком из Москвы до Щёлкова. Наварит сыну щей или борща, или какого супа большую кастрюлю, и опять на работу. Потому что война. Он питался этим супом 2-3 дня. Завтрак, обед и ужин. Ему было 6-8 лет тогда. С тех пор он такой самостоятельный. Умеет готовить и всё делать. А может, просто такой ловкий родился.

Он сильно болел в детстве. Простужался. Однажды лежал в больнице с двухсторонним воспалением лёгких. Мать где-то достала шоколадку — это во время войны-то! — и в окно показывает. Всю жизнь помнил это счастье. Он выздоровел, а был безнадежный ребёнок. Винокуров любил шоколад с тех пор. Есть фотография, где он маленький, сидит с гармошкой, в костюмчике, второй — третий класс. Он и на гитаре сам научился играть.

Школа-семилетка, техникум. После окончания техникума он один год отработал на каком-то секретном заводе на Урале. Искал отца и не нашел. Может, несчастный случай? Никто ничего не знал.

Вернувшись домой в Щёлково, преподавал начерталку. А потом пошел работать на насосный завод — дядя его с детства к индустрии приучил. И поступил во Всесоюзный заочный политехнический институт по специальности «Технология машиностроения, металлорежущие станки и инструменты». В институте он учился долго. Семья, работа в конструкторском бюро завода,

потом главным конструктором завода, спорт.

Попутно занимался научной работой по насосам. После окончания института преподаватель МВТУ им. Баумана доктор технических наук Байбаков пригласил его к себе в аспирантуру. Они нашли в работе насосов какую-то новую силу (он мне объяснял, но я забыла), и все основное для диссертации было готово, но вот надо было еще сдавать экзамены по английскому и по философии. Пришлось еще год поучиться в Вечернем университете марксизма-ленинизма. Всё-таки защитился он сразу, без всяких продлений сроков. На Толяна действовал закон — чем труднее задача, тем лучше и быстрее он с ней справлялся. И это во всем.

Винокуров в детстве

...У него была девушка Лида. Она была спортсменка, мастер спорта по лыжам. А Винокуров занимался самбо и весьма успешно — имел 1-й разряд. На областных соревнованиях в схватке с соперником Толян так терпел, не сдаваясь, что у него выскочило плечо из сумки. Чтобы вставить, ему сделали операцию — настолько были «железные» мышцы. Намучился он с этим делом.

Спортивные сборы часто проводили в Мамонтовке, где они и познакомились. В 1961 или в 62 году они поженились. У нее уже пять месяцев беременности было. Может хотел, может не хотел. Но уже ребенок. Хотя трудно представить, чтобы Винокуров что-либо без любви делал. И они жили в этом бараке, где мама Винокурова жила. У матери Лиды на станции Воронок частный дом был с сарайчиком для хозяйства. И теща частенько просила его что-нибудь подладить, подстроить.

Родился сын Костя. Толян рассказывал, что Костю он носил в ясельки подмышкой по пути на работу. В семилетнем возрасте брал его с собой при поездке в Крым на скалы. Толян был очень заботливым и нежным отцом.

Мать пришла из бани в 1963 году и скоропостижно скончалась, гипертония. Такую жизнь прожить... Ей было 56 лет...

А любовь? Да-а-а. Она неожиданна. Потому что к тому моменту, когда она непреодолимо возникла, у меня и у него в этом отношении все было благополучно и никакой необходимости в ней не было.

Немного истории

Я начала заниматься альпинизмом сразу после поступления в Сибирский Госуниверситет телекоммуникаций и информатики

в 1957 году. На зимних сборах академгородка в Чимбулаке познакомились с приехавшим на защиту диссертации Валерой Кравченко. Мы с ним в одной группе ходили на ЗБ и в большой мороз ночевали на вершине без теплых вещей, но в палатке. Это было на ноябрьские праздники в 1963 году. После поездки было назначено свидание, а на Новый 1964 год мы поженились. Валера защитился, и ему надо было уезжать в Москву. А я еще оставалась в Новосибирске, так как получила путевку на лето в школу инструкторов А.С.Угарова на базе а/л Талгар.

В общем, к осени 1964 года, времени моего переезда в Москву, а точнее во Фрязино, имела почти 1-й разряд по альпинизму, 1-й разряд по лыжам и законченную школу инструкторов.

В 1965 году у нас с Валерой родилась дочка Галина. В 1966 году зимой бегала во всех лыжных соревнованиях за команду В.Божукова (за спортобщество «Буревестник»). В марте отстажировалась в а/л Уллу-Тау. Весной ездила в Царицыно на тренировки, которые проводил А.А.Снесарев. Андрей Андреевич был творческий человек — доктор наук и выдающийся спортсмен. Восхождения Снесарева и Мышляева на Чатын по Ромбу в 1959 году считаются началом спортивного альпинизма в СССР. Мы восхищались его тренировками. Они были необычными и интересными.

Тогда же, весной 1966 г., познакомилась с Фрязинской альпсекцией, которой очень успешно руководил Володя Ипполитов. Секция входила в ДСО «Труд» Московской области. Каждую неделю мы ездили на собрания в Москву в Московский областной «Труд», который размещался в подвале одного из домов около метро Добрынинская. На собраниях решались все организационные вопросы: чья секция и в какой выходной проводит соревнования — зимой лыжные, весной, летом и осенью всяческие слеты, где соревновались в кроссах и сдавали нормативы; распределялись путевки, вопросы со сборами и т.д. Тренировки в секциях проводились не реже двух раз в неделю. На тренировке бегали и лазали по деревьям (на дубах).

В выходные дни обязательно ездили в Царицыно. В Царицынском парке лазали по возведенному, но не законченному Екатерининской Второй дворцу и остальным постройкам. Особенно подходила, как будто специально построенная для лазания, башня «Руины». На замке (во дворце) и на башне было придумано и пройдено множество маршрутов. Дворец был огромный, да и Руины не маленькие, и места хватало на всю альпинистскую Москву и область. Там же и соревнования проводили по скалолазанию.

Парк сам по себе прекрасное место: вековые липы стоят стеной на огромной площади, неожиданно возникающие среди деревьев на возвышенностях беседки и мостики в стиле тех

времен, в нижней части парка поблескивают пруды, пересеченка с множеством спусков-подъемов — идеальное место для кроссов любой протяженности. И дальше за парком еще можно сколько хочешь бегать вдоль уходящих вдаль оврагов.

В нашей Фрязинской секции одновременно со мной появился Николай Цемко, тоже инструктор. До этого он занимался в альпсекции МЭИ. С Колей мы познакомились в электричке при первой же поездке его и моей на собрание на Добрынинскую. И впоследствии мы часто ездили вместе на собрания и в Царицыно на тренировки. При возвращении домой в электричке уплетали почти горячий измайловский хлеб. Он был такой вкусный.

Летом 1966 г. организовали сборы области в Домбае в а/л «Красная звезда», руководил Снесарев А.А. Я ходила на восхождения со сборами и работала инструктором в лагере. Это совмещать было нетрудно, потому что мне дали замечательного стажера, уже тогда почти мастера спорта Славу Сеньчина (это его шестёрка на 3. стене Бодхоны). Со сборами сходила на траверс вершин Джугутурлючат 4А к.с. руководителем. Участниками были второразрядники из города Королев. А еще сходили на Птыш, на М.Домбай и на Белалакаю. В 1967 году работала инструктором в а/л Цей со значкистами.

А Винокуров, хотя и был старше меня на 3 года и 4 месяца, поехал в горы по путевке лишь в 1962 году со своими друзьями-спортсменами из Щелкова и Лидой. И только через 4 года, в 1966 году поехал во второй раз и выполнил 3-й разряд в Уллу-Тау. В 1967 году в Домбае сходил на две 3А — Алибек и Зуб Софруджу и руководителем на Эрцог — 2Б. Друзьям его это дело не понравилось. А сам он предстал перед нами в качестве председателя альпсекции областного «Труда».

Мы с Колей Цемко приехали в подвал на собрание на тему поездки в Фанские горы, о которых только кое-кто слышал. Я, например, в школе инструкторов узнала от ребят из Душанбе — что, мол, сказочное место эти Фаны. Собрание вел председатель третьеразрядник. Во, думаю, выскочка. И на вид амбициозный. А Толян мне потом говорил: посмотрел список альпинистов — какая-то Кравченко — 1-й разряд, интересно... Вот такие первые впечатления.

Деньги профсоюзом выделялись под выполнение норм мастера спорта и повышение разрядов. Условия были таковы: главная задача — это выполнение норм мастера спорта ответственному инструктору по альпинизму при ДСО «Труд» Ю. Шилову, для этого ему надо было совершить сложное восхождение в новом горном районе; второе — поедут альпинисты не ниже второго разряда; и третье — женщин не брать. Но про меня обычно любили шутить: ну, Соня не женщина, Соня — инструктор.

В общем, Винокуров записался, сказав, что он выполнит второй разряд к отъезду на сборы. Он сагитировал Витю Мерлиса, Толю Тутушкина, и с ними еще очень попросилась Ни Наташка, поехать на первую смену в а/л Дугоба. Уехав из Дугобы с выполненным вторым разрядом, они присоединились к нам на озере Искандеркуль, после нескольких дней ожидания, голодные, но счастливые. Ребята выглядели загорелыми, восторженными и замечательно пели под гитару новые песни: «...азиатские желтые реки...», «Дугоба» и т.д.

Добирались мы вначале самолетом до Душанбе, потом на машинах до озера Искандеркуль и далее до перевалочного пункта — Змеиные озера, где взяли ишаков. Хождение с ишаками оставило большое впечатление. Тем более что у нас ишаков было мало, а груза много. Потом ребята еще долго вспоминали, какими способами они заставляли ишаков продвигаться вперед под тяжелыми грузами. Колька Цемко, например, имея опыт общения с ними раньше, говорил, что лучше всего для этого использовать ледоруб.

До середины ущелья Арг большой набор высоты по узкой тропе с крутыми поворотами, а внизу река. Далее вылаживается, и по долинам мы прочелночили под вершину Красная Москва, где и поставили лагерь на высоте около 3000 метров. Лагерь стоял в центре тех вершин, которые мы собирались посетить за три недели. Подходы были короткие. И правда, Фаны оказались яркими и удивительно разноцветными. Скалы были, в основном, с красным отливом, а осыпи разных цветов и даже ярко голубые. Посреди скал в нижней части растет красноствольная многовековая арча. Погода звенит, на солнце все сверкает, источает ароматы арчи, травы, цветов, горячо и тепло от солнца. Пик Красных зорь на закате горит, как огромный костер. В общем, мы были в восторге, счастливы от всего.

После положенных занятий (ледовые занятия проводили на травянистых склонах) и тренировочных выходов начали ходить на восхождения. Целью было повышение спортивных разрядов. Выпускающим был мастер спорта В.Богатов, начальником учебной части мастер спорта В.Андреев. Постоянных групп не было, все время менялись — тасовались — кому что надо, набирали руководства и участие в 4-ой к.с. В первую половину сделали по четыре восхождения. Я была довольна тем, что сделала руководство на пик Красные зори по 4А и еще одно руководство на вершину Красная Москва по 4Б, всю стену которой мне пришлось лидировать. Еще удалось сходить на вершину Арг по 4Б. Винокуров сходил 3А, 3Б+1 (и было у него уже две 3Б и три 3А), пик Красные зори 4А, вершину Белый Барс 4А, и во вторую половину, когда пошли на Алаудины, он еще сходил на пик Алаудин 4Б. Руководство 3Б он сделал в Дугобе.

В общем, через три недели Шилов сказал, что его команда в составе: КМС Ю.Шилов, МС В.Богатов, МС В.Андреев, КМС С.Охрименко выходит на основное восхождение в соседнее Алаудинское ущелье на вершину Чапдара по Западному ребру 5Б категории сложности. Вспомогательная группа (носильщики и наблюдатели): А.Винокуров, Н.Цемко, Е.Подымов, С.Кравченко (это была я) и врач Дмитрий Аракчеев. В Алаудинское ущелье выходит весь лагерь.

Из Арга мы шли через перевал Казнок, Мутные озера и далее. Алаудинские озера такие изумрудные, разных оттенков, размеров и конфигурации. Например, прямо около тропы озерцо Пиала строго круглое, с прозрачной водой настолько, что каждый камушек в нем просвечивается. Куда бы путники ни шли — вверх, вниз — все приваливаются к Пиале напиться и налюбоваться.

В горах было безлюдно. В районе Алаудинских озер мы встретили двух молодых немцев, которые рассказали, что они из ФРГ, путешествуют втроем с отцом — ученым кристаллографом, который сломал ногу. Они ищут доктора. У нас был привал с перекусом, и мы предложили им подкрепиться. Женя Подымов начал открывать банки: тушенка говяжья и свиная, цыплята в собственном соку, говяжьих языки, печень трески, скумбрия, икра. Содержимое банок быстро исчезало. Немцы явно были голодными. Мы с удовольствием составили им компанию. Парни забыли про отца. Но наш врач Дима им напомнил — он был готов идти. И они вчетвером (еще Женя Подымов) вышли на помощь. Обратное ребята вернулись с парой блестящих немецких банок. Мы их открыли и увидели там чистую желтую кукурузу. Даже пробовать не хотелось. Мы все поняли.

Наши мастера шли налегке, весь груз несли мы. За один день хода пришли на место и расположились лагерем на берегу ближайшего к Чапдаре озера. Два дня команда смотрела за маршрутом вместе с подходом. Маршрут прошли за один день, заночевали на снегу под вершиной. На вершине были 5 августа.

Немного понаблюдав за командой, мы пошли, пересекая ущелье, на Алаудинский перевал, и оттуда мужики, поручив доктора мне, ушли на пик Алаудин по маршруту 4Б. Кстати, в группе должен быть хороший скалолаз, чтобы идти этот маршрут. А я с Димой-доктором полезла напротив — на Малый Алаудин. Здесь тоже четверочное лазание, но маршрут короткий. Пройдя довольно непростую веревку, закрепила ее и начала принимать доктора. Диме, конечно, было трудно, он долго кряхтел, но пролез эту веревку.

Сходив на вершину, прошли по другую сторону гребня вниз и по простому пути вернулись. Сидим, ждем ребят, и не заметили, когда они тихо подошли сзади. А Дима сидел и от счастья бросал камешки через голову. Попал в Колю. Ребята подали

голос, тут мы их и увидели. Потом еще долго смеялись, рассказывая эту историю.

Пока мы наблюдали за командой Шилова, мы все время хотели есть — продуктов у нас оказалось маловато. И мы смеялись над Подымовым, спрашивая, зачем он так много открывал банок немцам.

За это короткое время на Алаудинах все участники сходили на какое-нибудь восхождение — это были, в основном, тройки, четвёрки, делали руководства.

На обратном пути Валентин Богатов — мастер спорта, лидер Шиловской команды, подстрелил крупную птицу — улара, и за неимением других женщин Шилов поручил мне сварить праздничный обед. Это был классный наваристый, густой суп из улара и картошки, сваренный на костре.

Обратно мы возвращались тем же маршрутом — вначале под Красную Москву. Там знакомые ребята из Душанбе собирались на Сахарную голову по 5А. Пригласили вместе с ними сходить. И я была готова остаться, но Юра твердо сказал: «Я тебя должен привезти в Москву живой и невредимой». Мы были так счастливы от этой поездки в Фаны, что это не сильно расстроило. Все отогрелись здесь по-настоящему, получили школу шикарных скальных восхождений. Каждый подумал про себя: «Мы сюда еще вернемся!». Добрались до Змеиного озера, сутки ждали, и дальше на машинах через Варзоб в Душанбе.

Это был 1968 год. Винокуров выполнил нормы первого разряда по альпинизму.

1969 год. Ала-Арча

В 1969 году профсоюз выделил деньги на участие в объявленном ЦС ДСО «Труд» первенстве по разным классам. Сборы областного «Труда» решили провести в а/л Ала-Арча, заявив команду на участие в соревнованиях в техническом классе. Был составлен список кандидатов в команду на первенство: это мастер спорта В.Андреев, перворазрядник А.Винокуров, перворазрядник Е.Подымов, перворазрядник Н.Цемко, перворазрядница С.Кравченко. Долетели до Бишкека, а дальше на машине. Когда подъезжали к лагерю, нас догнало известие о том, что в Итальянских Доломитах погиб Миша Хергиани. Это известие нас повергло в шок, потому что мы считали, что это не должно было его коснуться когда-либо.

Кроме кандидатов в команду на сборах были: В.Ипполитов, К.Корошоков, Б.Калинычев, В.Прокопенко, В.Мерлис, И.Шалаева, Н.Ни, В.Шкунов, С.Барашков, А.Овечкин, А.Ершова, остальных забыла.

Мы разместились на территории лагеря в своих палатках. Еду готовили на костре. И хотя ходили мы много и подходы там

длинные — до верхних коронских ночевок 7 часов по описанию, а до ночёвок Рацека 4 часа (мы и за 2 часа ходили) мы ходили снизу, из своего лагеря. Даже на Рацека не стояли.

В Ала-Арче после нашего приезда в перерывах между восхождениями устроили соревнования спасателей по замкнутому маршруту. Участвовало четыре команды: две команды от лагеря, наша и еще команда сбора Московского (городского) «Труда». Был уполномоченный от Федерации — Поварнин, и судьи от лагеря. Маршрут заранее оговаривался. Тактический план в нашей команде разрабатывался Винокуровым и Андреевым. Судили по времени и по качеству. Было организовано два отдельных таких соревнования с интервалом в неделю. Наша команда оба раза заняла первое место. Участники команды-победительницы А.Винокуров, В.Андреев, Н.Цемко, Е.Подымов получили значок «Спасательный отряд».

Я работала на сборе инструктором-наблюдателем. В лагере нехватало инструкторов, и Шилов одолжил инструктора со сборов (а это была я) поработать в лагере. Поэтому, смотрю в альпкнижку, там записано еще 3А и две 3Б, еще 4А — в качестве инструктора-наблюдателя, и в спортивной группе 4Б, две 5А и одна 5Б. Причем, 5Б на шестую Башню Короны. Но точно не помню с кем ходили, наверное, с В.Мерлисом и В.Ипполитовым.

Шилов уговорил меня не ходить на Свободную Корею, поскольку присутствие женщины, тем более на стене, точно уменьшит судейские баллы. Команда в составе: Винокуров Анатолий, Цемко Николай, Подымов Евгений и Андреев Виктор вышли на Свободную Корею 26 июля. Маршрут назывался: «Свободная Корея по Северной стене по западному контрфорсу 5Б к.с.». Хотя Андреев тогда уже был мастером спорта, идея была Винокуровская, он же и лидировал. Шли они с 27 июля по 2 августа. Один день перед спуском переждали непогоду.

Внизу стояла палатка, в которой жили наблюдатели за маршрутом: это Витя Мерлис и Володя Ипполитов. Я в это время составляла компанию лагерным участникам. Помню только, что в связке с Муради Чичинадзе мы очень быстро сходили на Двурогую 4Б. Муради был прекрасный очень гибкий скалолаз, моложе нас. Он часто приходил к нашему костру. Через несколько лет при возвращении с зимнего восхождения на Ушбу по 5Б грузинская команда из 6 человек попадет под лавину в нижней части спуска. Там был Муради. Он так мечтал об Ушбе. У меня осталась фотография, где мы сидим на бревне у нашего костра, а напротив стоят наши ребята: Борька Калинычев, Кимушкин, Корошочкин, Толян, на корточках чистит картошку моя любимая Наташка Ни. Их всех уже нет.

При возвращении с Двурогой зашла к наблюдателям за Свободной Кореей. После восхождения очень хотелось есть, но

у них все продукты кончились, и они тоже были голодные. Идти за продуктами вниз с верхних коронских ночевков (т.е. под вершиной Корона) и обратно им не хотелось. Удивляясь и возмущаясь, побежала вниз. Налегке вернулась, принесла хлеба и что-то покушать. У нас по плану следующее восхождение должно было быть на 1-ю башню Короны по маршруту 5А. После всех хождений, помню, на ночевки пришла поздно и назавтра проснулась от того, что по мне уже ходили и могли что-нибудь сломать. А иначе бы не проснулась.

После восхождения в лагерь вернулись все. С Кореи ребята спускались на обратную сторону, а потом очень долго возвращались по нехоженому ущелью с острыми камнями — так называемое ущелье Топ-Карагай.

Крым

Пора вспомнить про наше всё — про Крым. Коля Цемко открыл для нас такое чудо, как Синие скалы Крыма. Он сагитировал председателя Фрязинской альпсекции Володю Ипполитова и еще нескольких ребят поехать на Октябрьские праздники 1967 года в известный ему, тогда еще уединенный и безлюдный уголок Крыма всего «в двух шагах» от Ялты.

Уголок так понравился, что в последующие поездки миновать его, не заскочить хоть на денек было уже невозможно. Это место стало скалодромом первой альпиниады фрязинцев в мае 1968 года. В Никитах (они же Синие скалы) мы и поселились — поставили палатки и начали лазать. Еду готовили на костре. Народу было много. Кроме альпинистов были еще их друзья и кинооператор Альберт, снимавший КВН команды г. Фрязино. Он снял кино по нашей поездке. Лазали мы с верхней страховкой. Сходили в Ботанический сад, а потом переехали в Оползневое (за Форосом). Из леса торчали пупыри, на них мы и лазали по скалам в связках. Помню, Боря Калинычев, выйдя вперед на полверевки, выдернул из скалы огромный блок, не смог удержать его и бросил прямо на меня, потому что я стояла под ним на широкой площадке. Чудом поднырнула под камень, и он грохнулся за моей спиной, разлетевшись на более мелкие куски.

В конце устроили праздник с шашлыками и вином, с танцами и соревнованиями прямо на озере, около которого стояли. Участники разбивались на команды по четыре человека. Надо было пройти четыре этапа. Один из них — преодолеть озеро на надувном матрасе. Такие были страсти и очень смешно. Особенно смешил Игорь Мастюгин. Обратно ехали в набитом людьми и рюкзаками автобусе. Женька Подымов лихо играл на гитаре цыганщину. Он это мастерски делал.

Осенью 1968 года Володя с третьеразрядниками поехал в Крым на разведку на Пастушьи скалы, которые находились над

Алупкой, в направлении Ай-Петри. Света Грачева говорит, что они сходили по спусковой тропе на Ай-Петри.

А еще осенью 68 года ЦС ДСО «Труд» проводил соревнования по скалолазанию в Крыму на Красном камне. Наша команда состояла, в основном, из тех, кто ездил летом в Фаны. Это были: Винокуров, Цемко, Подымов, Кравченко, Андреев, Седов Толя, Прокопенко Валера. Запомнилось, как связка Слава Онищенко и Боб Коршунов пролезли весь маршрут, оставив рюкзак внизу на земле, и не смогли его поднять ни на один метр. Было так смешно, что даже стыдно об этом говорить. Выиграли красноярцы.

В 1969 году Ипполитов объявил выезд в Крым на майские праздники всем членам альпсекции и всем желающим заняться альпинизмом. Откуда-то взялось человек 20 молодых спортивных ребят, и мы повезли их на Синие скалы (в Никиты). Володя руководителем, я – тренером. Поселились там же в своих палатках. Все занятия проводились по ходу дела. Я просыпалась и с утра пораньше бежала навешивать маршруты. Соблюдался педагогический принцип: от простого к сложному. Помню, в углу навесила маршрут, который, кроме меня, прошел еще один парень.

Красноярск

Осенью 1969 года в Красноярске на скалах Такмака проводились соревнования по скалолазанию на приз Евгения Абалакова. В команду областного «Труда» входили альпинисты — лучшие скалолазы, это: А.Винокуров, Е.Подымов, А.Седов, В.Прокопенко, Е.Фильчиков, Н.Ни, С.Кравченко. Руководителем был назначен В.Андреев вместо ответственного инструктора областного «Труда» Р.Г.Шафеева, который к тому времени сменил на этом посту Ю.Шилова.

Помню, поселили нас на недавно построенном стадионе в большой комнате. Питались в столовой по талонам. Мы приехали за несколько дней до соревнований и помимо бесконечного лазания на скалах Такмака успевали съездить на Столбы и там пролезть некоторые маршруты и маршрутики. Помню, на столбе «Дед» какой-то проход по стеночке у меня сходу не получался. Навстречу это место проходил Винокуров и, когда он приблизился, я почувствовала, что это сложное для меня место как будто по воздуху перелетела. Это было упоительно. И это волшебное впечатление потом долго носила в себе.

Налазившись до вечера, мы спешили в гостиницу, хотелось кушать. Иногда я встречала знакомых ребят из Красноярска: в студенчестве мы по праздникам ездили из Новосибирска лазать на Столбы. Да и в горы вместе ездили. Особенно запомнился 100-километровый поход из Актру в район озера Шавло под руководством Алим Васильевича Романова — трёхкратного мастера спорта: по альпинизму, по горным лыжам и по боксу. Отряд

состоял, в основном, из красноярцев в количестве не менее 20 человек. Среди них был и тренер красноярцев Путинцев. Мы ходили на восхождения на вершины Сказка и Красавица, которые так красиво отражались в прозрачной, ледяной воде Шавло. Там был плот, и мы по очереди на нем плавали. Очередь Сережи Прусакова была после меня. Ему было невтерпех, и он бросился в воду, доплыл до плота, стащил меня в ледяную воду, а сам залез на плот. Мгновенно доплыла до берега и потом целый час бегала вокруг озера — не могла согреться. Питались мы там лепешками, испеченными из принесенной муки, и хариусом, которого вылавливали в озере и жарили.

Так что было много знакомых, и эти встречи Толя Седов, размахивая сломанной веткой, быстро прекращал, призывая быстрее спускаться — кушать хочется!

Зимой 69-70 г. после Красноярска участвовали во всех лыжных соревнованиях и, помню, в конце февраля после соревнований зашли к нам домой попеть песни. Новогодняя невыброшенная елка моя пустила в воде зеленые стрелы, в окно светило солнышко, и Толян с Наташкой Ни пели новую песню. Толян прекрасно при этом аккомпанировал на гитаре и его баритон был прекрасен:

«Азиатские пыльные тропы... / Азиатские старые люди... / Вас увидишь, так это навеки, / А забудешь, так это нескоро... »

Толян пел Визбора, много Высоцкого: все песни из Вертикали, Скалолазку, Королеву.

Поездка в Крым в 1970 году

Собралась небольшая группа выехать пораньше в Крым. Решили разведать новый для нас район — Батилиман. Нас было 5 человек: А.Винокуров — он попал первый раз на наши поездки в Крым, В.Ипполитов, Н.Цемко, С.Кравченко, Света Грачева и пятилетняя моя дочь Галина. Взяли такси и набились в него до потолка. Ведь, кроме нас шестерых, еще и рюкзаки туда забили. Выехали мы 22 апреля, а 24-го вышли на Куш-каю по классике, оставив внизу Свету с Галенькой. День был жаркий. Снизу все выглядело стеной, и Света все удивлялась, как я могла, стоя на страховке, загорать. А вечером праздновали Светкин день рождения. Все у нее было готово, и даже бутылка сухого вина. Забрались в лодку и поплыли. Луна была круглая, огромная, брызги с весел стекали серебром. Прямо все вокруг волшебное. И вдруг кто-то заметил, что в лодку набирается вода. Лодка дырявая. Начали судорожно, кто чем, вычерпывать воду.

На автобусе Севастополь — Ялта переехали на разведанные осенью Пастушьи скалы, которые находились над Алушкой и под Ай-Петри. Место было благодатное: кругом сосновый лес с выходами скал, подходящих для лазания. За час можно подойти до

подножия Ай-Петри, за водой ходить не очень далеко, дров навалом. В общем, народу к нам туда понаехало из всей области — те, кто был на сборах, в основном. Но все было организовано, вплоть до построения и планов, скомпоновались группы.

Первой на восхождение вышла наша группа: Цемко, Винокуров, Подымов, Кравченко. Пошли под стену над черепом. Вначале первым полез Коля Цемко, но что-то с первых метров у него не заладилось, забил крюк, сорвался, повис на нем. Он был в новеньких вибрамах. Винокуров сказал: давай я попробую — и полез в своих азиатских галошах. Меня пустили второй по закрепленной веревке. Стена совершенно в тени, отвесная и страшная, на всю длину, показалась мне. Вылезаю с выпученными глазами, передо мной невозмутимо, как ни в чем не бывало на краю стены сидит Винокуров и смотрит на меня. Рядом лежит большой камень, сажусь выше Винокурова, ничего не соображая от восторга, упираюсь ногами в этот камень, и он летит по стене, там кричат. Это был первый и последний раз — никогда не сбрасывала камней.

Но Винокуров меня тогда потряс. Я не ожидала. С тех пор начала звать его Толянком. На следующий раз этот маршрут пошли Толя Седов, Валера Прокопенко и еще кто-то. Первым лез Валера, он у нас считался очень цепким и подтягивался 30 раз. Пройдя примерно полверевки, он сорвался. Все крючья вылетели последовательно, и он повис на старом, оставшемся на стене, деревянном клине, не долетев до полки совсем немного. В дальнейшем Валера никогда не ходил первым.

А наша группа сходила еще на 5А на Ай-Петри, потом на 5Б — Зубцы Ай-Петри, а потом по Бершовскому маршруту по огурцам на Ай-Петри (восхождение Бершова во этому маршруту заняло первое место по Украине), тоже 5Б. Мы его потом считали 6 к.с.

И все остальные куда-то тоже непрерывно ходили на восхождения. Вот такой тон задал сразу появившийся у нас Винокуров. В конце нашего пребывания где-то возник пожар и всех детей и женщин спустили в Алупку, а мужчины помогали тушить пожар.

1970 год. Лагерь Узункол и поездка в Безенги

В 1970 году Шилов Юра уехал работать в а/л Аддылсу начальником учебной части. Вместо него ответственным инструктором у нас в ДСО «Труд» Московской области стал работать Шафеев Рустем Георгиевич. После Ала-Арчи подросший коллектив в спортивном плане рвался к дальнейшему совершенствованию. Решили поехать на сборы в а/л Узункол. На сборы попали и третьеразрядники с превышением. Инструкторами были: Н.Цемко, С.Кравченко и Ю.Реформацкий. Мое отделение закрыло 2-й разряд, совершив восхождение на Трезубец 2Б,

Фильтр ЗА, Пирамида С.В. ребро ЗБ. А отделение Винокурова сходило на Трезубец и на вершину Сев. Доломиты по З. стене. Они там залезли на крутую сложную стену и в лагерь вернулись под немалым впечатлением. Толя Седов, участник этого отделения, рассказывал, что Винокуров полез по отвесной стене, и у них осталось много впечатлений. Седов обещал написать про это восхождение.

Я начала ходить в спортивной группе: Винокуров, Подымов, Цемко, Кравченко. Пошли мы на Далар по В. гребню 5А. Начало маршрута с перемычки, на которую, чтобы залезть, нужно преодолеть вертикальную кучу камней. Я шла очень осторожно с Подымовым в связке. Женька подгонял: давай, давай быстрее. Толян, который шел впереди, поскользнулся, совсем немного пролетел вниз и сам задержался. Камни были острые, и он сильно рассек бровь и мягкую часть ладони. Он был весь в крови, но приговаривал: ничего, ничего... Женька забинтовал его, как следует, и продолжили идти вперед. В тот же день спустились. Наш врач Рима Богатова сварила концентрированное мумие и дала попить, и Винокуров вылечился, хотя повязка на руке и заклеенная бровь еще оставались. Кстати, на этом месте несколько лет спустя погиб парень и девушка на сборах «Зенита». Её напарник спустил камень, который перерубил девушке ногу.

В отделении Юры Реформацкого были ребята из Фрязино: Вася Егоров, Валера Прокопенко, Боб Сухарев, Галя Егорова. Юра заболел. До 2-го разряда фрязинцам нехватало восхождения на ЗБ. Я пошла с ними в качестве инструктора на Кирпич по ЗБ. Рустем Георгиевич встречал меня с восхождения словами: «Соня, икра в тумбочке» (я очень любила черную икру).

Винокуров решительно собрался идти следующее восхождение на Далар по С.В. гребню — 5Б (знаменитый Степановский маршрут). Этот маршрут очень хотел пройти наш начспас мастер спорта Даутер Борис Владимирович. Так что не судьба была моя пройти эту 5Б. Даутер же и был руководителем этого восхождения. Была очень плохая погода, потом вспоминали, как было холодно и тяжело вечером преодолевать обледенелые скалы, а Борис Владимирович не торопился начать двигаться вверх по перилам, вначале невозмутимо с п-го раза зажигая спичку, чтобы от нее прикурить сигаретку. Это зажигание показывалось в натуре, и было очень смешно.

Следующее восхождение на вершину Кирпич по желобам 5А к.с. я прошла в команде Винокурова. Затем был маршрут на вершину Далар по Зап. стене 5Б к.с. (маршрут Кораблина). Винокуров — руководитель. Где-то на середине стены Толян замер и, обернувшись к нам, показал на огромный камень, высотой около двух метров, стоящий над нами вертикально на стене, и сказал, чтобы до этого камня не дотрагивались, и сбоку облез

его по трудному месту. Закрепил веревку. Мы по очереди осторожненько забрались на станцию. И Женька Подымов взял камешек размером со сливу и бросил сверху вниз на этот камень. И что тут началось: эта громадина рухнула вниз, сметая на своем пути с грохотом и клубами пыли пройденный нами путь.

На протяжении всего нашего пребывания в Узунколе погода была плохой. Постоянно лил дождь. И уже не помню, с какого-то восхождения мы возвращались чуть ли не вплавь — по колено в воде все ущелье. Вслед за Юрой Реформацким здорово простудился Коля Цемко, у него болело горло. Уже давно, еще при Шилове, а теперь тем более при Шафееве, все спортивные дела были доверены Винокурову. Он запланировал в конце сборов поездку в Безенги для прохождения одного из самых сложных маршрутов — Коштан-Тау по Северной стене, известной, как маршрут Симоника 5Б категории сложности. (В то время у нас еще не существовало 6-ой категории. Одно время маршруту Симоника была присвоена 6Б категория сложности. Когда при прохождении этого маршрута Сант-Петербургской командой погибло 3 человека, его признали объективно опасным и, чтобы люди на него не рвались, этому маршруту присвоили 6А к.с.).

Рустем Георгиевич заказал машину, и мы поехали из Узункола в Безенги во второй половине августа. В Безенги народу уже было мало. Я встретила там друга Валеры Кравченко Борю Борисова, который раньше ходил с альпинистами МГУ, а потом со СКАН-ом (Спортивный Клуб Академии Наук). Я знала, что Боря шикарный скалолаз и человек. Мимоходом сказала Борису, чтобы он подключался к нам. В дальнейшем так и случилось. Когда мы собрались ехать в а/л Уллу-Тау, Борисов собрал рюкзак и, не зная, кроме меня, никого, сел на рюкзак в переходе на Курской с плакатом в руках: «Ищу Винокурова!» Именно Винокуров там его и засек. Но это было значительно позже.

Итак, мы приехали в Безенги. Команда: три КМС: А.Винокуров — руководитель, Е.Подымов, С.Кравченко, и мастер спорта В.Андреев. Наблюдатели: перворазрядник Л.Кимельман, второразрядник Ю.Щеголев. В лагере для связи оставался приехавший с нами Б.Даутер.

Мы надеялись продукты взять на месте, но склад был уже пустой, и нам досталась только одна банка тушенки. Но Винокурова было не остановить, а мы смотрели ему в рот — за ним, не раздумывая, хоть куда! Так как В.Андреев, слава Богу, жив, я его попросила рассказать, что он помнит о восхождении. Про тушенку он не помнит. А я ведь точно помню, что после первого напряженного дня работы мы устроили ночевку в небольшом поднутрении в отвесной скале. Палатку повесили на крючьях, как ширму, и кое-как угнездились. На примусе Винокуров сварил из единственной банки тушенки что-то жидкое и не соленое — соль

забыли взять. Запах был неприятный от этого супа. Я отказалась есть, и мужики весело все доели. В дальнейшем больше я никогда не отказывалась от еды.

Меня затолкали внутрь к скале с покатостью в мою сторону. Целую ночь валил снег, и он, липкий, накапливался на ширме-палатке. Мы кулаками били по палатке из своей пещерки, и он летел по стене дальше вниз. Всю ночь. В общем, утром пуховка на мне оказалась довольно мокроватая, хотя стоял холод. Может, от примуса и дыхания появлялась какая-то влажность на стене, об которую я терлась.

Витя говорит, что на стене было две ночевки. Может он и прав, но мне казалось — больше. Описание прохождения маршрута Андреевым привожу ниже.

«Приехали из Узункола. Зарегистрировались. Взяли контрольный срок. Связь с наблюдателями ракетами, а наблюдатели с лагерем Безенги по рации. Перед выходом накануне с биноклем просмотрели маршрут и составили план восхождения. Продукты взяли на три дня, в основном, это шоколад и сухари, прожаренные с маслом и сыром. На следующий день рано утром вышли на подход до третьей ступени ледника Коштан. В 12 часов были на ночевках — морена под вершиной Коштан-тау. Вид потрясающий: Коштан, Крумкол, Мижирги, Дых-тау. Все пятидесятые тысячники.

Выход в 3 часа. По снегу один час до бергшрунда под стеной. После бергшрунда по фирну на кошках с попеременной страховкой. Крутизна 60°. Потом три часа по льду с ледовыми крючьями под нижние скалы. Крутизна 70°. Вышли на заледенелые скалы. Впереди Винокуров. Идет уверенно и надежно. Выпускаю Толю на всю веревку вверх по обледенелым скалам. Руки мерзнут, ноги мерзнут. Северная стена не освещается солнцем. Внизу туман. И так веревка за веревкой медленно вверх и вверх. Толя все время впереди. Чтобы ноги не замерзли совсем, приходится бить ботинками по скалам. К вечеру нашли обледенелую площадку, вырубил лед, повесили на крючья палатку, вскипятили кипяточку, поели шоколада, сухарей. Сна почти не было. Рано утром вскипятили воду, что-то поели. Вышли. Очень холодно. Сначала шли обледенелые 60° скалы. Веревок через восемь начался снежный склон со скальными островами. Очень холодно. Выходим на купол вершины. Поставили палатку. Утром в 6 часов вышли. Через два часа сняли записку. Спуск по северо-восточному гребню — маршрут 4Б, по которому я уже ходил раньше, Последним вниз шел Винокуров с нижней страховкой. Он шел на кошках с айс-байлем и с ледовым крюком с блеском и надежно, как всегда».

И правда, было очень холодно, но Винокуров все лез вверх и вверх, закрепляя нам веревку. Лезли мы в кошках по закрепленной веревке. Хочу еще добавить, что, когда вернулись домой, мы все, кроме Винокурова, оказались подмороженными. Подымову

в итоге отрезали фаланги больших пальцев. Андреев до сих пор говорит, что у него мерзнут ноги. У меня тоже было черное пятнышко на большом пальце, но оно само отпало, и никаких последствий. На ЦС ДСО «Труд» наша команда заняла второе место. Этой 5Б (на самом деле 6Б), я выполнила нормы мастера спорта СССР по альпинизму.

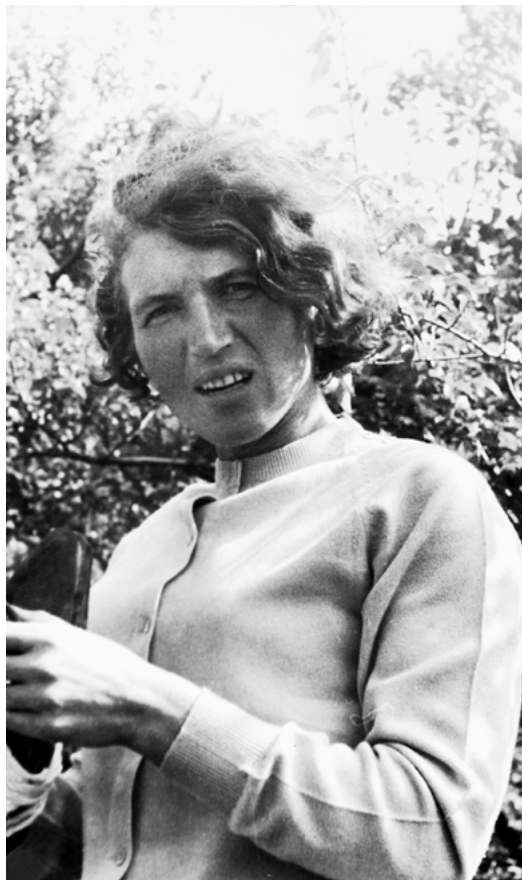
1971 год. С командой и секцией

Крым. 8 марта на разведку в Кельсе-бурун отправились В.Ипполитов, В.Журздин и Грачева Света. Так что в мае остановились под Кельсе-буруном в лесу. Были и дети: Винокуров Костя, Цемко Таня, Кравченко Галя и еще более взрослые. Дети играли, находили себе дело на кухне среди дежурных и в других местах. Правда, Коля Цемко свою дочку Таню застраховывал на длинной веревке к дереву, чтобы она далеко не уходила. Там были, в основном, наши фрязинцы: Толя Седов, Валера Прокопенко, Ким Корошоков, Боря Калинычев, Вася Егоров, Боб Сухарев, Гусев Саша, Овечкин Саша, Идуля Шалаева, Галя Егорова и из области: Витя Мерлис, Витя Андреев, Стас Охрименко, Женя Подымов. Вначале лазали на скале Хергиани, потом разбились на группы и пошли по восхождениям. Наша группа Винокуров, Цемко, Мерлис, Кравченко прошли три 5Б на Кельсе-бурун. Помню, в узких трещинах на стене Кельсе-буруна черную землю, в которую мы упирались носом, хватаясь за острые края тонких трещин, и все были измазанные. Еще ходили на Кастропольскую стену.

В последующие годы ездили в Форос с множеством маршрутов и возможностей, в Челябине, где Винокуров пролез Бершовский камин, на Морчеку, Куш-Каю. Залезли втроем: Винокуров, Винокурова и Мерлис на Сююре-Каю по маршруту 6А, где Витя Мерлис, несмотря на свою широкоплечность, проявил свои способности лазать по щелям любого вида и затесываться в каминные любого маленького размера. В общем, каждый год мы ездили в Крым на майские праздники.

В 1971 году сборы областного «Труда» Шафеев повез на Кавказ в а/л Цей. На сборах я работала инструктором-наблюдателем, сходя с ребятами на 3А и 3Б. А Винокуров, сделав в Цее восхождение на вершину Уилпата 5Б к.с., уехал в Безенги с командой: Винокуров, Подымов, Цемко, Даутер. Именно в 71 году ввели такое понятие как шестая категория сложности без «А» и «Б». Целью их восхождения была «шестёрка» на Крумкол по стыку северо-западной и северо-восточной стены.

Сходя на пик Вильса по 5А, они пошли на эту стену. Норма ее прохождения, по крайней мере, до того 5 дней. Была плохая погода, Винокуров, не снимая кошки, прошел стену со своей командой за 2 дня. Начальство местного альпсобрества

было недовольно — боялись, что эту единственную пока что в районе «шестьерку» понизят в категории. Но ничего, обошлось. Она до сих пор с приставкой — 6А.

Нам, оставшимся в Цее, тоже надо было выполнять планы и свои желания. Я пошла руководителем на Уилпату 5Б к.с. с В.Ипполитовым и Кимом Корошоковым. Они набирали восхождения на выполнение звания КМС. Сходили хорошо и дружно.

Наташа Ни в этом году вполне могла закрыть нормы мастера спорта, которые в очередной раз усложнились. Для этого ей надо было совершить одно восхождение 5Б к.с. по новому, никем не пройденному пути (первопрохождение), т.е. 5Б+1. Выбрали вершину Уларг еще давно, проконсультировавшись с местными знатоками, проложили на фотографиях маршрут и решили пройти его, пока наши основные силы находятся в Безенги. Собралась группа: Витя Мерлис, Наташа Ни, Софья Кравченко и Юра Реформацкий — руководитель.

Витя должен был лидировать, а значит, идти с облегчённым рюкзаком. Нести грузы придётся двум женщинам и Юре, у которого болело горло, он хрипел, но пошел. Благодаря Вите мы все же прошли этот довольно опасный в некоторых местах маршрут с тремя ночевками. Маршруту была присвоена категория сложности — 5Б. И Наташа получила звание мастера спорта СССР.

Чтобы закрыть КМС, Мерлису, Ипполитову и Корошокову не хватало еще одной 5Б. Я составила им компанию, и мы вчетвером пошли на восхождение на пик Мамисон по маршруту 5Б к.с. под руководством Мерлиса.

Так что сезон был весьма урожайным. При этом было много приключений и нюансов, как на сложных, так и на простых восхождениях, но, слава Богу, обошлось.

С гор возвращались счастливые, с песнями под гитару Винокурова. Вернувшись домой, Толян сразу подал на развод с Лидой и получил его. Я тоже подала на развод с Валерой, но не получила его. Валера сомневался. С Толяном мы встречались каждый день после работы, вместе ужинали, очень часто заходили к нашему лучшему другу Коле Цемко, у которого

прекрасная Ольга, его жена, ставила чай. Мы бесконечно наслаждались общением. Часто мы гуляли в окрестных лесах. Через 9 месяцев Валера развод подписал и мы сразу поженились, устроив скромную свадьбу в Наташкиной Ни квартире. Вскоре и у нас появилось жилье. С Галей Толян нашел общий язык еще раньше. Он с ней занимался подготовкой к школе. Она сразу стала называть его папой, хотя я считала, что это лицемерно — два папы. Но она не послушалась.

1972 год

Команда областного «Труда» получила место для участия в соревнованиях на первенстве Союза по альпинизму в техническом классе. Наметили объект — это была Свободная Корея. Мы приехали в Ала-Арчу, провели занятия, сходили на тренировочное восхождение, поднялись на ночёвки Рацека для совершения восхождений. Поставили палатки. Готовимся к завтрашнему восхождению с разрядниками, и вдруг неожиданное сообщение: «Все мужчины выходят вверх на спасательные работы». Немного погодя узнаем, что у прибалтов, команда которых лезла по маршруту Мышляева на Свободную Корею, камень попал в голову участника. Образовался труп. В лагере остались одни женщины. Я, наслышавшись от ребят, особенно от Коли Цемко, всяких баек о Птышских человечках, о Черном альпинисте и т.д., отчетливо слышала равномерные шаги Черного альпиниста вокруг палатки ночью, лежа в пустой палатке. Боялась шевельнуться. Назавтра была высокая температура, но при восхождении днем позже все прошло.

А Коля Цемко, наоборот, так заболел, что не мог пойти на тренировочную 5Б перед выходом на первенство. Такой тренировочной была пятёрка «Б» на пик Симагина. Ее ходили все команды перед выходом на первенство. Маршрут этот очень сильный и суровый. Все говорят, что ему не дали 6 к.т., потому что он ниже Кореи. Стандартно, с двумя ночевками мы прошли его. Маршрут смотрит на север, очень крутые скалы, морозный ветер со снегом в лицо. Мы спешим за Винокуровым, ничего не видим. Помню, в одном месте он сорвался, пролетел по выпуклой стене, широко расставив руки и ноги для трения, повис на собственном крюке, тут же вскочил и обратно полез, как ни в чем не бывало.

После восхождения выяснилось, что Коля совсем заболел, он не чувствует вообще половину лица и никуда не пойдет. Насчет того, что я пойду в команде, Шафеев и слышать не хотел, упирая на то, что с женщиной в команде вообще никаких баллов не получить. А мы надеялись. Винокуров принял решение не участвовать в первенстве. При отсутствии взаимопонимания Толян не мог больше взаимодействовать с Шафеевым.

С уральскими альпинистами

На следующий 1973 год мы, Толян и я, решили поехать со свердловской командой. Они устраивали сборы вначале в а/л Талгар, а потом собирались в район Сарыджаза, планируя сходить на казавшийся загадочным пик Советской конституции. Мою дочь Галину взяли с собой. В Талгаре мы работали с разрядниками из Магнитогорска и Свердловска.

Ожидания от восхождения на Советскую конституцию не оправдали себя. Пик был крутой, но сланцы, которые составляли его природу, оказались гнилыми. Совершив восхождение, мы все сказали дружно: ну, 5А ей еще можно присвоить.

Конечно, этой поездкой мы были довольны, потому что познакомились с новыми горными районами, а, главное — с замечательными уральскими альпинистами.

1974 год

Мы с Толяном решили поехать в Фанские горы — погреться как следует. Но как раз в тот год погода была совсем не такая как в 68-м. Туда же приехали мои родные новосибирские альпинисты: Алик Саратовкин, Леша Серьезнов, Нелидов Толя и много молодых. Нам было предложено поработать у них на сборах в качестве инструкторов, а в конце мы даже сходили на пик Чапдара 5Б к.с.

1975 год. Рождение Маши

В 1975 году, в июле у нас с Толяном родилась дочь Мария. За год до этого события Галина настоятельно меня попросила: мама, роди мне сестренку! Может, поэтому все последующие годы она ездила с нами в горы в качестве няньки, никогда не делая даже намека на какое-либо неудовольствие. Маленькая Маша всегда была на ней в наше отсутствие. И вообще мне с Машей было легко. Я считала, что ночью ребенок должен спать, а не есть, тем более, что она родилась 3900 г. Но при первых звуках Толян брал на руки ребенка и носил его по комнате, хотя этим он ее не испортил, так как я продолжала спать, не балуя ночным кормлением, и она быстро привыкла.

И вообще Толян здорово готовил. И быстро, глазом не моргнешь. Например, пироги у него были пышные и слегка подрумяненные, а у меня присохшие и твердоватые, хотя и рецепт тот же и вожусь полдня. А у него мгновенно. Когда гости — никаких проблем: все готово, и не поймешь, как и когда. Но зато из магазина сырье доставляла я. Кстати, на сборах после восхождений с потерей веса на сухариках и сухофруктах так хотелось поесть нормального хлеба. И Толян замешивал тесто и пёк на костре жирные на подсолнечном масле, ноздристые оладьи. Это был праздник! Было дело даже, когда они

с Наташкой в Фанах испекли настоящий хлеб в буханках. Так же Толян и шил быстро и классно: пуховки себе, мне, еще и Мерлису, который ходил лишь бы в чем, брюки, девчонкам платьяца и пальтишки, мне пальто. В общем, я едва успевала добывать материалы.

1976 год. Сбор в Уллутау

В 1975 году в ДСО «Труд» Московской области перестал работать Шафеев Рустем Георгиевич. Зимой подрастающее поколение в лице Женьки Монаенкова (мы все его любили — он был молодой, спортивный, а главное, знал много песен) приехало из Подольска к нам во Фрязино с ночевкой обсудить проблему альпинизма в областном «Труде». Проговорили всю ночь. Решили летом 1976 года организовать сборы в а/л Уллутау. Руководителем сборов будет А.Ф.Винокуров, а выпускающим — МС, инструктор С.И.Винокурова. Планировали первую половину сбора находиться в а/л Уллутау по путевкам, но со своими выпускающим и тренером, а на вторую половину оформить финансирование через ДСО «Труд». Все было организовано Винокуровым по плану, и мы довольно большим коллективом, а также с 11-месячным ребенком и его нянькой Галенькой появились в а/л Уллутау. Начальник учебной части лагеря Порохня Юрий Иванович вначале опешил, увидев кормящую мать с ребенком, и спросил: «А что это за женщина с вами?» И в ответ: «Это наш старший тренер».

У Порохни в гостях одну неделю был внук того же возраста и они с женой и родителями ребенка — вчетвером — с трудом с ним справлялись. А мы с Толяном умудрились провести занятия и сходить на тренировочное восхождение. А еще с Борей Борисовым мы, на всякий случай, тренировались залезать по веревке, не касаясь стенки.

У меня была задумка отучить ребенка от груди. Но никак. И когда ребята собрались идти 5Б на Джайлык, решено было к Маше с Галей приставить молодых дежурных Мишу Пархуту и Юру Калагина, а мне пойти на восхождение. Погода была ужасная, но, когда через двое суток мы вернулись, ребенок кушал кашу, пробовал кое-что из общего стола и бегал по танцплощадке. Няньки восхищались, как хорошо она ест борщ. А у меня до этого она требовала только молочко. Так что эксперимент закончился удачно. На Джайлык мы ходили вчетвером: мы с Толяном, Боря Борисов (новый у нас человек — это он нас нашел по плакату: ищу Винокурова!) и Юра Джапаридзе.

На сборах сделали много восхождений: младшие разрядники закрыли свои разряды, а те, у кого был 1-й разряд, сходили по три 5Б. Все были довольны, все счастливы.

1977 год. Альплагерь Артуч

В 1977 году решили опять своими силами организовать сборы в Фанах. Опять Толян был руководителем, все финансовые и организационные дела были на нем, он же отчитывался и перед бухгалтерией. И в дальнейшем частенько случалось, что кто-то чего-то из общественного терял, например, штормовку, рацию и т.д., высчитывали из его зарплаты. Но инструктора всегда получали зарплату.

Когда после самолета на машине ехали в Артуч, вспомнили, что среди рюкзаков нет горшка. Толян останавливал машину во всех подозрительных местах, где есть люди, спрашивали, а также заходили в сельские магазины, но нигде ни одного горшка. Наконец, Толян где-то увидел эмалированную кастрюлю, купил и успокоился. Долгое время об этом потом рассказывала Наташка Ни, и нам было очень весело.

Приехали мы в Артуч. Нас встретила начальник учебной части лагеря Тысячная Галина Александровна. Расширяя глаза и глядя на двухгодовалую Машу, она говорила: здесь же гюрзы! Но прониклась симпатией к Винокурову. Это она подала ему идею о первопрохождениях. Таким образом, в Куликолонах в сезон 1977 года Винокуровым было совершено 3 первопрохождения 5Б к.с. Это вершина Мария по В.стене С. гребня, вершина Рудаки по центру В. стены и вершина Сары-Шах по правой части С.З. стены. Участники менялись. Я, например, сходила на 5Б+1 — Мария. Состав группы: Винокуров — руководитель, участники: Мерлис, Прокопенко, Винокурова.

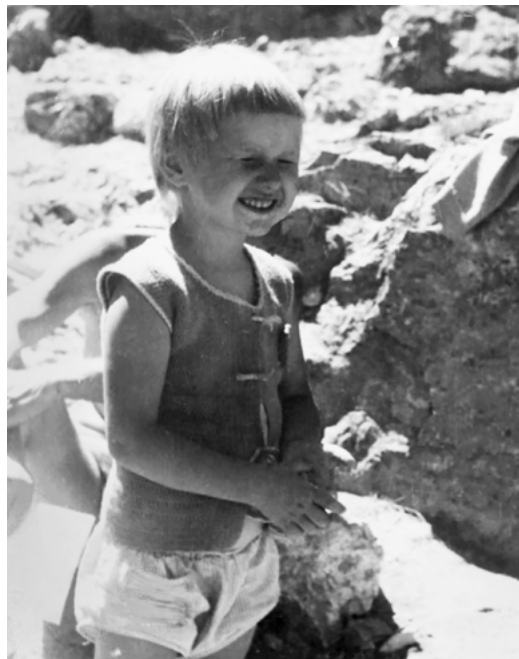
После всего этого собрали рюкзаки и отправились через перевал Алаудин к Алаудинским озерам. Вначале Толян посадил Машу на шею сверху 40-килограммового рюкзака. Сколько-то так шел. — Эх, высоко. Снял ее на землю, взял за ручку, и они потопали. Время от времени Маша отцеплялась от ручки и шла впереди отца. Так и дошли они до Алаудинских озер. Машке было ровно два года. Я до сих пор удивляюсь, а иногда и думаю: может, это мне во сне приснилось? Лет пять тому назад мы с клубом Демченко были на Алаудинах. Я попробовала пройти этот путь. Дошла только до перевала. И мне показалось это очень долго — часа четыре.

1978 год. Сбор в Фанских горах на Алаудинских озёрах

В 1978 году Винокуров организовал сборы в любимых Фанах, в районе Алаудинских озер. Летели до Душанбе, далее на машине доехали до последнего селения Маргузор, в котором взяли ишаков и два дня челночили под горячим солнцем. Мужчины, помимо работы с ишаками, еще сами несли тяжелые рюкзаки. Зато потом было много воспоминаний, кто как погонял своего ишака. Были и неприятности: например, ишак у Стаса Охрименко на слож-

ном месте, где грохотал водопад метров на 20-30 круто вниз, упал и поскользился вниз. Стас, пытаясь его удержать, полетел с ним. Ребята Стаса вытащили, он отделался ушибами и выбитым плечом. Толян тут же вставил плечо на место, благо он имел в этом деле собственный опыт. И ишака, хоть и с большим трудом, но все же вытащили. И уволили. Но водопад там страшный.

Примечание. Ишак у Стаса действительно упал, но это произошло в конце сезона, когда мы всем лагерем спускались от озёр к тому месту, где уже можно перегрузиться на машины. Стас с ишаком благополучно спустился мимо опасного каньона, в котором грохотал поток, и вышел на тропу, пересекавшую слежавшуюся осыпь. По этой плотной осыпи они и катились./Б.

Маша в фанях

Жили мы на Малом озере. Готовили на костре — сухой арчи кругом валялось предостаточно. Когда мы пошли на восхождение в самом начале, в лагере Машу потеряли. Там оставались Наташка Ни и Толя Седов — ответственные люди. Сразу стали искать — нигде. Был переполох. Потом все же нашли в яме рядом, где она крепко спала в спальном мешке. Наверное, закатилась туда случайно. Всегда вспоминали, что в наше отсутствие ее старались вымыть, переодеть. Но... ненадолго. Что-либо делать или кушать она соглашалась только за фуфулю. Это значит за конфетку. Это Толя Седов так рассказывает.

В 78 году Толян совершил четыре восхождения по маршрутам 6-ой категории сложности: вершину Бодхона по З. стене (маршрут Сенчины), вершину Чапдара по С.З. стене (маршрут Солонникова), вершину Зиндон по С. стене (маршрут Емельяненко, получивший золото на чемпионате СССР), вершину Чапдара по С.В. стене (маршрут Моногарова, получивший золото на чемпионате СССР). На всех четырёх шестерках с Винокуровым был Витя Мерлис.

Я сходила с ними на вершину Бодхона по З. стене, маршрут Сенчины, состав группы: Винокуров, Мерлис, Винокурова, Прокопенко.

Воду мы с собой не несли, надеясь на следы снега, видные на фотографии. Но стояла жара, и весь снег, наверное, растаял. Хотя слева могла быть вода, но мы туда не совались. Там между маршрутами Сенчины и Колчина шла «война» — грохотали «чемоданы». Мы целый день с пересохшим горлом работали

на этой стене и заночевали без воды. Назавтра, как только долезли до первого снежничка, легли под ним и не хотели двигаться. И только на следующий день продолжили движение вверх.

В 78 году Толян и Витя Мерлис выполнили нормы мастеров спорта СССР по альпинизму. Остались фотографии от празднования этого события. Как только разместилось столько народу в нашей 3-х комнатной квартире. Все знакомые и любимые, радостные лица, все улыбаются и все нарядные.

1979 год опять сборы в Фанах

Предстоял первый очный чемпионат СССР на Ягнобской стене (массив Замин-Карор). В этот раз прилетели в Самарканд. В Самарканде базировались вертолеты. Каким-то образом мужики за 150 рублей договорились с вертолетчиком плюс валюта (бутылка спирта), и он нас со всем скарбом и закупленными в Самарканде продуктами перебрал в Алаудинское ущелье на ровное место напротив кошей, откуда начинается крутой подъём к озёрам. Всё быстро перетаскали наверх и поселились около ближайшего к Чапдаре озера. Там было полно дров из арчи.

Перед чемпионатом Толян повел команду на первопроезд на вершину Чапдара по С.В. стене, так называемый Колодец. На эту стену давно заглядывались ведущие альпинисты, но никто выйти на нее так и не решился.

Команда Винокурова состояла из шести человек: А.Винокуров, В.Журздин, В.Мерлис, Ю.Джапаридзе, Е.Монаенков, Л.Воробьев. Шли они стену... Точно могу сказать, что под нее я бегала каждое утро, чтобы посмотреть, 9 раз подряд. Иногда со мной поднимался наш тогда начспас Коренев Эдик. Есть фотография после их спуска, говорящая о том, что там было нелегко. А Толян осунулся и у него даже волосы отрасли. Витя Мерлис мне сказал: «Если бы не твой Толян, мы бы не вернулись оттуда». Дескать, был участок, который никто не взялся пролезть. Толян преодолел эту веревку за целый день. Очевидно, нельзя было забить: и нависает, и крошится, и наискосок. Ну, если Витя не взялся, а он никогда не отказывался, если надо...

Кстати, Колодец так больше никем и не пройден, хотя ташкентские спасатели готовились к его прохождению и даже приезжали к нам во Фрязино на консультацию к Винокурову. Поэтому на самом деле эта 6Б, как все говорят, до сих пор остается 5Б — нет второго прохождения.

После Колодца команда поехала на очный чемпионат СССР на Ягнобскую стену, на которой они прошли первопроезд 5Б+1, но заняли только четвертое место. Потому что Журздину Володе сломанное камнем ребро проткнуло легкое, и ребята

ночевали в двух веревках от ночевок по тактическому плану. Караются очками.

В это время Боря Борисов — руководитель, Юра Калагин, Миша Пархута и я, С.Винокурова, сделали восхождение на Зиндон по С. стене — 6 к.с. Особенно впечатлил горизонтальный траверс с рюкзаком на всю веревку по абсолютно отвесной стене. Но Боря так мягко и уверенно шел первым, что и у нас вселилась уверенность. Я даже сама рюкзак перетащила, хотя Боря предлагал помощь.

1980 год. Снова в Фанских горах

Опять очный чемпионат на Замин-Кароре. Много ребят пошло к выполнению норм мастера спорта: Женя Монаенков, Юра Джапаридзе, Боря Борисов, Юра Калагин. В этот раз летели до Душанбе, потом на машинах до Маргузора, откуда уже проложили дорогу до Алаудин. И мы доехали до места на машинах. Винокуров с командой поехали на Замин-Карор и прошли 1-я Зап. по С.З. стене — 6 к.с. Это восхождение должно быть подробно описано у Б.Борисова.

Пока они ездили, я в это время сходила с подрастающим поколением в лице Коли Опойцева, который у нас появился в 1978 году. Мы с ним сходили в двойке на Адамташ по 4Б, на Политехник 5А, на Замок по С. контрфорсу С. стены 5Б к.с.

В конце совершили восхождение на вершину Чапдара по С.З. стене (маршрут Солонникова) 6 к.с. группой: Борисов, Калагин, Джапаридзе, С.Винокурова, Монаенков. Сейчас это 6Б к.с.

1981 год. Кавказ, Адылсу

Мы едем на Кавказ. Поселяемся на Улыбке Шхельды. Мы получили место на заочное участие в чемпионате Союза. Молодежь заявила маршрут на Северную Ушбу по Столбу. Руководитель Женя Монаенков.

Винокуров пошел с командой до Ушбинского плато понаблюдать за ними. А нам с Борисовым сказал собираться на Ю.Ушбу на маршрут Григоренко-Пригоды — 6 к.с. С рюкзаками и еще с Левого Самсоновым подходить к нему на плато. Так мы и сделали. Рюкзаки были тяжелые. Все-таки отправлялись на неделю. Да еще Лева не опытный набрал всего по два, даже два фотоаппарата, один из них тяжёлый Zenit. Помню, когда мы поднялись на ледопад, я почувствовала сильную слабость от перегрева и перегруза и даже не могла есть. Тогда Боря у меня, лежащей в прострации, под носом поводил шматком сала, который я тут же съела и сразу ожила.

Меня Толян не перегружал, а Боря лидировал этот бастион и шёл, можно сказать, без рюкзака (нёс совсем лёгкий рюкзак). Поэтому у Толяна рюкзак был неподъемный. Особенно тяжело

дался траверс. Выход на крышу тоже был еще тот — в ботинки лилась ледяная вода и за шиворот. А переход на Северную по тонкой, кружевной перемычке над пропастью, бездонной под ногами, — это вообще нечто. Перемычка сыпалась, грозя обвалиться. Но Боря все-таки, как кошка, пролез эту веревку, а мы за ним. Короче, когда мы уже лезли на Северную вершину по простым скалам, я плакала от счастья, потому что Ушба для меня всегда была мечтой. Но подозрительный Боря меня неправильно понял, думая, что я чем-то недовольна. При этом Боря знал и говорил всегда, какая я замечательная на восхождениях, в отличие от равнины. Борисов подробно описал это восхождение в своих мемуарах.

Вернулись в Москву. Гена Стариков — абсолютная истина в последней инстанции в контроле за документацией в нашем советском альпинизме — сказал Винокурову: «Софья выполнила нормы международного мастера спорта — М.М.С. Пусть оформляет». У меня были 4 года подряд восхождения шестой категории сложности. Эти шестёрки и сейчас считаются таковыми, причем маршрут Солонникова — 6Б.

1982 год. Кавказ, Адылсу

В 1982 году первый раз приехала в горы позже остальных (старший ребенок поступал в институт). Наши ребята двумя командами штурмовали Чатын. Это восхождение подробно описывает наш общий любимчик с молодых лет Женька Монаенков. (*Монаенков описывает восхождение на Чатын 81-го года/Б.*) И хотя там говорится, что как бы они разделились на областной «Труд» и областной «Зенит», на самом деле ребята из «Зенита» в спортивном плане давно перешли к Винокурову из-за того, что, когда они отдельно с «Зенитом» ездили на сборы в далекие края, они максимум проходили 5А за все сборы. Так рассказывали и Вадик Шатилов и Лева Воробьев. Они уже собирались бросать все. У Винокурова они быстро довольно выполнили нормы мастера спорта СССР. Они сильно обогатили наш коллектив своей хозяйственностью. Например, при дальних поездках у нас была всегда баня.

Примечание. Читатель может подумать, что в Зените у ребят мастерство не росло или росло медленно, а в Труде быстро. Это не так. На совместном сборе в Фанах в 1979 году команда Зенита была не слабее команды Труда. В команде Зенита было много опытных мастеров спорта, среди молодого подрастающего поколения были прекрасные скалолазы, с которыми мы там и познакомились. Просто в какой-то период в Труде был уклон в скалолазание, а в Зените — в экспедиции, и ещё неизвестно, что интереснее и ценнее. Мы ведь в горы ездим не за разрядами, или, если угодно, не только за разрядами. Конечно, влияние такой богато одарённой личности, как Винокуров, распространялось

и на Зенит, это естественно. Что касается Воробьёва и Шатилова, то они в 78 году ходили в команде Труда, в 79 вернулись в Зенит и ходили с Зенитом. На первенстве СССР 79 года выступала совместная команда под руководством Винокурова, в которой Журздин и Воробьёв были от Зенита. Для Винокурова и трудовцы и зенитовцы были прежде всего альпинистами, ко всем он относился ровно./Б.

1983 год. Пик Евгении Корженевской

В 1983 году мы решили попробовать высоту. Самолетом до Джергитая, потом на вертолете на поляну Сулоева, которая находится на высоте 4000 м. С нами была, как всегда, дочь Мария и наша собачка Тимошка. Высоту мы почувствовали не сразу. Пару часов спустя по прилету начался кошмар. Нас выворачивало наизнанку всех. Назавтра Винокуров скомандовал подъем, хотя никто не спал, и собираться на акклиматизационное восхождение. Забрались на какую-то гору высотой 5000 метров. Спустились к палаткам, и всё восстановилось: и тошнота прошла и стоящие рядом с пиком Коммунизма гиганты, пик Москва и другие, не дают так своим снежным блеском. Потом мы ходили на плато пика Коммунизма на высоту 6000 метров. Кстати, в очереди в культурно обустроенный снежный туалет встретили Туркевича, которого узнали по белоснежной рубашке, абсолютно черным волосам и удивительно синим глазам. Мы его уже встречали в Фанах, и мы, женщины, специально бегали на него посмотреть, настолько он был ярким и красивым.

А также мы там общались с иностранцами из МАЛа. Юра Калагин на титановые ледовые крючья, которые он сам изготовил, выменял много снаряжения у американцев, в том числе палатку, рюкзак. Все было легкое. Потом Толян по образцу сшил себе и мне рюкзаки. Я с ним ходила до 2000-х годов и все жалко было менять на новый.

Когда мы ходили на плато, то обгоняли трёх девушек с рюкзаками. Эти девушки каждый день втроем доходили до какой-то высоты и возвращались назад. Нашим мужикам было их жалко. Ребята с ними познакомились, пригласили в гости. Они американки: журналистка, писательница и судья. Ребята их угощали спиртиком, и они не отказывались. В конце они подарили нам на память по карабинчику.

Винокуров собрался на пик Евгении Корженевской по ЮЗ стене — маршрут Л.Добровольского (из команды А.Г. Овчинникова). Анатолий Георгиевич Овчинников со своей командой МВТУ в 1968 году прошли Южную стену пика Коммунизма. Это было большое достижение Советского альпинизма. Восхождение по ЮЗ стене на пик Корженевской, совершённое в 1966 году командой А.Г.Овчинникова, руководитель восхождения Л.Добровольский, рассматривалось как

этап подготовки к Южной стене пика Коммунизма. Стена на пик Корженевской, по трудности была, как знающие люди говорят, того же уровня, может, короче, наверное.

Команда: А.Винокуров — руководитель, В.Мерлис, С.Охрименко, С.Винокурова на вертолете перелетела на ледник Москвина и направилась в сторону нашей стены. Подход был по нижней части вогнутого зеркала, в его фокусе. Солнце палило нас нещадно. Не было никаких сил. Мы поставили палатку, намереваясь переждать пекло и отдохнуть перед завтрашним выходом на маршрут, который начинался с вертикального ледового взлета.

Витя снял ботинки и залез в палатку. Мы еще не успели залезть, как услышали и потом увидели страшную змею, ползущую на нас. Лавина! Витя вскочил в ботинки, не успев их зашнуровать. Мы убегали поперек, а она все равно ползла на нас. Мимо! Через небольшой промежуток времени оторвалась от соседнего склона справа такая же змея и грохочет на нас. Бежим поперек: вперед, назад! Опять следующая правее прежней оторвалась и прямо на палатку — всю засыпала с коньком. Потом следующая оторвалась еще правее. И так, пока чаша под движущимся солнцем слева направо вся не очистилась от снега. Мы эмпирическим путем уже более-менее нащупали островок, чистый от лавин, и прыгали вдоль него. Когда солнце ушло из наших склонов, мы бросились к месту, где была засыпанная палатка, и начали ее откапывать, собирая примус, коврики. Хорошо еще рюкзаки не распаковали. К вечеру, уже по холодку, от этого гиблого места отправились под маршрут.

Назавтра рано утром все надели кошки и за Толяном прошли довольно большой участок трудного крутого льда. В остальном стена была скальная с трудным лазанием. Могу сказать, что у нас было шесть ночевок на стене и ни на одной мы не собрались вместе. Палатку не ставили — негде было. Помню, одна ночевка была по одному — кто где закрепился. Толян выше, а меня он закрепил в каком-то наклонном уголке, причем самостраховочная веревка не подвешивает, а тянет немножко вбок, так что надо придерживаться за скалы и без конца поправлять систему.

На седьмую ночевку мы вышли как раз на плечо, и можно было поставить нашу палатку. Поставили, залезли. С правой стороны у меня Витя Мерлис. Он постоянно со стоном закидывал руки за голову, при этом задевая мое лицо. В общем, несмотря на накопившуюся усталость, казалось, что я не сплю. Назавтра до вершины надо было дойти по обычному маршруту 5А. После нашей стены, это уже казалось дорогой, по которой все время шел народ. Мужики убежали к вершине. Я шла медленно, но догнала американца, который часто садился и протягивал мне конфетку.

Спускались по 5А быстро. Все казалось после стены простым. Спустились на ледник Москвина. Толян всем сказал рюкзаки не разбирать. Никуда не отлучаться. Но Витюша, как обычно, побегал первым делом ополоснуть ноги. Я тоже хотела отлучиться к ручью, но Толян закричал изо всех сил: «Соня! Мерлис!» Я оглянулась и увидела: вертолет коснулся земли, и ребята уже карабкаются по трапу. Я подбежала к вертолету, схватилась за трап, а Толян меня за коршень (за спину) втащил в вертолет, потому что тот уже оторвался от земли. Витя тоже подбежал, но вертолет взмыл вперед и вверх. Витюше предстоял путь по всему в трещинах Фортамбеку от Москвина до поляны Сулоева. И он появился через 4 суток.

Мы были вторыми проходцами этой стены. Не знаю, ходил ли кто еще эту стену за все это время.

В этот выезд Толян сделал восхождение и на второй семитысячник, на пик Коммунизма, с командой: А.Винокуров, В.Журздин, С.Охрименко, В.Мерлис. Было очень холодно там наверху, и Толян меня не пустил.

Пару слов про ДСО «Труд» и ДСО «Зенит» Московской области. В спортивном плане мы часто ходили вместе. В «Зените» были старые мастера, такие как А.Корсун, В.Пеньчук, В.Кремена. А в «Труде» Богатов после 1968 года исчез, Андреев работал в альплагерях. Но уже с 1969 года появился лидер, хоть и не мастер, это был Винокуров. Лидер не только в спортивном, но и в организационном плане.

В 1975 году произошло разделение «Зенита» и «Труда» в финансовом отношении. Четные годы финансировал профсоюз — это значит ездили раздельно «Труд» от «Зенита». А нечетные годы финансировал совместно тех и других Спорткомитет.

Итак, **1984 год**, профсоюзный год. Объектом на первенство СССР рассматривался пик Маркса. Команда из молодых наших мастеров В.Бойко и В.Ефимова и нескольких КМСов собиралась пройти пик Маркса с юга.

Была организована целая экспедиция на Юго-Западный Памир. Было очень много новых разрядников из областных «Труда» и «Зенита», которые уже ездили с нами на сборы раньше, и совершенно новых, которые в альплагерях набирались альпинистского опыта. Среди них был и новый председатель нашей фрязинской альпсекции Женя Шубин. Саша Лисицин, Володя Печенкин и очень спортивные девчонки Галя Егорова, Ира Павлова и Зина Кильдешова. Хочу еще сказать про необыкновенную женщину Лару Шатилову, которая кормила нас, как повар, причем замечательный повар, на всех сборах с 1978 года по 1984 год.

На Юго-Западный Памир я по очень уважительной причине опаздывала и добиралась одна: самолетом до Душанбе, затем небольшим самолетом до Хорога, в котором заночевала у попутчиков, затем на местном транспорте, опять ночевка. Далее на машине до селения Лянгар, где и был лагерь наших сборов. Остались отрывочные воспоминания по этой поездке: бесконечная езда по Памирскому тракту на высоте 4000 метров. Вначале тракт идет вдоль реки Пяндж, которая являлась границей между СССР и Афганистаном. Иногда встречались солдатики в пятистой форме. Дальше по тракту киргизские юрты. Много лошадей, попадаются яки. Помню на тракте столовую для шоферов. Запомнилось, что внутри помещение просторное с деревянными столами и стульями. Меню на выбор: мясо и мясо из яков, кстати, очень вкусное, потому что свежее.

В эту поездку Толян и я тоже сходили с молодежью на вершину Московская Правда, маршрут Шабанова 5Б к.с.

Володя Журздин с молодыми ребятами: М.Лебедев, Е.Шубин, В.Шатилов, И.Коган сходили на пик Энгельса по маршруту 5Б к.с.

1985 год. Это был особый год. Очный чемпионат СССР в техническом классе проводился в совершенно новом горном районе Памиро-Алая на так называемом массиве Холодная стена, куда и добраться-то было — целая проблема.

Надо ехать по старой разрушенной дороге несколько часов. С шоферами долго договаривались. Они не начинали движения до вечера. И уже в темноте, выпив до конца свою водку, отправились в путь по разрушенной дороге над обрывами в клубах пыли. Я думаю, они пили для храбрости, иначе по такой дороге невозможно ехать нормальному человеку. Страшно. Они гнали вовсю, а мы закрывали плотно дыхательные пути, чтобы не задохнуться от пыли. С нами была уже 10-летняя Мария и наша собачка Тимошка. Казалось, мы едем в ад. Но приехали. Река, подвесной мост, селение, люди. До объекта еще 8 часов пехом.

Не знаю, как остальные добирались, но там были все команды, выступающие на первенстве. Наша команда была заявлена молодыми мастерами: Валера Бойко, Витя Ефимов, Леша Мартынов, Саша Левченко. Все лазуны, особенно — Лешка Мартынов, который имел мастера спорта по скалолазанию. Про Лешу надо отдельно хоть немножко рассказать. Он выделял такие штуки не только на скалолазании, но и на занятиях на снегу делал сальто при самозадержании на большой скорости. Леша один из первых а, может, и первый в стране занялся дельтапланизмом, изготавливая и испытывая дельтапланы. К восхождению на Холодную стену он построил палатку-зонтик, идеей которой в тот момент многие увлекались. Знаменитый восходитель на Эверест В.Балыбердин, чья палатка-зонтик весила 12кг,

приходил в наш лагерь посмотреть и обсудить эту конструкцию с Лешей, у которого она получилась бкг.

Лешу Мартынова звали и Леней и Лешей — кому как нравилось. Когда мы добрались до Холодной стены, у Лешки на голове был настоящий колтун — отросший, свалывшийся «сессон». И он его давным-давно не расчесывал и не подстригал. У меня были с собой ножницы, и мне удалось уговорить его на стрижку. Получилась прическа, которую я назвала «Принц». Заодно и Валера Бойко захотел подстричься. Его прическу я назвала «Королевич».

Так ребята и ушли на свой шестерочный маршрут на Холодной стене. На восхождении, уже наверху, Леха поскользнулся и, сделав какой-то фокус с кульбитом, вцепился в снежную небольшую полку-балкончик, лежащую ниже на стене. У меня просто осталось такое впечатление от рассказов ребят, может, это было не так.

Все команды шли выбранные ими маршруты. Толяна в лагере совсем не было. Он все время находился вначале с Иркутской командой, а потом наблюдал за маршрутами. В нашем лагере продукты кончались. Все были на выходах, а вернутся — кушать нечего. Потому что все запасы были оставлены в селении на расстоянии 8 часов обратного хода. В лагере оставались только мы с А.Корсуном, у которого болела нога, и за продуктами он, следовательно, идти не может. Пришлось мне взять рюкзак и идти вниз по этой безлюдной местности. Когда увидела двух серых, я думаю, волков, но, правда, были они высокие, поджарые, но серые, то немножко сжалась внутри и пошла побыстрее, не оглядываясь. Обрато мне помог доставить продукты на лошади очень симпатичный совсем молодой человек из селения.

Молодые наши ребята вернулись с какого-то тренировочного восхождения и собирались пойти на Холодную стену по 5Б. Предложили составить им компанию. Это были: Федор Ахматов, год назад выполнивший мастера спорта, Гена Гурьев — 1 разряд, Сережа Викулин — 1 разряд.

Честно говоря, что-то мне не очень хотелось идти с Сережей. Но зато Федя — блеск и Гена хорош. В общем, почти в начале движения отвесная стена, по которой Федя прошел на двойной веревке. Где-то в конце веревки стена заканчивается щелью, из которой, как перья, торчат огромные камни. Федор аккуратно их миновал и сказав: «Здесь аккуратней», вылез на верх стены, где закрепил веревку. Я подумала: теперь мне идти. Хотя я стояла на выступчике, пристегнутая к двум веревкам, но на само страховку к крюку перед носом не стала, так как собиралась идти, но не успела. Почему-то стоящий ниже меня Викулин уже шустрил по перилам. Первый раз оказалась я в такой дурацкой ситуации. Стало тревожно — я стояла прямо под камнями и никуда не деться. А Викулин — слон. И хотя он говорил, что камней

не трогал, после того, как он их миновал, они все, огромные, полетели на меня. Перед глазами молния и темнота. Когда пришла в сознание, не поднять ни рук, ни ног. Подумала: и глаз выбила. А глаз просто был залит кровью. Каска разбита, повисла на одной веревке, вторая перебита. Снизу голос Гурьева: «Соня, я сейчас!».

Меня спасло то, что не была пристегнута жестко к крюку, иначе бы — в блин. Камни сгребли меня со стены, и я летела вместе с ними. Отделалась переломом основания лопатки, ну и с позвоночником повозилась. На память остался шрам над правой бровью.

Ребята, команда, уже вернулись со стены и, получив известие, мгновенно примчались. Бойко — прямо на стену. Выхватывая друг у друга, они прямо на плечах, бегом, по ужасной морене донесли меня до лагеря.

Ребята наши, не помню, какое место заняли, но не призовое. Первое место, золото, получила команда Иркутска, руководитель Валера Попов. И золотую медаль тренера получил Толян. Не знаю, как и когда они его засчитали своим тренером. Но медаль лежит у меня в серванте, как самая почетная награда. От всего, что связано с Толяном, мне так радостно.

1986 год. Много выросло ребят до первого и почти до первого разряда. Все хотят ехать в Фаны. И Винокуров «выбивает» деньги на сборы. Молодежь растет, набирается опыта. У Толяна в книжке, и у меня тоже, записана вершина Бодхона, маршрут Гульнева 5Б к.с. Это восхождение я хорошо запомнила. Была хорошая погода, шлось легко, на вершине заночевали. Утром Толян пошел искать спуск, и не может его найти. Это такой спуск, что, чтобы найти его начало, надо заранее проконсультироваться. На самом деле надо было обойти вершину по винту, и под спрятанным нависанием все и начиналось. Но никто не спросил, никто не знал. Даже Толяновы суперориентирование и суперчутье не помогли. В общем, после нескольких попыток найти, начали спускаться по стене. 23 дюльфера! как сейчас помню. Все железо оставили. Но Толян никогда ни о чем не жалел. И он сам выходил из иногда очень трудных ситуаций. Например, я вспомнила, как при описанном выше восхождении на Ушбу, в темноте дюльферя с Южной вершины к стоящему на самостраховке Самсонову. Кругом крутые склоны во льду и в снегу. Нигде ни малейшей площадки для ночевки. Последним спускается Винокуров. «Толян, тут нет места для палатки». Голос Толяна, как бальзам на душу: «Ничего, сейчас найдем»... И ныряет вправо за гребешок, оттуда раздается: «Давайте сюда!» Этот уверенный голос — уже счастье для уставших нас, хотя площадки-то не видно. Начинаем ледорубами рубить лед, разравнивать хаос. Через небольшое время

палатка стоит, застрахованная вместе с нами. Толян разжигает примус, топит снег. Становится тепло и уютно от жужжания примуса. Мы, усталые, мгновенно засыпаем. Толян будит: «Давайте кушать!» Какое счастье, что все это было с нами.

1987 год. Винокуров организывает сборы (все он делал в свой отпуск и в свое личное свободное время — если учесть, что он работал на заводе) на Тянь-Шане по старой схеме: вначале на базе а/л Ала-Тоо, а потом в Караколе. Мне он сказал: «Ну, взял тебе отделение молодых, красивых ребят». Эти ребята приближались к первому разряду. Проведя с ними все положенные занятия и тренировочное восхождение, сходила с ними на 4Б.

И правда, ребята были красавцы, только что окончившие МФТИ: Саша Анкудинов, Леня Бутов, Костя Шмаков. В этом же отделении ходила наша фрязинская альпинистка Света Головизнина.

После Ала-Тоо на двух больших машинах поехали в город Пржевальск, а потом в Каракол. Оказалось, в этом году, кроме моего отделения, к нам добавилось много ребят из альпклуба Физтеха и из других мест области, которые уже имели первый разряд. Это были: А.Тельпов, А.Каюков, С.Багиров, А.Лисицин, Т.Мурашко, Т.Зуева.

Винокуров сходил с ними на вершину Джигит 5Б в довольно плохую погоду. Но вернулись они восторженные и очень подружившиеся.

У нас даже был свой повар. Но так как все были постоянно на восхождениях, то в базовом лагере у повара питались регулярно наши дети. Маша в том числе. А Тамара Мурашко не ленилась сбегать вниз, порадовать ребят испеченными ею оладушками. Еще и борщ сварить.

В Караколе я тоже сходила на Джигит справа по маршруту Левы Павличенко, так называемый Бык, тогда считалась б.к.с. Не могу вспомнить с кем. Кажется, с Витюшей Мерлисом и еще двое. В моей классификационной книжке он не записан.

1988 год. Сборы в ущелье Ак-Су. Молодежь ходила, в основном, на тройки, четвёрки. Старики ушли. Группы сходить на что-то, типа маршрута Попова, не было. Погода была плоховатая. Выпускающим был Володя Журздин. Приехал уполномоченный федерации В.Шатаев, который сообщил, что разрешили ходить женскими группами. И даже вводили понятие «первенство женских команд по альпинизму». У нас образовалась группа: Т.Зуева, Т.Мурашко, Е.Лебедева, И.Павлова. Журздин их выпустил на вершину Домашняя 5А.

У Толяна в книжке записано восхождение на пик Достоевского 5А. А я сходила с ребятами на вершину Блок.

1989 год. Оказалось, что в техническом классе за Московскую область может выступать только физтеховская молодежь. Винокуров предложил ребятам в лице А.Тельпова оформлять сборы. Собрались ехать в Каравшин. Однако выяснилось — в этом году это было опасно. Киргизы воевали с таджиками за земли. Винокуров предложил поменять Каравшин на Фанские горы.

Опять Фаны. Этот выезд состоял в большей части из альпинистов МФТИ, которые примкнули к нам в 1987 году в поездке в Каракол. Эту поездку хорошо описывает Шура Тельпов, про которого мои дочери сказали: «Ему надо зарабатывать не физикой, а написанием книг». Но Шура, он во всем имеет такой талант.

Хочу добавить про этот год, что я ходила под плечо Парандас и в бинокль наблюдала прохождение всего маршрута. Когда вышел вперед Толян, я сразу сказала, что это он, хотя издали было неразличимо. Все пошло ощутимо быстрее. Ведь Витя Комаров из тяжеленьких атлетов и идет надежно. Расстояние между точками у него меньше. Молодец, что он это отлично понимает, и не срывается, говорят, проходя самые сложные участки.

1990 год. Мы с новой командой добирались до Каравшина от Варуха. Особенно тяжело дался двухдневный переход с рюкзаками по ущелью вдоль грохочущей грандиозной реки Каравшин с черной водой. А пить больше не откуда было, кроме двух мест. Жара, местность открытая. Кое-кому даже было плоховато.

Разместились на поляне недалеко от коша, где, кстати, можно было попить айрана. Из стариков в этот раз даже Мерлиса не было. Добрался в одиночестве, потому что опоздал, Боря Борисов, которого Толян попросил быть судьей по альпинизму (*Неточность. Я посещал Каравшин в 1991 году/Борисов*). К совсем молодым совершенствующимся добавился приехавший из Швейцарии Дима Гешкенбейн.

Прямо перед нами огромная, ближе к вертикали, стена горы Асан. На поляне расположились команды различных округов Министерства Вооруженных Сил. Проводился очный чемпионат среди них по принципу: кто сходит больше гор за меньшее время с учетом сложности. Ну, и там всякие штрафы. После каждого восхождения армейцы проводили разборы. Толян ходил на разборы. Я частенько увязывалась за ним. Было очень интересно услышать про прохождение различных сложных маршрутов различных команд. Увидеть конкретно, кто прошел какие ключи. В основном, это были шестерки на Асан и на пик 4810.

Мы с Толяном в двойке сходили на Желтую стену 5А, а потом еще на Асан 5Б по восточной стене с одной ночевкой. Палатку мы, конечно, не брали. Ночевали на узкой полке на стене. Толян к стене, я – с краю. Было морозно. Крепко прижималась к его

спине, думая, что согреваю. Но это была привычка, моя любимая привычка, вжимать его в стену, пока он, бедный, не начинал меня потихоньку отодвигать — ведь я же при этом спала, ничего не понимая.

Еще в 90-м году Толян с ребятами ходил на пик 4810.

Вспомнила, что, когда мы возвращались по Коравшину обратно, я побежала впереди и не свернула вправо к источнику, от которого уход от реки. А побежала прямо дальше по реке. Когда добежала до незнакомого подвесного моста, задумалась. И повернула обратно. И тут голос Толяна: — Соня-я-я!... Ты куда убежала? Про источник забыла? — И смеется так добродушно.

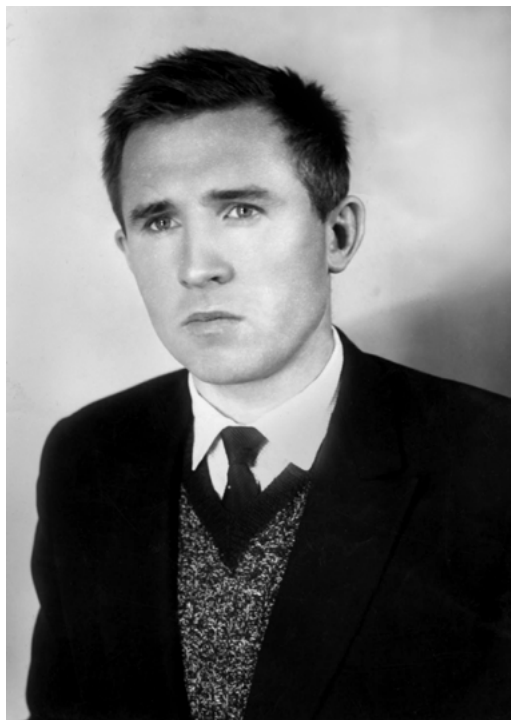
1991 и последующие годы совершенно замечательно описал Александр Тельпов.

Хочу в заключение сказать, что за все это длительное время достаточно активного занятия альпинизмом у нас — Хвала Господу! ни одного случая с печальным исходом не было. А травмы даже вспомнить трудно: перелом руки, перелом ноги, легкое сотрясение.

И всегда, на все сборы Толян находил где-то хорошего врача. Например, на Холодной стене был у нас врач-хирург Штановский, по-моему, Дима, который в полевых условиях сделал операцию на голове. Туристу пробил камнем голову так, что видно было, как пульсирует мозг. Врач почистил от осколков и мусора, в прямом смысле этого слова, мозги, как-то закрыл рану. Ассистировали наши ребята. Парня отправили на вертолете, тем более, что он был сыном эстонского министра. Потом парень Штановскому долго писал письма.

Также у нас всегда был повар на сборах. Очень долго ездили с нами Галя Калагина, а также Лара Шатилова поваром. С Шатиловыми ездил сын Коля. И Маша, когда была еще маленькой, говорила, наклоня голову набок: «Мама, я хочу, чтобы ты работала поваром, как Колина мама». Это было ее недостижимой мечтой детства.

ФОТО ИЗ АРХИВА
СОНИ ВИНОКУРОВОЙ

Винокуров

*На тренировке
в Подмоскowie.
Винокуров и Седов*

Винокуров в горах

1969 год. Красноярск, Токмак.
Слева направо: Седов, Подымов, Винокуров

Редкая фотография — на слете в Подмоскowie, 196X(?).
Шафеев, ХХ, Цемко (в берете), Тутушкин, Кукушкин,
Корошоков, Журздин, Мерлис, Барашков, Шкунов, Андреев

1970 год. Слева Соня
Кравченко, Света Грачёва.
Справа Коля Цемко.
В Крым!

Винокуров и Наташа Ни

*На праздничной демонстрации во Фрязино.
Слева направо: Винокуров, дочь Маша, А.Седов*

Винокуров в Крыму. Ай-Петри, 1971

*1969 год, Ала-Арча. Приготовление обеда.
В платочке И.Шалаева, напротив – Наташа Ни.
На бревне сидят Соня Кравченко и Ч.Муради.
Стоят Б.Калинычев и К.Корошоков*

*Пик «Свободная Корея», Северная стена.
Район Ала-Арча, Тянь-шань.*

Август 1969. После восхождения на пик Свободная Корея. Слева направо: Виктор Андреев – мастер спорта, Анатолий Винокуров – I разряд, Николай Цемко – I разряд, Евгений Подымов – I разряд.

Замечательная фотография. «На взлёте, или первая молодость Винокурова». Ещё только в прошлом году Винокуров был третьеразрядником, а сегодня он прошёл маршрут высшей категории сложности, 5Б. Прошёл маршрут первым. Вместе с ним шли сильные альпинисты Московской области – первая команда Винокурова. Это его победа. Посмотрите, трое довольны успехом, а Винокуров смотрит вперёд: «Начало положено. Ну, что там ещё предстоит пройти?» /Б.

*Разбор восхождения в Фанах 1978 год.
Справа налево: Прокопенко, Воробьёв, Опойцев,
Борисов, (?), Охрименко, (?), Винокуров, Джапаридзе, (?),
Винокурова, Шатилов.*

*В горах. Маша, дочь
Винокурова*

*Маша и Галя в Фанских
горах*

*1977 год. Соня с дочкой
Машей в Фанских горах*

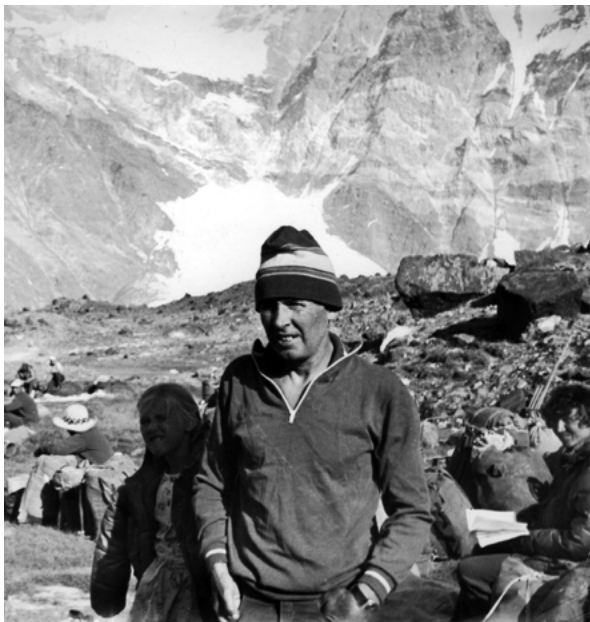
*Вверх по вертикали.
Винокуров впереди*

Винокуров идёт первым

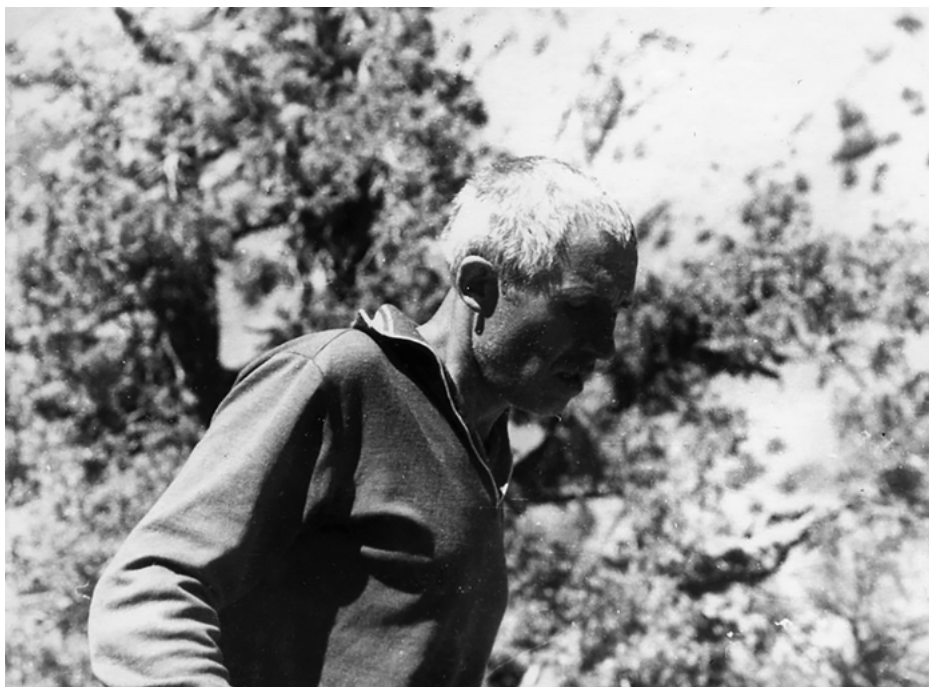
*1985 год. Под Холодной
стенной. Соня стрижет
Л.Мартынова*

1983 г. Под пиком
Коммунизма.
Винокуров и Маша

Винокуров После Колодца
1979 г.

Анатолий Филиппович
Винокуров – альпинист

КОЛОДЕЦ ВИНОКУРОВА

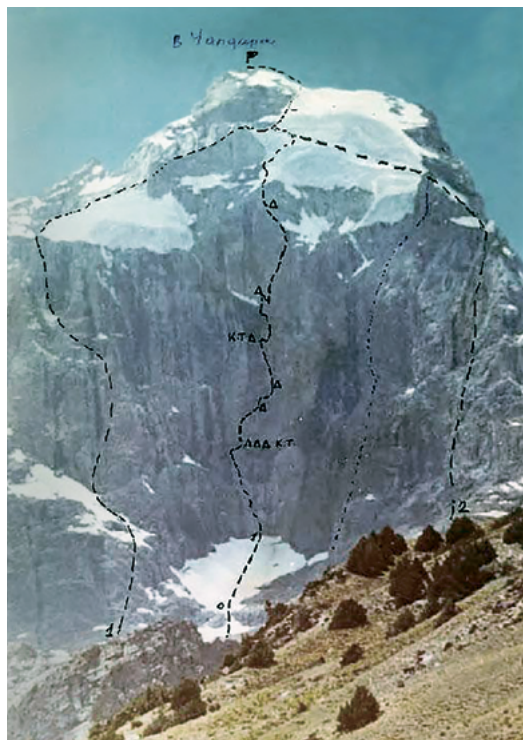
ВОСХОЖДЕНИЕ НА В.ЧАПДАРА ПО ЦЕНТРУ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ СТЕНЫ В 1979 ГОДУ

Среди новых маршрутов, проложенных Винокуровым в Фанских горах, выделяется восхождение по Северо-Восточной стене вершины Чапдара — прохождение «Колодца». Восхождение совершено в июле 1979 года и не повторено до сих пор (сейчас 2016 год). Прошло почти сорок лет, а так никто и не смог снова пройти «Путём Винокурова».

Чапдара смотрит на лагерь, на озёра, своей Западной стороной. В наши времена (1978-80 годы) с запада была одна шестёрка (маршрут В.Солонникова, 1972 года), остальные маршруты на Чапдару с запада — 5Б и 5А. С противоположной стороны, с востока, Чапдара тоже обрывается крутыми стенами. Там были проложены шестёрки и пятёрки «Б», восточная сторона казалась более крутой. И с запада и с востока стены практически сухие, но маршруты с востока считались более сухими.

Когда идёшь под восточные стены, то обходишь Чапдару с севера. Сначала переваливаешь через травянистый гребешок. Спускаешься, и сразу за поворотом видна вертикальная и мокрая стена, обращённая к северо-востоку. Все идут мимо, к своим сухим шестёркам и пятёркам «Б», а мокрая стена остаётся справа. Скользнёшь взглядом, посмотришь на эти скалы, красные, коричневые, местами рыжие или шоколадные, как на чудо природы, и идёшь дальше. Везде водопады и водопадики, водяные потёки и капель. Не приходят в голову мысли, обычные для азартного скалолаза: «Вот бы здесь пройти!». Нет сухих скал, нет гребешков, щелей или каминов, на которые смотришь, как на вызов твоему уменью. Всё мокрое, вертикальное, и ещё, кажется, непрочное. Гнилое безнадежное место.

Когда назвали этот участок стены Колодцем — не знаю. Выглядит это место не узким колодцем, а довольно широкой вогнутой стеной, вроде амфитеатра. Сверху, на «крыше» Чапдары, довольно обширные снежники и висячие ледники, а рельеф там такой, что всё, что стекает или сваливается со снежников и с верхних скал под ними, собирается в этом горле и потом падает по стене вниз. Как в колодец. Не на восточные стены, а сюда. Снизу под стеной тоже снежник, на котором скапливаются лёд и снег, прилетающие с «крыши». Снежник растёт зимой, когда падают не водопады, а лавины. Всё это хорошо видно на фото. Фотография

взята из Интернета. Маршрут, пройденный командой Винокурова, проходит по центру.

В 1979 году Московская область получила право участвовать в первенстве СССР по альпинизму. Первенство проводилось очным образом на Ягнобской стене (вершины Замин-Карор). Сбор альпинистов Московской области было решено проводить в Фанских горах, которые расположены недалеко от Ягнобской стены, и где имелось много интересных маршрутов для всех участников сбора. Тем самым учитывались интересы и команды и остальных участников сбора.

Винокуров был капитаном команды, выступавшей на первенстве, тренером считался Б.В.Даутер. В команду Винокуров включил пять человек, он шестой. Перед выступлением на первенстве решено было пройти командой

маршрут шестой категории, шестёрку. Чтобы войти в форму и отработать взаимодействие в команде. Вместо ординарной шестёрки Винокуров повёл команду на Колодец.

Маршрут, что называется, «выношен» Винокуровым. Он его многократно просматривал, продумывал, мечтал пройти. Маршрут оказался тяжёлым и потребовал напряжения всех сил. Это сложная крутая стена с карнизами и нависающими участками, которую и в сухом варианте пройти было бы непросто. А здесь их вдобавок прямо заливало водой. И никаких обходов: слева гремят обвалы и справа, один путь — вверх...

После возвращения на Алаудинские озёра команда приходила в себя, отдыхала, а потом уехала на Замин-Карор для участия в первенстве СССР. Там прошли тоже сложный маршрут, но сухой.

Ниже привожу выдержки из отчёта, составленного группой в Москве сразу после приезда. Данный текст взят из Интернета.

ЧАПДАРА, по центру Северо-Восточной стены
(м-т А.Винокурова, 1979)

ПАСПОРТ ВОСХОЖДЕНИЯ

Класс восхождения

высотно-технический

*Северный отрог Восточного Фанского хребта.
Вершина Чапдара, высота 5297 м,
по центральной части Северной стены («КОЛОДЕЦ»).*

Предполагаемая категория трудности 6 к.тр.

Характеристика маршрута:

перепад высот	2200 м
Протяженность участков V к.тр.	320 м
Протяженность участков VI к.тр.	530 м
Средняя крутизна	85°

Забито крючьев для страховки:

скальные и закладные	185 шт.
шлямбурных	6 шт.
ледовых	9 шт.

Для создания искусственных точек опоры:

скальные и закладные	68 шт.
шлямбурных	11 шт.
Количество ходовых часов	101 час.
Количество ночевок	8 (сидячие и полулежащие)

Участники:

Винокуров Анатолий Филиппович,	М.С. капитан
Журздин Владимир Иосифович,	М.С.
Мерлис Виктор Петрович,	М.С.
Джапаридзе Юрий Атарович,	К.М.С.
Воробьев Лев Федорович,	К.М.С.
Монаенков Евгений Иванович,	К.М.С.
Тренер команды:	
Даутер Борис Владимирович,	М.С.
Дата выхода на маршрут:	8 июля 1979 года.
Дата возвращения:	16 июля 1979 года.

Краткое пояснение к таблице

По характеру стены и крутизне скал маршрут по центру Северной стены «КОЛОДЕЦ» можно разбить на пять частей.

Первая часть (участки 1-3) представляет собой стену протяженностью 220 м, с крутизной порядка 75°. Скалы монолитные, заглаженные, с небольшим количеством зацепок, постепенно переходящие во внутренний угол, местами мокрый.

Вторая часть (участки 4-12) представляет собой гигантский откол с нависающим участком скал от 90° до 95°, что делает этот участок менее проходимым в свободном лазании и вынуждает использовать искусственные точки опоры. Рельеф скал на этом участке еще более бедный, чем на предыдущем. Прохождение возможно только по левой части гигантского откола.

Третья часть (участки 13-18) крутые, порядка 88° сильно разрушенные скалы красного цвета. Самое сложное место с точки зрения безопасности прохождения маршрута. Встречаются участки очень слабой породы, где камни могут вываливаться от малейшего прикосновения.

Четвертая часть (участки 19-22) представляет собой 85° крутые скалы с нависающими стенами и карнизами, с бедным рельефом и с малым количеством трещин для забивки крючьев. Это очень осложняло прохождение данного участка и маршрута в целом.

Пятая часть (участки 23-25) представляет собой простые скалы типа «бараньих лбов», переходящих в снежно-ледовый склон, который выводит на вершину Чапдара.

Тактика поведения восхождения

Тактический план проведения восхождения предусматривал оптимальную организацию движения группы на основании проведенной разведки маршрута и его наблюдения, изучение отчетов прохождения маршрутов на стене, совершенных ранее. В данный тактический план входит разбивка маршрута на участки с ориентированным указанием места ночевки и тактические меры безопасного продвижения по маршруту (организация ночевки, движение под укрытием, движение по двойной веревке, использование беседок и зажимов).

Следует отметить, что при прохождении маршрута оценка большей его части оказалась правильной, а большое число отвесов и нависаний способствовало правильной организации тактического плана безопасного прохождения маршрута.

Наиболее существенным оказался просчет оценки заливаемости стены водой (с 10 час. до 14 час.), что сказалось на движении группы в целом при прохождении маршрута. Группа вынуждена была переждать это время под нависающими стенками и карнизами.

Характер движения участников на маршруте был выдержан в соответствии с тактическим планом — движение всех только на

двойной веревке с использованием зажимов, беседка-лесенка на нависающих участках и отвесах без рельефа, или с подтягиванием рюкзака страховочной веревкой на более простом рельефе.

Заключение

Пройденный командой МОС ДСО «ТРУД» маршрут по центральной части Северной стены («КОЛОДЕЦ») является интересным и логичным. Маршрут напряженный и протяженный, требует от всей команды хорошей физической и технической подготовленности.

Средняя крутизна маршрута порядка 85°. В техническом плане маршрут сложный, требуется тщательный подбор снаряжения, владение высшей скальной техникой и тактикой современных ственных восхождений. Весь маршрут проходится только в резиновой обуви, галоши или ботинки типа «вибрам».

Места для бивуаков на маршруте имеются согласно описания. В наиболее сложном месте применялось вытягивание рюкзака.

Пройденный маршрут по своей технической сложности сильнее всех классифицированных маршрутов высшей категории в Фанских горах (все они были пройдены членами команды в предыдущих сезонах).

Учитывая то, что по центральной части Северной стены не проложено ни одного маршрута, маршрут по «КОЛОДЦУ» считается самостоятельным и пройденным впервые.

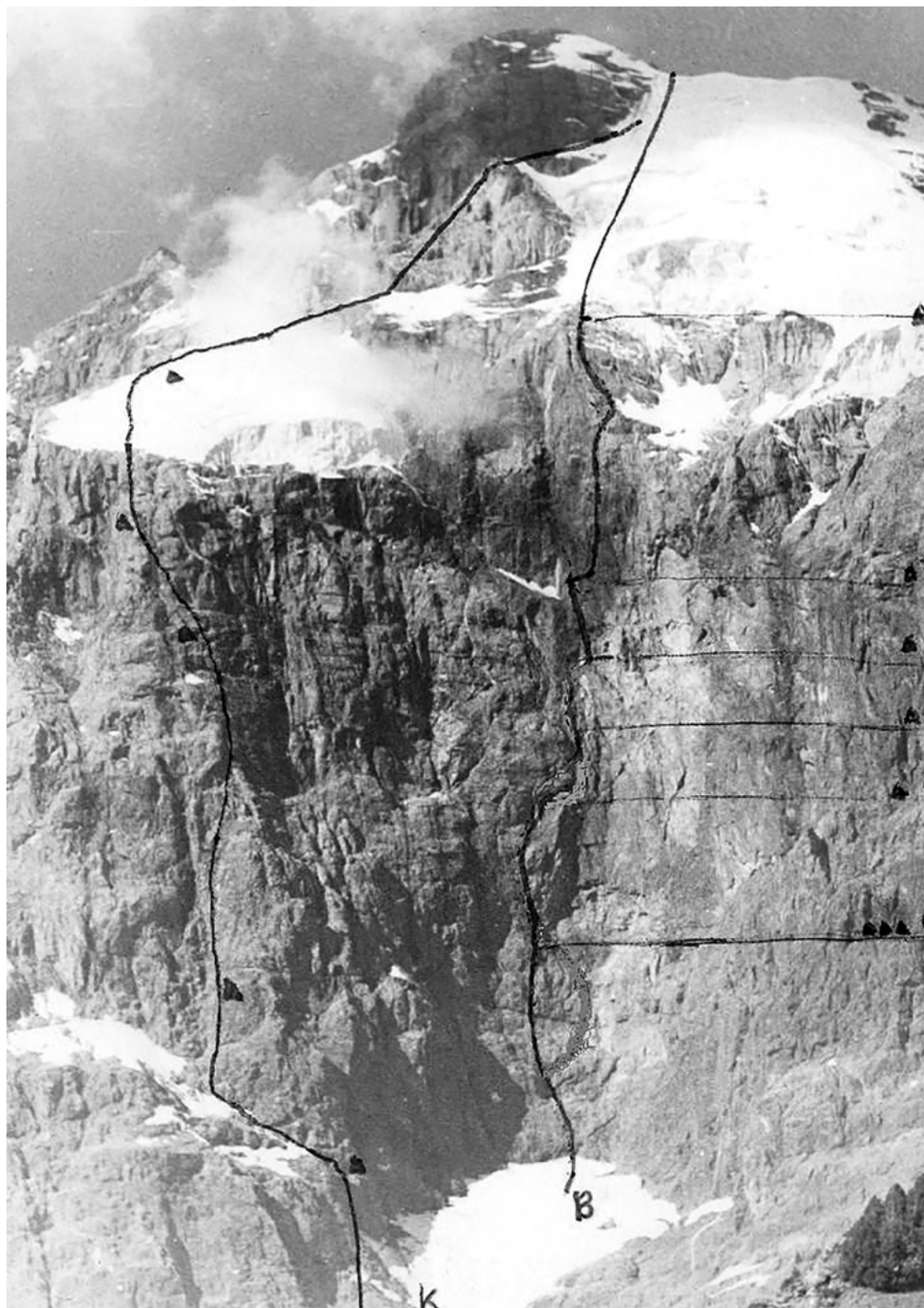
По опыту совместных восхождений 5Б и 6 категории трудности на Кавказе и в Фанских горах участники команды считают, что маршрут на вершину Чапдара по центральной части Северной стены («КОЛОДЕЦ») соответствует 6 категории трудности, и может быть рекомендован для групп, имеющих достаточный опыт ственных восхождений 6 категории трудности. Конец цитаты.

Ребята вернулись уставшие, под впечатлением от того, что им пришлось пройти. Говорили, что это труднее всех шестёрок, которые они проходили до этого. Соня на Винокурова ворчала: «Ты их чуть не угробил». Винокуров быстро пришёл в себя, был бодр и весел.

Осенью того же, 79-го года я был в гостях у Винокурова. Вспоминали и это восхождение. Толя говорил: «Я теперь любое место могу пройти. Нет таких скал, чтобы не прошёл. Хоть по потолку. А знаешь, кто самый волевой? Журздин!...»

Воспоминания Джапаридзе, Журздина и Монаенкова можно прочитать в этой книге. Рассказ Винокурова про Колодец тоже есть в этой книге (см. *Б.Борисов, «В команде Винокурова, Беседы с Винокуровым»*).

На фотографии Геннадия Старикова (см. фото ниже) слева от Колодца нанесен маршрут Кустовского. В 1989 году, через

Автор фото Геннадий Стариков

К – маршрут Кустовского, В – маршрут Винокурова

Слева показан маршрут Кустовского, который прошла женская команда
Московской области в 1989 году под руководством
Тамары Зуевой и с напутствием Винокурова.

десять лет после восхождения по Колодцу, маршрут Кустовского прошла женская команда со сборов, руководимых Винокуровым. Восхождение было совершено в рамках первенства СССР по альпинизму среди женских команд.

Справка. Цитирую по Книге выходов:

Дата выхода	20.07.1989
Состав группы	Зуева Тамара рук, Лебедева Е., Железникова Е., Агаркова И.
Вершина, маршрут	Чадара по СВ стене (Кустовского), 5Б
Выпускающий	Винокуров А.Ф.
Время возвращения	28.07.89 в 10 ⁰⁰ Восхождение совершено в полном составе

Б.Борисов

Часть II
В КОМАНДЕ ВИНОКУРОВА

Предисловие

В том, что написано ниже, я делюсь с вами своими личными впечатлениями от моих поездок в горы в период с 1976 года по 1982 год. В какой-либо мере подробной и точной истории альпинизма Московской области здесь нет. Писал я по памяти, сидя за экраном ПК и пытаюсь вызвать перед глазами события тридцатилетней и более давности. Наверняка многое забылось, а что-нибудь вспомнилось не так, как было на самом деле. Поэтому в тексте много таких оговорок: «наверное», «скорее всего» и т.п.

Семь сезонов, с 1976 года по 1982 год я занимался альпинизмом в секции общества «Труд» Московской области, в команде А.Ф.Винокурова. В команду входили альпинисты, работавшие в научных организациях и на предприятиях области. Основные центры альпинизма Московской области – город Подольск и город Фрязино плюс Щёлково. Третий областной центр альпинизма – город Калининград (ныне Королёв) относился к обществу «Зенит», там была своя команда. Кроме того, в области были альпинисты из других спортивных обществ: из студенческого общества «Буревестник», из общества «Спартак». К областному «Буревестнику» относились ВУЗы: Московский Лесотехнический институт и Московский Физико-технический институт (МФТИ).

Винокуров был создателем, руководителем и душой команды «Труда». Анатолий Филиппович и его жена, мастер спорта по альпинизму Софья Ильинична Винокурова, проживали в то время в Московской области, в городе Фрязино. В настоящее время Винокуров живёт в городе Щёлково недалеко от Фрязино, где, кстати, живёт и Юра Джапаридзе, один из самых активных и спортивных винокуровских учеников.

Что касается меня, то могу сказать, что мне в жизни повезло. Повезло в том, что мои занятия альпинизмом проходили под влиянием таких цельных неординарных личностей, как Анатолий Георгиевич Овчинников в Московском «Буревестнике» и Анатолий Филиппович Винокуров в обществе «Труд» Московской области.

Винокуров прочитал мой черновой вариант, после чего в январе 2012 года рассказал о своём богатом альпинистском прошлом. Выдержки из его рассказа вставлены в основной текст, а всё, что не попало в эти обширные цитаты, я решил всё-таки привести в приложении. Потому что рассказы Винокурова всегда интересны.

Добавлено в феврале 2016 года. Эту свою повесть я написал в 2011 году и отложил в ящик с такой надеждой, что придёт срок, когда освобожу голову от лишних забот. Тогда я вернусь к этим материалам, отредактирую, свяжу с другими воспоминаниями и опубликую. Время шло, день за днём, месяц за месяцем, год за годом... Казалось, источник его (времени) неиссякаем. Так, наверное, чувствовал и Винокуров, потому что он строил Дом. Ездил в горы и строил своими руками дом недалеко от Щелкова. Дом большой и просторный, крепкий на века, для близких ему людей и для себя. Дом он построить успел...

Винокуров в наших глазах был настолько могучим и непогрешимым, что, думалось, все мы, выросшие под его крылом, уйдём один за другим туда, откуда нет возврата. А он, капитан, хоть и старше возрастом, но уйдёт последним. Но случилось то, что случилось. Толя тяжело заболел, и 23 декабря 2015 года его не стало.

Февраль 2016

ПРЕДЫСТОРИЯ. НЕМНОГО ПРО СЕБЯ ИЛИ КАК Я УЗНАЛ ПРО ВИНОКУРОВА

Альпинизмом я начал заниматься в МГУ, будучи студентом третьего курса. В 1957 году под руководством Игоря Ерохина в Безенги на Мисес-коше была проведена большая альпиниада МВТУ-МГУ, в которую я поехал новичком. В последующие годы занимался альпинизмом в альпсекции МГУ и на сборах Московского «Буревестника». У нас образовалась такая группа: Володя Бобров, Валера Кравченко, Юра Зыков и я. Все выпускники МГУ. Трое окончили Университет в 1959 году, Юра Зыков на два года позже. По воскресеньям мы тренировались под руководством ЗМС А.Г.Овчинникова, там тон задавали ребята из МВТУ, хотя у Овчинникова никаких запретов не было, на тренировки приходили все, кто хотел — ребята из МАИ, МЭИ и других вузов. С 1966 года Овчинников начал проводить высотные экспедиции «Буревестника». Непосредственным организатором и начальником экспедиций в те времена был В.Т.Галкин. В 67 году мои друзья улетели на Памир, в экспедицию, а я остался в Москве. Отказался по семейным обстоятельствам. В 68 году в экспедицию мы поехали уже в полном составе, вчетвером. Экспедиция планировалась с размахом: сначала восхождения в районе Алла-Арчи, потом пик Ленина и прыжки парашютистов на пик, потом пик Коммунизма.

Я выбыл на первом этапе экспедиции 1968 года. Может, пропущенный сезон сказался, не знаю. В Алла-Арче мы ходили на пятёрку, на спуске я стал заболеть. Ничего страшного, грипп, что ли. Однако этим дело не кончилось, начались осложнения, приступы, стал задыхаться и т.д. Пришлось улететь из Фрунзе в Москву.

А мои ребята отправились на пик Ленина, где развернулась трагическая эпопея с парашютистами. На следующий

Б.И.Борисов

год я поехал на Памир снова с командой «Буревестника». Там выяснилось, что здоровье не восстановилось, и мне придётся расстаться с командой, ребята которой сделали замечательные восхождения — Южная стена пика Коммунизма (1968), траверс хребта Победы (1970), восхождение на Эверест (1982).

Здоровье моё пошатнулось, в горы ездить перестал. Раньше было как: нагружаешь себя, сколько можешь и даже сверх того, потом отдышишься, перекусишь, и снова работоспособен. Теперь же, если немного перегружался, то не восстанавливался долго, неделю или ещё дольше. Работать тоже не мог в полную силу. Я пишу про здоровье вот почему. Винокуров помог мне в спортивных успехах, без него я (как и другие) не стал бы Мастером Спорта, спасибо ему. Но он сделал для меня неизмеримо больше — помог восстановиться, выползти из той ямы, в которую я попал.

При подготовке этой книги прочитал воспоминания Сони Винокуровой, где она пишет про Алла-Арчу и про Колю Цемко (талантливый альпинист, выпускник МЭИ). Коля, будучи в Алла-Арче в 1972 году, тоже заболел, и начало похожее — температура и т.п. Ему повезло меньше: если я, в конце концов, выкарабкался, остался жив, ходил на восхождения и пишу эти строки, то Коля, вернувшись домой, продолжал болеть и вскоре умер. Что-то есть в Алла-Арче, что так плохо действует на некоторые организмы. Добавлено в 1916г.

Вернусь немного назад. После окончания МГУ Бобров, Зыков и я остались в Москве, а Валера Кравченко уехал в Новосибирск. Пробыл он там недолго, вскоре вернулся, и не один, а с молодой женой, альпинисткой. Звали её Соня, Софья Кравченко. Тогда у неё был первый разряд или под первый. Альпинистка она была сильная, Валера отзывался о ней с восхищением. Валера стал работать во Фрязино, там же нашла работу и Соня. Фрязино недалеко от Москвы, мы часто встречались, теперь уже семьями, и в Москве, и ездили к ним во Фрязино. В 1965 году у Валеры и Сони родилась дочка Галка. Галя Кравченко, о ней тоже мой рассказ.

Валера ездил вместе с нашей четверкой на сборы и в экспедиции «Буревестника», а Соня познакомилась с местными альпинистами (города Фрязино, Щёлково), с ними стала тренироваться и ездить в горы. Эти отдельные поездки кончились вот чем: Соня встретила Винокурова, развелась с Валерой и стала Софьей Винокуровой.

С Валерой мы здесь расстанемся, но слова два добавлю на прощанье. Валера был сильным перспективным альпинистом, выносливым, волевым и разумным. Дорос до высотника, а дальше у него не пошло. На высоте у него начинало болеть горло. Слава Богу, обошлось без последствий. Занятия альпинизмом Валера

прекратил, занимался наукой, где достиг больших успехов. Плодотворно работает до сих пор.

В 70-м году я поехал в Безенги на вторую смену с группой молодых разрядников из МГУ. Где-то в середине смены в лагере вдруг появилась Соня. Говорит, они приехали небольшой командой сделать одно-два восхождения. Они вне лагеря, сходят и уедут. Я ей говорю, что у меня силы нет для пятёрок, вот приехал ходить с третьим разрядом. Мы поболтали, а потом Соня полезла бороться со мной. Проверить силу. «Да, мужик всё-таки сильнее женщины», — сказала она, вставая с земли, когда побороть меня ей не удалось. Знакомить со своими ребятами Соня не стала, как, впрочем, и я не знакомил её с моими мгушниками.

Вскоре они ушли на Коштан-тау, маршрут Симоника, очень сложный. Руководил группой Винокуров. Из района лагеря было видно, как они возвращались, примерно, через неделю. Они спускались по той стороне речки, мимо учебных скал, спотыкаясь в траве, заметно усталые. Вид был потрепанный, на восхождении им досталось. Подморозили ноги, Соня и ещё кто-то. После восхождения сразу уехали.

Три года я пропустил, не лучшие были годы в моей жизни. В этот период ездил в Крым на скалы. Почувствовал вкус к скалолазанию. Расставаться с альпинизмом не хотелось, и я сделал очередную попытку восстановиться. В 1974 году поехал новичком в альплагерь «Алибек». В следующем, 75 году съездил в Дигорию в составе сбора Московского «Буревестника», где ходил с отделением третьеразрядников из МГУ. Частично восстановился. К моменту встречи с Винокуровым у меня был подтверждённый второй разряд, формальный первый, и недостаток физической подготовки.

1976 ГОД. В УЛЛУТАУ НА СБОРЕ «ТРУДА»

Весной 1976 года встретились в Царицыно с Соней Винокуровой. Разговорились, кто куда собирается ехать. Я говорю, что не определился, хочу попроситься с «Буревестником», но там как-то неясно. Соня, как всегда энергично, начала выступать:

— А зачем тебе с «Буревестником»? Нечего тебе там делать. Поезжай лучше с нами. С Московской областью. Мы едем в Уллутау. Там нормально будешь ходить. Поехали! — Вскоре Соня позвонила и сказала, что меня занесли в список участников, и чтобы я собирался.

Итак, я еду в Уллутау со сбором Московской области. С билетом в кармане и с немалым рюкзаком приехал на Курскую. Мне надо как-то встретиться с этими ребятами. Дело в том, что в лицо я никого не знал, знал только одну фамилию — Винокуров.

Я встал с рюкзаком внизу на переходе из метро в вокзал, написал на листе бумаги большими буквами «Винокуров», прикрепил его к ледорубу и так стоял, пока Винокуров с товарищами не наткнулись на меня. Уж не помню, почему Сони с ними не было. В поезде познакомились: Юра Джапаридзе, Миша Пархута, Витя Мерлис, Юра Калагин и человек десять или пятнадцать второразрядников, с которыми потом мне ходить не пришлось, и которые не будут фигурировать в моём рассказе.

Едем до Нальчика. В другом вагоне ехал Ким Кириллович Зайцев. Зайцев едет тоже в Уллуатау, там он будет работать начальником спасотряда лагеря. Ким Кириллович быстро нас вычислил, что мы едем в Уллуатау, и потом всю дорогу находился в нашем вагоне, рассказал множество баек и забавных случаев из своего богатого инструкторского опыта. Вскоре начались тосты. Пришлось немного выпить за встречу и знакомство.

В Уллуатау (бывший Химик) я ехал в первый раз. Будучи ещё значкистом, слышал отзывы о лагере «Химик», что это самый спортивный из всех лагерей. О лагере ходили легенды: там и ходят много, и на восхождения встают рано, как нигде. Когда-то пели песенку, переделанную из стихотворения Н.Заболоцкого «Меркнут знаки зодиака», о том, что ночью надо спать, а не по горам шататься:

...Небо чуть порозовело,
Раздаётся сап и свист.
Это лезет в гору человек,
который альпинист.

Мы безрассудно поступаем,
Что проводим ночь без сна.
За всё, что мы недосыпаем,
Платим старости сполна.

И т.д.

Наверное, это про альплагерь «Химик». Тогда, в 70-е годы, чувствовалось, что в Уллуатау сохраняются традиции старого Химика. Традиционно сильный и спортивный состав инструкторов — все инструктора наряду с работой активно ходили на сложные восхождения. Традиционный концерт самостоятельности инструкторов в конце смены. Традиционные песни после ужина на ступенях широкой лестницы с традиционным же бросанием ботинка на линейку. И, увы, инструктора, правда, далеко не все, (традиционно?) позволяли себе. Позволяли употреблять, «но так, чтобы это никак не отражалось на работе». Прямо как у Крылова: «...пей, но дело разумей». Это, действительно, выглядело как дело чести — выпить, и чтобы на следующий день остаться спортивным и работоспособным.

Например, тот же Ким Зайцев с Инюткиным отправились в двойке на Тютюбаши с севера по маршруту Хергиани, сейчас

это 6А. Какой у них там был ужин, только с утра, поднимаясь по ущелью Тютюсу, они прикладывались к каждому ручью. К вечеру пришли в форму и успешно прошли этот сложный маршрут.

Соня приехала в горы с двумя дочерьми. Младшей, Маше, было 11 месяцев, Соня её ещё кормила. Старшая, Галя, по фамилии Кравченко (от первого Сониного брака), перешла в 7-й класс. Галя должна была присматривать за маленькой, т.к. Соня собиралась делать восхождения. Когда мы приехали в лагерь, и нас расселяли по комнатам, руководство лагеря стало упрекать Винокурова, зачем они привезли маленького ребёнка. Толя отвечал, что оставить не с кем, такое вот у них положение. — «Мы не можем предоставить вам условий. Можем только поселить на общих основаниях». Толя согласился. Поселили семью Винокуровых в большой торцевой комнате. Комната нежилая, предназначалась для занятий в дождливую погоду. Кроватей там не было. В одной стороне они спали на полу, а в другой стороне были свалены общественные грузы нашего сбора. Кашку для Маши Винокуров варил на примусе, а играла она вместо погремушки связкой крючьев. Я смотрел на это, и Винокуров нравился мне всё больше. Руководитель сборов, возложивший на себя груз ответственности и дополнительные хлопоты, в быту он не пользовался мелкими привилегиями, не требовал помощи. Всё время что-нибудь делал: занимался снаряжением, малышкой. И одновременно руководил сбором. Как будто все планы, решения, кто с кем куда пойдёт, заранее существовали в его голове. На все вопросы у него сразу же был готовый ответ. Когда он и Соня уходили проводить занятия, с маленькой была Галка.

С Галкой мы подружились. Вечерами гуляли по лагерю, смотрели на небо, всё усыпанное звездами, узнавали созвездия: Дракон, Малая Медведица, Лебедь, Северная корона...

Соня с Толей были у нас тренерами. Они провели занятия, потом мы вышли на тренировочное восхождение на Чететтау, 2Б. Чететтау — вершина высокая, вверху на снежном гребне Соне было, конечно, тяжело.

После тренировочного цикла оказалось, что наши тренеры, Толя и Соня, ходить с нами по формальным причинам не могут.

Галя и Маша в Уллуштау

Дело в том, что наш сбор был тридцатидневным: первые двадцать дней — по лагерным путёвкам, потом второразрядники уезжают, а оставшиеся перворазрядники будут ходить ещё 10 дней на деньги, выделенные спорткомитетом. У тренеров почему-то путёвок не оказалось, и Винокуров с Соней просидели до конца смены в лагере. Этого времени до конца лагерной смены, когда делают спортивные восхождения, оставалось тоже дней десять. Мне до сих пор непонятно, почему нельзя было хотя бы Толю оформить лагерным инструктором, а Соня посидела бы с ребёнком. Такая вот бюрократия.

На сборе я числился неподтверждённым перворазрядником, но с подтверждённым в прошлом году вторым разрядом. Я попал в группу перворазрядников, т.к. подтвердить первый разряд казалось делом несложным. Так и случилось.

Со мной в группе были Витя Мерлис из города Жуковский, Юра Джапаридзе из Щелково и Миша Пархута из Подольска. И с нами же должны были ходить последние десять дней Соня и Толя. Всего шесть человек. Соня — мастер спорта, но после перерыва, вызванного рождением дочери. Чтобы подтвердить разряд мастера спорта, ей надо было сходить на 5Б. И Толя, и она говорили, что эту 5Б надо обязательно сделать сейчас на сборе, в связи с планами на будущий год. У Толи был в это время разряд КМС (кандидат в мастера спорта). Винокуровская команда только-только создавалась. Своих мастеров спорта в команде пока не было, кроме Сони. Понятно, что проведение самостоятельного мероприятия облегчается, если в команде есть мастера спорта. Хотя, впрочем, прошел год, и планы поменялись. Самостоятельное мероприятие удалось сделать только в 78 году, а в 77-м команда поехала в Фанские горы и опять в лагерь, где были и лагерные инструктора, и лагерные выпускающие. Но вернёмся в 76 год.

Ходить с рюкзаком на подходах мне было тяжело, я отставал от ребят. Спасибо, терпели. Отставал на подходах, а на маршруте, где начиналось движение с попеременной страховкой, я уже не отставал. Квалификация, технические приёмы восстанавливались быстро, а по пониманию альпинизма я выглядел более опытным, по крайней мере, относительно Юры и Миши.

Юра и Миша были хорошими спортсменами, но недостаточно опытными. Перед этим они быстро доросли до пятёрок, не задержавшись на тройках. А ведь опыта набираешься, когда руководишь на двойках и тройках, причём группой, менее квалифицированной, чем ты. Например, ты второразрядник, а ребята в группе — третьеразрядники. (Хотя, правда, по принятым в 70-е годы правилам третьеразрядникам ходить в спортивных группах без инструктора не разрешалось). Скажу сразу, что эти ребята (Юра Джапаридзе и Миша Пархута) в последующие годы недостающего опыта набрались, совершая сложные восхождения в команде. Джапаридзе со временем стал классным альпинистом, мастером спорта и тренером, совершил много хороших восхождений. Ходит до сих пор.

Вчетвером (без Винокурова и Сони) мы сходили 3Б (Тютю через Хрустальный) и 5А (Тютю с юга) под руководством Юры Джапаридзе, затем 5Б (Улутуа по центру, маршрут Абалакова) под руководством Вити Мерлиса. Сходив на 5А, я подтвердил первый разряд и стал полноправным перворазрядником (в смысле бумаг, но не в смысле физической подготовки).

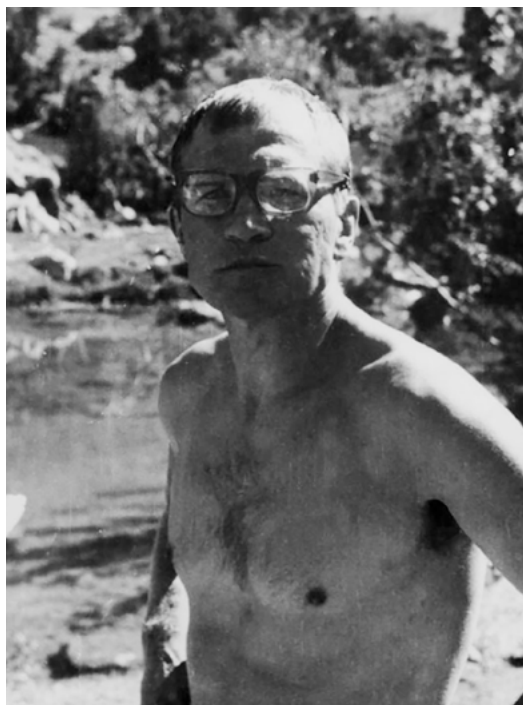
Вообще это восхождение было довольно любопытным. Маршрут на первую Западную Тютю по Южной стене не назовешь естественным. Прямо от ледника поднимаются отвесные шестёрочные скалы. Но этот участок недлинный, примерно две верёвки. Потом немного верёвок четвёрочных скал, на чем маршрут и заканчивается. Далее выходишь на длинный склон, по сложности примерно двойка. По снежному склону топаешь уже до самой вершины с одновременным движением и с кольцами верёвки в руках. Говорили, что в своё время мастера лагеря решили потренироваться перед выходом на Чатын. Нашли эти нижние отвесы, пролезли, а потом вышли на вершину, так и получился маршрут.

Когда мы шли, то поначалу всё хотели применить высшую технику, лесенки и т.п. Потом впереди оказался Витя Мерлис. Ему наш руководитель Юра Джапаридзе передал шлямбур и мешочек с шлямбурными крючьями. На одном участке Юра даже предложил, чтобы Витя встал ему на голову (у Юры была металлическая каска).

...Вот Витя добрался до зацепки, где можно, придерживаясь, стоять, забил крюк. Выше была гладкая вертикальная стенка метров семь-восемь. Без трещин, обычный крюк не забьёшь, надо ставить «шлямбур» — шлямбурный крюк.

Шлямбурный крюк — это: долбитесь шлямбуром (пробойником) дырка в скале, в неё вставляется трубка с ушком, затем в середину трубки забивается штырь, который распирает стенки трубки, в результате трубка с ушком прочно держится.

Витя достал шлямбур, приставил к стенке и стукнул по нему молотком. На втором ударе шлямбур сломался. Спрятав

*Витя Мерлис
в Фанских горах*

ненужные обломки, Витя с отчаяния попробовал лезть. Полез, полез и пролез! всю стенку без промежуточной страховки. Сверху, наложивая станцию, он кричал нам: «Здесь надо было просто лезть!!». От этого места прошли ещё немного четвёрочных скал, тоже круто, но лезть можно. И как-то сразу маршрут закончился, остался длинный снежный склон до вершины.

Мы поняли, что начуч Ю.И.Порохня предложил нам этот маршрут, чтобы «проверить на вшивость». До этого Порохня нас не знал и хотел посмотреть, что наш сбор из себя представляет. И то, что мы прошли этот шестёрочный участок, означало, что проверку мы выдержали. С Ю.И. установились самые хорошие отношения, к команде Винокурова он относился доброжелательно, и мы относились к нему с уважением.

После возвращения в лагерь Юра Джапаридзе всё переживал, что «руководства у него не получилось». Он, видимо, считал, что должен был всё время идти впереди и вести за собой группу, а мы его успокаивали и говорили, что это не обязательно. Пройдёт немного лет, Юра наберётся опыта, станет мастером спорта, научиться и первым ходить любые маршруты, и руководить.

Следующий выход — на 5Б в том же составе, но уже под руководством Вити Мерлиса. Выбрали по совету Винокурова маршрут Виталия Абалакова на Уллутау: по центру через «ромб». Пятёрка «Б», конечно, но, как оказалось, не очень сложная. По крайней мере, таких скал, как на Тютю, здесь и в помине не было.

Ким Кириллович Зайцев, провожая нас, рассказывал, как перебраться через речку, чтобы подойти под маршрут: «Особенно не ищите, где перепрыгивать по камням. Проще разуться и перейти вброд». Так мы и сделали. Тогда мы все ходили ещё в отриконенных ботинках.

...Ранним утром, преодолев бергшрунд, мы быстро поднимались по снегу вправо-вверх по направлению к «ромбу». Погода хорошая, снег плотный, ледоруб держит. Идем одновременно, верёвка в кольцах. Перед выходом на скалы надели кошки и не снимали их до самой ночёвки, т.к. скал больше было обледенелых, чем чистых. Витя быстро продвигается впереди, забывая по ходу крючья, а мы следом по перилам.

Витя умел забивать крючья, не останавливаясь для поиска подходящей трещины и для всей этой процедуры забивки. Когда-то Леня Кауц (МВТУ) учил нас: «Не ищи хорошей трещины, забивай в любую подходящую. Лучше плохой крюк, чем никакого».

Пройдя сложную верёвку (наверное, ключевую), Витя сделал станцию на длинном швеллерном крюке, а сам, как обычно, снял рюкзак, отвязался от основной верёвки и сидит на отдельной самостраховке, отдыхает. Я довольно быстро подошёл к нему с рюкзаком на спине, и кричу Мише, что верёвка свободна. Но Миша с рюкзаком идти не хочет, говорит, что это выше человеческих сил, и предлагает рюкзак вытаскивать. А это надолго. Витя решает иначе. Проворчав: «Мало пролезть, надо ещё и вытащить», он спускается вниз, потом поднимается с Мишиным рюкзаком. За ним поднимается и сам Миша без рюкзака. Я новичок в этом коллективе, но Витина реакция меня несколько удивила.

К вечеру мы вышли на предвершинные скалы. Стало подмораживать, снежные склоны слева и справа от нашего контрфорса порозовели. Мы были уже высоко. Горы стали удивительно красивы. Всё дышало красотой, и ты в самом центре. За снежным склоном слева другой контрфорс, по нему путь тоже 5Б. Видно, как там поднимается группа, они уже поставили палатку и готовятся к ночёвке. Перекликаемся, они кричат, что, мол, ребята, останавливайтесь, а то скоро холодно будет. Справа видна знаменитая «доска Улутая» — снежно-ледовый склон, по которому проложен маршрут, в своё время считавшийся сложным. Отсюда эта «доска» кажется совсем не крутой. Так, градусов 40-45.

Витя хотел до темноты пройти стенную часть маршрута и выйти на вершинный гребень. Посоветовавшись, решили всё-таки остановиться в первом подходящем месте. А то вдруг на вершине не окажется площадки? Пошли дальше, и вскоре подходящее место нашлось. Поработав с час, соорудили площадку для палатки. По крайней мере, спали лёжа.

Винокуров целый день смотрел, не отрываясь, как мы идём, в небольшой телескоп, установленный на треноге в центре лагеря. Видел, как мы зачем-то трясли палатку и только потом стали ставить.

На следующий день вышли на вершинный гребень. Вышли быстро, хотя скалы там такие, что лезть всё-таки надо. От вершины пошли направо. Путь по гребню оказался длинным и утомительным. Всё шли и лезли, лезли и шли по гребню то вниз, то снова вверх, и порядком устали. Спускались через перевал Гарваш.

Пока мы в лагере отдыхали, загорали и играли в шахматы, кончилась лагерная смена и тем самым ссылка у Винокурова и Сони. Начался десятидневный сбор. Народу на сборе осталось немного, большая часть уехала. Витя Мерлис взял небольшой

А.Ф. Винокуров

отпуск от восхождений, т.к. к нему приехала жена. На очередной выход собралась группа в составе: Винокуров — руководитель, Соня, Борисов и Джапаридзе. Мерлис в отпуске, Миша Пархута и Юра Калагин остались присматривать за маленькой Машей, вместе с Галкой.

Винокуров выбрал маршрут на Джайлык, 5Б по южному бастиону, путь Французова. Маршрут по-настоящему стенной, я до этого таких маршрутов не ходил. К тому же все мужчины шли в отриконенных ботинках, и только у Сони были ботинки на подошве «вибрам».

Хотя, надо сказать, особого волнения или боязни перед сложностью маршрута я не чувствовал. Относился довольно спокойно, почти равнодушно: пройду — хорошо, не получится — тоже ничего, лишь бы ребят не подвести. Я всё боялся рецидива того, что происходило со мной в 68 и 69-м, и до конца здоровым себя не чувствовал. И хотя на подходах мне было муторно и тяжеловато, после выхода на скалы всё это забывалось. Начиналась знакомое любимое дело, появлялся азарт. Страховка, работа с верёвкой, с молотком или с ледорубом, лазанье. Всё в условиях опасности. Стараешься быть собранным, мысли простые о страховке, о ближайших скалах и о движении партнёра, об успехе всей группы, и некогда прислушиваться к своим ощущениям.

План по времени был составлен так, чтобы Соня как можно меньше отсутствовала в лагере. Соня ещё кормила грудью,

поэтому перерыв старались, по возможности, сократить. Из лагеря вышли утром, подошли к стене среди дня и сразу же начали восхождение. У нас было две верёвки: Винокуров в связке с Соней, я в связке с Юрой. Но так как сразу стало круто, то мы шли в такой последовательности: первым — Винокуров, вторым я по его верёвке, третьей шла Соня по моей верёвке и последним — Юра Джапаридзе, который выбивал крючья, а я его страховал.

Поднимались по правому борту широкого камина верёвки две — три. Круто, но лезется. Дошли до места, где камин заканчивался. Выше — нависающая скала, по которой стекает ручей и водопадом льётся, разбиваясь на брызги, в камин. Надо перейти на левый борт камина и далее уйти влево, потом вверх по стене, там маршрут. Камин широкий, надо перешагнуть над пропастью почти в шпагате. Толя перебрался, я — тоже. Здесь, с левой стороны, толин крюк, я выпускаю Толю и принимаю Соню.

Вот Соня подошла к месту, откуда надо шагать, Толя в это время начал подъем по стене. Подошла, а перешагнуть не может. Стоит под водопадом, мокнет, пробует так и этак, но никак не решится. Вся промокла, Винокуров устал висеть на зацепках, время драгоценное уходит. Идти Толя не может, и т.к. нет верёвки от Сони. Я ей говорю: «У тебя перила и ещё страховка от меня, давай я тебя сдёрну, повиснешь на верёвках и вылезешь». Но Соня ни в какую, орёт: «Не дёргай!». Ну что тут сделаешь?

Приноравливалась и так, и этак, собиралась с духом, и всё-таки, в конце концов, перелезла сама. Далее путь по стене. Винокуров идёт первым с небольшим рюкзачком, группа следом по верёвкам с помощью зажимов и с рюкзаками. Я впервые на стене с Винокуровым, смотрю, как он лезет. Смело и уверенно, движения экономные и не мягкие, а я бы сказал, со скрытой силой. Сразу видно, что за него волноваться не надо. Кстати, Толя лез в пуховых штанах. У него была теория: «Надо, чтобы тебе было тепло. Когда ты лезешь, и тебе тепло, ты двигаешься быстро».

Задержка сказалась, до планируемой ночёвки, где ожидалась площадка, не дошли. Кое-как повесили палатку на выступах и крючьях так, что получилось три этажа. В палатке лечь было нельзя, сидели друг на дружке: один сверху, двое посередине, один где-то внизу. Первая моя ночёвка на стене!

Палатка — дом родной. Тепло, уютно, хоть и криво всё. Юра шурует примус, готовит чай. Потом Толя стал жарить мясо. Боже, до чего вкусное мясо, больше такого не ел ни до, ни после. Дело в том, что накануне нашего выхода в лагере убили бычка, нагулянного на горных травах. Мы выписали среди прочих продуктов и сырое мясо. Соня ходила к кладовщику, прихватив бутылку водки, и он отрезал ей хороший кусок, этот сырой кусок целиком и несли. И вот сейчас Винокуров жарил нам «roast-beef

окровавленный» в темноте тесной палатки, на примусе, который его товарищ держал в руках.

Хоть и полусидя, но поспали. На следующий день преодолели сложные скалы. Одна верёвка была очень трудной: вертикальная скала, нависающая в верхней части. Толя лез, потом стал вешать лесенки. С трудом вылез на наклонную полку. Дальше путь проще, и вскоре вышли на гребень, где сходятся все пути на Джайлык: и по 5Б, и по 5А, и четвёрки. Мы все, кроме Сони, шли, как я уже говорил, в отриконенных ботинках. Так и лезли по крутым скалам.

Вечереет. До вершины остался простой гребень, наверное, полчаса ходу. Решили останавливаться. Место для палатки хорошее, в кармане между скалой и снежным гребешком. Безопасно, можно развязаться. Тихое розовое угасание дня, красиво, падает мягкий сырой снег...

Ночью началась непогода. Завыл ветер, метель. Треплет палатку, сечёт снежной крупой. В темноте палатки Соня стоит на коленках и стонет — вторая ночь без ребёнка, болит грудь от избытка молока. Толя молчит: — «Нормально. Пора бросать кормить». Всё-таки уснули.

Утром вышли как в другой мир. Мороз, ветер. Вдоль скал снизу несутся не снежинки, а кусочки льда, которые больно секут, особенно по глазам. Снег, вчера ещё такой мягкий, затвердел, превратившись в жёсткий фирн и лёд. Кошек у нас не было: мы шли на скальный маршрут и встретить лёд никак не рассчитывали. Записку на вершине поменяли ещё вчера. А сегодня быстро собрались, надели на себя всё, что было у каждого, и начали спускаться.

Спускались по маршруту 4А. Спускаться можно было только дюльферами, делая станции и продёргивая верёвки. Соня на спуске попробовала выйти на снег, придерживаясь за верёвку, но её тут же понесло и отбросило к скалам. Больше попыток не делали, спустились только по верёвкам.

Винокуров шел впереди, набивал крючья на станциях и организовывал спуски. Я напросился спускаться последним. Мне понравилось, как работал Толя: чётко, спокойно, каждая станция на двух крюках и отдельный крюк для страховки. Непогода трепала нас хорошо, но у Толи никакой нервозности, делает всё по правилам, никакой спешки, как будто и нет этого леденящего воя, слепящего ветра, и группа вошла в деловой ритм.

У очередной станции собрались втроём: Соня, Юра и я. От нас вниз уходят две верёвки — спусковая и страховочная. Толя уже спустился и внизу ищет место для новой станции, забивает крючья. Мы готовимся к движению. Всё так же вверху и внизу мгла, снизу ледяной ветер сечёт лицо, продувает сквозь одежду. Но настроение бодрое. Соня начинает петь. Сильным голосом,

красивую песню. Холодно, замерзают руки, из-за ветра друг друга не слышим, а она поёт. Значит человеку хорошо среди этих вихрей, в знакомой стихии, если душа поёт. Поёт красиво, вдохновенно! Вот это альпинистка!

...Дюльфер за дюльфером, мы всё ниже и ниже. Уже вторая половина дня, склон начал выполаживаться. Последний спортивный спуск, Винокуров, Соня и Юра спустились и стоят рядом. Я последний, мне надо спуститься по снегу, который затвердел как лёд. Спуститься надо как бы лазаньем. Цепляюсь клювом ледоруба, а трикони держат плохо, и даже маленькой ступеньки выбить ботинком не удаётся. Сделал вниз несколько шагов на грани срыва и все-таки поехал. Дело плохо: если вынесет к ребятам, то остановлюсь, они уже на пологом месте. А если занесёт немного вправо... Там начинается крутяк, ребята не удержат, и падать до дна соседнего ущелья. И никак не подправить направление своего скольжения в нужную сторону. На моё счастье проехал я совсем немного, метрах в двух ниже была небольшая трещинка в фирне, на ней я и остановился. А ниже трещинки стало чуть положе, и трикони уже держали.

Подошёл к ребятам, собрали верёвки в кольца и пошли в сторону перемычки («черные скалы»). Вскоре снег под ногами стал мягче. Прошли ещё, ещё потеплело: ледяная крупа сменилась мокрым снегом, а ноги стали проваливаться в снегу по колено. У черных скал развязались, убрали верёвки и долго спускались под дождём. До самого лагеря.

Грудью кормить маленькую Машу Соня после этого перестала.

У меня начал возвращаться интерес и вкус к альпинизму, но былого интереса к спортивному росту пока не было. Тройки, пятёрки, какая разница, лишь бы ходить и восстанавливать здоровье — так я тогда был настроен.

После восхождения на Джайлык Соня свою задачу выполнила, теперь она действующий мастер спорта. Будет сидеть с ребёнком, а мы пойдем ещё. Итак, в группу вместо Сони вернулся Миша Пархута. Пятым участником стал Витя Мерлис. У Мерлиса жена к этому времени уехала.

Нас пятеро, Винокуров поведёт на Тютю 2-я Западная с севера. По пути Миши Хергиани. Это тоже 5Б (ныне 6А), маршрут сложный и трудный. Подход под северные стены вершины Тютю делается из ущелья Тютю-су. Нам надо будет спуститься по ущелью Адыр-су до селения «Верхний Баксан», потом спуститься по Баксанскому ущелью в сторону города Тырнауза до места, где в реку Баксан впадает речка Тютю-су. И затем подниматься вдоль Тютю-су до самых верховий ущелья.

С вечера собрали рюкзаки, Винокуров договорился, что утром подбросят на машине. С утра погрузили рюкзаки и ждём, пока

шофёр позавтракает. Нас вообще-то шестеро, т.к. с нами идёт ещё Юра Калагин, молодой второразрядник. Предполагается, что он дойдёт до ночёвки и там останется наблюдать.

Наконец, вышел шофер, несколько возбужденный и оживленный. Видно, что он не только закусил с утра, но и выпил. С ним двое лагерных инструкторов: К.К.Зайцев, который начспас, и А.Инюткин, из постоянного инструкторского состава Уллуата. Оба — мастера спорта. Их двойка пойдёт вслед за нашей группой, в этом будет состоять взаимная подстраховка.

Поехали. Шофер, из местных, крупный, чёрный и красивый, по дороге оборачивался к нам, что-то с бешеным весельем выкрикивал, глаза его прямо сверкали. Доехали до подъёмника. Подъёмник спустил вниз нашу машину, а мы протопали тоже вниз по длинной лестнице рядом с подъёмником, снова загрузились и покатали по асфальту. Машину он гнал лихо. Однако, доехали до входа в Тютю-су, не опрокинувшись. По ущелью вверх уходит над рекой дорога — не дорога, так, две колеи. Кто-то попросил, чтобы он ещё подвёз. На что он сказал такие слова: «Поймите, ребята, я выпил. На милицию мне плевать, но вас жалко. Ведь убить могу». Мы выгрузились, попрощались и пошли вверх с тяжелыми рюкзаками. Дорога, действительно, вскоре превратилась в тропу, так что не много бы он нас и провёз.

Ущелье Тютю-су удивительно красиво. Альпинисты и туристы посещают его редко. В основном бывают местные крестьяне. Мы там никого не встретили — ни туристских групп, ни стада овец. Где-то на полпути наткнулись на избушку, похожую на полуземлянку, около которой устроили недолгий привал. В избушке гостеприимно приготовлено для путника: дрова, очаг, ложе, немного утвари. В своё время я довольно много читал про то, что так всегда делали на русском Севере. Теперь вот увидел у балкарцев в горах (это было в 1976 году. Сохранились ли старые нравы до сегодняшних дней, или рынок с его алчностью проник и туда?).

Лагерные инструктора сначала шли совсем тяжело, изнывали под рюкзаками, прикладывались к каждому ручью. Вчера они что-то отмечали и хорошо погудели. Потом пошли лучше, к ночёвке подошли совсем в норме. До ночёвки мы шли, наверное, часов шесть, точно не помню. Помню, что устал, подходы тогда были для меня самое трудное.

Поставили палатку. Тихий красивый вечер, разглядываем Северную стену Тютю. Я что-то после подъёма по ущелью никак не отойду. Спалось плохо. Стал думать, не подвести бы группу, и от восхождения отказался. Помню, всё размышлял, как мне легче вернуться в лагерь: снова пешком через два ущелья или через вершину? Группу я, кажется, своим отказом не подвожу: их остаётся четвёрка, более мобильная, чем пятёрка. Да и вообще, я для них человек новый, пришлый со стороны.

Рано утром наша, теперь четвёрка, быстро собралась, ребята перекусили и ушли. Мы с Калагиным их проводили. Лагерные инструктора спали, им на восхождение идти завтра. Я стал собираться, чтобы уйти вниз. Юра останется один. Провожая, Юра сказал, что зря я не пошёл с ребятами: «Ты бы им помог с грузом» (Теперь им придется груз делить на троих, а со мной делили бы на четверых). Да, надо было идти. Мне как-то в голову не приходило, что и я кому-то могу помочь. Занятый борьбой с самим собою, я смотрел на себя как на полуинвалида. Берут ребята — спасибо им большое. Наверное, берут за старые альпинистские навыки. И тогда я им был благодарен, и благодарен до сих пор, что терпели меня. Конечно, особая благодарность А.Винокурову.

...Грустный и немного злой на себя спускался я по прекрасному ущелью Тютю-су. Много о чём думал. О том, что подсознание снова подловило меня и обмануло. Что мог бы, конечно мог, выпить таблетку, заглушить внутреннюю тревогу и пройти с ребятами. Только о том, что это замечательный маршрут, о котором многие мечтают, у меня и в мыслях не было. Через несколько лет, когда я восстановился и стал как все, то пожалел, что не прошёл маршрутом Хергиани, хотя была возможность. Но в тот год, да и, пожалуй, в два следующих, спортивный интерес отсутствовал.

Призадумался я и над Юриными словами. Юра Калагин в то лето был молодым альпинистом, второразрядником, но уже тогда выделялся трезвыми суждениями, которые редко встретишь у второразрядника. Говорили, что Юра пришёл в альпинизм, будучи мастером по туризму, где приобрёл опыт. Однако опыт опытом, но к опыту ещё голова нужна. Так вот, голова у Юры была.

В последующей жизни Юра быстро, года за два, выполнил нормы кандидата в мастера спорта, что дало ему право ходить на маршруты любой категории, в том числе и шестой. Мы с ним много ходили в одной группе. Юра прекрасно ориентировался, особенно среди разных гребешков, склонов, кулуаров и перевалов, там, где запутанный рельеф. В горах чем выше, тем меньше разнообразия в рельефе. Это понятно, на вершинах вообще никакого разнообразия, кроме вершин (рельеф стягивается в точки). А чем ниже, тем разнообразнее. Часто на обратном пути, когда уже можно идти пешком, Юра спускался первым. Это у него получалось лучше, чем у кого другого, всем нам можно было поучиться.

Бывало, Юра мне делал замечания, и довольно резко. Но всегда по делу, я замечания признавал справедливыми и не обижался.

Высокий, крупный и гибкий, Юра умел хорошо лазить. Мог идти первым. Не только мог, но и выходил первым на сложных участках, если надо было. Однако больше любил ходить последним, специализировался на выдергивании крючьев.

По профессии Юра рабочий. Тогда, на рубеже 80-х, чувствовалось, что в стране не всё благополучно. Случалось, на ночёвках велись разные разговоры. Юра тоже участвовал, и в спорах часто бывал убедительней инженеров с высшим образованием. Как-то он сказал мне, что вот он рабочий, а имеет и своё рабочее место и отдельную комнату для работы, а я, хоть и начальник, и МГУ окончил, а своего кабинета не имею.

Сезон закончился. Осенью Винокуров на секции Областного «Труда» подводил итоги. Сезон оценил как успешный, и с этим были согласны. Относительно меня сказал, что я в процессе восхождения понимаю, где нахожусь, и что он предлагает оставить меня в команде. Так я стал членом команды «Труда» из Московской области.

После масштабов «Буревестника» секция альпинистов Московской области казалась совсем небольшой. Два альпинистских центра — Фрязино (плюс Щелково) и Подольск. Ещё довольно много областных альпинистов было в Калининграде (ныне Королев), но те входили в общество «Зенит». Совместные мероприятия с зенитовцами ещё впереди.

Команда Винокурова только создавалась, прежде всего, усилиями самого Толи. В горах Винокуров был сильным и уравновешенным альпинистом, несомненно, альпинистом № 1 в секции. Но, главное, Анатолий Филиппович взял на себя организаторскую работу по подготовке летних мероприятий. А при проведении сборов был и начальником сборов и тренером-выпускающим. В общем, лидер.

А.Г. Овчинников в книге «Альпинисты МВТУ» рассказывает, среди прочего, как он становился альпинистом и приобретал альпинистскую зрелость. Тогда у них в МВТУ лидером был Лубенец. Анатолий Георгиевич высоко оценивал заслуги Лубенца. И в то же время из книги видно, что ходить в одной группе с Лубенцом молодым талантливым альпинистам было непросто из-за его трудного характера.

Позже, когда я дорос до шестёрок, я не раз ходил в одной группе с Винокуровым. Идти с ним было легко, одно удовольствие. Толя, как и Лубенец, старался самую трудную работу взять на себя (это, наверное, свойство всех настоящих лидеров). Но, в отличие от Лубенца, не командовал, никакой авторитарности. Просто заботливый товарищ, более опытный и знающий.

1977 ГОД. ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА В ФАНСКИЕ ГОРЫ

С секцией МГУ мои связи не прекращались. Каждый год мы ездили в Крым на скалы на праздник 7 Ноября или на праздник Первого Мая. Бывали годы, когда ездили дважды в год: и на тот

праздник, и на другой. После принятия новой Конституции СССР возник дополнительно праздник 7 октября, на который ребята тоже ездили. В общем, скалолазное мастерство росло.

Перебирая в памяти поездки в Крым, я вспомнил, что встречался с Соней и Винокуровым ещё до поездки в Уллуатау. Это было в Крыму, под скалой Сокол, рядом с посёлком Новый Свет, где известный завод шампанских вин. У них ещё не родилась маленькая Маша, и вообще они выглядели тогда счастливыми, влюблёнными. Вели разговоры про аспирантуру. Было это, скорее всего, в 1974 году. Приехала Московская область большим сбором, с новичками. Толя, Соня, Даутер (тренер секции) были за инструкторов.

От Судака до Нового Света проложена асфальтовая дорога. Дорога проходит мимо Генуэзской крепости и потом вдоль всего подножия скалы. По дороге одна за другой идут машины-цистерны, с водой в сторону Нового Света, пустые обратно. Наши палатки (МГУ) стояли чуть выше дороги, а лагерь винокуровского сбора находился ближе к Новому Свету и довольно высоко над дорогой. Я взял с собой дочку Машу, ей было лет восемь, а Винокуровы приехали с Галкой, старше на год. Маша ходила в гости к Галке. Возвращалась вечером, Соня и Толя её провожали по крутым тропам. Вниз по тропе летит Соня, за ней бежит вплотную Маша, сразу за ней Толя. Маша как в тиски зажата. Эта пачка из трёх тел несётся вниз с топотом, страшно смотреть, но не упали ни разу. Соня в желтых вельветовых брюках и Толя стройный, молодой...

...Немного выше их лагеря, слева, широкая гладкая скала, как корыто, метров пятнадцать-двадцать шириной, от которой вверх начинался маршрут к вершине. Скала в верхней своей части некрутая, можно ходить, не держась, а под ней довольно крутой кулуар вниз, к посёлку, так что срываться здесь нельзя. По ней Даутер ходил туда-сюда непривязанный, и я там ходил. Но участников мы, конечно, проводили со страховкой, и ребята спокойно проходили. Это место надо пересекать, чтобы пройти к месту занятий. И вот Толя рассказывает: «У нас тут один лёг на этом месте и стал бить четырьмя копытами. Мы боялись к нему подойти».

Осенью 76 года была такая славная поездка с секцией МГУ в Крым, исключительно удачная. Мы расположили лагерь на небольшом плече под скалами Фороса. Нашли в лесу горизонтальную ровную площадку, довольно высоко от моря, но удивительно уютно расположенную. Занимались на скалах, делали много восхождений. Я там планировал, кто куда пойдёт, и распорядок дня.

Погода была замечательная. Золотая осень, ясные дни, тихие ясные ночи. Хорошо по вечерам, налазившись, лежать в палатке,

*Катя Воротникова
лидирует по набитым
крючьям*

смотреть на звёзды, слышать, как падают на палатку осенние листья и слушать бесконечные песни у недалёкого костра.

Заводилой на сборе была Ира Шилейкис, выпускница факультета ВМК, которая отдавалась этому делу, скалолазанию и альпинизму, самозабвенно. Кстати, мы с Иррой прошли в двойке довольно сложный маршрут. Ира одну сложную верёвку пролезла первой, что привело её в восторг. До этого Ира первой не ходила.

На сборе, как всегда, много новичков. Среди новичков была и Катя Глаголева, студентка биофака. Да, это было почти тридцать пять лет назад. Теперь многие знают её как Катю Воротникову. Замечательный человек, сильная альпинистка, талантливый учёный, прекрасная мама (дети: Миша, многим известный Вася Воротников и Надя).

Моё знакомство с Катей (а вскоре и дружба) началось с инцидента. В один из дней Катя ещё с кем-то была дежурной и затеяла на ужин блины. Хотела всех порадовать и удивить. Затея явно безнадёжная, т.к. народу много, а на костре много блинов не запечёшь. И вот уже время ужина, все собрались, ужина нет, и девчонки берутся у костра. Я в дела дежурных не вмешивался, но режим старался блюсти, и налетел на бедных дежурных: почему ужин не готов? Потом разглядел, как Катя в слезах, обжигаясь, старается что-то поскорее испечь. Хорошо, Ирка меня одёрнула, а Катю успокоила. Стала помогать, быстро соорудила какую-то другую еду. В общем, стыдно мне было.

Катя много тренировалась, стала сильной альпинисткой и скалолазкой. В Крымских горах Катя проходила сложные маршруты, часто лидировала. В те наши поездки в Крым Катя ездила с мужем Сергеем Воротниковым и младшими детьми: Васей и Надей. Помню, как азартно Катя с Серёжей учили Васю скалолазанию, когда тому было десять лет.

Катя быстро продвигалась в науке, Защитила кандидатскую диссертацию и готовила докторскую. Но случилась «демократия», наука стала не нужна. Пришлось уехать в США. Там Катя продолжает заниматься наукой, альпинизмом и скалолазанием, делает восхождения в Гималаях, в горах Аляски, проходит скальные маршруты. Сын Вася вырос в известного всему миру скалолаза, многократного чемпиона.

Уезжали мы как раз 7-го ноября. В этот день многие скалолазы только приехали. А мы уже спускались к поселку Форос, к автобусу. Сырой туман, моросит мелкий дождик, золотая осень кончилась. «Время для поездки было выбрано оптимально» — сказал Лёва Порошин.

Настал 1977 год. Меня и Юру Джапаридзе Винокуров направил на методический сбор для подготовки к инструкторскому званию. От секции Областного Труда. Надо было читать книжки, готовиться. Что-то плохо со здоровьем было тогда. Вдобавок, попал в больницу. Весну я там пролежал — месяца два или три провёл в больнице. Это рядом с платформой Яуза, 33-я медсанчасть. Настроение было паршивым, и самочувствие не лучше. Как раз перед этим 11-го марта 1977 года погибла Ира Шилейкис и с нею трое ребят из МЭИ. Ребята поехали на праздник 8 марта в небольшой лыжный поход в Хибины и при спуске с последнего перевала были засыпаны лавиной. Нашли их в мае, когда растаял снег. Ребята похоронены на Никольском кладбище.

В больнице меня посетили Соня и Толя. Совершенно неожиданно появились, не такие мы уж были близкие друзья. Обрадовали, конечно. Соня мумиё принесла.

Как умел, готовился к методсбору. По утрам выходил из палаты в больничный скверик, где разрешалось гулять больным. Незаметно просачивался сквозь забор, пересекал рельсы недалеко от железнодорожной платформы и вдоль берега речки Яузы выходил в лес. Там по лесным дорожкам делал пробежки. На методсбор поехал сразу из больницы. Выглядел я там не ахти. Ещё всякие таблетки глотал. И так далее.

А вообще-то на методсборы съезжался цвет советского альпинизма. Молодые перспективные перворазрядники, кандидаты в мастера и мастера спорта, желающие стать инструкторами, тратят 20 дней в мае, чтобы не тратить летний сезон на пребывание в школе инструкторов. Большинство это активные участники сборных команд в своих коллективах, и летом поедут на разные спортивные мероприятия. Была, правда, некоторая часть и других ребят, которые своё будущее видели не в спортивных достижениях, а в работе инструктором и в организаторской деятельности.

Наше отделение состояло как раз из спортивных ребят. Талантливые альпинисты, все они в скором времени стали мастерами спорта и лидерами. Юра Овсянников из Куйбышева, с ним через два года встретились в Фанах, когда он уже ходил на шестёрки. Стас Шабуня из Минска, будущий руководитель сборов белорусских альпинистов, с ним мы многократно встречались и в Уллутау, и в ущелье Коравшин (где знаменитая вершина 4810), и в Крыму, и в Безенги. Юра Джапаридзе из нашей

команды, сильный альпинист и воспитатель школы альпинистов в Щелково. Талантливый альпинист Сергей Андреев из Москвы. Тимофей Ким из Белоруссии...

Ребята все спортивные. На первых занятиях немного как бы отставал по технике Шабуня. Но выяснилось, что дело не в нём, а в том, что ему попались совершенно негодные ботинки. Стасу удалось их заменить, и он стал ходить по льду и по скалам не хуже других. А чему-то у него можно было поучиться.

Всем понравился Тимка Ким. Шабуня и Овсянников знали его раньше. Невысокий, щуплый паренёк, скромный, приятный в общении. Но не было и такого, чтобы он слишком тушевался, в общих разговорах в комнате всегда участвовал. На занятиях, как все, слушал методистов. Но вот надо было на практике показать, как идут по снегу. Выпало Тимке, он пошёл сразу так быстро и так красиво, что все восхитились. Я считал себя достаточно техничным альпинистом, а тут сразу было видно, что он ходит лучше.

Через год или два я узнал печальную весть: Тимофей погиб в горах. Они были на ночёвке. Загрел камнепад, Тимофей высунулся, чтобы посмотреть, в это время камнем попало по голове... Знаком я с ним был всего двадцать дней, а до сих пор хранится тёплое и светлое чувство.

После методсбора всем успешно закончившим выдали: удостоверение членов спасательного отряда и жетоны «Спасательный отряд», справку об окончании сбора и рекомендацию на стажировку. Мне по результатам методсбора назначили две смены стажировки. Я рассчитывал на одну и несколько обиделся. Через некоторое время понял, что дали справедливо. Стажировка — это всегда хорошая школа. Первая стажировка мне много дала, а вместо второй я, пожалуй, мог бы уже и работать.

На лето 1977 года Винокуров запланировал поездку в Фанские горы по путёвкам в альпинистский лагерь Артуч. Путёвки 30-дневные. Сбор по путёвкам удобен тем, что не надо специально готовиться и везти продукты, кухню, газ, палатки и т.д. — всё обеспечивает лагерь. Летели мы туда на самолёте до Самарканда. В лагерь выехали не сразу, некоторое время пробыли в Самарканде.

...Большинство первый раз в Самарканде. Остановились на базе недалеко от аэропорта. Посетили, конечно, красочный самаркандский базар. Посмотрели вечером Регистан. Поразили сухость воздуха и солнечное пекло. Старики, сидящие у края тротуара, с головами, укутанными белым, точно такие как в «Белом солнце пустыни», неподвижные и невозмутимые, а рядом с их ногами, сантиметрах в двадцати, прокатываются колёса троллейбусов.

В лагерь ехали на машине через Пенджикент и Рудаки. Помню я эту смену плохо. Тяжело акклиматизировался, два раза лежал с температурой. И походить удалось не много.

Артуч — лагерь только для разрядников, такой же, как Безенги. Из нас сформировали несколько отделений. Командиром отряда была Нелли Тимофеева. С Тимофеевой я дела не имел, а вот инструктор, командир отделения, многому научил. Это был мастер спорта из команды Олега Шумилова, имел опыт восхождений на стены в Фанах. В частности, он показал, как подниматься по вертикальным перилам с помощью беседки и лесенки на двух схватывающих или с зажимом и схватывающим. Этот приём не требует огромных физических усилий и позволяет довольно быстро подниматься. Я его потом всегда применял, смог даже подниматься по совершенно гладкой стене с двумя рюкзаками (на п.Щуровского).

В Фанских горах сухой климат, нет снега, обилие осыпей. Камнепады, зато нет лавин и нет гроз. Осыпи везде: до перевалов, до начала скальных стен, между контрфорсами и рёбрами. Многие тропы проходят по осыпям. Видишь, как группа альпи-

нистов, полуголых, чёрных и как бы высушенных солнцем, медленно, упорно и методично поднимается по осыпи. Шаг за шагом, не останавливаясь, и час, и три, и пять... Грандиозная панорама скальных громад, почти нет зелени и ручьёв. Только фиолетовая дымка, камни и скалы.

Снег встречается на вершинах, приближающихся к пяти тысячам метров и выше. А в этот первый приезд мы все (кроме группы Винокурова) ходили на высоты в районе 4000м. Очень

похоже на Крым. Те же сухие и крутые скалы. Лезешь в галюшах, категории трудности больше похожи на крымские, чем на кавказские. Вылезает по крутой стене, а наверху вроде яйлы: полого, травка, пеньки от срубленной арчи. И пастухов изредка можно встретить. Скалы горячие, так же как в Крыму. Разница в том, что чувствуется высота.

На первом собрании в начале смены начуч Тысячная сказала, что в районе лагеря могут встретиться гюрзы, и чтобы мы остерегались. — Но наверху в районе озёр гюрз нет, — успокоила она. В этом лагере принято так: занятия и первые восхождения делают на базе лагеря. А потом все набирают продуктов на две недели и уходят в район Куликалонских озёр, где живут в палатках на берегу, делают восхождения, проводят разборы, иногда посылают вниз гонца добрать продуктов. На озёрах находятся и выпускающие. Там палатки памирки, свечи вместо электричества. Лагерные инструктора спортивные, ходят на шестёрки. Шестёрочные маршруты только-только ввели в СССР, их мало. Про шестёрки много говорят. На человека, прошедшего шестёрку, смотрят как на совершившего нечто запредельное.

Толя Винокуров показал себя очень хорошо, его группа сделала несколько первопрохождений 5Б, в частности, на Марию. Винокуров ставил задачи потруднее, например, не пройти хоженный маршрут 5Б, а проложить новый. В Фанах появились маршруты «по Винокурову». Тимофеева неумеренно хвалила Винокурова, даже Соня начала реагировать.

Я же не столько занимался альпинизмом, сколько боролся со своим плохим самочувствием. Бывало, что капризничал. Соня сделала замечание, я притих. Может и не совсем, но исправился. Сходить в этот сезон мне удалось немного. Кроме тренировочного восхождения я сходил на две вершины: Рузероват по 4А и Диамар по 5А. Остальное время, значит, проболел.

На Рузероват я был руководителем. Кроме меня в группе шли Юра Джапаридзе, Миша Пархута, с которыми я уже ходил в прошлом году, а также Серёжа Андреев и Наташа Ни. Про них хочу немного рассказать. Сергей, сын известного в те годы альпиниста, был ещё студентом или только окончил институт. Он был из Москвы, к области никакого отношения не имел. Его пригласил Винокуров как перспективного и способного альпиниста, надеясь, что тот впишется в команду. Но Сергей не вписался. Сергей — смелый, красивый альпинист, сильный, техничный. Известно, что альпинизм — не только умение проходить сложные стены, но и взаимное понимание в группе. Когда недостатки друзей тебе понятны и не вызывают недовольства. И ты понятен и приемлем для остальных. Говоря фигурально, видеть каплю под носом у кого-то другого

неприятно, а у партнёра по связке нормально, скажешь, вытри нос, и всё.

У Сергея с этим были проблемы. На замечания и критику обижался. В общем, своим не стал. Больше с командой он не ездил. Я с ним ходил в 81 году в Домбае, но сблизиться и подружиться снова не получилось.

Похожие проблемы были и у Саши Карзанова из МГУ, который поехал с командой в следующем, 1978 году. Альпинистом Саша был сильным, прекрасным скалолазом. Приживался в коллективе с трудом, его часто, особенно вначале, критиковали. Саша был другой, чем ребята из «Труда» (в МВТУ ему тоже было бы непросто). Саша с трудом и с переживаниями, но притёрся. В чём-то он изменился, с чем-то ребята смирились. Саша стал полноправным членом команды, одним из лидеров. Прошёл ряд сложных маршрутов, часто ходил первым.

Теперь о Наташе Ни. Наташа жила во Фрязино, занималась в секции альпинистов Московской области. Там выросла до мастера спорта. В Уллутау в 76 году она не ездила. Наташа — этническая кореянка. Совсем небольшого роста, она не выглядела сильной спортсменкой, как, например, Соня. Не помню, чтобы она носилась в лыжных гонках, не встречал её и в Царицыно. Потом, правда, Наташа ездила с нами в Крым, но и там держалась скромно.

Всех, кто её знал, Наташа очаровывала удивительными душевными качествами. Нежная, заботливая, умная, всегда доброжелательная, никогда не встревала ни в какие разборки.

Приведу два примера. Первый. Юра Джапаридзе привез в Крым сына, тому было лет шесть. Юра, человек резковатый, не то, чтобы строго, но довольно усердно сына «воспитывал». Наташа у костра как бы невзначай сказала: «Давайте устроим общество защиты детей!».

Второй. В очередной Крым я приехал с дочкой Машей, она была в 6-м или 7-м классе. Как всегда, я пропадал на скалах, Маша оставалась внизу, ходила на пляж и т.д. Наташа нашла к ней подход, беседовала. Потом не сразу, невзначай (говорили мы о другом), Наташа сказала, какая Маша душевная, как много знает стихов. Дала понять, что Маша с моей стороны недополучает внимания: я отец, а этого не замечаю.

...Маршрут на Рузероват несколько искусственный. Там надо было пролезть крутые участки, их прошёл Сергей Андреев. Джапаридзе потом сказал: «Маршрут не понравился, хитрож--й какой-то». И сдружиться на восхождении не получилось.

Наташа шла скромно, впечатления не произвела. Что такое Наташа, я узнал позже. Наташа была настоящей русской женщиной, отзывчивой и щедрой. Но была у неё одна черта, не свойственная русским: это её фантастическое упорство. Если уже

вышла, то будет идти и идти, силы оставят — будет ползти, цепляться, сколько сможет, но не отступит. Про её упорство ходили легенды.

Диамар мы прошли в двойке с Юрой Джапаридзе. Там длинные скальные поля средней крутизны. С нашей крымской подготовкой, в галошах, идти было легко. Мы шли весь маршрут одновременно, по ходу забивая крючья и устанавливая закладки. С Юрой ходить неплохо, но я, тогдашний, несколько не подходил ему. Винокуров это понял и на следующий год предложил мне ходить с Ю.Калагиным. С этим Юрой мы ходили уже душа в душу.

В самом конце сезона, в пятую лагерную смену, в сентябре, я поехал стажироваться в Цей. Стажировался в альплагере «Торпедо» (а, может быть, в а/л «Цей», точно не помню). Поездка оставила удивительно светлые воспоминания. Очень интересный у меня был инструктор, но, главное, отделение замечательных новичков. Цей вообще дождливое место, а в пятую смену дожди прямо заливали. Инструкторам в домиках ещё так сляк, а новичкам в палатках сушиться совсем не просто. Однако энтузиазм побеждал, ребята не жаловались и были счастливы. Всё-таки солнышко тоже проглядывало. Кстати, там я встретил Ольгу Михайлову из МГУ, она работала командиром отделения у новичков. Удивительно интересная женщина. Она старше меня, но, кажется, годы над ней не властны.

Инструктор, при котором я работал стажером, был большой дока и специалист этого дела (инструкторства). Он учил меня «стричь ушами», а не развешивать их (т.е. уши). Когда отделению придаётся стажер, то обычно стажер всё и делает, а инструктор только посматривает.

Вот начало смены, приехала новая партия новичков. По отделениям ещё не распределены, знакомятся. Тут, учил инструктор, надо не зевать, быстренько присмотреть ребят и подобрать в своё отделение, чтобы и отделение было дружным, и чтобы хлопот потом было поменьше, и чтобы проблем не возникало. Учить то учил, но такое серьёзное дело отследил сам. А потом я уже с ними проводил занятия.

Пятая смена. Разрядников нет, только новички и значкисты. В пятую смену ребята приезжают разные, разношерстные. Кто более спортивный, кто менее, но, как правило, люди интересные. Мы там стенгазету с ними выпускали. В один из дождливых дней был устроен день отдыха и концерт. Каждое отделение подготовило номер. Концерт прошёл интересно. Мои ребята тоже неплохо выступили. И, вообще, жизнь в отряде новичков кипела.

От этой смены не только у ребят, но и у меня осталось много незабываемых впечатлений. Они были первый раз в горах, а я впервые работал. Но, конечно, больше всего впечатлений от походов, от восхождения, от природы, хоть и мокли мы там

часто. Интересно было наблюдать, как за 20 дней меняются ребята. Приезжают одни, а уезжают совсем другие...

1978 ГОД. ВТОРАЯ ПОЕЗДКА В ФАНСКИЕ ГОРЫ

В 1978 году команда снова поедет в Фанские горы. На этот раз в Алаудинское ущелье, стоять будем на берегу Алаудинского озера.

Алаудинское ущелье отделяет от Куликолонского, где мы были в прошлом году, горный хребет. Связывает же эти ущелья простой, но достаточно высокий Алаудинский перевал (смотри выше карту. Карта современная, на ней отмечен альплагерь **Вертикаль-Алаудин**, который был построен значительно позже. На карте Алаудинские озёра отмечены как оз. Чапдара).

Впервые сбор будет самостоятельным, как экспедиция. Сами привезём продукты и снаряжение. Свои выпускающие, свой врач и повар, т.е. полностью автономны. Готовить будем на костре.

Грузы отправили на пассажирском поезде с сопровождающими, в плацкартном вагоне. Все остальные, кроме сопровождающих, полетят на самолёте. Поезд до Самарканда и самолёт до Самарканда. С нами летят приглашённые: Вадим Шатилов и Лев Воробьёв из «Зенита», Саша Карзанов из МГУ. Летит группа молодых альпинистов (второго разряда или меньше) из Подольска, Фрязино, Пущино на Оке и других мест Подмосковья. С нами опытный и трудолюбивый Стас Охрименко, мастер спорта Валера Прокопенко. И, конечно, мастер спорта Соня Винокурова.

Продукты заготовили на все сорок дней: многое привезли из Москвы, недостающее закупили в Самарканде. Когда заберёмся наверх, то докупить продукты будет негде.

На машине доехали до последней деревни и проехали еще немного выше. А дальше начинается каньон, и машина пройти не может. (Через несколько лет дорогу пробили, машины стали доходить почти до озера. Река, образующая каньон, называется Чапдара, см. карту).

Выгрузились, устроили табор, готовим. Кто-то нашёл скорпиона и убил. Соня узнала, подняла шум: зачем убили, теперь будет плохая погода. Вдоль каньона вьётся тропа, довольно широкая, хорошо набитая и пыльная. Видно, как по ней вереницей спускаются ишаки, груженные арчовыми дровами.

Дрова рубят высоко в горах, в тех местах, где мы будем жить и делать восхождения. Ситуация там была такая. После войны с приходом русской медицины таджикское население начало увеличиваться чрезвычайно быстро, быстрее, чем в любом другом регионе СССР. Я, помню, заглядывал в демографические таблицы, из которых было видно, что население Таджикистана увеличилось, по сравнению с довоенным временем, в пять раз. Растущему населению горных деревень нужно топливо. Газ, насколько помню, до них подведен не был. После стычек с природоохранными органами крестьянам разрешили рубить сухую арчу.

Местные жители подрубали корни, чтобы к следующему году арча засыхала, а потом сухую пилили уже на дрова. Помнится, мы прошли маршрут по стене на вершину, которая ниже 4000 метров. Вылезаете и оказываесь на некрутом склоне, вроде яйлы в Крыму. Здесь когда-то был арчовый лес, а сейчас весь склон состоял из пеньков.

Уничтожение этого уникального заповедника шло интенсивно. Мы там были 40 дней и видели, как каждый день уходили вниз вереницы ишаков, груженные арчой. Рассказывали, что был лесник, который боролся за сохранность леса, но его вскоре нашли убитым.

Этим деревьям было, наверное, сотни лет. Климат с тех пор изменился. Новые леса на месте вырубленных уже не вырастут, а без леса не будет и травы. Останутся одни камни да кусты шиповника.

С тех пор прошло свыше тридцати лет. Вряд ли в местные деревни провели газопровод. Впрочем, не знаю, врать не буду.

Пройдя крутой каньон, выходишь в довольно широкую долину. Дорога ровная и долгая, с постепенным набором высоты. Идти несколько часов. Перед самыми озёрами — снова крутой подъём. Поднимаешься на огромный завал, который и послужил когда-то плотиной, образовавшей озеро. Мутные потоки, бегущие с тех немногих ледников, которые ещё сохранились в Фанских горах (вытаивание ледников началось гораздо раньше, чем на Кавказе), уходят под камни, и там происходит фильтрация. А немного выше завала ручьи, уже кристально чистые, выходят на

поверхность и впадают в эти два знаменитых озера. Большое Алаудинское озеро и Малое Алаудинское озеро.

Выше по ущелью, слева от каменной тропы, ещё небольшое озеро, окружённое осыпями. Озеро тоже чистое, сине-голубое, и совершенно круглое. И называется соответственно: «Пиала». Оно немного в стороне и ниже тропы, поэтому все полюбуются, проходя, но к воде не спускаются. А высоко, там, где уже холодно, расположены Мутные озёра. Тропа проходит у самой воды Мутного озера. Отсюда ледник близко, и питающие озёра мутные ручьи не успевают уйти под землю.

В Алаудинском ущелье все озёра холодные, почти как ледниковые. В них нет никакой органики, ни флоры, ни фауны, ещё и поэтому озёра такие красивые. Большое Алаудинское озеро густого синего цвета, а Малое Алаудинское озеро (не такое оно и малое) зеленовато-голубое.

Все альпинистские экспедиции ставили свои лагеря по берегам Малого озера. Везде валяются огромные камни, местами прямо нагромождения таких камней. Среди них яркими пятнами растут большие кусты цветущего шиповника. Кусты — как шары, высотой в два-три человеческих роста, с крупными цветами.

Между камней встречаются ровные площадки — места для палаток и костра найти не трудно. И рядом на склонах арчовый лес, там собирают валежник для костра. Насколько помню, готовили всегда на кострах, большие газовые баллоны не возили.

В свободное время я подолгу сидел на тёплом камне рядом с прозрачной водой и смотрел на гладь озера. Если сидеть так, чтобы солнце было за спиной, и дожидаться, когда ветерок начнёт морщинить поверхность, то можно увидеть чудо. Лёгкая рябь бежит тебе навстречу, некоторые из мелких волн на мгновения вспыхивают в изгибах неповторимым голубым светом. Вспышки неземной красоты чередуются с обычным цветом волн, завораживают. Настолько сильна и удивительна (необычна) эта красота, что охватывает волнение, оторваться не можешь... Пока не переменится ветер, и всё не исчезнет.

А на берегу Большого озера устраивают ночевки (а, может, и днёвки) проходящие туристы. Через ущелье проходят популярные туристские маршруты, их тропа как раз мимо Большого озера. Группы туристов проходят почти каждый день. Наиболее популярен у них маршрут через перевал Казнок (см. картосхему. На схеме перевалы обозначены косыми крестами, а вершины — точками). Туристы, которые попроще, ходят через перевал Алаудин, соединяющий Алаудинское и Куликолонское ущелья. В Куликолонском ущелье находились альпинисты из МГУ, и я к ним бегал проводить, как раз через этот перевал. Гостинцы приносил. У секции МГУ были сборы на базе а/л Артуч, а жили они в палатках на берегу одного из Куликолонских озёр.

Итак, мы расположились на берегу Малого Алаудинского озера. В доставке грузов использовался вертолёт. На вертолёте прилетела и маленькая Маша Винокурова, не помню, то ли с папой, то ли с мамой. Ей уже исполнилось три года. Галка пришла пешком вместе со всеми (на самом деле своего вертолёта у нас не было, просто с другой командой договорились, что они подбросят).

Там, в базовом лагере у озера, уже чувствуется высота (высота лагеря около 3000м). Маша акклиматизировалась не сразу, плакала целый день. Юра Джапаридзе посмотрел, как она страдает, и сказал: «А я хотел сына сюда взять. Хорошо, что не взял». Правда, через два дня Маша успокоилась и весело играла. Дети акклиматизируются быстро.

Да. Мы устраивались, а харьковчане уезжали. Один из харьковских альпинистов уезжал не очень довольным. Он говорил, что это «гнилое» место, что здесь все болеют. Болеют от слишком сухого воздуха.

Его выслушали, но вскоре забыли, т.к. эти предсказания если и сбылись, то совсем в малой степени. Воздух в Фанах действительно сухой, чувствуется близость пустыни. Сухость и жара вызывают жажду, люди пьют из ручьёв и простужают горло. Слава Богу, на нашем сборе мало кто заболел. Сказалось ещё и то, что многие уже были в Фанских горах в прошлом году.

На меня сухость влияла, но в другом смысле. Как будто бы внутри было какое-то препятствие, мешающее ярко воспринимать окружающее. Как в опере «Фауст» или в опере «Снегурочка». Всё воспринималось как бы сквозь сетку или какой-то фильтр, всё блекло. Видел, да не чувствовал. Помните, в опере, когда Снегурочка получила от Весны дар любви, всё засверкало, цветы, и небо... То же произошло со мной в третий приезд в 79-м, словно пелену убрали, и Фанские горы предстали во всей красе, почувствовал всей душой и всеми клетками. Наверное, привык к сухости.

По склонам гор, где ещё растёт трава, паслись тут и там отары овец (там говорят «бараны») и коровы. Один кош (ферма) стоял недалеко, немного ниже нашего лагеря. Эти таджики пасли колхозных коров. Мы к ним приходили за айраном. Особенно активны в этом деле были Шатилов с Воробьёвым. Хозяйка угощала, но наши стали бегать с большими вёдрами и так часто, что у них и для себя айрана не оставалось. Пробовали покупать, но тоже не получилось: просто нас было слишком много для одного коша, а некоторые из наших ребят не хотели этого понимать.

Пробовали и «заработать» — помогали крутить сепаратор. Женщины из коша доили коров, парное молоко сразу же начинали прогонять через сепаратор. Из отгона делали айран, а из сливок — масло. Масло отправляли вниз, в колхоз.

Труд у них тяжёлый. Травы в Фанах мало, коров надо часто перегонять с места на место. Мужик целый день бегаёт в сапогах по камням и осыпям. Женщины трудятся в коше. Для изготовления масла у них подвешен над огнём огромный котёл в форме полусферы и диаметром метра два или около. Котёл наполняют сливками после сепаратора. Под котлом всё время горит костёр. Масло всплывает, и его сверху собирают. Масло от сухих горных трав получается фантастического качества. Однако сколько-нибудь продать нам они отказались категорически: «Надо выполнять план. Мы сами его тоже не едим».

Куда отправляли это замечательное масло из колхоза, и кто его ел, не знаю. Может с чем смешивали? Но в продаже его не было.

Наши удалыцы крутили сепаратор слишком сильно и вскоре сломали. Но дружба не прекратилась, потому что этой колхозной семье приходилось обращаться к нашему врачу. Хотя местные крестьяне и проводят целый день на чистейшем горном воздухе, занимаясь физическим трудом, но со здоровьем у них неважно. В горных деревнях, около домов, мы видели небольшие участки, почти грядки, на которых выращивали табак. Чтобы урожай был побольше, а, значит, и побольше доход (?), за растениями надо постоянно ухаживать. Этим занимаются женщины. Все знают, как это вредно. Но деньги нужнее, чем здоровье, тем более женское. Нам объясняли, что высокогорный табак получается особо высокого качества. «С одного растения знаешь, сколько пачек сигарет можно получить? А с одной сотки? А сколько стоит одна пачка? Вот и считай».

Продолжу про нашу жизнь. Готовили на костре. Очаг устроили около большого камня. Рядом — ровные площадки для палаток. Справа рядом озеро, спуск к нему совсем недолгий. Воду мы берём в озере, вода чистая и холодная. Слева склон, который в южном направлении поднимается и переходит в гребень вершины Политехник. На склоне, заросшим арчовым лесом, собираем сухие ветки для костра, почти совсем как под крымскими скалами.

На высоте озера, где наш базовый лагерь, жарковато и сухо. В этот приезд дождик был один или два раза, в остальное время погода стояла ясная и устойчивая. Однажды, когда среди дня как-то особенно припекало, Винокуров вышел на середину и говорит: «Вот, ребята, это и есть настоящие Фаны!» Однако ночью спали в палатках и в мешках. Значит, ночью-то тепла не было, всё-таки 3000 метров.

Комаров-мошки там нет. Не помню, чтобы были оводы или слепни (на Памире на Саукдаре житья не было от слепней). Змей (гюрз) на той высоте и выше тоже нет. Скорпионы встречаются редко. Хотя один случай был. Колю Романова скорпион укусил за

ногу. Дело было в начале сезона, на занятия Коля ходил в кроссовках (а лазили мы все в галошах), высокогорные ботинки свои поставил под крыло палатки. Там они и простояли несколько дней, благо дождей не было. Скорпион нашёл в Колином ботинке укромное местечко. Настало время идти наверх. Все обуваются, вдруг крик: «Меня скорпион укусил!» Конечно, Коля скорпиона этого сразу из ботинка вытряхнул. Укус оказался не смертельным: в этот же день Коля ушёл в поход вместе со своим отделением.

Да, жарко и сухо. Юра Калагин после похода высушил свои носки. На следующий день уселся на пеньке и начал их выбивать об камень. «Вот как в Фанах надо стирать!» — кричал он в азарте.

В этом сезоне я чувствовал себя лучше. На некоторых восхождениях шёл почти в полную силу. В прошлогоднем сезоне я ходил совсем мало и отстал от тех ребят, с которыми ходил в Уллутау в 76-м.

Винокуров в этом году ходил на шестёрки. В его группе ходили Витя Мерлис, Юра Джапаридзе, Стас Охрименко, Валера Прокопенко. Ещё Соня Винокурова. Ещё Лев Воробьёв и Вадим Шатилов. В том сезоне Винокуров явно превосходил по классу ребят, которые только начинали ходить на стены. Я думаю, Толя хотел поскорее подтянуть ребят до своего уровня. Надо сказать, ребята росли быстро, особенно такие способные и смелые альпинисты, как Мерлис, Монаенков и Джапаридзе.

Что касается Сони, то назревала проблема. Из спортивных соображений ребята хотели делать какие-то восхождения без Сони. Соня же хотела, чтобы Винокуров на каждую шестёрку брал и её в группу. И шумно требовала. Даже Галка, тогда школьница, в сердцах сказала: «Мама, зачем тебе эта шестёрка, у тебя их и так много!»

Винокурову приходилось нести большой груз забот. Руководитель довольно многочисленного сбора, на котором были, кроме членов команды, и второразрядники и третьеразрядники. Надо было планировать выходы, проводить разборы. Затем, лидер команды и блестящий альпинист, совершивший за это время сложных восхождений, наверное, больше других участников (четыре шестёрки за сезон!). Тренер и воспитатель, выращивающий молодых мастеров одного за другим. И ещё напор со стороны Сони приходилось сдерживать. И ещё заботы о маленькой Маше. Со всем этим Анатолий Филиппович справлялся. Казалось, жизнь идёт сама по себе, а ему приходится только подправлять изредка.

Вспомнился такой эпизод. Ребята ушли на один из маршрутов, проложенных по восточной стене Чапдары одни, Винокуров остался в лагере (чтобы Соню успокоить?). Маршрут, который

ребятам предстояло пройти, в те времена оценивался шестой категорией. Они ушли, а Винокуров места себе не находил. На следующий день после завтрака он начал собирать рюкзак, вскоре по-боевому надел свою шапочку, рюкзак на плечи, и бодро зашагал через перевал. Как сказал Винокуров, ушёл наблюдать за группой (Чапдара смотрит на озёра своими западными склонами, а чтобы подойти и наблюдать с востока, надо пройти небольшой перевал).

Потом рассказывали следующее. Толя подошёл и увидел, что ребята лезут не туда. Вернул их. Ребята быстро спустились, благо поднялись ещё не высоко. Снова начали подъём, на этот раз по маршруту и с Винокуровым. Толя с ними прошёл до вершины.

А мы являлись как бы вторым составом команды. Мы — это я, Саша Карзанов, Юра Калагин. Постепенно так складывалось. Калагин быстро прогрессировал и дорос до нашего уровня. Мы с Сашей, наоборот, росли медленней: я из-за недостаточной физической формы, а Саше надо было притереться к коллективу. Четвёртым участником стала Соня. Ближе к концу сезона мы как раз такой четвёркой и сходили на восхождение.

Это было восхождение на Чапдару с востока, маршрут В.Черевко «По восточному ребру 5Б». Руководил Саша Карзанов (16-19 августа 78). Саша — отличный скалолаз, весь маршрут прошёл первым. Я шёл вторым, Соня — третьей, Юра Калагин — последним. Погода стояла в тот год устойчивая, мы обнагтели и не взяли палатку (это на 5Б!). Хотя высота Чапдары 5 тысяч метров.

Шли мы с удовольствием. Маршрут интересный, группа хорошая. Это длинное крутое ребро, скорее контрфорс. Много крутых скал, но всё проходится лазаньем, без искусственных точек опоры. Мы как начали утром, так и работали, не останавливаясь, пока не прошли всю крутую часть. Можно сказать, прошли ребро за один день.

Маршрут длинный. Идём верёвка за верёвкой, всё выше и выше. Стало вечереть, изменился цвет гор, а вверху, как посмотришь, всё круто, и конца скалам не видно. Я страхую Сашу на двойной верёвке и одновременно принимаю Соню, выбирая её страховочную верёвку. Наступили сумерки. Вот встретился более пологий участок. Здесь Саше идти легко, он забил один крюк и быстро продвигается вверх. Внезапно под рукой у него обламывается зацепка, и Саша кувырком катится вниз (поспешил, да и темно-вато уже). Мне надо его задержать, всё внимание на Сашу. А Соня снизу кричит: «Выбирай скорей!» Она старается подниматься как можно быстрее, чтобы не задерживать группу.

Саша остановился удачно, совсем не побился. Встал на небольшой полочке и собирается идти дальше. Я знаю, что после срыва первому лучше продолжать идти, чтобы не осталось

неприятного психологического надлома, но на всякий случай предлагаю сменить его. Саша отказывается, и правильно делает. Идёт дальше так же уверенно.

Темнеет. Совсем стемнело. Саша вверху лезет в темноте. Нам в потёмках работать тоже неудобно, но, конечно, проще, чем первому. Последнюю верёвку Саша лез в полной темноте, и, наконец, вылез на предвершинные скалы. Здесь полки, стенки, уступы. В общем, крутизна осталась ниже. Да и дальше двух-трёх метров мы не видели ничего. Забили крючья, каждый нашёл себе нишу или уступ. Залезли в спальные мешки и заснули до утра. Как я уже говорил, палатки у нас не было, но ботинки несли. Утром быстро вышли на вершину. Там ветер, неудобно. Спуск с Чапдары — семь вертикальных «дюльферов» по сорок метров. Дальше — ногами.

Это было моё шестое восхождение в сезоне. Перед тем я прошёл Пик Северный по 2Б, Адамташ по 4А в двойке с Калагиным, Замок по 5А под руководством Л.Воробьёва. Сходил руководителем на Бодхону по 5Б (маршрут Гульнёва). Сделали в двойке с Юрой Калагиным первопрохождение на вершину Политехник.

На пик Северный маршрут довольно любопытный, ничего похожего на Кавказе нет. От перемычки (перевал Алаудин) начинается трудный участок длиной, примерно, с верёвку. Скалы ближе к пятёрочным. А дальше до вершины просто. Если группа рассчитывает на двоечные или троечные скалы, то может и вообще не пройти этот маршрут.

Маршрут Гульнёва на Бодхону когда-то считался сложным. Но после крымской подготовки я особых трудностей не заметил. Я был руководителем и шёл первым с маленьким брезентовым рюкзачком. Пролез всё легко. Погода отличная, с ребятами проблем не было. Точно не помню, но, наверное, мы стену прошли за два дня. Я там чуть примус не уронил. Примус «Огонёк». На второй день с утра я затолкал в рюкзак спальный мешок, что-то ещё. Примус уже не лез, и я его с усилием запихнул под шнурок, которым стягивается горло рюкзака. Примус постепенно выползал из рюкзака и уже держался снаружи, зацепившись ножкой за этот шнурок. Ребята обнаружили такое безобразие, когда мы были в районе вершины, где уже не круто, и где мы собрались вместе. Конечно, поругали меня за легкомыслие. Вадим Шатилов, строго глядя мне в глаза, отчитывал: «Примус — это жизнь. Запомни!». Я запомнил.

Потом мы вышли ещё на одну 5Б, на Чимтаргу, которую я не прошёл. Я, видимо, устал на подходе с тяжёлым рюкзаком. А скорее всего, просто не успел восстановиться после предыдущего выхода, почувствовал недомогание и отказался от восхождения. Подход под маршрут далёкий: надо подняться в верховья ущелья,

потом подниматься направо на перевал Чимтарга и зайти под Чимтаргу с запада. Группой руководил Юра Джапаридзе, там были Саша Карзанов и Валера Прокопенко.

...Ранним утром, ещё было темно, сварили жидкую кашу-овсянку («геркулес») на сгущёнке. И вот, представьте: чуть светает, холодно, кругом холодные камни и скалы. На каменной площадке стоят в кружок одетые альпинисты с замёрзшими носами, руки в перчатках, каждый держит баночку из-под сгущёнки с налитой кашей, ест и говорит: «Хорошо! Ох, хорошо!» («Геркулес» почему-то централизованно не закупили, он был в дефиците, брали только на выходы и очень любили).

Потом ребята быстро собрались и ушли вверх, а я спустился на ледник, где стояла палатка восходителей на Зиндон. В той группе были Винокуров, Стас Охрименко, Лев Воробьёв и Вадим Шатилов. Наверное, и Витя Мерлис был. Винокуров с кем-то в связке ушёл навешивать верёвки в нижней части маршрута. От палатки было видно, как он красиво пролезал крутые скалы. Стройный, в белой каске и черном тренировочном костюме.

А про восхождение на Политехник хочется немного рассказать. Оно стало одним из лучших моих восхождений. Да, наверняка, и Юриных. Как говорится, вошло в «золотой фонд».

Вершина Политехник (4400 метров) — ближайшая к месту стоянок у Малого Алаудинского озера. Прямо на нас смотрит северный гребень — логичный путь к вершине. Маршрут по северному гребню тогда стоил 4А. В последнем классификаторе (2008 года) он отмечен как 3Б. А если подниматься вверх по ущелью, то проходишь мимо западных склонов Политехника. Там просматриваются неявные контрфорсы, довольно крутые в нижней части.

И мне, и Калагину для выполнения разрядных норм надо было сделать какое-нибудь первопрохождение. Винокуров предложил нам в двойке пройти на Политехник по одному из контрфорсов. Мы втроём поднялись по тропе, посмотрели на контрфорсы и выбрали левый. Вдвоём с Юрой наметили примерное начало маршрута. Спустились к палаткам и легли спать.

На следующее утро вышли на восхождение. У каждого по лёгкому рюкзачку. Взяли снаряжение, какое нужно, а из остального — немного еды. Ни палатки, ни тёплых вещей, ни примуса у нас не было. Из еды — немного хлеба, немного колбасы и сухофруктов. Грамм по двести на человека.

Мы оба были в хорошей скалолазной форме: перед этим я прошёл 5Б первым, и Юра прошёл 5Б в другой группе. Лезли легко, проходя верёвку за верёвкой по очереди. Оба в галошах. В рюкзаках лежат ботинки, перекус и всякая мелочевка: запас респиратора и т.п.

Вышли на скалы около восьми утра. Маршрут оказался логичным и интересным, спасибо Винокурову. Скалы крутые, разнообразные. Стенки, внутренние углы и широкие щели, внешние углы, полки. И, как ни странно, скалы довольно чистые и прочные. В нижней части маршрута, пока утро, не жарко. Лезем в тени, т.к. наша сторона смотрит на северо-запад.

(Прошло 32 года. Появились новые возможности, в частности, Интернет. На фотографиях, сделанных со спутников, прекрасно виден Политехник, наш контрфорс и всё ущелье с озёрами. Вспоминается прошлое, словно вернулся назад на тридцать лет. Даже ладони помнят те прохладные скалы.)

...Пока стою на страховке, разглядываю окрестные скалы. На полках, уступах попадаются следы горных баранов. Как они туда попадают, по четвёрочным и пятёрочным скалам, без всяких верёвок и галош?

Крутая часть маршрута оказалась довольно длинной, верёвок десять. Потом рельеф стал меняться на более разрушенный и менее крутой. Мы нашли заметный выступ и соорудили на нём высокий контрольный тур. Этот нижний участок мы оценили как 4Б.

Далее контрфорс переходит в длинный крутой гребень, изрядно разрушенный. Типичная длинная тройка. Только кавказские тройки, как правило, короче. Гребешки, стенки, местами развалюха. Весь этот путь мы прошли одновременно, иногда на стенках подстраховывая друг друга. Правда, на этом пути пришлось забить один или два крюка. И шли мы, несмотря на одновременную страховку, довольно долго. Не помню, но точно, что не один час. Там большой набор высоты.

На вершине были во второй половине дня. Спускались на юг по кулуарам и осыпям, уже в ботинках. Тут Юра шел впереди. Спускается он прекрасно, я шел за ним, восхищаясь его умелостью. Потом — вниз по тропе мимо Пиалы. Вернулись в лагерь на озере, когда уже вечерело. Примерно, в восемь вечера. Весь маршрут мы оценили как 4Б.

Восхождение прошло замечательно. Ничто там на нас не падало. Ни разу не было, чтобы мы ткнулись не туда и потом возвращались. С партнёром — полное взаимопонимание. Получили удовольствие. (Вышли из лагеря в 6 утра 12 августа, в 8 утра подошли к скалам, пришли в лагерь в 8 вечера 12 августа).

В Москве написали, в соответствии с правилами, отчёт и сдали. И сегодня в классификаторе это 4Б.

Через год или два, будучи в Фанах, я попал на разбор в чужом сборе. Ребята прошли как раз наш маршрут, и мне было интересно послушать. Шли они вчетвером. Шли медленнее нас, на маршруте заночевали. Среди прочего девушка, участница восхождения, сказала, что она ходила на Джайлык по 5А (это на

Кавказе), так вот, этот маршрут ей показался сложнее, чем на Джайлык.

Шесть восхождений, из них три пятёрки — совсем не густо для сорокадневного сбора в Фанах. Но для меня и это неплохо, т.к. я там всё-таки болел. Меньше, чем в прошлом году, но болел. Первый раз в конце акклиматизации. Как и в прошлый год, дней через десять начала подниматься температура, и я провалялся в палатке, в одиночестве, несколько дней. Помню поздний вечер, потемки, я один в своей палатке, недалеко пляшут тени и красные языки пламени. Все вокруг костра, после ужина что-то затеяли варить, шумят, веселятся. А я лежу в мешке, в жару и в слабости, и злюсь. Но всё проходит, я поправился и продолжил восхождения.

Второй раз приболел не так сильно. Недомогание почувствовал перед самым отъездом, но это всё было бы мелочи, если бы не заразился в Самарканде.

...Сезон подходит к концу, пора заняться эвакуацией. От базового лагеря и до площадки, расположенной ниже каньона, куда доходит машина, идти почти день. Все грузы на себе не перенести. Общественные грузы плюс у каждого большой рюкзак личных вещей. Накануне ребята ушли вниз договариваться насчёт ишаков.

С утра мы снимали лагерь, паковались. Вскоре пришли наши гонцы и местные крестьяне с ишаками, началась торговля. Нам нужны ишаки, местным — верёвка (аркан). Деньги их не интересовали. Винокуров выделил какую-то часть верёвок для меня. Лев Воробьёв, ещё кто-то, торговались азартно и чересчур увлеклись этим делом. Пришли к соглашению только часам к двум. По хорошему нам надо было бы быть уже давно в дороге.

На каждого ишака погрузили связку из двух рюкзаков или связку рюкзак — тюк с общественным грузом. Сказали «прощай» площадке, на которой так долго жили, и караван отправился вниз. Каждый альпинист сопровождал одного ишака. Никто не знал, какой и чей груз несёт его ишак, т.к. грузились и уходили в спешке.

Темнота застала, когда караван подходил сверху к каньону. Надо сказать, что в дороге растянулись, но не так, чтобы сильно. Мой ишак шёл ближе к «хвосту» каравана, и точно не последний. Каньон проходили в кромешной тьме. Ночь была безлунная, звёзд тоже не видно за облаками, да ещё темнота от каньона. В каньоне тропа спускается зигзагом. Слева — скала, справа — обрыв, там, далеко внизу, ревёт река. Я ничего не видел, даже ишака, который был в полуметре от меня. Один бы я там точно не спустился. Подумал, что ишак жить хочет, ходил по этой дороге не раз, надо ему довериться. Главное, не мешать. Положил ладонь ишаку на круп, так он меня и провёл по каньону. Вышли

из каньона, тьма чуть ослабла, тропа стала шире и ровнее, как дорога. Вскоре впереди завиднелся огонь. Мы с ишаком подошли к поляне, где спустившиеся первыми развели костёр.

Уже успели сварить ужин и поесть, когда из темноты вышел Стас Охрименко. Один, без ишака, и сказал: «Ишак упал». Глубокая ночь, часа два или три ночи, темень. Надо ждать расвета. Стаса покормили и легли спать.

Стас потом рассказал, как было дело. Ему попался самый дешёвый ишак, старый. Ишак шёл тише других, и Стас с ним отстал. По тропе каньона они спустились благополучно. А вот когда вышли из каньона на дорогу, ишак стал поперёк и стоит. Стас не мог сдвинуть его с места или хотя бы развернуть мордой вдоль дороги. Стас мучился, мучился, ничего не добился и решил помочь ишаку. Залез ему под брюхо, чтобы приподнять и развернуть. Тут ишак отступил в сторону и покатился по склону.

Утром все разобрали свои личные рюкзаки, сваленные вчера в потёмках в кучу вместе с общественными. Я своего рюкзака не нашёл. Значит, он был на том ишаке, который упал. Там у меня было всё, в том числе паспорт и деньги. О своей судьбе, если рюкзак не найдётся, я не думал. Были дела текущие.

С утра собралась группа и пошла выручать ишака. Снарядились, как следует: с верёвками, поясами, карабинами и т.д. В том месте, откуда упал ишак, дорога пересекает довольно крутой склон из старой, слежавшейся осыпи. Внизу под склоном шумит река. Склон подходит к самой реке, но на наше счастье и на счастье ишака у самой воды была узкая полоска из камней и земли, где росли кусты и трава. Ночью ишак катился и до воды не докатился, полоска спасла. Сегодня мы его обнаружили, с ушибами и кровоподтёками, мирно щиплющим травку на этой полоске. И ещё нашли, о, счастье! связку рюкзак-тюк.

Ишак карабкаться вверх не хотел. Мы его вытаскивали по всем правилам. Обвязали верёвкой, сверху тянули, снизу подталкивали. Длинной этот склон был верёвки две или чуть больше. Ишака вытащили и, гордясь совершённым делом, отвели его к хозяину. Хозяин сказал примерно так, что зря старались, ишак плохой и ничего не стоит. Цена ему пять рублей.

А вот как историю с ишаком запомнил Винокуров.

«Самое интересное, когда мы все уходили. Тогда уходили кто раньше, кто позже по разным причинам. Стас он ведь... Со Стасом, если идёшь на восхождение, в палатке всегда порядок. Всё разложено. Если что-то мокрое, или плохо привязано, он всё разложит, всё убереёт, выжмет, всё выровняет. Чтобы не разбросано по палатке, а всё как бы на своём месте. И он это всегда. Где бы с ним ни ночевали, у него порядок в палатке. Натянет в палатке верёвочку, повесит, чтобы там сохло... Если кто влезал в триконях, или по-другому снег

попал – выметет всё. Порядок поддерживал. Больше никто так не поддерживал.

Обычно всегда, когда уходили, он тоже приберёт лагерь: подберёт бумажки, разровняет. Чтобы после него была чистота. Там, где его палатка была. Всегда за этим смотрел.

Поэтому он пошёл последний. Может, у него ишак был хреновый. Однажды мне тоже попался ишак: руку держишь – идёт, только отнял – стоит. Тогда я отставал с этим ишаком, он уже был седым таким. Старый. Я с ним шёл. Стасу тоже достался седоватый ишак. Хреноватый. Перед этим я сбегал в Рудаки, притащил две бутылки водки.

В общем, пришли мы тут и немножко выпили (у костра, где готовили ужин/Б.). Время уже двенадцать ночи, темно, поддатые немного. С Джипом: «Пойдём встретим». Джип собрал двоих-троих. Ушли, через некоторое время Джип появляется. Встретили, говорит, Стас упал. Ишак упал. Пошли, говорит, надо верёвки взять. Темно, фонари у кого-то. И он говорит, эта тропа, каменистая осыпь, и потом эта дорога начинается. Выполаживается там. Колея от машины. Не дошёл он метров пять-шесть. Может десять. Буквально.

Они привели с собой Стаса. Тот за плечо держится так, говорит, вывихнул. Стас говорит:

– Ишак остановился, дрожат ноги, как обычно, когда начинает падать. Упирается, чтобы удержать равновесие. Я его подпираю. В темноте же. Ишак полетел. Держусь, крутится. И молча летим. Потом, – говорит, – думаю, что я, с ишаком так и буду лететь?

Он от него оттолкнулся, от ишака. Отпустил этот рюкзак. Там было два рюкзака. с одной и с другой стороны. Он отпустил, ишак улетел, но я, говорит, зацепился, удержался. Чувствую, что-то с плечом.

Только он вышел на дорогу, как раз Джип пришёл. Вот они взяли верёвки и пошли вытаскивать ишака. Единственно, что смогли – спуститься вниз, там метров шестьдесят, длины верёвки нехватало. Ишак лежал на боку, рюкзак в воде, половина. Ишак в воде лежал. Его там разгрузили, чего-то принесли, рюкзак, может два. И ишака там поставили, он стоит.

Утром мы организовали экспедицию по доставанию ишака. И я спустился. Там все почти были. Спустили пару верёвок, привязали ишака, я спустился, помню, первый спустился к этому ишаку. Стоит весь побитый ишак, буквально, синяки кругом. На коленках, на морде, сильно побитый один глаз. Но смотрит. И, главное, торчит травка изо рта. Торчит и всё, он не может её проглотить. Жевать больно ему. Ишак молчит, что ему. Привязали подмышки, за шею. Раз-два, взяли! Как поднимают. Ишак упёрся, на этот склон никак. Становится на передние коленки. Тут ещё спустились, пять – шесть человек, и начали его пихать вверх. Буквально пихать. А там же зацепиться не за что, одной рукой держишься за склон, а другой

его под зад поддаёшь. Человек шесть пихали внизу, а остальные тянули сверху. Таким образом, мы его потихоньку, потихоньку подняли. Развязали, он стоит». Конец цитаты.

Возвращались в Самарканд через Айни и Пенджикент. В Айни долго сидели, было холодно, меня знобило. Опять заболел.

В Самарканде тепло, воздух кажется густым после гор, дышать легко. С утра мы с Юрой Калагиным пошли прогуляться по Самарканду. Гуляли, смотрели. На одной из улиц встретили столовку и решили перекусить. Столовая — подвальчик, довольно неряшливый, помню, там ещё мухи летали. Заказали манты или шурпу или что-то в этом роде. Потом на улице покупали виноград. Потом пили зелёный чай в чайхане. В общем, попали на заразу.

Вернулись на базу днём, во второй половине. И вскоре, часов в пять, началось первое «закрытие сезона» (второе будет в Москве). На траве расстелили полиэтиленовые плёнки, положили еду, поставили бутылки с водкой. Тосты, потом песни под гитару.

Юра выпил хорошо, а я, сдуру, пить водку не стал. Ещё и недомогание последнее ослабило организм. Только вот наутро у Юры обошлось, может, и водка помогла, а у меня началась дизентерия. Настоящая амебная. Стас Охрименко стал вызывать врача. Говорил, что у человека с кровью понос. Диспетчер на приёмном конце, видимо, плохо говорил по-русски, и понял так, что идёт кровь из носа. Приехал совсем другой врач. Наконец, меня отвезли в дизентерийный барак на окраине Самарканда. Ребята проводили, сдали меня дежурному врачу и улетели в Москву.

Заболевание у меня было в тяжелой форме. Я сужу по тому, что, когда стал поправляться, то видел, каких привозили новых больных. Все они выглядели довольно бодрыми и на второй день уже начинали вставать. А я четверо суток лежал пластом, и если бы не современные сильные препараты, то бы не выжил.

Там мне удалось понаблюдать жизнь простого народа. Так сказать, изнутри. Сначала два слова о больнице и лечении. Лечили меня хорошо. Каждый день глотал горсть разных таблеток. Делали вливание через вену физиологического раствора. На четвёртый — пятый день пошло на поправку. До сих пор благодарен врачам, грамотным и заботливым. Хорошие национальные кадры врачей вырастила Советская власть!

Впрочем, не всегда хорошие. Главврачом больницы был молодой узбек, недавно из института, который окончил, видимо, по благу. И на должность был посажен. Этот главный приезжал на работу на своём автомобиле к 10 часам. Подписывал бумаги, больничные листы. Потом час или два играл с больными в нарды.

И в двенадцать садился в автомобиль и уезжал. Слава Богу, что он никого не лечил.

Среди остальных врачей узбеков не было. Меня, например, лечили двое. Опытный и грамотный заведующий отделением, по национальности иранец (перс). И совсем молодая женщина — лечащий врач, по национальности крым-татарка. Я так пишу, потому что там при общении сразу называют национальность: узбек, урус (русский), таджик, крым-татарин, иранец, бухарский еврей, араб и т.д. Так вот, эти мои два врача оставили самые тёплые воспоминания. Я думаю, остальные врачи лечили тоже нормально, потому что больные быстро поправлялись. Бездельника главврача воспринимали как должное. Он — представитель титульной национальности, на то и начальник, чтобы ничего не делать. А жизнь в больнице текла своим чередом: врачи делали осмотры и назначали лечение, сёстры раздавали лекарства и делали уколы, нянечки помогали слабым больным. Кто-то всем этим управлял, но мне было не до того, чтобы выяснять такие вопросы.

Что такое больница. Самарканд — город своеобразный. Центр выглядит, как вполне современный город. А к окраинам все более становится огромной деревней или конгломератом деревень, протянувшимся вдоль реки. В одной из таких деревень и была наша больница. Территория, окруженная глиняным забором, через который легко перелезть. Там, на территории, растут деревья, журчит арык. Невысокий врачебный домик, несколько длинных барakov для больных, беседка, уборная снаружи, не очень далеко от барakov.

Вся жизнь больницы проходит во дворе. Больных привозят на «скорой», и на следующий день они начинают ходить. Общаются в беседках, на лавочках. В глиняных бараках только получают лекарства и спят. Под ногами всё время не пол, а земля. Вечерами ходят в самоволку в кино, которое совсем недалеко, за дорогой, покрытой толстым слоем пыли.

Кино показывают вечерами, когда стемнеет, под открытым небом. Крохотный запыленный скверик, внутри — ряд скамеек на врытых в землю столбиках. Спереди — небольшой экран. Хочешь — сиди на лавочке за 20 копеек, не хочешь — можешь смотреть кино из-за ограды бесплатно. Мало похоже на поход в кино в небольших русских городках. Здесь ходит молодёжь, причём, не помню, чтобы там девушки были. Во время сеанса курят, переговариваются, толкаются. Происходящее на экране волнует мало. Как наши деревенские посиделки с семечками.

...Нет русской открытости и стремления к справедливости, склонности переживать за мировые проблемы. И в то же время, как дети, верят всяким слухам. Озабочены своими маленькими делами: «это моё, а до остального нет дела». «Свои» для них — это не люди,

близкие по взглядам, а свой род, своё племя. Жизнь воспринимают такой, какая она есть на данный момент и обустроиваются в ней, как могут.

Молодой парень, таджик, по характеру доброжелательный, внушал мне: «Вот, допустим, мы с тобой подрались. Если рядом будет таджик, он вступится за меня» (А я-то думал, что надо вступить за того, кого обижают). Сегодняшняя мораль, внедряемая через фильмы и телепередачи, очень напоминает эту азиатскую. Куда-то к средневековью двигаемся, с сотовыми телефонами и интернетом.

Однажды в больницу принесли мальчика, придавленного колёсным трактором. Водитель сшиб ребёнка и в страхе укатил. Мне объяснили, что так поступают все. Иначе его бы сразу убила разъярённая толпа. Мальчик был плох, видно было, что не выживет. Вызвали «скорую», т.к. наша больница совсем другой специализации, а пока врачи подносили ему кислородные подушки. Вокруг мальчика были женщины, среди них мать. Говорили, что у них много детей. Вскоре появился отец, по виду скромный служащий. «Скорая» всё не ехала, ждали её с нетерпением и надеждой. «Ну, когда же она приедет!» — с тоской повторял отец. Не прошло и часа, как мальчик умер. Начался горестный плач.

В Самарканде каких только национальностей нет! Со мной в палате находился парень, по внешности и поведению типично местный, но говорил, что он араб. «Нас здесь двадцать пять тысяч. Когда-то давным-давно пришли. А когда была война Израиля с арабами, мы пошли и стали проситься добровольцами. Нам сказали, что никуда не выпустят. Потом всем национальность переписали: иранец, иранец. Теперь мы, арабы, по паспорту иранцы...»

По радио передачи велись на четырёх языках: узбекском, таджикском, крым-татарском и русском. Известия повторяли по очереди на каждом языке. Времени на другие передачи, кроме последних известий, оставалось мало. Кстати, в больнице все, и больные в том числе, разговаривали на русском.

Поправлялся я медленно, уж очень ослаб. Но всему прекрасному приходит конец, и я, выписавшись и побродив в последний раз по Самарканду, улетел домой.

Справки. Сбор Мособлспорткомитета, июль – август 1978 года.

Базовый лагерь на Алаудинских озёрах.

Спортивный состав сбора

Даутер Б.В. – тренер	Охрименко С.В.
Винокурова С.И. – тренер	Поздняков В.А.
Винокуров А.Ф. – начальник сборов, тренер	Прокопенко В.И.
Опойцев Н.А.	Воробьёв Л.Ф.

Романов Н.И.	Самошкин
Самсонов Л.А.	Шатилов В.Н.
Мерлис В.П.	Гетьман
Маркин В.В.	Карзанов А.В.
Джапаридзе Ю.О.	Борисов Б.И.
Горохов А.Л.	Калагин Ю.Г.

Молодые ребята Л.Самсонов, Маркин, Горохов, Поздняков уехали раньше. Перед концом сборов приехали Самошкин и Гетьман, которые успели сделать по четыре восхождения.

На сборе было совершено 34 выхода в период с 15 июля по 21 августа.

Четыре восхождения 6 к/т:

Бодхона по пр. части Зап. стены, рук. Винокуров;

Чапдара по Центру Зап. стены, Рук. Мерлис;

Зиндон (маршрут Емельяненко), рук. Мерлис;

Чапдара по Сев-Вост стене (мар. Моногарова), рук. Мерлис.

А. Ф. Винокуров и В. П. Мерлис выполнили нормы мастера спорта с превышением и стали Мастерами Спорта.

1979 ГОД. ТРЕТЬЯ ПОЕЗДКА В ФАНСКИЕ ГОРЫ

В сезон 78 года я всё-таки в Фанах «не налазилась». Осенью съездил в Крым с ребятами из МГУ. В Крыму были всего шесть дней, но лазили вволю. Зимой 79 года тренировался, и, хотя и очень медленно, но всё больше и больше приходил в норму. Уже мог подолгу бегать. И на лыжах, и ногами по окрестным полям и лесам. Убегал за кольцевую (МКАД), дальше начинались просторы: поля и перелески. Сегодня, увы, там всё так приватизировано, застроено и захламлено, что и не пройдёшь, не то что бегать. Остались лесные островки, до которых приходится подъезжать на автобусе.

После сезона 78 года в моём послужном списке стало четыре восхождения 5Б, я имел жетон спасательного отряда и первопрохождение на 4Б. По совокупности этих заслуг мне осенью присвоили разряд «Кандидат в мастера спорта» — КМС. Оформленный разряд КМС в соответствии с существовавшими правилами формально не ограничивал возможность ходить на маршруты любой категории, в том числе и шестой (подразделять шестую категорию на 6А и 6Б станут позже). Оставались ограничения по существу: чтобы идти на первую шестёрку руководителем, надо было перед этим иметь опыт руководства двумя 5Б. Это ограничение было разумным и необременительным.

Мастера спорта имели право самовыпуска, т.е. могли идти, куда считали нужным, получив визу врача и зафиксировав

выход в спасательном отряде. Кандидаты в мастера спорта права самовыпуска не имели. Разрешение на выход давал выпускающий альпинистского мероприятия. В этом состояло различие между Мастером спорта и КМСом в смысле возможностей. Ну, и звание мастера, и престиж, конечно.

Звание КМС мог получить любой целеустремлённый и сильный спортсмен. Для этого альпинисту надо было совершить определённое число восхождений определённой трудности. Точно так же как и для разрядов с III-го по I-й. Однако, чтобы получить звание мастера спорта, не достаточно просто достигнуть мастерства и совершить сколько-то восхождений. Надо было быть не только хорошим спортсменом, но и попасть в благоприятные условия (или самому создать такие условия).

Спорткомитет СССР ограничивал число мастеров спорта. Устанавливалась «квота» для каждого вида спорта в зависимости от числа занимающихся. Для альпинистов «выделялось», примерно, сорок мастеров спорта в год. Раз в четыре года нормы пересматривались в сторону усложнения. Но и класс альпинистов рос быстро. Люди приспосабливались к новым требованиям. На следующий год после пересмотра норм число новых мастеров было небольшим, увеличиваясь с каждым годом. Если на четвёртый год нормы на мастера выполняло более сорока человек, то требования опять усложнялись.

Чтобы было понятно, какого сорта везение требовалось, приведу пример. Одно время мастером спорта мог стать только альпинист, который в составе своей команды принимал участие в соревнованиях на первенство СССР по альпинизму. За места в этих соревнованиях давали «мастерские» баллы. Надо было за 4 года набрать нужное количество баллов. Число команд, участвующих в первенстве, было ограничено. Представляете, надо было, чтобы в твоей секции имелась команда, допускаемая к первенству, затем попасть в эту команду и занимать вместе с ней не один раз высокие места. За первое место в чемпионате СССР автоматически звание мастера не давали, нужны были дополнительные баллы.

Когда я выполнял нормы, требования были другие, но тоже сложные. Так или иначе, но нужно было не только самому быть умелым альпинистом, но и много ходить в составе сильной команды. Далеко не у каждого имелись такие возможности. Многие мои друзья, достаточно сильные спортсмены, так и остались в КМСах только потому, что не сложились благоприятные условия.

В этом деле со званием «Мастер Спорта» много субъективизма. Присуждают звания люди. Разные бывают мастера, разные КМСы. Однако если брать в среднем, то мастер спорта сильнее КМС. Так что объективность тоже присутствует.

Добавлю ещё два слова о разрядах. Когда я был молодым альпинистом, а это пятидесятые годы XX века, высшими разрядами были первый разряд и мастер спорта, для них, как я уже писал, раз в четыре года объявлялись разрядные требования. Существовало также звание Заслуженный Мастер спорта, это звание присуждалось персонально за выдающиеся заслуги в том или ином виде спорта, никаких разрядных требований для него не было. В чём именно состояли «выдающиеся заслуги» решали спортивные руководители страны. Затем добавились такие разряды: между первым разрядом и мастером спорта был вставлен разряд КМС; между мастером спорта и Заслуженным Мастером был вставлен разряд Мастер Спорта Международного класса, для которого разрядные требования существовали. Так что мастер спорта — это не высшая ступень спортивного мастерства, а как бы третья, над ним ещё находятся «международный» мастер и Заслуженный Мастер.

Винокуров на очередной сезон, сезон 79 года, поднял флаг: «Снова поедем в Фанские горы!». Опять на Алаудины.

Это характерно для Винокурова — ездить в один район, пока не исчерпаются все возможности. А у нас в Алаудинском ущелье осталось много маршрутов, которые мы хотели бы пройти.

Сбор готовился как совместная экспедиция альпинистов общества «Труд», т.е. наша команда, и альпинистов общества «Зенит». Начальник сбора — Винокуров. Выпускающими и тренерами, кроме Винокурова, были: с нашей стороны Соня, а остальные из Зенита.

У нас народ большей частью из Фрязино и Подольска, в Зените — в основном из Подлипков (Подлипки — станция, а город ныне называется Королёв, бывший Калининград) и из Черноголовки.

С нами снова прекрасный альпинист Женя Монаенков, который вернулся в команду, с нами опытный и трудолюбивый Стас Охрименко. Мастера спорта Валера Прокопенко, Наташа Ни, они из Фрязино, и Паша Секачёв. И, конечно, мастер спорта Соня Винокурова. По результатам прошлого года мастерами спорта стали А.Винокуров и В.Мерлис.

Коллектив зенитовцев приехал довольно многочисленный, по крайней мере, не меньше нашего. Там были опытные альпинисты и группа более молодых, но перспективных ребят. Старшие зенитовцы в своё время ездили в экспедиции в удалённые горные районы и имели опыт подготовки экспедиций. Все они были мастерами спорта или «почти мастерами», инструкторами альпинизма. Журздин, Пинчук, Валера Кремена, Куршин, Иван Иванчин, Герман Седов и др. Прошлогодние наши ребята Воробьёв и Шатилов на этот раз приехали как зенитовцы.

Эти заслуженные альпинисты в Крым ездили не часто, и я не помню, чтобы их встречал в Царицыно, где мы без конца пропадали. Поэтому в скалолазной подготовке они были слабее нас, проведших перед этим два сезона в Фанах, ездивших в Крым, облазивших всё Царицыно. Собственно же альпинистского опыта они имели больше, да и каждый был интересной личностью.

А вот молодые зенитовцы, как раз, наоборот, на первых занятиях показали себя талантливыми скалолазами. Валера Бойко, В.Ефимов, Миша Лебедев из Черноголовки. Ещё были ребята, но, к сожалению, забыл фамилии. Этим ребятам оставалось только выполнить разрядные нормы, чтобы получить права и выходить на шестёрки. Но разряды — дело наживное.

Хозяйство у нас с «Зенитом» было общее. Общие продукты, повариха. Коллективы же держались самостоятельно. На восхождения зенитовцы ходили с зенитовцами. Наши из «Труда» тоже со своими. Если оказывалось целесообразно, то устраивались восхождения в смешанных группах. Но это было именно как сотрудничество двух коллективов. А такого, чтобы все участники перемешались, и группы составлялись как из единого коллектива, — такого не было.

Из женщин у нас были Соня и Наташа Ни, обе мастера спорта по альпинизму. Несколько женщин приехало с «Зенитом» — хороших спортсменок и любительниц всяких интересных бесед. Вообще «Зенит» выглядел более интеллектуальным. Словом, техническая интеллигенция. Наши, «Труд», были попроще. И, как завсегдатаи района, чувствовали себя в Фанах увереннее.

Из тех, кто в прошлом году ходил с Винокуровым на шестёрки, кто-то уже выполнил нормы мастера спорта, а другим предстояло закрыть «Мастера» в этом году.

Наш второй состав (Борисов, Карзанов, Калагин) тоже в этом году вполне мог претендовать на «шестёрки». Т.е. Винокуров уже в этом году получал команду из примерно десяти человек. Из этих десяти можно было в любой комбинации составлять группы и идти на восхождения самой высокой сложности, участвовать в первенствах и т.д.

Что касается меня, то в этом году у меня впервые появился интерес к спортивному альпинизму. Стану или нет мастером спорта, пока что было всё равно, но уже не всё равно было, на какой маршрут идти. Раньше, когда ребята горячо обсуждали, куда идти, консультировались, я стоял в сторонке. Берут — спасибо, туда пойдём, так туда. В этом году сам стал участвовать в обсуждениях и выборе маршрута.

Например, в прошлом, 78 году довелось наблюдать, как связка Винокурова обрабатывала маршрут на Зиндон (этот маршрут считался эталонной шестёркой). Приятно было видеть Толю на вертикальной стене. Тогда на себя я не примерял: молодцы

ребята, лезут, но это не для меня. А в этом году мне уже захотелось пройти Зиндон, и именно этим маршрутом. Настрой теперь стал совсем другой. Как я был настроен, можно судить по такому эпизоду. Мы шли на Чапдару по трудному и длинному маршруту. Я иду первым, передо мной очередной крутой участок. Смотрю вверх, надо выбрать, как лезть: слева кажется проще, справа скалы сложнее, шестёрочные. Я сознательно выбираю путь справа, хотя ребята снизу кричат, что надо идти слева. Но я пролез справа, сделал станцию, перила. Первым подходит Валера Прокопенко, сердитый, попрекает меня: почему не пошёл слева, ведь кричали. Отвечаю: «Это я перед шестёркой тренируюсь» — «А, понятно. Так бы сразу и сказал!» — успокаивается Валера.

Впечатления от восхождений остались яркие. Некоторые из восхождений сделал, можно сказать, в полную силу. Правда, перебои со здоровьем случались, хоть и реже.

И в этом же году не только открылась глазам, как прежде, но и затронула душу красота Фанских гор. Ущелье представлялось фантастическим полуразрушенным городом с огромными башнями и замками. Если смотреть с перевала Алаудин, то ущелья, наше и Куликолонское, совсем непохожи, как два разных мира. Даже цвет воздуха разный. В Куликолонах воздух желто-зелёного оттенка, а в Алаудинах — фиолетового. В Алаудинах всё глубже, насыщенней, сильнее, в Куликолонах — радостней, теплее, ближе к домашнему.

О моих восхождениях 1979 года

4 июля мы сходили на Шагун-Ага по ЗА (тренировочное восхождение), а через три дня, 7-го июля, поднялись на Замок по 5А. В прошлом году я уже ходил на Замок, маршрут был тоже по 5А. Но тогда был маршрут по центру Западной стены (маршрут Оше). То первое восхождение произвело определённое впечатление и помнится до сих пор. Например, там есть стенка (лобик), не крутая, но гладкая, как отполированная. Первым лез Воробьёв, руководитель. Чтобы пролезть, он в гладкой скале молотком выбивал небольшие ямки и использовал их как зацепки.

На этот раз мы шли по левому краю Западной стены (в классификаторе «по СЗ ребру»). Я был участником, кто руководил, сейчас не помню. Но помню, я лез первым. В галошах. Вся группа шла в галошах. Лез я там легко, уверенно. Частично путь проходил по внутреннему углу, находящемуся в тени. Там на скалах встречался тонкий слой льда. Где можно было, я лёд скалывал, но, чтобы не поскользнуться в галоше, приходилось, прежде чем поставить ногу на зацепку, греть эту зацепку рукой, растапливая остатки льда.

Так я довольно быстро продвигался вверх, и уже далеко ушёл от крюка. Как вдруг почувствовал, что галоша на одной ноге

подвязана плохо и начинает сползать. Как раз на ключевой верёвке. Стало несколько неудобно, но вскоре удалось вылезти на полочку и поправить галошу. Я понимал, что если галоша соскочит, то срыв неминуем, но отнёсся к этому спокойно, уж очень уверенно себя чувствовал. Скалы на этом маршруте показались нетрудными. Так я думал тогда, а сейчас понимаю, что дело не в скалах было, а во мне: за год моё умение в скалолазании выросло.

Затем сходили на Чапдару по левой части Северо-Западной стены, 5Б (маршрут Петрова). Маршрут оказался трудным. Я был руководителем. В первый день шёл первым и больших трудностей не встретил. Потом первым шёл Карзанов, потом я. Карзанову достался самый сложный участок. Саша успешно всё пролез, причём шёл в своей манере, как говорят, «до упора», пока не вышел, уже в сумерки, на место, где можно остановиться на ночь. Маршрут этот длинный, много трудных скал и скал попроще, которые тоже надо пролезать. И ориентироваться там надо уметь. В общем, налазишься вволю. По моей оценке этот маршрут не намного слабее проходящего справа известного маршрута на Чапдару по северо-западной стене (по Солонникову). И заметно труднее, чем пройденный нами в прошлом году маршрут на ту же Чапдару с восточной стороны (по Вост. ребру, маршрут Черевко).

Руководство моё во многом было номинальным. Кто первым шёл, тот и решал, куда идти и где останавливаться. И на ночёвках каждый знал, что ему делать. Основные заботы у руководителя были при подготовке к выходу, а на маршруте всё делалось как бы само собой.

Теперь у меня было достаточно пятёрок «Б», чтобы «и по существу и формально» выйти на шестёрку. Да, вся команда к этому времени значительно выросла. Винокуров мог быть доволен. Совсем недавно каждый выход на шестёрку был событием. На восхождение выходила группа во главе с Винокуровым, где Толя был безусловным лидером и авторитетом. Толя, наверное, хотел побольше ребят познакомить с шестёрочными стенами, поэтому состав групп менял. Ребята набирались опыта и мастерства. Теперь ребята, ходившие с Винокуровым, освоились на шестёрках и могли ходить самостоятельно. Забойщиками были Витя Мерлис, Женя Монаенков, Юра Джапаридзе.

Выход на шестёрку уже не был чем-то исключительным на сборе, и Винокуров выпустил нас на самостоятельное восхождение. В том смысле, что на первую свою шестёрку пойдём без Винокурова. И мы действительно сходили в этом сезоне (я и Саша Карзанов) на две шестёрки: Зиндон «по Емельяненко» (в разных группах) и Зиндон «по Шумилову» (в одной группе). Про эти восхождения рассказ будет позже, а сейчас я хочу прервать

себя и обратиться к воспоминаниям о другом восхождении этого сезона, а именно, о восхождении группы под руководством Винокурова на вершину Чапдара по Северо-Восточной стене.

Винокуров присматривался к Колодцу и в прошлом году. Присматривался и помалкивал. И вот уже в новом сезоне маршрут обсуждается в лагере. Запомнилось, как Винокуров пришёл после наблюдения и показывал рисунок-схему будущего маршрута. Рисунок был озаглавлен: «Схема безопасного прохождения Колодца», а показывал её Толя кому-то из альпинистских представителей, скорее всего Мумджи. Винокуров доказывал, что нашёл безопасный путь, и что пройти Колодец можно. На схеме был нарисован как бы небольшой контрфорс, вертикальный, слева и справа от которого водопады. Вот по нему, по контрфорсу, и надо идти.

Группа во главе с Винокуровым ушла на Колодец, а мы немного позже вышли на Чапдару с запада по маршруту Петрова. Когда мы были на вершине и радостные, что прошли сложный маршрут, думали о спуске, то по радиации получили от Винокурова сообщение, что они тоже скоро выйдут, и чтобы я оставил им что-нибудь из еды. Спасибо Толе, что подсказал, а то бы я, может быть, и не догадался (я был руководителем на том восхождении). Конечно, мы оставили им в вершинном туре всё, что у нас было, т.е. немного крупы.

И вот мы в лагере, а на следующий день в лагерь пришли винокуровцы.

16 июля 1979г.
Вернулись после
прохождения
«Колодца» на
в. Чапдара

Слева направо:
Винокуров
Воробьев
Мерлис
(его заслонил
дежурный)
Монаенков
Джапаридзе
Журздин

Ребята пришли смертельно усталые, прямо измождённые, ещё никогда в таком состоянии группы не приходили. Винокуров сильно исхудал, но держался бодро. У остальных был вид измученный, лица пожелтевшие. Посвежее других выглядел Журздин, а, может, повязка скрашивала. Стоявшие в сторонке женщины ахали: «Нет, ты посмотри на Монаенкова! А Мерлис! Ой, а Джип! А Воробьев!»

Ребята пили, ели и снова пили. На следующий день Юра Джапаридзе прогуливался по лагерю в плавках, еле передвигая набитый живот, и говорил: «Я как паучок».

Отдыхали, делились впечатлениями. Ребята оценивали маршрут очень высоко.

- Надо сделать семёрки (тогда шестёрки не делили на 6А и 6Б).
- Всё что прошли до этого — ниже.

Возвращаюсь к своему рассказу

Итак, Зиндон, маршрут Емельяненко

Собралась такая группа: Борисов — руководитель, Соня Винокурова, Юра Калагин, Миша Пархута. Соня мастер спорта, остальные КМС. Пойдём на Зиндон. У меня, у Юры и у Миши это будет первая шестёрка, и только Соня имела до этого опыт восхождений шестой категории трудности. Напомню, что шестую категорию ввели незадолго до описываемых времён, и ещё недавно высшей категорией была 5Б. Поэтому шестёрки были мерилом мастерства альпиниста.

На этот раз я был не только формальным, но и фактическим руководителем и при подготовке и на восхождении. Забегая немного вперед, скажу, что само руководство больших забот не вызвало. Контакт с группой был хороший. Действительно, мы были воспитанники одной школы и понимали альпинизм одинаково. Все трое участников — сильные альпинисты и шли хорошо. Со стороны Сони и Юры я ощущал всё время моральную поддержку, как бы подпор снизу, поэтому лез впереди, как говорится, с лёгким сердцем.

Восхождение прошло на душевном подъёме, все мы очень хотели пройти этот маршрут. Ещё бы, первая шестёрка, и самостоятельно! Соня до сих пор вспоминает: «Зиндон — как песня!». Юра и Миша, оба из Подольска, оба сильные спортсмены, вели себя по-разному. Со стороны Юры я чувствовал за спиной силу и знал, что на него можно положиться как на себя. От Миши такой поддержки на маршруте не было, он как бы сомневался, пройдем, не пройдем. Казалось, он чувствовал бы себя спокойнее, если бы с ним были не Борисов с Калагиным, а проверенные Винокуров с Мерлисом. Впрочем, свои переживания Миша спрятал внутрь и поднимался вверх нормально.

Перед выходом я готовил маршрут и подбирал снаряжение, остальные дела ребята выполняли сами — народ грамотный. Особенно активен при подготовке был Миша, даже пытался сделать деревянные клинья. Правда, с клиньями ничего не получилось, и мы их не взяли. Миша дал мне на это восхождение свою пуховую куртку, которую я в процессе восхождения несколько измазал.

Что нам встретится, я примерно знал. Этот маршрут в прошлом году был пройден группой нашего сбора под руководством Винокурова (*ошибка, в книге выходов руководителем записан В. Мерлис*), и мы ещё помнили рассказы о тех впечатлениях, с которыми они вернулись. «Таких скал мы до этого не видели» — говорили ребята на разборе. Были мы наслышаны и про карниз где-то в самом верху, под которым надо проходить траверсом.

Всё готово. Построились на линейке с рюкзаками, проверили, не забыли ли чего, доложились дежурному и пошли.

В первый день подходили под маршрут. С тяжёлыми рюкзаками поднимаемся вверх по ущелью. До Мутных озёр идём по тропе. Потом тропа уходит вперёд на перевал Казнок, через который ходят туристы, а мы поворачиваем направо к перевалу между вершинами Энергия и Чимтарга. Чувствуется высота, идти становится тяжелее. Юра на ходу посматривает на Энергию, какие там могут быть маршруты.

Наконец поднялись на перевал и уже к вечеру спустились на другую сторону на ледник как раз напротив стены Зиндона, где и поставили палатку. Мы в верховьях ледника, который спускается, уходя на запад. Интересно, что там дальше? Но сегодня мы сосредоточены на Зиндоне, на другие интересы не отвлекаемся. Медленно угасает закат в красноватой дымке, становятся фиолетовыми тени и лёд. Погода хорошая, затих ветер. Хоть и Фаны, однако, становится холодно.

Соня около палатки на леднике. Перед восхождением на Зиндон

Миша отошёл в сторону стены и долго на неё смотрит, а мы втроём у палатки. Юра отвёл меня в сторону и говорит: «Вот, смотри, решает, идти или не идти. Ну, если откажется!»

Мне казалось, что отказаться можно только по нездоровью. В здоровье ребят я не сомневался, все они были по здоровью крепче меня. Поэтому слова Юры беспокойства не вызвали. Да и Миша, слава Богу, никаких разговоров не начинал.

По плану завтра день обработки маршрута. Двойка выйдет, чтобы навесить часть верёвок, вторая двойка останется у палатки наблюдать. Послезавтра — всей группой вверх. На обработку

предлагаю выйти Юре и Мише. Миша отказывается. Что ж, нет, так нет, пойдём мы с Юрой.

На следующий день вышли в двойке с Юрой, взяв снаряжение и все верёвки, которые принесли, а именно, четыре верёвки по 42-43 метра. Успели провесить две верёвки (а может, даже три, точно не помню). На первой верёвке встретился участок гладких скал с мелкими и редкими зацепками. Лезть надо было, как говорил Юра, «на мизерах», максимально используя равновесие. Мне такой рельеф давался легко, и я пролез без рыданий, чем заслужил Юрину похвалу.

Спустились к палатке рано, часа в три. Погода хорошая, настроение боевое. Завтра — на восхождение (или, как раньше говорили, «на штурм»). Пойдём в таком порядке: Борисов — Пархута — Винокурова — Калагин. Юра пойдёт последним и будет выбивать крючья. Это у него получается лучше, чем у других. Юра даже сделал в своё время утяжелённый молоток, который с помощью тросика можно прищелкнуть к крюку. Один — два удара по крюку, потом рывок за тросик, и крюк выдернут.

Утром быстро позавтракали, собрали лагерь, рассовали по карманам дневной рацион: немного сухофруктов, по кусочку колбасы, и по два-три маленьких сухарика. С утра свежо, небольшой ветерок бодрит. Пахнет льдом и снегом. Быстро спускаемся по леднику, подходим к стене и поднимаемся по снежнику к скалам, где висят наши верёвки. Здесь надеваем на себя обвязки, беседки, достаём зажимы. Переобуваемся в галоши. Я навешиваю на себя всё, что нужно для первого: крючья, карабины, закладки, петли, лесенки. И — вперёд. Теперь соберёмся вместе только вечером на ночёвке.

Первая задача — пройти всё, что навесили вчера. Двигаться по заранее навешанным верёвкам, да ещё с рюкзаком, и тяжело, и представляет определённый риск. Человек один на один с этой перильной верёвкой. Страховка состоит в том, что ты прикреплен к перилам через зажим и дополнительно (что бывает не всегда) через схватывающий узел. На не очень крутых скалах это ничего, можно подниматься лазаньем, т.е. ногами, придерживаясь за скалы и за верёвку (за верёвку с помощью зажима. Зажим — металлическое приспособление, которое двигается вдоль верёвки только в одну сторону. Его можно продвигать вверх и потом нагружать, назад не поедет. На заре моих занятий альпинизмом для этой цели использовался схватывающий узел). Но на таких скалах, как на Зиндоне, т.е. практически вертикальных, верёвку приходится нагружать полностью. Альпинист висит на верёвке и поднимается вверх только по верёвке с помощью стремян и лесенки, скала никак не используется. Верёвка натянута как струна, а ведь она провисела ночь на стене, где без конца посвистывают камушки и камни, которые могли попасть

и по верёвке. Правда, удар камня по ненатянутой верёвке может перебить её, а может и не перебить. Но вот, если камень попадёт по верёвке в тот момент, когда на ней висит человек, то неминуемо перебьёт, перережет как ножом.

Чтобы уменьшить риск, мы с Юрой вчера закрепили верёвки не только по концам, но и в промежуточных точках, так, чтобы свободные участки получались по 15-20 метров. Всем нужно дополнительно перестёгиваться в этих точках, что немного замедлит движение, но безопасность дороже.

Наконец, группа достигла верхней точки закреплённых верёвок. Отсюда будем двигаться по отработанному алгоритму, когда каждый находится на двух верёвках. Первый лезет вверх на двойной верёвке, забывая по ходу крючья. Каждый из остальных участников поднимается по перилам с рюкзаком, при этом товарищ страхует его дополнительной верёвкой. Все четыре верёвки в деле.

Так мы шли вверх дня три (или четыре). Большую часть времени первым лез я. Оно и понятно — руководитель. В один из дней первым вышел Юра, чтобы дать моей психике передохнуть. В этот день я был вторым, выпуская Юру вверх. Юра шёл хорошо. Местами Юре пришлось преодолевать очень трудные участки. Когда я подходил к нему, то восхищался, как же удалось тут пролезть?

Эта стена у нас получилась чуть больше тридцати верёвок. Юра в нашей группе был самым молодым альпинистом (по стажу), но показал себя блестяще.

Первым я лез охотно. Во-первых, это у меня хорошо получалось. Во-вторых, затянувшееся восстановление физических сил ещё не закончилось. Мне тяжело было подниматься по перильной верёвке с рюкзаком, выдерживая нужный темп. Первому легче, не надо тащить тяжёлый рюкзак.

Стена есть стена. Посвистывают камни, по стене всегда сверху льёт или капает. Приходится лезть и по сухому и по мокрому. В один из дней на нас падал снег, но, в среднем погода была ходячая. Не было такого, чтобы текли снежные потоки, или скалы и зацепки заледенели. Галоши всё время держали хорошо. Как шли по дням, сейчас не помню, но вот как срывался и как проходил ключевой участок, запомнил хорошо.

Наиболее трудный участок — это ровная вертикальная плита, посреди которой проходит прямо вверх небольшая трещина. Идти надо по этой трещине, иначе не пролезешь. Зацепки на плите встречаются, в скальных туфлях или в галошах пролезть можно. Весь этот участок длиной в полторы или две верёвки. Приходится станцию делать на плите. Принимать партнёра и выпускать надо, подвесив себя в стременах на крючьях. Не скажу, что эта плита далась мне легко. Когда лез последние

метры, то оставлял на зацепках следы крови (кожа на руках истёрлась до крови).

Про срыв я рассказывал. Всё-таки здесь повторю. Небольшая небрежность с забивкой крюка привела к потере равновесия на сложном (вертикальном) месте. Там так круто, что я падал, не касаясь скалы, и повис на верёвках, как на качелях. Полностью испытал преимущества двойной верёвки. На моё счастье крюк выдержал, так что я даже и не испугался.

...А было так. В середине третьего дня подошли к вертикальной плите. Подошли мы сюда по более простым скалам. Я сделал станцию, выхожу на двойной верёвке, Миша выпускает. Продвигаюсь с крючевой страховкой. Чтобы выйти на самой плите, надо пролезть через нависание. Когда подлез под нависание, увидел над головой хорошую трещину. Вроде ещё и рано крюк бить, только что забил, но уж очень трещина хороша. Не поленился и заколотил хороший швеллер. Пролез нависание, сверху зацепка в виде полочки сантиметра три шириной. Я вылез на эту полочку, стою на ней на одной ноге, в галоше, вторую ногу поставил сверху на пальцы первой. Я уже на плите, перед носом та трещина, забитая каменной крошкой. Быстро забил крюк, но больно ненадёжный. Чтобы передохнуть, держусь за этот плохой крюк одной рукой, а второй перебираю крючья на груди в поисках хорошего крюка. Чтобы забить надёжный крюк где-то рядом. Забитый только что крюк под рукой внезапно вываливается, восстановить равновесие и вцепиться в скалу я не успеваю и начинаю падать.

Голова работала удивительно быстро. Мне казалось, что я спокойно рассуждаю, но до чего же о многом успел подумать за время падения! Первая мысль: выдержит или не выдержит швеллер. Потому что, если его вырвет, то остальные так и пойдут вываливаться. А дальше падать — километр. Однако швеллерный крюк выдержал, и я закачался на двойной верёвке. Пролетел я там по воздуху изрядно.

Когда понял, что Бог миловал, посмотрел на бледного Мишу, сказал, что всё в порядке, иду дальше. Качнулся немного, дотянулся до скалы, пролез снова к нависанию, вылез на злополучную полочку и уже там забил надёжный крюк, держась за край трещины. Как говорят, от души. Такой крюк, что можно было и ногой стать. Пролез эту трудную верёвку, устроил станцию прямо на плите, висячую. Принял Мишу, пошёл дальше.

Верхняя часть плиты оказалась особенно трудной. А выше плиты — каменистый склон, полки, лежит снежок, не круто, есть где поставить палатку. На этой ночёвке мы ходили непривязанными и спали, сняв обвязки.

Ещё запомнилась общая дружная работа. Не было такого, что лидер ведёт группу. Вся группа двигалась как единое целое. Соня

и Юра прямо рвались вверх, так они хотели пройти этот маршрут. Миша на подъёме тоже держал себя молодцом. Правда, вверху, недалеко от вершины, стало заметно, что он устаёт. На крутых трудных стенках он стал снимать рюкзак, пролезать стенку без рюкзака и потом вытаскивать рюкзак на репшнуре. Я его ругал: «Лезь, как все, не снимай рюкзак! Если надо, то я подтяну тебя за страховку!»

Знаменитый карниз, о котором было столько разговоров, оказался не таким уж и трудным. Первому в галошах, да ещё после всех этих стен, пройти оказалось легко. Вся трудность была в том, что там надо идти траверсом, а пройти траверсом по горизонтальным перилам с рюкзаком гораздо тяжелее, чем по вертикальным. Но в данном случае можно было и с рюкзаком идти лазанием, используя перила для страховки. Там участок, наверное, метров тридцать, точно уже не помню.

Я прошёл первым, вышел на полку, набил крючья для станции, закрепил перила. Кричу: «Перила готовы. Иди!». Очередь Миши. Но тот не хочет лезть с рюкзаком. Что делать? Я вспомнил 76 год, Уллуатау, Витю Мерлиса. Пререкался не стал, а вернулся назад, где стояли трое ребят, взял у Миши рюкзак и пролез снова с рюкзаком. Потом прошёл Миша без рюкзака, потом Соня и Юра. С рюкзаками. Юре дополнительно надо было вдобавок ещё и перила снимать.

Наконец, последняя крутая верёвка, и – всё, вылезли. Дальше какие-то простые скалы, и вот она, вершина. Утро, хорошая погода. Смотрим по сторонам, пишем записку, перераспределяем грузы, убираем лишнее снаряжение, переобуваемся в ботинки. Спуск по гребню направо в западную сторону. Гребень не очень крутой, но скалы заглажены. Идём в связках по двое. Юра спускается мастерски, на трении и спиной к склону. Остальные — кто как умеет.

Гребень кончился. Далее надо спуститься на северную сторону по широкому и длинному снежному кулуару, который внизу выведет нас на ледник. На тот ледник, с которого несколько дней назад мы начали восхождение. Справа и слева ограничивают кулуар почти отвесные стены. Правая стена вверху уходит к вершине Зиндона. Понятно, что оттуда падают камни: на снегу видны следы от ударов камней. Надо кулуар пройти побыстрее, испытывать судьбу нечего. Но кулуар крутой, спускаться можно только спортивными (дюльферами) с продёргиванием верёвок. Так спускались все группы, на левой стороне кулуара должны быть набиты старые станции. Поискали мы эти крючья, но не нашли. Потом обнаружили их высоко вверху. Просто снег кулуара сильно вытаял, и станции оказались метров на десять выше, нам туда не подняться. Пришлось забивать свои крючья и оставлять их. Угроза попасть под камнепад заставила работать чётко.

На леднике развязались, сняли амуницию, оделись по-походному, переложили рюкзаки. Всё. Восхождение совершено, можно улыбаться и поздравлять друг друга.

После Зиндона Сонька сказала: «Ну, Борька, ты настоящий мастер!»

Я после Зиндона
Лето 1979

Возвращаемся домой. Прошли снова перевал, спускаемся бодро и весело. Вспоминаю, как тяжело было здесь подниматься, а сейчас как будто и не устали.

В районе Мутных озёр настигли небольшую толпу, медленнодвигающуюся вниз. Оказалось, это второразрядники с нашего сбора. Один из участников, из Подольска, подвернул ногу, да так, что не может идти. Его несут.

На наш сбор приехало два брата-близнеца, оба с огромными черными бородами. Теперь как раз один из братьев и повредил ногу. Когда мы подошли, то увидели, что пострадавшего несёт его брат в рюкзаке на спине. Нёс еле-еле. Остальные из их группы шли рядом и сзади. Мы включились в работу. Соня начала шуметь, что надо лёд прикладывать, и тут же соорудила повязку со льдом. Наша группа (кроме, конечно, Сони) большей частью и несла этого, довольно крупного парня. Чувствовали мы себя свежими, как будто на восхождении не устали, а отдохнули.

На разборе присутствовал весь тренерский состав, в том числе и тренеры «Зенита». Я рассказал, как мы шли, и про срыв рассказал.

А куртку Мишину я, как уже упоминал, в чистоте не сохранил. Вернул чуть измазанной и потрепанной.

На следующий день Герман Седов (руководитель «Зенита») пришёл к палатке Винокурова на переговоры. Мол, они («Зенит») собрались на Зиндон, нельзя ли включить в их группу кого-нибудь из наших, конкретно, Карзанова и Борисова? Винокуров, человек простой, отвечает, что вот ребята рядом, давай их и спросим, а он, конечно, не возражает. Пригласили меня и Сашу, мы тут же согласились, и разговор перешёл в деловое русло.

Снова Зиндон

Пойдём на Зиндон по маршруту Олега Шумилова. Состав группы: двое от «Труда»: КМС Карзанов, КМС Борисов, и трое от «Зенита»: КМС Седов, МС Иван Иванчин (Иван Андреевич), а вот кто третий, не помню. Кажется, Куршин, тоже мастер спорта. Руководитель — Герман Седов. Всего пятеро, одна палатка.

Маршрут Олега Шумилова проходит слева от маршрута, который мы только что прошли, по самому центру Северной стены. Был пройден командой Шумилова на три года позже, в 1977 году. Считается несколько сложнее, чем маршрут Емельяненко. Я в разных группах, как только что говорил, прошёл оба маршрута сразу один за другим, так что впечатления сравнивать легко. Правда, первый маршрут я шёл большей частью первым, а второй почти целиком первым прошёл Карзанов. Так вот, маршрут Шумилова действительно сложнее (больше сложных участков), хотя проходят они рядом, и характер скал одинаковый.

Теперь по порядку. Выходим надолго, рюкзаки тяжелые. Выше Мутных озёр, при подходе к перевалу, я стал отставать. Видимо, не успел восстановиться после прошлого восхождения. Карзанов стал помогать: уходил вперёд, бросал свой рюкзак, потом шёл мне навстречу и немного подносил мой, пока я отдыхал. Но это помогало мало. Мне казалось, что лучше бы было, если бы он взял немного моего груза. В общем, недалеко от перевала мы остановились, вскипятили чай, Седов покормил меня мёдом. Передохнули, я кое-как поплёлся, а потом и лучше пошёл.

Ночёвка почти в том же месте. Назавтра Карзанов с кем-то в связке вышел на обработку, а меня не пустили, видимо, вчера несколько напугал.

Дело в том, что Седову очень нужна была эта шестёрка, и он хотел исключить всякую возможность неудачи. Ставить на одного Карзанова он не хотел, ему нужны были, для надёжности, два забойщика.

На третий день сняли палатку и вышли на восхождение. Как Карзанов лез вчера, я не выяснял, но явно не там, где мы поднимались. Верёвки Саша выпрямил, и сегодня они висели вертикально. Первая верёвка, по которой мы поднимались с лесенками и зажимами, висела свободно в воздухе и отстояла от скалы метров на пять, если не больше. Это довольно нервный момент — болтаешься над пропастью на 8-мм верёвке без дополнительной страховки. Собственный вес, плюс амуниция, плюс тяжёлый рюкзак — верёвка натянута до предела. Наконец, группа прошла по навешенным накануне верёвкам и растянулась вдоль стены. Началась привычная работа по алгоритму: пять человек — пять верёвок, каждый на двойной верёвке.

Шли мы в таком порядке: Карзанов — Борисов — три зенитовца сзади. Седов шёл третьим, посерединке, как руководитель. Шли несколько дней, в напряжении, скалы там действительно сложные. Изредка встречалась верёвка полегче, а так всё время, верёвка за верёвкой, трудное и очень трудное лазание.

Надо сказать, прохождение такой довольно протяжённой и почти отвесной стены — дело тяжёлое. И для первого, и для остальных членов группы. Всегда посвистывают камни. Бывает,

приходится мокнуть, т.к. где-то далеко вверху тает снег, и по скалам, как по стенам колодца, капает, а иногда и льёт. Первый, чтобы пролезть, находит извилистый путь, остальные с рюкзаками поднимаются по этим немислимым верёвкам. Второй старается, по возможности, спрямить верёвки. Не всегда это удаётся. От стены отбрасывает, приходится прилагать усилия, чтобы преодолеть карнизы, и т.д.

Зенитовцы шли хорошо. Вообще на этом восхождении они показали себя прекрасно. Приятно было находиться в такой компании. Все трое опытные, серьёзные, закалённые альпинисты. Для нас с Карзановым такого сорта скалы стали привычными, а у них, видимо, встретились впервые. Но никто из них ни разу не «возник», т.е. не затевал какие-нибудь разговоры, замечания и т.д., что случается, когда человек устанет и начинает нервничать. Везде, где надо было терпеть, терпели, ни слова не говоря, и весь маршрут работали так, как нужно. Как скалолазы и Карзанов, и я, были, конечно, сильнее их, первыми они такие скалы идти не могли. Но вот как альпинисты в целом... Как альпинисты они были на тот момент, может, и посильнее. Все трое зенитовцев были достойны того маршрута, который прошли.

Иваном Иванчиным я прямо восхищался. Возникла симпатия, которая у меня сохраняется до сих пор, и, надеюсь, взаимная. Было видно, что Ивану Андреевичу маршрут даётся тяжелее, чем, например, мне. Но вёл себя он самоотверженно, ровно и мужественно.

Герман Седов был моложе и тяготы переносил легче. Руководил он хорошо. С одной стороны, чувствовалось достаточно волевое руководство, а с другой стороны, он особенно не вмешивался и не командовал. По крайней мере, что касалось маршрута, то полностью доверился нам с Карзановым как специалистам, а, фактически, Карзанову, т.к. он шёл первым. Казалось, Герман не до конца верил, что мы действительно пройдем весь маршрут, а не начнём где-нибудь спускаться, не дойдя до вершины. Его можно понять, ведь он нас до этого совсем не знал, познакомились в процессе восхождения.

На последней ночёвке на стене, когда до вершины было почти «рукой подать», Седов преобразился, словно пружина внутри расправилась. Стал активным, отдавал по рации распоряжения находившимся в лагере, планировал следующие восхождения. Видно, уже не сомневался, что будем на вершине.

Как выше говорилось, весь маршрут «по Шумилову» Саша прошёл первым. Я на стене почувствовал себя в родной стихии, про недомогания сразу забыл. Хотел сменить Сашу и поработать день или два первым, чтобы он передохнул. Но Саша втянулся, работал без усталости и не желал сменяться.

Когда шли первопроходители, то они оставили на стене несколько контрольных туров. В контрольных турах лежат записки, подобно запискам на вершине. С приходом «демократии» и «свободы» записки перестали писать: никому нет дела до того, был ты на вершине или не был. Восхождения считаются частным делом. А во времена советского спорта группа в каждом контрольном туре меняла записку: снимала предыдущую и оставляла свою. После возвращения с восхождения снятые записки предыдущей группы сдавались в спасательную службу. Т.е. записки служили подтверждением того, что группа прошла по маршруту и побывала на вершине. Это учитывалось при оформлении спортивных разрядов и при присуждении места в соревнованиях.

На вершине записка лежит в консервной банке, над которой сооружён тур из камней, чтобы её легко можно было отыскать. На стене, подобной нашей, контрольный тур — это просто жестяная банка, подвешенная на крюке и куске репшнура. Вешают эти банки в трудных местах, мимо которых группа обязательно должна пройти. Саша наткнулся на эти туры, снимал записки и отдавал Седову, а в банки вкладывал записки нашей группы.

Когда мы собирались на восхождение, было известно, что несколько групп до нас повторило этот «серебряный» маршрут. Но в последней банке Саша обнаружил записку первопроходителей. Все группы как-то обходили это место.

...День за днём мы поднимались всё выше и выше, и начали несколько уставать от крутизны. Чувствовалось, что поднялись высоко, вершина уже недалеко. Преодолеваем очередные сложные скалы и надеемся, что выше станет немного положе. Надежды не оправдались. Когда вылезли наверх, на небольшую полку, то оказалось, что слева прямо вверх просматриваются опять сложные, почти нависающие скалы. Опять надо будет напряжённо работать. Справа, за крутым кулуаром, метрах в пятидесяти, виден путь, по которому я лез неделю назад. Это верхняя часть маршрута Емельяненко. И тут наша команда дрогнула. Стали совещаться, не перейти ли на тот путь? Я считал, что переходить не надо, но твёрдо настаивать не стал, протестовал вяло. Тоже дрогнул. Хотя было понятно, что до выхода наверх совсем немного, и до темноты наверняка пролезем. На переход затратили много времени, так что время восхождения вряд ли сократили.

Осталась небольшая досада, что не прошли полторы или две верёвки и не узнали, как там? Перешли на соседний маршрут, где-то рядом нашли место для ночёвки, сделали площадку и заночевали.

С утра я пошёл первым. Для меня путь знакомый и малоинтересный, а для остальных (они-то шли там впервые), видимо, интерес представлял. Я лез и всё посматривал налево: куда бы мы вылезли, если бы не свернули. Даже сейчас сожалею, что мы

свернули на другой маршрут. Со спортивной точки зрения этот уход значения имеет мало: мы всё-таки шумиловскую шестёрку прошли, и прошли хорошо.

То, что Саша в одном из контрольных туров снял записку первопроходцев, помогло мне стать мастером спорта. В Москве Седову удалось доказать, что нам следует засчитать восхождение как второе прохождение маршрута, т.к. мы прошли все контрольные туры, а команды, ходившие до нас — не все. Дело в том, что за второе прохождение «золотого» или «серебряного» маршрутов в те времена давали дополнительные мастерские баллы. У Седова были хорошие отношения с В.Шатаевым, тот согласился с такой натяжкой. Мастерские баллы нам всем присвоили.

Закончен основной сезон. Но у меня остались долги по стажировкам: первую смену я отстажировался в 77-м, а вот прошлый год, 78-й, пропустил. Чтобы стать инструктором альпинизма, надо отработать стажёром ещё смену и обязательно в этом году. Поэтому я после Фанских гор собирался ехать на Кавказ, в Алибек. Из Фанских гор мы возвращались через Душанбе, я точно помню, а дальше память моя даёт сбои. Вижу перед глазами отдельные эпизоды, как ездил в Нурек, но то ли это было на этот раз, то ли несколькими годами позже, уже не помню. Может быть не так и важно, в каком точно году это было, а важно, что это было, что я на самом деле прожил этот яркий кусочек жизни.

Нурекская ГЭС. Итак, я возвращался через Душанбе, с рюкзаком, и почему-то один. Доехал до столицы Таджикской ССР на попутках. В дороге шофера-таджики заводили разговор о политике: почему у них мало баранины? (Баранина продавалась везде, но цены были рыночные — по 8 руб. за килограмм). Один говорил, что всё мясо отправляют в Россию. В Москву. Обижает, мол, Москва таджиков. Мои возражения, что в Таджикистане население выросло в пять раз, что появилось много крупных городов, а пастбища как были, так и остались, до него не доходили. И совсем не хотел верить, что в Таджикистан ввозится баранина из других краёв. На следующей попутке другой водитель рассказывал, как они (колхоз) сдают баранов государству: «Гоним и гоним баранов, ничего не остаётся, и всё Душанбе кушает». По крайней мере, обвинял Душанбе, а не Москву.

Въезжали мы со стороны Варзобского ущелья, и я вышел у турбазы перед въездом в город. Турбаза эта исключительно демократична. Можно получить ночлег за небольшие деньги, а можно переночевать на территории бесплатно. Многие туристские группы останавливались в своих палатках. Когда я пришёл, вечерело, они ужинали. Всё на базе было по-простому и по-домашнему. Я нашёл уголок, расстелил коврик на выжженной траве, открыл какую-то банку, перекусил и улёгся. Рюкзак

стоял рядом, сверху светили звёзды. Ни мошки, ни комаров там нет, не будет и дождя. Единственно, чего можно опасаться, так это что какой-нибудь ядовитый паук заползёт и укусит. Но пауков и скорпионов мало, встречаются редко, можно лежать спокойно. Люди кругом доброжелательные, советские, мысли о бандах и грабителях даже в голову не могли прийти.

На следующий день с утра отправился в город. Посетил, конечно, базар. Базар в Душанбе, может быть и меньше, чем в Самарканде, не помню, но дешевле, и демократичнее, что ли (в хорошем смысле этого слова). Виноград, персики с абрикосами и т.д. как будто сегодня привезены, спелые и свежие. И, что приятно, меньше профессиональных торговцев и больше крестьян (бабаев), которые привезли своё выращенное, и которые не торгуются, а хотят скорее продать и уехать. Любопытно, что в Самарканде было наоборот: торговцами и спекулянтами были таджики, из узбеков была администрация, крестьяне тоже чаще встречались узбеки.

Вообще о городе остались исключительно хорошие воспоминания. Город (бывший Сталинабад) построен почти полностью за годы Советской власти. Достопримечательностей старины там нет. Современные дома и тенистые улицы вместо залитых солнцем азиатских улочек с глухими трёхметровыми глинобитными заборами. Высокая культура приготовления пищи — все эти манты, шурпа, лагман и др. в Душанбе вкуснее, чем в других местах Средней Азии.

И удивительный, неповторимый климат. Климат, воздух, мне понравился больше всего. Душанбе расположен в долине реки Варзоб между невысокими горами и приподнят относительно уровня моря. Здесь нет такой сухости и дыхания пустынь, как, например, в Самарканде. Конечно, на открытых местах (например, на холмах за городом, где мне доводилось делать пробежки несколькими годами позже), да, на открытых местах солнце жжёт, как везде в Средней Азии. Но в городе на улицах тень. Там удивительно комфортно. Нет ни комаров, ни мошек, ни мух, ни слепней, вообще ничто не беспокоит. Тепло, но не влажно, нет духоты. А вечером вообще замечательно. Тело твоё находится в полной гармонии с окружающей средой. И дышится легко.

Конечно, то, что город в долине между возвышенностями, способствует накоплению выхлопных газов. Но в те времена, когда я там бывал, автомобилей было мало, и они ещё не испортили это уникальное место.

Я как-то привык, что в каждом южном городе есть «Комсомольское озеро». Чаще всего это водоём с плотиной. Есть такое озеро и в Душанбе — место купаний. На берегу озера я встретил небольшой табор знакомых из «Зенита». Они

там расположились на несколько дней с рюкзаками, варили на примусах, по очереди ходили на рынок за продуктами.

Завтра мне улетать. Самолёт вылетает вечером, а с утра я решил съездить в Нурек и посмотреть Нурекскую ГЭС. Автобусы ходят довольно часто, ехать около часа или час с небольшим, так мне сегодня помнится. Рюкзак оставил в аэропорту, заехал на рынок и купил полную сетку-авоську великолепных персиков, чтобы отвезти в Москву. Потом отправился на автостанцию. В автобусе разговорился с соседями. Они оказались большими энтузиастами стройки и нового города Нурек. Один молодой парень сказал: «Поезжай. Там сейчас один створ открыт. Посмотришь». Молодая женщина, соседка в автобусе, узнав, что я еду из любопытства и как бы на экскурсию, начала восторженно рассказывать, какой замечательный город Нурек, как съехала молодёжь со всех краёв Советского Союза. «У нас больше ста национальностей, — с гордостью говорила она, — и все мы дружно живём!»

Нурекская ГЭС сооружена на реке Вахш, воды которой собираются с разных памирских ледников и текут на юг, где сливаются с водами реки Пяндж. По Пянджу проходит граница между СССР (Таджикской республикой) и Афганистаном. После слияния Вахша и Пянджа начинается Амударья — великая река Средней Азии. А сам Вахш образуется от слияния рек Сурхоб и Обихингоу. Река Обихингоу питается ледниками, расположенными на южных склонах пика Коммунизма и соседних вершин. Про могучий Сурхоб я как-нибудь расскажу. Сурхоб образуется от слияния реки Кызыл-Суу, протекающей по Алайской долине, и реки Муксу, истоки которой: знаменитый ледник Федченко, ледник Фортамбек и другие ледники в самом сердце Памира.

Нурекская ГЭС была в СССР одной из великих строек, про неё много писали.

Проектирование ГЭС началось в 1950-х, строительство было начато в 1961 году. Строительство станции было объявлено Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. В эксплуатацию станция принята в 1972 году, последний агрегат введен в строй в 1979-м. Мощность станции составляет 3 000 МВт (девять агрегатов по 330 МВт).

Высота плотины станции составляет 300 метров, что делает ее самой высокой насыпной плотинной в мире, площадь зеркала водохранилища 98 км², объем — 10,5 км³, длина — около 70 км.

Вода из водохранилища используется не только для выработки электроэнергии, но и направляется по специальному тоннелю на орошение сельскохозяйственных земель. Это ограничивает возможности по выработке электроэнергии в маловодные годы. /текст — Википедия/

Чем выше плотина, тем больше напор и, следовательно, больше мощность. Но на равнинных реках при высокой плотине будут затоплены огромные площади. Здесь же, в долине Вахша,

протекающего между высокими берегами, удалось найти место и создать высочайшую плотину.

Город Нурек расположен немного ниже плотины, на правом берегу Вахша. Город я долго осматривать не стал, а сразу пошел к плотине. Зрелище действительно было грандиозным. Из огромного отверстия диаметром три, а может пять метров била горизонтально прямая зелёно-голубая струя. Била далеко, метров на двести, ослабевая в конце, расплываясь и обрушиваясь вниз, на старое русло. И там, далеко внизу, струя снова становилась рекой, Вахшем, только не мутным, а кристально чистым. Водяная пыль заполняла долину, оседая на окрестные склоны и на город.

Полоса суши, куда достигала морось, дышала влагой и прохладой. А вне полосы — рыжие выжженные солнцем склоны. Высота над уровнем моря в этом месте небольшая, везде жарко и сухо. Кроме Нурека.

Долго я там стоял, смотрел и смотрел на пульсирующую струю, на эту демонстрацию обнажённой мощи. Явление незабываемое. Хочу повторить, что вода в горных реках, вытекающих из ледников, чистая, но мутная. Здесь, на водохранилище, муть оседает и получается вода исключительной чистоты. Такая, как в Алаудинских озёрах.

Время близилось к четырём, скоро будет отходить мой автобус, а я так ничего и не посмотрел, кроме струи, да и не хотел смотреть. Стоял я там до последнего, подбежал к автобусу перед самым отправлением. Далее — автобус, самолёт. Персики были спелыми и помялись в авоське.

В каком же году это было помню неточно. Но вот что точно: я отработал в этом году вторую свою смену стажировки. Был конец августа, четвёртая смена в а/л Алибек (а может, пятая?).

Приехали с Юрой Лапиным на Домбайскую поляну и поднимаемся с рюкзаками по дороге в Алибек. Контраст с Фанскими горами поразил. Только что мы были в окружении грандиозных башен, величественно обрамляющих глубокие долины с голубыми редкими озёрами, с сухим воздухом лиловых оттенков, среди сказочного каменного царства. А теперь — обилие зелени, идём по густому лесу, по ярким лугам. Везде журчит, звенит, булькает вода; на каждом шагу потоки, ручьи и ручейки, чего совсем нет в Фанах. А слева шумит речка.

Там — огромные стены с зубцами и башнями вершин, изредка покрытых снегом, всегда безоблачное небо, фиолетовые тени. Редкая растительность остаётся внизу, а выше — только камни. Здесь — почти игрушечное, домашнее ущелье, окруженное невысокими сверкающими белизной вершинами. Ясное небо, ясное солнце, часто закрываемое облаками. Голубизна, белизна, изумруд. И только вдали высится Домбай.

Стажировка была интересной. Вообще для меня работа инструктором оставляла не меньше впечатлений, чем спортивные восхождения. На этот раз я попал в отделение к инструктору Ионочкиной, альпинистке из МВТУ. С её мужем, Ионочкиным, я познакомился в 75 году на сборе в Дигории, где мы вместе сделали восхождение на вершину Таймази. Для меня это было молодое поколение альпинистов МВТУ. От нашего поколения они отличались: более деловые, чёткие и прагматичные. Стиль МВТУ.

Ионочкина (боюсь наврать, но, кажется, её звали Лиля) ввела меня в курс жизни лагеря, и что такое начальник лагеря Шагобан Текеев. Мы с ней проводили занятия с нашим отделением новичков, вернее, я проводил, а она присматривала. Вскоре Лилия уехала, не доработав до конца смены, и я остался воспитывать участников один.

В нашу смену приехал новичком артист театра на Таганке Маневич. Занимался он в нашем отряде в одном из отделений, выступал, пел песни под гитару. Вёл себя просто и компанейски, никаких звёздных замашек, чем вызвал всеобщую симпатию. Дал нам большой концерт в столовой. Пел разные песни, но больше всего песни Высоцкого. В перевальном походе на каждом привале доставал гитару, садился на рюкзак или на камень и что-нибудь исполнял. Вскоре, уже в Москве, приятно было увидеть его в театре на спектакле «Пугачев».

В лагере последняя смена, приезжают в эту смену только новички и значкисты. В сентябре холодает, для спортивных восхождений время не самое лучшее. Часто непогода. Но на этот раз мне повезло. Погода стояла удивительно тихая, ясная и прозрачная. Золотая осень. Каждый следующий день был красивее предыдущего. Природа тихо засыпала. Склоны стали золотистыми и оранжевыми, только пихты темнели.

И, хотя забот у стажера много, каждый день я находил время стоять и подолгу смотреть вниз по ущелью в сторону Домбая. На верхней границе лагеря, у начала широкой лесной тропы, по которой уходят отряды и группы в сторону хижины и далее к перевалам, к Сулахат, к Эрцогу и к другим вершинам, первой стоит огромная пихта. Вид с этого места открытый, ничто не мешает смотреть на склоны, на далёкие Домбай и Джугутурлючат. Тончайшая дымка, неповторимый цвет неба, который бывает в горах не каждой осенью.

Запомнился поход с отрядом новичков на пик Кап. Конец августа, тихая золотая осень. Сама тропа интересная. Перешли основную речку по бревну, отделение за отделением. Затем тропа проходит рядом с водопадом, так что новичков немного обрызгает, и поднимается в густом пихтовом лесу. Где-то слева остался водопад, а мы должны подняться выше водопада. Подъём крутой,

местами по выходам скал, перевитых корнями. Настоящая «обезьянья тропа». Мы шли в хорошую погоду, а если там спускаться в дождь, с рюкзаками, то ой-ой-ой.

Наши командиры решили не подниматься до верхних ночёвок, а устроить ночлег по дороге. И удивительно интересно получилось. Мы поднялись выше водопада, где пихты уже не растут. Стало полого, растут тонкие берёзки, между ними полянки, журчит речка. Отошли в сторону и на одной из больших полянок остановились. Обычно альпинисты сюда не заходят, а проходят сразу вверх. Полянка чудо как хороша, золотые берёзки кругом. Ставим палатки. Командир дал команду — мальчики налево, девочки направо. Девочки и мальчики разошлись по сторонам и скрылись за берёзками. Вскоре стали выходить, у каждого по два-три огромных подберёзовика. У кого возник грибной азарт, те скрылись в рощице снова. Грибы складывали в центре около палаток. Минут через двадцать выросла огромная куча, как копна. С палатку. Там вообще людей не бывало, и никто никогда грибов, наверное, не собирал.

1980 ГОД. ЧЕТВЁРТАЯ ПОЕЗДКА В ФАНСКИЕ ГОРЫ

После сезона 79 года и Саша Карзанов, и я, и Юра Калагин почувствовали себя более уверенно. Мы уже ходили на шестёрки, причём ходили сами, без Винокурова. И Саша Карзанов и я могли пролезть скалы, вообще-то любой сложности первыми. При необходимости хорошо мог идти первым и Юра Калагин, хотя он предпочитал амплу последнего в группе. В межсезонье продолжали тренироваться в Царицыно, ездили в Крым на скалы. По своим возможностям мы подтянулись до уровня ребят, которые незадолго до этого стали мастерами. Можно сказать, Винокуров команду вырастил: в его распоряжении было более десятка достаточно сильных и схоженных альпинистов, из которых можно было составлять группы в любом сочетании.

В 80 году заезжать в горы решили опять через Душанбе. Основной состав сборов летел на самолёте. Но к тому времени Аэрофлот уже принял нормы (видимо, международные): не более 20 кг груза на человека. Хочу напомнить, что прежде существовали внутренние нормы — до 30 кг на человека. Так вот, рюкзак — 20 кг, остальные грузы доставляются по железной дороге. Грузы — это снаряжение и продукты, а может, кто-нибудь и своё личное подсунет. Заказывать контейнер и отправлять малой скоростью очень хлопотно и ненадёжно. Во-первых, отправлять контейнер надо за месяц, или ещё раньше, до вылета всех. Во-вторых, в Душанбе контейнер надо получить, разгрузить и вернуть железной дороге, а точной даты прихода

контейнера никто не знает, железнодорожники сроков гарантировать не могут. Т.е. кого-то (передовую группу) надо туда пораньше послать, чтобы занялись ожиданием и получением контейнера. В третьих, продукты в контейнере не отправишь... В общем, масса проблем.

Винокуров поступал проще. *Туда* везли снаряжение и часть продуктов в плацкартном вагоне с сопровождающими. Остальные продукты докупали в конечном пункте, в данном случае в Душанбе. *Обратно*, при возвращении в Москву, грузы (понятно, что только снаряжение) отправляли в контейнере малой скоростью.

Винокуровы, как всегда, своих детей брали с собой. Маленькой Машеньке было уже пять лет, а Галя перешла в девятый класс. Я на этот раз решил поехать тоже с дочкой Машей. До этого моя Маша много раз бывала в Крыму, весной или осенью, когда мы ездили на скалы. Теперь она едет в настоящие горы. Маша на год младше Гали, она перешла в восьмой класс.

Чтобы сэкономить, Галка с Машей поедут поездом. Альпинистам дорогу полностью оплачивало спортобщество. Оплачивался самолёт в оба конца (а также автобусы, машины и т.д.). Если кто ехал на поезде, то выделялись деньги на железнодорожные билеты. На этот раз на поезде поехали Стас Охрименко и я, как сопровождающие грузы, нам дорогу оплатят. С нами едут Галя и Маша, которым, понятное дело, надо ехать за свои деньги.

Поезд Москва — Душанбе идёт до Душанбе четверо суток. Поедем не в купе, а в плацкартном вагоне, в него можно больше затолкать грузов. Договорились с проводниками. Загрузили несколько третьих полок и люки под вагоном. Оказывается, под вагоном имеются довольно большие ёмкости, куда загрузили, в основном, продукты. Среди продуктов везём любимое всеми в горах сало и такое лакомство, как корейка холодного копчения. Продукты положили в люки из расчёта, что под вагоном будет прохладнее, чем в вагоне на третьей полке (понятно, что в плацкартных вагонах 30 лет тому назад кондиционеров не было. Как, впрочем, нет и сейчас).

Невольно сравнил это тридцатилетие (1980-2010) с предыдущим (1950-1980). Если с 50-го по 80-й годы произошёл огромный прогресс во всех сторонах жизни людей и страны, то с 80-го года все страны ушли вперед, а мы где топчемся на месте, а где и потеряли достигнутое. В каких квартирах жили, в тех и живём, в каких вагонах ездили, в тех и ездим, на каких самолётах летали, на тех и летаем. Правда, уже не летаем. Дорого. Хотя есть и плюсы, везут из-за границы всякую электронику. Но ведь из-за границы.

Да, а сало с корейкой доехало, конечно, но ещё немного и испортилось бы. Уж очень жаркая была погода. Первый день

ничего, а потом поехали по южным краям. Вагон раскалённый и сверху и снизу. Путь дальний, и вскоре в вагоне установилась домашняя обстановка. Народ разделся, как, примерно, на пляже. Окна раскрыты максимально, насколько позволяет конструкция. Многие пассажиры, лежащие на вторых полках, высунули свои ноги из окон наружу, чтобы обдувал ветерок.

Интересно, что в эти годы на крышу уже никто не вылезал. Отучили, да и во многих местах возник контактный провод. А ещё в конце пятидесятых забираться на крыши вагонов было излюбленным занятием для студентов и подобных им пассажиров. Можно и остудиться на ветру, и позагорать. И окрестности обозревать интересней.

Волгу пересекали сразу после Волгограда. Проезжая Волгоград, из окна вагона видели огромный памятник на Малаховом кургане в память Сталинградской битвы — «Родина-Мать». И памятник, и Волга впечатляли. Далее поезд шёл вдоль Ахтубы и затем до Гурьева по жарким и пустынным местам. После Гурьева стало ещё хуже.

На участке от Гурьева и до устья Амударьи проводники в вагоне закрыли все окна. Поезд шёл по пустыне и поднимал тучи пыли. Несмотря на плотно закрытые окна и двери, пыль всё-таки проникала в вагон. За окном пыль и горячий воздух, вагон раскаляется всё сильнее. Нам говорят, что ничего не поделаешь, надо перетерпеть. Мы — альпинисты, не особенно страдаем: терпеть привыкли, терпели в горах и не такое.

Наконец, поезд въехал в Хорезм и застучал колёсами от станции до станции по зелёным оазисам. Пустыня кончилась, распахнуты окна, пыли нет, за окном тенистые деревья. Мы в Средней Азии. Едем на юг и на восток. У Чарджоу по мосту переехали Амударью. Здесь она ещё полноводная, широкая, как Волга, с красной водой. Поезд пересёк реку и пошёл на север, словно назад. Так непривычно, как будто наш поезд заблудился и гонит не туда? Туда, туда: состав заедет в Бухару и снова повернёт на юг в Таджикистан.

Таких пассажиров, чтобы из конца в конец, было мало. Мы были почти единственными. Из Москвы до Душанбе в те времена все летали самолётами, благо билеты были недорогими. А на поезд, тем более в плацкартный вагон, люди садились, если кому надо было проехать какой-то участок. Те, которые сели с нами в Москве, постепенно выходили, на их место приходили другие, ехавшие уже до разных станций Средней Азии.

Не помню, на какой станции, но точно в первой половине пути, в вагон села большая группа молодых ребят, только что отслуживших в армии и возвращавшихся домой, в свои кишлаки. Дембелы. Все они были по виду таджики, в новеньких солдатских

формах (хабе) и с золотыми погонами. Погоны они, видимо, делали сами, чтобы дома покрасоваться.

Эти ребята проходили мимо нашего купе, поглядывая на наших девчонок. Потом пробовали познакомиться, но так, чтобы подалее от нас со Стасом. На второй день знакомства завязались, то Галя, то Маша стояли с кем-нибудь в тамбуре и разговаривали. Ещё через некоторое время эти молодые таджики стали предлагать девочкам выходить замуж, обменяться адресами и т.д. Маша здесь, видимо, брала пример с Гали как с более старшей. А Галя, хотя и принимала ухаживания с интересом, но, как девочка разумная и трезвая, ни адресов, ни телефонов не давала. Мне она сказала: — «Дашь адрес, потом не будешь знать, как от него отвязаться».

Вечером Стас залез на вторую полку и заснул. А я тревожился за девочек, которые всё стояли в тамбуре. Пробовал даже их загонять, но безуспешно. Так и не заснул, пока они не пришли к себе. А пришли они поздно, среди ночи. На следующее утро эти дембели стали выходить понемногу, и я успокоился.

В Душанбе на перроне нас встречала вся команда. Ребята прилетели раньше. Слава Богу, мы снова в родном коллективе. Выгрузка, погрузки, базар, машины, дорога.

Уходящая от Душанбе на север автострада (М34) пересекает последовательно Гиссарский, Зеравшанский и Туркестанский хребты, протянувшиеся в широтных направлениях. На севере автострада ведёт в Ташкент и Ленинабад (ныне Худжанд). Если ехать от Душанбе, то после преодоления Анзобского перевала, что в Гиссарском хребте, дорога спускается вдоль реки Анзоб до впадения Анзоба в бурную и многоводную реку Ягноб. Там, у слияния, расположено селение Анзоб. С этой точки дорога начинает идти вдоль Ягноба. Дорога проходит по берегу Ягноба довольно долго, в направлении на запад и на север, т.е. куда течёт река, до самого впадения её в реку Зеравшан. На слиянии этих рек расположен административный центр Айни, через который в 78 году мы возвращались из Фанских гор в Самарканд. Всё находится на территории Таджикистана (кроме Самарканда, разумеется).

По этой ягнобской дороге мы ехали до места, где речка, текущая из Фанских гор, впадает в Ягноб, а дальше нам ехать вверх по ущелью до деревни Маргузор. Проезжали мимо знаменитой Ягнобской стены (Замин-Карор). С машины эта стена некоторое время видна в профиль. Левая сторона смотрится вертикальной, как ножом срезанной.

У поворота (там селение, если не ошибаюсь, Пеньон) встретили ребят из «Зенита». Машина с зенитовцами поехала вверх по ущелью, а эти двое вышли, чтобы сообщить властям о катастрофе, происшедшей у них на глазах. Когда они ехали по трассе

вдоль Ягноба, идущий впереди грузовик с людьми в кузове внезапно опрокинулся и упал в реку, мгновенно исчезнув в бурной воде. Никаких следов, будто ничего и не было.

В горах всё знакомо. К Фанам привыкли. Стоим лагерем на берегу Малого озера, которое голубое, примерно в том же месте, что и в прошлом году. Рядом поставили свой лагерь ребята из «Зенита». Но на этот раз у нас два самостоятельных сбора. Отдельно продукты, отдельно поварахи, отдельно восхождения. В «Зените» почти все нам знакомы, так что ходим друг к другу в гости.

Маша моя быстро освоилась. Детей-подростков было довольно много: Галка, маленькая Маша, несколько «зенитовских» детей. Играли в игры, в «монополию», даже соорудили плотик и плавали по озеру. И Винокуров, и Соня, и я подолгу отсутствовали, уходя на многодневные восхождения. Дети тем временем жили своей жизнью. Надо сказать, что детям находиться в лагере и в окрестностях лагеря безопасно, так что я за свою Машу не тревожился. По крайней мере, беспокоился куда меньше, чем в Москве.

К концу сборов продукты стали истощаться. Закончился хлеб. Толя Винокуров пробовал сам выпекать хлеб из муки. Перед отъездом овощей уже не было, осталась одна гречка, которая продел. Помню, как Галка стонала: «Опять этот продел!» Мы, взрослые, однообразия кухни не замечали, так как возвращались в лагерь, чтобы передохнуть, и снова уходили.

В этом году и Саша Карзанов, и Юра Калагин, и я приехали КМСами с опытом восхождений на шестёрки и считались в основном составе команды наравне с нашими мастерами. В команде активно ходили действующие мастера спорта Анатолий Филиппович Винокуров, Соня Винокурова, Женя Монаенков, Витя Мерлис, Юра Джапаридзе, Валера Прокопенко. Имели опыт шестёрок Борисов, Карзанов, Калагин, Пархута. Замечательный альпинист мастер спорта Паша Секачёв. Очень интересный альпинист и человек Стас Охрименко. Ещё ребята. Подрастали молодые способные альпинисты Коля Опойцев и Лёва Самсонов.

Имея такой сильный состав, Винокуров в этом году решил, видимо, «братъ быка за рога». Верный правилу «начинать с главной задачи» Толя предложил такой план. После тренировочных троек пойдём сразу на шестёрки, да не простые, а самые сложные, а именно, двумя командами на вершины Замин-Карора.

Замин-Карор

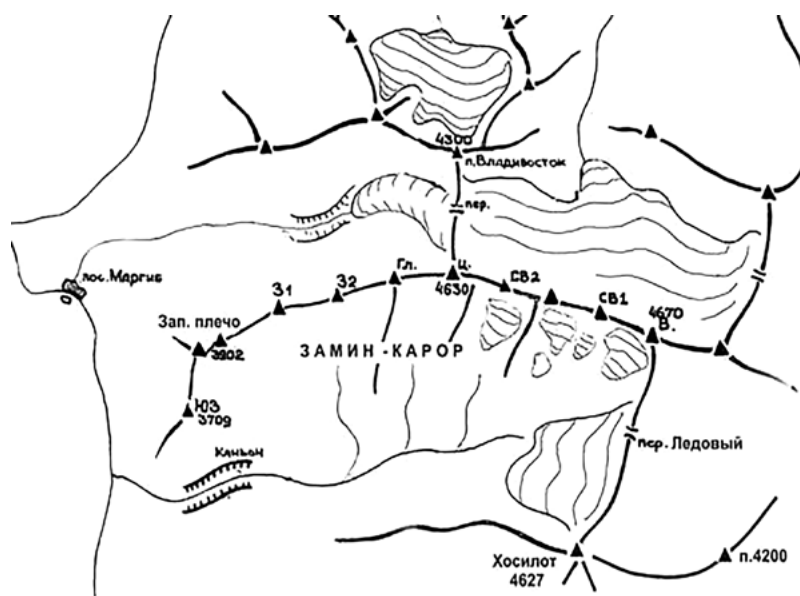

Вершины Замин-Карора (Ягнобская стена) расположены в Гиссарском хребте, а не в Фанских горах, которые относятся к Зеравшанскому хребту.

Сама Ягнобская стена расположена в довольно доступном месте. Надо доехать по автостраде до селения Анзоб и далее по сельской дороге подняться пешком или доехать несколько километров (меньше десяти) вверх по течению Ягноба до поселения Маргиб.

Ягнобская стена в своё время была мерилем альпинистского мастерства, на неё были проложены маршруты, о которых много говорили. Среди них маршрут Капитанова и маршрут Шрамко, которые альпинисты-скалолазы мечтали пройти.

В прошлом году (1979) там проводилось очное первенство СССР по альпинизму в одном из классов (если не ошибаюсь, то в скальном классе). Первое место («золото») заняла команда Ефимова из Свердловска, а второе («серебро») — команда Самодеда с Украины (Команда Московской области, т.е. наша, заняла четвёртое место). И вот решено — идём двумя командами. Одна команда собирается повторить маршрут Самодеда, а вторая — маршрут Сергея Ефимова. Напомню, что за повторное прохождение «золотого» и «серебряного» маршрутов присуждали мастерские баллы.

Собрались и большим отрядом вышли. Валера Прокопенко шёл впереди, как локомотив, поглощая пространство поворот за поворотом, за ним весь отряд плотной группой. У всех тяжёлые рюкзаки. Спустились до Маргузора, потом подъехали до реки Ягноб и вдоль реки до Анзоба. Дальше поднимались пешком до деревни. Кто-то говорил, что здесь живут потомки воинов, пришедших с войском Александра Македонского. Северная стена массива Замин-Карор от деревни недалеко. Мы поднялись

под стену и поставили палатки на площадках, где, видимо, все останавливаются.

Замин-Карор

Два самых сильных впечатления — это вид стены и кусты шиповника. Стена поразила крутизной, казалось, нависает над головой. Вначале молча смотрели, переваривая увиденное. Не сразу начали обсуждать, где какие маршруты, и как там можно пройти. Те, кто делал восхождение на Замин-Карор в прошлом году, давали пояснения.

Ещё меня поразил цветущий шиповник. Здесь он растёт огромными шарами. Розовые, желтые, величиной с избу, шары разбросаны между нагромождений скальных обломков. Круглые, как огромные одуванчики, такие нежные среди серых каменных россыпей!

Наутро вышли двумя группами. В нашей группе Винокуров, Монаенков, Калагин и я. Я — руководитель. Пойдем по маршруту С.Ефимова (прошлогоднее «золото»). Состав второй группы: Охрименко — руководитель, Саша Карзанов, Валера Прокопенко, Дмитриев.

В общем, мы эти два маршрута полностью не прошли. Наша группа прошла по маршруту Ефимова до «рюмки», а выше «рюмки» перешла на маршрут Капитанова. Получилась комбинация. Так как оба маршрута — Капитанова и Ефимова были шестёрками, то наша комбинация тоже стоила шестёрки. А золотой маршрут целиком на тот момент оказался нам не под силу.

Наши товарищи из другой группы вообще наверх не вышли, начали спуск со середины или чуть ниже середины.

Спускались они, конечно, с тяжёлым сердцем. И уже в самом низу Саша Карзанов попал в ранклюфт и сломал руку. Руку ему прибинтовали к ледорубу. Затем, пока ждали нас, двойка С.Охрименко — А.Дмитриев прошла маршрут Лапшина 5Б. Всё это мы узнали, только когда спустились.

Мы (наши обе группы) на тот момент не были готовы к скалам такой сложности. Мы вышли на маршруты почти сразу после приезда, не достигнув пика скалолазной формы. Надо было бы перед этим сходить на ординарную шестёрку, например, на Бодхону. Кроме того, группа Ефимова, проложившая маршрут, была лучше оснащена. Например, у них были многообразные шлямбурные крючья и т. д. Снаряжение снаряжением, но главное — это спортивная форма. Например, встречались участки (в нижней половине стены) которые я, разлазившись, может быть бы и пролез, но на тот момент пролезть не смог. Видел, что не смогу, и не пытался.

И ещё замечание. В этом моём рассказе встречаются вздохи, что вот, мол, я предлагал как лучше, а меня не послушались. Например, в данном случае я, действительно, хотел начать сезон с Бодхоны, а потом идти на Замин-Карор. А когда предложили идти туда, то не возражал. Хочу сказать, что часто бывало и наоборот. Мои предложения оказывались неверными, и хорошо, что поступали не так, как я предлагал.

Немного расскажу, как мы шли. Ещё когда мы собирались в лагере, то Женя Монаенков и другие ребята брали с собой красные косынки, которые повязали на шеи. Я спросил, зачем, от солнца, что ли? — Будем собирать влагу, — отвечают. — Там, на маршруте, нет воды.

Действительно, от сухости мы страдали. Первый снег (а значит, и вода) встретился нам только в «рюмке». До этой «рюмки» мы лезли несколько дней, организмы наши обезводились. У меня, например, стала болеть спина в области почек.

Высота вершины Замин-Карор 1-я западная небольшая по сравнению с Фанскими горами, где высоты в районе 5000 м, и равна 4303 метра. Кроме небольшого снежника в «рюмке» мы вообще снега нигде не встретили. Наверное, кое-где на полках снег лежит, потому что местами по стене капает. Но, в основном, стена сухая, в нижней части похожа на Крымские скалы.

Ботинки мы на восхождение не брали. Облегчались максимально. Точно не помню, брали палатку или не брали. Наверное, несли с собой воду. Запас продуктов и бензин на несколько дней. Спальные мешки. И снаряжение: верёвки, карабины, крючья, лесенки, зажимы и т.д. Лезли мы долго, несколько дней.

В первый же день встретилась плита, которую пролезть не смогли. Следов от группы Ефимова не видно. Но ведь прошли же

они! Может быть, использовали «небесные пальцы» и вывинчивающиеся «болты»? Я смотрел на плиту, руки чесались рискнуть, но на взгляд видел, что вряд ли мне здесь пролезть. Дня через три, может, и пролез бы, а сегодня — нет. Пришлось долбить шлямбурную дорожку. Вперёд вышел Женя Монаенков и хорошо отработал. В этот день мы поднялись невысоко.

На ночёвке Толя Винокуров спрашивал меня, как мы завтра пойдём. Я был записан руководителем и должен был принимать решения. Но в присутствии Винокурова, который был для меня авторитетом, брать власть не хотелось, а хотелось слушать, что скажет Винокуров.

Дальше, до «рюмки», я шел первым, наверное, всё время. Помню отдельные эпизоды. В одном месте на совершенно гладкой скале, где трещин не было, надо было ставить шлямбурный крюк. Я повесил скайхук с лесенкой на микроскопическую зацепку, встал одной ногой на лесенку и стал долбить шлямбуром дырку. Висеть так пришлось долго, минут 15-20, пока не пробил дырку. После каждых двух-трёх ударов отверстие надо продувать. Нога в галоше устала, но шевелиться нельзя, скайхук может соскользнуть. Крюк всё-таки поставил, двинулись дальше.

Один раз чуть не случилась беда. В этот день мы шли в таком порядке: я первый, за мной — Женя Монаенков, третьим — Винокуров и четвёртым — Юра Калагин. Мы продвигались вдоль откола, нависающего над гладкой крутой плитой. Плита слева от откола, а сам откол идёт вверх и наклонно влево, так, что получается нависание. По плите не полезешь — круто и гладко. А по отколу лезть можно, там есть трещины, зацепки. Лезешь, как по наклонному потолку, или как по обратной стороне лестницы (чем вертикальней откол, тем меньше нависание и легче лезть). Я там по ходу забивал и обычные крюки и ледовые абалаковские (длинные железные «морковки»).

...Лез вдоль откола, пока снизу не крикнули, что верёвка кончается. В первом подходящем месте сделал станцию на ледовых крюках и принял Женю Монаенкова. Пошёл дальше, Женя меня выпускает, а остальные подтягиваются к Жене. Лезу, по отколу дальше пути нет, но слева и ниже видна хорошая полка. Чтобы на неё выйти, надо пересечь гладкую плиту. Я пролез немного выше, поискал трещину. Что-то нашёл, трещина не ахти, но что есть, то есть. Забил скальный крюк, недлинный. Крюк шёл трудно и, как говорят, «пел». Кто-то снизу сказал, мол, хороший крюк, «поёт», хотя я так не думал, но спорить не стал. Не до того было. Используя этот крюк и, где оттягиваясь немного на верёвке, где лазанием, вышел на полку.

Полка широкая, сантиметров двадцать, а может, и шире, можно ходить. Там вбит чужой ледовый крюк по самую головку.

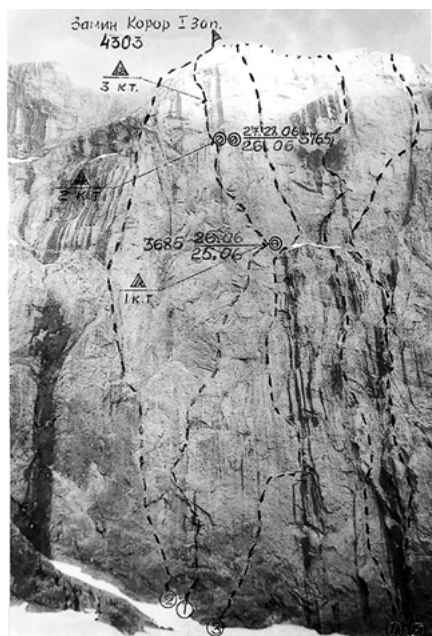

Фото I. Общее фото вершины. Снято 30.06.90г в 18 часов аппаратом Зенит-Е с объективом Индустар-50-2 и фокусным расстоянием 50 мм. Расстояние до стены 1 км. Точка съемки Φ_1 . Высота точки съемки 3000м. Маршруты: 1. Самодеда 2. Лаврушина
3. Капитанова 4. Ефимова
5. Шрамко

По левой образующей Рюмки проходит маршрут Капитанова, по центру Рюмки – Ефимова. Дно Рюмки на уровне отметки 3685, там вида полоска снега. Дно – как большая чаша. Фотография взята из Интернета

Монаенков, далее шла вверх-вправо, проходила через тот злополучный крюк и от него шла вниз к Винокурову. Юру дополнительно страховали: с одной стороны Женя, с другой — Винокуров. Юра нагрузил верёвку, кусочек скалы откололся, крюк вывалился, и Юра стал падать вместе с перилами. Страховавшие его с двух сторон падение остановили. Пролетел он метров двадцать.

Стена, вдоль которой Юра скользил, гладкая, и он побился не сильно. Потерял галошу, повредил ногу, но идти мог. Получил психологическую травму. Хочу отметить, что срыв идущего первым и срыв с перилами — психологически разные вещи. Первый лезет всё время настороже, внутренне готов к возможности срыва. При срыве, если не побился, то обычно снова поднимается и идёт дальше. А если ушли перила, которым доверяешь, то реакция совсем другая. Доля моей вины в том, что случилось, есть. Следовало сразу сказать о планах. Тогда со мной было вроде наваждения: казалось, что если мне пришла в голову мысль, то ребята как будто бы её услышали. Думал о маршруте и не подумал о группе.

Вина моя, конечно, есть. С другой стороны, хочу обратить внимание, что промежуточные крючья, которые набивает первый, могут быть как «хорошими», так и «плохими». Нет требований, чтобы все крюки были надёжными, да это и невозможно. Часто первый забивает крюк, чтобы только самому пройти участок.

У ледового крюка я принял Женю. Делать станцию здесь на полке рано, т.к. у меня ещё большой запас верёвки, метров 20-25. От левого, дальнего, края полки уходит щель вверх и вправо. Я подумал, если вылезу наверх и сделаю там станцию, то можно будет верёвки спрятать. Тогда Толя и Юра пойдут вверх по верёвкам, не заходя на полку и не нагружая мой сомнительный крюк. Но о своих планах ничего не сказал, подумав, что нижние не начнут двигаться, пока я не сооружу станцию вверху, выйдя на всю верёвку. И вот я уже подошёл к началу трещины и высматриваю, как тут можно пролезть. Начал идти, прошу у Жени верёвки, а он: «Да погоди ты!». Жене было не до меня...

А случилось вот что. Ребята, Толя и Юра, решили, видимо, сэкономить время и перебраться на полку, где находился Женя. По перилам начал двигаться Юра Калагин. Перильная верёвка была закреплена на полке, где стоял

Первому нужно вылезти, набить станцию (станцию обязательно надёжную!), закрепить перила, и только потом группа может двигаться по перилам. Я это всё и имел в голове. В данном случае ситуация оказалась неоднозначной, и я виноват, что не объяснил свои намерения.

Наконец, мы в «рюмке». Здесь лежит снег, есть вода. Это большая чаша, по дну которой можно ходить. Слева вверх просматривается маршрут Капитанова. А по стене «рюмки», чуть вправо — путь, по которому шла в прошлом году группа С.Ефимова. И этот путь явно труднее. Мы уже устали от очень сложных скал и единогласно решили пойти по пути Капитанова.

Путь от «рюмки» до вершины мы прошли за два дня, с одной ночёвкой. Первый день лез я, второй день — Женя Монаенков. Скалы там тоже шестёрочные. Лезли мы без задержек, можно сказать, легко. Конечно, Юре было тяжелее, чем остальным.

...Помнится, как к вечеру ребята стали мне говорить, что пора искать место для ночёвки и останавливаться. Я и сам понимал, что пора. На очередной верёвке вылезая на большую полку, величиной с диван. Полка ровная, но наклонная, так, градусов двадцать-тридцать. После вертикали она мне показалась совсем пологой, и я в азарте крикнул: «Есть хорошая площадка! Пологая!». Набил крюки, принимаю ребят. Когда вылез Винокуров, то только хмыкнул: «И это ты называешь пологой площадкой?» Ночевать было неудобно, но пришлось. Хочу отметить удивительную терпимость Винокурова к нашим ошибкам и глупостям. В горах бывают разные ситуации, иногда и нервы могут не выдержать. У Толи этого не было. Никогда и ни на кого он не покрикивал. Мог только сделать ироническое замечание.

Со мной там конфуз случился. Началось расстройство кишечника. Может, и смешно, но там, на стене, было не до смеха.

В последний день, перед выходом на вершину, Женя лез, как всегда, красиво. Обычно в окрестности вершины начинает выполаживаться, часто после стены надо идти к вершине по «крыше». А здесь никакой крыши нет, скалы крутые до самой верхней точки. И вот, последняя стенка, Женя вешает последний раз лесенку, цепляется руками за кромку и вылезает наверх. Всё. Стоит, освещённый солнцем, а мы ещё пока в тени. Вверху плато, так что, как в популярной тогда песенке, можно сесть на край и свесить ноги над стеной.

Не век же лезть, вершина есть!
Присядем, свесив ноги.
Пройти такую круговерть
Дано не так уж многим.

Наверху сняли амуницию, убрали верёвки, переложили рюкзаки. Надели тапочки, кто взял. У меня тапочек не было, были

только запасные галоши. Так и спускался в галошах. По положим плитам, потом по каменистым склонам. Ногам досталось. На тропе идти в галошах было полегче, но тоже не сахар. Только огромные шары цветущего шиповника скрашивали дорогу.

Весь поход восьми человек продолжался так: вышли из лагеря на Алаудинах 05.07.1980, вернулись в лагерь на Алаудинах 15.07.1980.

Восхождение на Чапдару

Из Классификатора 2008 года: Чапдара, 5049м. по СЗ стене, (левый маршрут), 6А, В.Солонников, 1972.

На Чапдару я уже ходил два раза: в 78-м с востока по маршруту Черевко и в 79-м с запада по Петрову. Теперь собираемся на шестёрку по Солонникову, классический маршрут.

Ниже на фотографии, взятой из Интернета, хорошо видна западная стена Чапдары. Примерно так она выглядит из лагеря, со стороны Алаудинских озёр. Возьмём одну точку на самой вершине, а другую внизу у самого подножья стены. Соединим эти две точки сверху вниз. Линия сверху пойдёт через внутренний угол, он в тени на фото, ниже — по освещённой солнцем стене к нижней точке большого снежника. Пройдя левее нижнего края снежника, линия опустится вертикально вниз через скалы со снежными полками и водяными потёками на скалах. Так мы и шли. Почти по прямой вверх.

Шли впятером. Я был руководителем. Кроме меня в группе было четверо: Соня Винокурова, Женя Монаенков, Юра Джапаридзе и Стас Охрименко.

Незадолго до этого Соне попало по ноге камнем. Травма не опасная, но рана была. Соня решила лечить ногу голоданием. Дело в том, что на сборы то ли в прошлом году, то ли в этом, кто-то привёз книгу П.Брэгга «Чудо голодания». Там расписано, как надо питаться, как голодать, чтобы избавиться от болезней. Нельзя есть сахар и соль. Нельзя пользоваться мылом. И так далее. Книга была перепечатана на машинке. (Напомню, что это был 80-й год. В то время книги, издаваемые миллионными тиражами, и то трудно было купить. А тут какой-то переводной Брэгг). На этом сборе все только и делали, что обсуждали эту книгу.

Разговоры на сборах ведутся разные, иногда довольно интересные. Часто заводиной разговоров бывает врач. Альпинисты заняты своими спортивными планами, а врачу делать нечего, хочется пообщаться. Врачами с альпинистами ездят люди определённого склада, конечно не для того, чтобы денег заработать. На этот раз с нами приехал солидный мужчина, кажется, доктор наук. Тоже любил поговорить. Рассказывал нам много интересного.

Однажды я зашёл в лагерь соседнего сбора. Там у палатки сидел альпинист средних лет и интеллигентного вида. Он слушал маленький радиоприёмник. Сообщил нам, что в Москве умер Владимир Высоцкий. Так и запомнилось: Высоцкий, 1980 год.

Дня три до выхода Соня голодала. На восхождении, конечно, голодовку прекратила. Шла нормально, говорила, что нога прошла. Что, мол, голодовка помогла. Вторым больным оказался Юра Джапаридзе. У него сильно разболелся зуб. Ему сочувствовали, но идти надо.

Когда начались шестёрочные скалы, где всем приходилось напрыгаться до предела и терпеть, Юре с его зубом особенно досталось. Правда, к тому времени, когда вылезли наверх, зуб вроде затих.

В нижней части, примерно до уровня большого снежника, путь несложный, четвёрочные скалы. Далее скалы пятёрочные, но тоже всё пролезли без проблем. На всей средней части стены посвистывают камни. Крупных камнепадов у нас не было, а мелкие камни пролетали часто. Причём по всей ширине стены и в самых неожиданных направлениях.

...К вечеру второго дня группа подходила к месту ночёвки. Я первым вышел на небольшую полку, где была площадка для палатки. Там обычно ночуют группы. Место, вроде, безопасное. Только ступил на площадку и стал осматриваться, как откуда-то сбоку ударило камнем прямо по каске. Камушек был небольшой, каска не раскололась, только осталась выбоина. Однако удар был сильный, в голове потом долго звенело.

Фото из Интернета. Вид Чапдары с запада. Маршрут Петрова – по левой части стены. Маршрут Солонникова по центру стены, с самого низу и почти по прямой на вершину. На большой снежник под верхней частью стены не выходим. Снежник остаётся справа. В верхней части стены недалеко от вершины виден внутренний угол в виде книги. Это ключевое место маршрута.

Когда мы вышли со стены на «крышу», то увидели, как всё происходит. «Крыша» в самом деле похожа на крышу дома. Это не очень крутой склон, обрывающийся стеной. В районе вершины лежит снег. Этот снежник спускается в сторону обрыва и лежит на осыпи. Вокруг кромки снег вытаял, так что, когда выходишь со стены, то попадаешь на широкую полосу осыпи, и только выше — на снег. Осыпь эта тёплая под солнцем, по ней бегут ручейки с верхнего снега. Под действием воды край осыпи периодически сползает с кромки «крыши», рассыпаясь вниз по стене камнепадами. Стена широкая и довольно ровная, явных кулуаров и гребешков нет. Поэтому камни не сбиваются роём, а разлетаются равномерно по стене, ударяясь об выступы и отскакивая по случайным направлениям.

Настоящие шестёрочные скалы там, где внутренний угол. Эту верхнюю часть блестяще пролез Женя Монаенков. Было, действительно, трудно. Женя вылезал к тому месту, где можно поставить палатку, уже в темноте.

На следующий день солнечным утром выходим наверх, на «крышу». Я в связке с Соней. Мы вышли на осыпь и отошли по осыпи от края. Осыпь мелкая, из сланцевых плиток. Ждём и смотрим, как выходит вторая связка (трое). Ребята вылезли, идут, связанные одной верёвкой, друг за другом, верёвка в кольцах. Но немного не там, где прошли мы с Соней. Они успели отойти от края совсем немного, метров десять, может быть, как вдруг осыпь под ними поехала. Мы замерли. Ребята, держа кольца, бегут вверх и в сторону от коварного места, а осыпь плывёт. Секунды три были критических, пока они не выбежали на неподвижное место, откуда и подошли к нам.

Потом — вершина, потом спуск дюльферами, и в этот же день мы были в лагере.

Вышли из лагеря 30 июля, вернулись в лагерь 3 августа 1980г.

Замок

Последним моим восхождением в этом сезоне было восхождение на Замок по ССВ стене.

В те времена, когда мы туда ездили, этот маршрут назывался «Замок по Шрамко». Маршрут был популярен и освоен, на него часто выходили группы. Сегодня, желая уточнить название маршрута, я заглянул в «Классификатор маршрутов...» издания 2008 года и с удивлением обнаружил, что маршрута Шрамко там нет, а есть маршрут Плотникова 1982(!) года. Интересно, что же тогда ходила группа за группой в 80-м и ранее? У меня есть и более старый Классификатор, издания 1989 года. Заглянул туда. Там написано (стр. 97): «Замок, высота 4800м., 5Б, по СВ стене, руководитель и год прохождения — Плотников, 82, Шрамко, 70».

Ну да ладно.

В группе нас было четверо. Руководитель — Стас Охрименко. Участники: Коля Опойцев, Лева Самсонов и я. Мне там пришлось идти первому.

Маршрут крутой, скалы сложные. Там такой рельеф: две-три-четыре верёвки сложных скал, потом широкая полка, потом снова сложные скалы, потом снова полка... Полки широченные и длинные, можно спокойно гулять, поставить палатку. Я тогда вынес впечатление, что, если бы полки убрать, то по совокупности крутых участков маршрут тянул на шестёрку. А так полки здорово облегчают жизнь. Пройдёшь очередную стенку, выйдешь на полку, отдохнёшь, немного расслабишься. На полке может собраться группа, что на шестёрочной стене, как правило, невозможно.

Маршрут камнеопасный. Вообще со всей северной стены Замка часто летят камни. Когда идёшь по леднику к Бодхоне, то некоторое время проходишь мимо этих стен. Проходишь с опаской — в любой момент может ударить камнями. Мы там как-то проходили двумя группами. Наша группа прошла спокойно, а вторая попала под камнепад. Мы видели, как ребята метались по льду, уворачиваясь от камней. Группы, ходившие по маршруту до нас, рассказывали, что там часто пролетают камни, и одиночные, и неодионочные.

Недели за две до этого наш руководитель, Стас, уже выходил на этот маршрут. Тогда они шли в двойке с Дмитриевым. В середине дня они поднялись на очередную полку и подошли к месту, где по стене бежит ручей, почти небольшая речка. Если стоять на полке, то видно, как поток выбегает из небольшого кулуара, доходит до полки, а ниже полки падает водопадом, заливая брызгами часть нижней скалы. Ребята вышли на полку, пройдя рядом с водопадом, дальше путь вверх вдоль потока. Дмитриев, партнёр Стаса, шел первым почти по ручью, там проще, и поднялся довольно высоко, метров на десять или больше. Внезапно ему ударило по голове камнем, который вынес поток.

Наша группа в это время поднималась по стене Бодхоны. Монаенков лез впереди, прокладывая путь, а мы с Юрой Калагиным стояли у станции на страховках. У Юры глаза зоркие. Он смотрит на стену замка и говорит: — «Вижу, как наши ребята идут». Потом: «Что-то у них не так. Один выкатился сверху на полку». Еще через некоторое время: «Что-то случилось. Они оба на полке. Никуда не двигаются». Прошло ещё минуты две, и мы все увидели, как со стороны Замка взлетела красная ракета. Наша группа стала спускаться.

Начались спасательные работы. Подключили врача и небольшой спасательный отряд. Поднялись к ребятам. В первый же день начали спуск, но не успели, заночевали на стене.

Пострадавший (Дмитриев) мог двигаться, ему надо было только помогать со спуском. Видимо, у него было сотрясение. На следующее утро спустили до ледника.

...И вот мы снова идём, уже вчетвером, этот маршрут. Шли мы в совершенно других условиях. С утра и весь день холодно и сильный ветер. В том месте, где водопад, ветер задувал струи и брызги далеко на скалы. В результате скала, по которой все проходят, покрылась льдом, и пролезть по ней было невозможно. Пришлось лезть несколько в стороне, по очень трудному месту. Не могу сказать, что это самое трудное из того, что мне приходилось пролезть за свою альпинистскую жизнь, но одно из таких. Помню до сих пор. Зато из-за холодной погоды не было камнепадов.

Лез я этот маршрут легко, с удовольствием. Вторая половина сборов, хорошая спортивная форма, хорошее самочувствие...

Запомнились такие эпизоды. На одном из участков чуть не уронил молоток. Молоток у меня привязан на шнурке к грудному поясу. На нижнем поясе, который часть беседки, есть проволочное кольцо для молотка. Забил крюк, вложил молоток в кольцо и лезешь дальше. Иногда, при поиске трещины, или когда надо забивать крюк за крюком, приходится на время освобождать правую руку от молотка. Тогда просто опускаешь молоток висеть на шнурке. Так быстрее, чем каждый раз прятать молоток в кольцо и снова доставать. И вот в одном месте молоток висел на шнурке и зацепился внизу за выступ. Я потянул за шнурок, чтобы подтащить молоток к себе и подобрать его, но шнурок вдруг оборвался. Я обмер. В группе два молотка, и остаться с одним на таких сложных скалах чревато. Смотрю: молоток чуть проехал и остановился в ложбинке. Это было в небольшом кулуарчике, там ещё ручеек бежал. Не дыша, спускаюсь лазаньем к этому месту, и – хоп! — поймал. Ну, уж, привязал надёжно, больше не оторвётся!

Вторая ночёвка на очередной широкой полке. От неё до «крыши» две-три верёвки. На следующий день погода портится. Но успеваю пролезть эти крутые верёвки ещё посуху. Помню, вверху висела чужая закладка. Висит в самом нужном месте, причём висит так, что не вытащить. Я, конечно, воспользовался. Может, до сих пор висит.

На «крышу» со стены вышли, когда уже началась метель. Путь там совсем простой, поднимались пешком среди снежных вихрей. На вершине быстро сменили записку под шквалами снега. Спуск простой. Чем ниже, тем тише ветер. Падают мокрые снежинки. Вот мы и ниже облаков. Моросит дождь, похожий на бесконечный осенний. По тропе под дождём топаем в лагерь у озера.

(Вершина Замок по ССВ стене. 6-8 августа 1980, Рук. Охрименко С.В.)

Осенью мне присвоили разряд «Мастер спорта СССР» и звание инструктор-методист III категории.

1981 ГОД. КАВКАЗ. ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА В АДЫЛСУ

Едем на Кавказ

Четыре года подряд мы ездили в Фанские горы и совершенствовались в скальных маршрутах. Кроме того, не все, но многие продолжали ездить в Крым на скалы, где тоже делали короткие восхождения. Кто ездил осенью, кто — весной, а у кого получалось, то и два раза в год: осенью и весной. Поездки эти в Крым были кратковременными, примерно на неделю, но очень много давали в смысле скалолазной подготовки. Основная подготовка — это, конечно, были сорокадневные сборы в Фанах. В результате получилась довольно многочисленная команда прекрасно подготовленных альпинистов-скалолазов. Естественным образом настала очередь Кавказа.

— Поедем в Адылсу. В самый центр, где начинался советский альпинизм, — сказал мудрый Винокуров.

— Да. Но Домбай тоже исторический центр, — попробовал возразить я.

— Домбай, конечно, центр, но Адылсу — центральной. Там Ушба, Шхельда...

Сбор запланирован довольно продолжительный, дней на сорок или пятьдесят. Жить будем в палатках в Шхельдинском ущелье и делать восхождения на вершины района с целью повышения спортивного мастерства. Кроме того, во время сбора команда Московской области выступит на первенстве СССР по альпинизму. Заявлен объект восхождения — Северная Ушба по Северо-восточной стене. Руководитель — Е. Монаенков, тренер — А. Винокуров, состав команды — восемь человек.

Сбор альпинистов Московской области 1981 года располагался на «Улыбке Шхельды». «Улыбка» находится недалеко от языка Шхельдинского ледника. От альплагеря «Шхельда» подниматься 30-50 минут по чудесной лесной тропе. В верхней части тропы лес кончается, идёшь по открытому месту, переходишь овраг с ручьём, проходишь ещё немного и оказываешься в райском уголке. Довольно большая, почти горизонтальная площадка, закрытая спереди старинной конечной мореной Шхельдинского ледника. Справа — крутой ровный склон, заросший густо растущими высокими соснами. Сосны взбираются вверх по склону, становясь с высотой реже и ниже. В верхней кромке леса встречаются уже отдельные сосны, ещё выше деревьев нет, остаётся одна трава, хотя склон, такой же ровный, уходит далеко-далеко вверх.

Слева от тропы лес из могучих, очень толстых и высоких сосен, стоящих среди огромных камней, камни и земля между ними засыпаны хвоей. Между лесом и старой мореной более открытое место, там и берёзки растут, шумят чистые потоки и ручьи. Всё это имеет небольшой уклон влево, туда, где шумит река, к которой можно подойти, пролезая между древними каменными глыбами.

Я ещё помню времена (начало 60-х), когда язык ледника был недалеко от этой старой морены. Нижняя часть языка ледника была завалена огромными камнями. В те времена найти путь среди нагромождения камней было непросто. Я уже настроился на то, что придётся каждый раз преодолевать завалы, прежде чем выйти на чистый лёд. Оказалось всё не так. Каменные горы, провалы и вообще весь этот хаотический рельеф были следствием горбатости самого ледника, на котором камни лежали не таким уж толстым слоем. Когда язык ледника отступил, и значительно, обнажилось ровное дно. На дно опустились камни. И теперь здесь ровный песок, зарастающий травой, с разбросанными крупными камнями. Да ещё остались кое-где кучи из огромных камней, которые остаются в стороне от тропы.

Везём, как всегда, разборную палатку для бани, газовое оборудование, чтобы на кухне в базовом лагере был газ.

В Нальчик из Москвы приехали поездом. Утром. В Нальчике сразу начались хлопоты: докупить продуктов, погрузиться на машину и т.д. Мы привезли два пустых баллона, заправить их жидким газом поручили мне с Калагиным. Ребята быстро всё сделали и уехали в горы, а мы с Юрой отправились с баллонами на окраину, где происходила заправка. На Кавказе всё делается не спеша. Всё-таки, часам к двум, наверное, мы получили на руки два полных баллона (весили они килограмм по 50). Не помню, как мы их довели до автостанции. На автостанции купили билеты на автобус Нальчик-Терскол. Водителя удалось уговорить взять и баллоны, мы их затолкали в багажное отделение. Мы, наверное, сказали, что баллоны пустые (впрочем, может и сознались, что полные, — сегодня не помню). Помню, что они позвякивали в дороге, а водитель улыбался и подмигивал нам.

До Аддысу доехали благополучно, выгрузились. Автобус ушёл дальше, а нам теперь надо довести баллоны до лагеря «Шхельда», это в сторону от тракта Нальчик — Терскол. Стоим на краю тракта, поднимаем руку, машем водителям. Машины, легковые, грузовые — проносятся мимо, никто везти нас не хочет. Мы уже загрустили, думали, что придётся одному из нас подняться вверх, позвать ребят, чтобы поднимать эти баллоны на руках.

Но тут вдруг сверху, со стороны Терскола, подъезжает легковушка, «Жигули», останавливается. Вылезает мужик средних лет:

— Что надо?

— Вот баллоны довести до «Шхельды». Недалеко.

— Давай, повезу, — говорит мужик, и видно, что явно жаелает нам угодить. Тут мы замечаем, что он пошатывается. Пьян, и хорошо пьян. Юра стал говорить, нет, не надо, не повезём. Но мужик упёрся:

— Нет, повезу! — Шатаясь, подошёл к баллону, поднял и бросил в багажник своего автомобиля, так что тот аж закачался. Затем схватился за второй баллон. Мы некоторое время колебались, а когда второй баллон оказался в багажнике, то сели в автомобиль и поехали. Водитель оказался шахтёром из Тырнауза, русским, он возвращался на собственном авто домой после отдыха в выходной день. Видимо, последнюю точку в отдыхе он ещё не поставил, т.к. на заднем сиденье валялись две больших бутылки сухого вина (типа цинандали). До альплагеря «Шхельда» мы таки доехали, хотя наш водитель периодически спрашивал, где он находится и кто мы такие.

Кто не знает, дорога до «Шхельды» трудна и довольно опасна. Поднимается круто вверх серпантинном вдоль горного лесистого склона. С одной стороны — скалы и склон, а с другой — обрыв, далеко внизу шумит река Адылсу.

На территории лагеря заехали на горизонтальную площадку и попросили его тут поставить машину. Достали баллоны. А что делать с водителем? Подошли лагерные инструктора, говорят, зачем мы его сюда привезли? Мы с Юрой сидели около него часа два, ждали, когда протрезвеет. Он в машине вздремнул немного. Потом речь стала более осмысленной, стал понимать, где находится. Ну, думаем, сейчас проводим, пусть едет в добрый путь. Но он неожиданно схватил бутылку с сиденья, сорвал зубами пластмассовую пробку и прямо из горла, не останавливаясь, выпил всю целиком. Что было делать? Спуск вниз вообще-то опасней, чем подъём, потому что машину может разогнать.

Мы ещё, наверное, час подержали его. Было поздно, стало темнеть. Лагерные говорят, пусть едет, а то в потёмках ещё хуже. Кто-то из лагерных шоферов сказал, что собирается ехать вниз. Мол, поедет следом и проследит за нашим. В общем, мы его отпустили, и он тихонько укатил. Несколько дней мы с тревогой ждали плохих вестей, но вроде бы обошлось.

На следующее утро баллоны занесли на Улыбку.

Лагерь на «Улыбке»

Устроились на Улыбке мы хорошо. Вместе с нашими палатками стояли палатки альпинистов «Зенита». Отличные ребята из Королёва, Черноголовки и других мест Московской области. А мы — общество «Труд» Московской области — Подольск, Фрязино и т.д.

*Калагина Катя
и Кравченко Галя*

Рядом, с другой стороны тропы, стояли ещё какие-то сборы, не помню сейчас какие. Но помню, что чуть ниже на поляне на краю леса стоял кош местных пастухов. Они пасли коров. Надо сказать, что эти коровы нам изрядно надоедали. Забрели в лагерь и могли сжевать что угодно: одежду, повешенную на верёвке просушиться, разорить запасы продуктов, порвать палатку и т.д. Нашим детям, которые чаще находились в лагере, чем взрослые, приходилось без конца отгонять коров.

Кстати о детях. Многие альпинисты привезли на сбор своих близких — отдохнуть в горах. С Винокуровыми приехали Галка и Маша, которая начала к тому времени подрастать. Со мной приехала моя дочь Маша. С Сашей Карзановым приехала жена Таня с сыном Алёшей. С Юрой Калагиным приехала дочь Катя и жена

Галина, которая работала у нас поварихой. Попросилась пожить на нашем сборе Алла Ветчинкина, альпинистка из МГУ.

Как я уже говорил, язык ледника отступил от старой конечной морены довольно далеко. Открылось дно, бывшее ложе — почти горизонтальный участок от старой морены до современного положения языка. Дно спокойное, с малым количеством больших камней, быстро зарастало травой. И речка здесь спокойно течёт, извиваясь между низких берегов, чтобы ниже по течению, за завалом конечной морены, грохотать в крутом ущелье, падая с уступа на уступ и ворочая камни. Вверху перед завалом, у спокойной воды, образовался пляж с чистым и тёплым песком, о который плещется тихая волна. Там наши дети загорали и играли в хорошую погоду целыми днями. И не только дети, а все, кто не участвовал в интенсивных походах.

Здесь же мостик через речку, по которому можно перейти на ту сторону, к цветущим лугам, к пику Кавказ и другим вершинам. На этом мостике наши девчонки любили фотографироваться.

Галя и Маша познакомились с местными детьми, тоже школьниками старших классов, которые жили в коше и помогали родителям пасти коров. Как они пасли, я говорил чуть выше — коровы бродили, где попало.

Однажды эти подружки решили вдвоём съездить в Терскол и на канатку. Спустились вниз до альплагеря Адылсу, вышли на трассу, ждут автобуса. Почти сразу около них остановился автомобиль,

в котором ехали местные парни. Стали предлагать подвести. Девочки согласились. В автомобиле тесно было, но кое-как утрамбовались. Ничего плохого не случилось, девочек довезли и высадили, где они хотели. Обрато они вернулись на автобусе, довольные приключениями. А родители были на восхождении.

По вечерам костёр, песни и разговоры. Красиво пела Алла. Часто пели под гитару Женя Монаенков, Саша Карзанов, Калагин, ребята из Зенита. У каждого свой репертуар.

Начались занятия. Для акклиматизации поднимались высоко по склону. Легко дышится, резкий ветер в лицо, густая зелёная трава под ногами, а вдаль — голубое небо с белыми облачками, и белые вершины! Кавказ. В Фанах всё было не так. Быстро поднимаемся по крутой траве, дышим часто, покалывает в груди, шаги упруги, все мышцы наполняет радость движения. Эйфория.

Первые выходы

Для тренировочного восхождения выбрали Бжедех, траверс, ЗБ. Винокуров привёз айс-фифи (попросту «фифы») и хотел на Бжедехе испытать.

С ночёвки вышли ещё в потёмках, а ранним утром мы уже подходили к куполу. Толя взял в каждую руку по фифе и шёл, цепляясь ими за плотный фирн. Начало сезона, фирн ещё не успел превратиться в лёд, так что пройти эффектно по льду с использованием новой техники не получилось. Прошли вершину хорошо, на спуске с перемычки изрядно устали, т.к. был глубокий подраскисший снег, и было тяжело идти, проваливаясь на каждом шагу. Снег всё-таки кончился, и мы, усталые и довольные, весело спустились по леднику Кашка-таш, а потом и по тропе в лагерь.

После тренировочного выхода начались спортивные восхождения. До выхода нашей команды на первенство СССР времени было достаточно, всем можно успеть сделать по сложному восхождению. Винокуров собрал группу, чтобы идти сразу на шестёрку, а именно, на Чатын по пути Снесарева. Там были Юра Калагин, Коля Опойцев, Женя Монаенков и сам Винокуров, всего четверо. Примерно в то же время на Чатын вышла группа Зенита (В.Ефимов, Бойко, Журздин и др.). Они пошли по маршруту Граковича, тоже шестёрка.

А мы собрались и вышли на Малую Ушбу. Малая Ушба с севера, со стороны Ушбинского плато, выглядит небольшой горой (см. ниже схему Ушбинского плато и фото Ушбы). А на юг, в сторону Сванетии, обрывается крутыми длинными стенами. По стенам проложено несколько сложных маршрутов. На один из них мы и идём. Маршрут категории «5Б-зачётная». «зачётная» значит посложнее, чем просто 5Б. Руководителем у нас Саша Карзанов.

Кроме меня ещё идут Соня Винокурова, Миша Темиров, Лев Самсонов, Валера Прокопенко.

Погода в этом году в первой половине сезона была неустойчивой. Можно сказать неустойчивой, а можно сказать проще: плохой. Редкие проблески солнца сменялись непогодой, когда внизу поливало, а сверху посыпало, да ещё с грозой. Группы на Чатыне испытали это сполна, а мы на Малой Ушбе как-то проскочили. Повезло.

...Прошли Ушбинский ледопад, пересекли плато и через перемычку между Малой Ушбой и Северной Ушбой спустились в Сванетию. На фото (стр. 208) эта перемычка видна. С южной стороны начали обходить влево по фирну и льду скалы Малой Ушбы и искать, когда же откроется наш маршрут? Мне всё казалось, что пора подходить к скалам и начинать лезть, но ребята во главе с Карзановым шли всё дальше. И они оказались правы, а я неправ. Отказала моя интуиция.

Дальше я не помню, был ли у нас день обработки или на следующее утро сразу полезли всей группой. Помню только, что на стене ночёвок не было. Ночевали уже, когда вышли на верхний снег. Вначале первым лез Карзанов. Мне довелось пролезть верхнюю часть стены. Я лез в галошах, один мой ботинок несла в рюкзаке Соня, другой — кто-то ещё. Последняя верёвка оказалась сложной. Лез я там на пределе, заклинивая ладошки, кулаки, так что всю кожу ободрал.

Вылез, закрепил перила для ребят. Выше — снег средней крутизны, чуть дальше просматриваются выходы скал, где можно заночевать. Верёвка закреплена, ребята лезут, а я с самостраховкой вышел на снег в галошах и стал ждать ребят, чтобы переобуться в ботинки. Пришлось ждать, пока группа пройдёт по перилам. Замёрз, но ноги не подморозил. Обошлось, погода была тихой.

Стену мы прошли. Переночевали в палатке на небольшом гребешке, там, где выходы скал. Осталось дойти до вершины по простому снежному пути и затем с вершины спуститься по двоечному гребню на Ушбинское плато.

Утром первым вышел Миша Темиров, поднялся почти до вершины, а потом вдруг быстро скатился назад. «Бьёт» — говорит. Нельзя сказать, чтобы была жуткая непогода, так, немного сыпало. Но, вдобавок, гремело и изредка сверкало. Немного подождали, потом вверх пошли в связке мы с Соней. Ребята за нами. Вершину прошли благополучно и стали двигаться по уходящему вниз некрутому гребню, где с попеременной страховкой, где одновременно. Соня спускалась первой. Вот она преодолевает очередную «жандарм», я страхую, выдаю верёвку, сидя сзади метрах в двадцати на другом «жандарме». В это время в гребень между нами ударяет молния. Соня потом говорила, что её здорово трянуло. Я, правда, ничего не почувствовал.

Рисунок из книги Наумова. Расположение вершин и пути спуска с пика Щуровского, Чатына и Малой Ушбы.

Спустились на плато, начали спуск по Ушбинскому ледопаду и в это время заметили, что со стороны плато к ледопаду подходят ребята групп Винокурова и Ефимова, спускающиеся с Чатына. Так мы с разницей примерно в час и прошли ледопад до Шхельдинского ледника. Прямо на леднике, не поднимаясь на Немецкие ночёвки, остановились и подождали ребят. Всё, восхождение закончено. Закончено у нас, закончено у спустившихся с Чатына. На леднике собрались все вместе, развязываемся, передеваемся, убираем верёвки и всё лишнее. Достали примуса, чтобы соорудить чай, передохнуть.

Восхождение группы Винокурова на Чатын

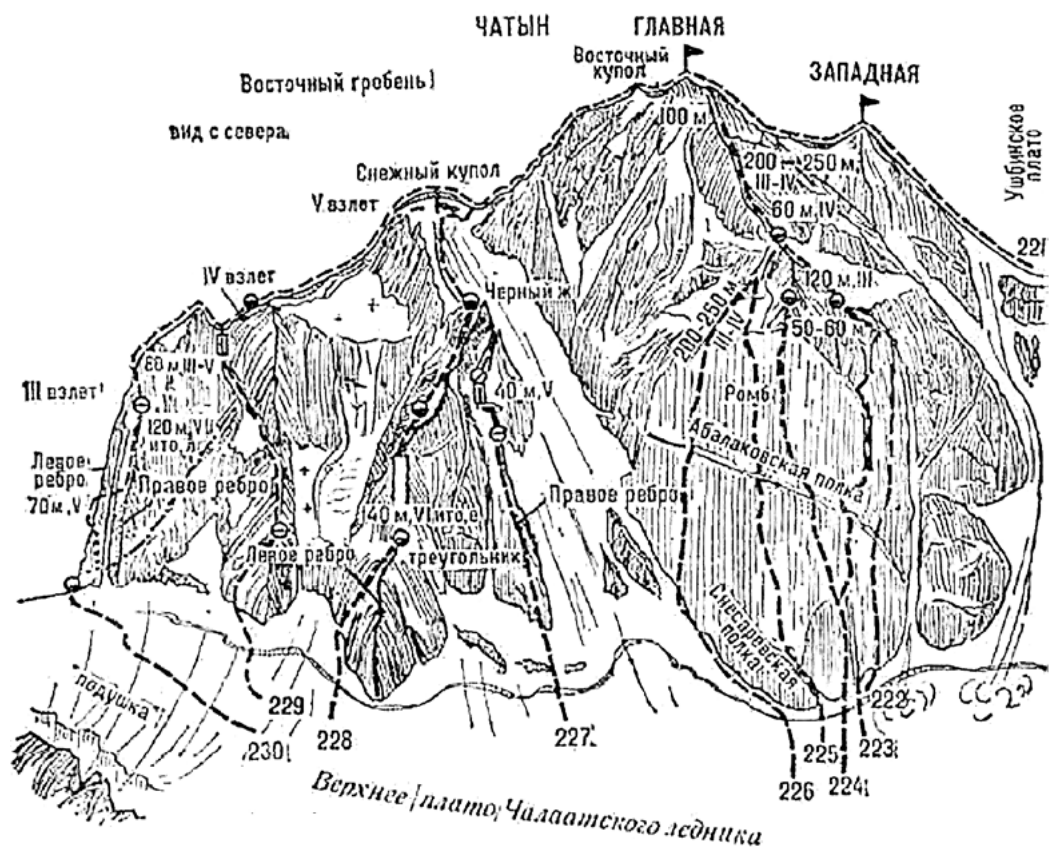

Итак, наша группа встретилась на Шхельдинском леднике с группой А.Винокурова, возвращающейся с Чатына.

...Толя Винокуров рядом со мной перекладывает рюкзак. «Боря, хочешь, покажу чудо?» — и достаёт из рюкзака красный кусок льда величиной с детскую голову. Я сразу не соображаю, в крови, что ли? «Это спальный мешок», — говорит Толя и достаёт кусок льда, тоже красный, поменьше: «А это пуховая куртка». Я вспомнил, что он сшил себе мешок и куртку из красного капрона. Пух полностью вымок, спрессовался и превратился в лёд.

Ребята после Чатына выглядели уставшими, но бодрыми. Они на Чатын вышли раньше, чем мы на Малую Ушбу, и попали в непогоду. Непогода застала и группу «Зенита». Но у наших (группа «Труда») ситуация осложнилась тем, что стену Чатына (Ромб) пришлось пройти без палатки. Уронили они палатку на первой же ночёвке.

Вторую ночь провели на полочках под потоками снега, текущими вдоль стены. Спальные мешки и пуховые куртки промокли, превратившись в тонкие тряпки, толку от них никакого, грели только свитера. Третью ночь провели стоя. После этой ночёвки они уже путали имена, не узнавали друг друга. Но

222 – м-т Граковича
 223 – м-т Мышляева
 224 – м-т
 Черносливина
 225 – м-т Снесарева
 227 – м-т Б.Гарфа
 (Из книги А. Наумова)

перещелкивались, страховались, вообще всю работу с верёвочной делали как надо. По вертикальным скалам лились потоки снежной крупы вперемешку с водой. Верёвки обледенели. Юра Калагин рассказывал: «Я положил сидушку на полочку, встал на колени, прислонился руками и головой к скале. Так всю ночь и простоял. А рядом горка снега выросла».

Уже на «крыше» они встретились с группой «Зенита» и вместе поднимались по «крыше» до вершины. Рядом с вершиной, на самом гребне, продуваемом ветрами, провели ночь в палатке группы «Зенита». Т.е. набились в палатку все девять человек. Тоже кошмарная ночь, но хоть в палатке. В общем, досталось. Ноги, слава Богу, не поморозили, т.к. у всех были тёплые двойные ботинки, которые удалось заказать и пошить как раз перед сезоном. Любопытно, что Соня потом этой группе завидовала: прошли Чатын, и не просто прошли, а прошли в плохую погоду, что ценнее!

...Итак, на леднике мы передохнули, переоделись и спускаемся в лагерь. Прошли ледник, и уже на тропе снова скрылось солнце и начало поливать. Тут Толя возмутился: «Никакого уважения! Ладно бы на маршруте, так и здесь непогода!» Дождь и ветер оказались недолгими и прекратились как раз когда мы

входили в лагерь. (Замечу в скобках, что ближе к концу сборов установилась хорошая устойчивая погода).

Выше я рассказал о своих впечатлениях, полученных тогда, в 1981 году. А вот что рассказал Винокуров через тридцать лет, в конце 2011 года. Напомню, что «Ромб» Чатына — это вертикальная стена, над которой расположена крутая заснеженная «крыша» (см. фото в рассказе про 82 год). С крыши текут потоки снега, вода, и всё по стене.

Винокуров прошёл стену Чатына дважды: в 81 году и в 82 году.

Рассказ Винокурова

«Я вылезая на Абалаковскую полку — отсюда Мерлис, отсюда — я. Вот с ним встретились. Прямо на Абалаковской полке. С Мерлисом. Вылезли на полку, рядом. Постояли. У него маршрут чуть левее, у меня — чуть правее. И мы разошлись. Я не дожидаясь, чтобы второй поднялся. Встретились и разошлись. Штормовка развевалась. Я чуть раньше вылез, смотрю — он лезет, метра три до него. Задувает, штормовка поднимается (*Это пока про Чатын 82года*).

...А первый раз (*в 1981 году*) сурово было. Очень сурово. Всё время гроза была. Во второй раз крышу шли два часа. А первый раз шли, правда, мы потом соединились с Бойко, шли вместе по крыше. Палатку на гребешке поставили, сдуру, там такой ветроган. Холодно, всё продувало. Надо обязательно спускаться, находить тихое место. Это уж потом я... Ни в коем разе нельзя выбиваться на вершину. Ну, разве только идеальная погода, ни ветра, ничего. А эту крышу мы шли в такую непогоду, целый день шли. Потому что идёшь, вдруг начинает бабахать. Идёт снег, гремит гром... Стоишь, пережидает. Снег на плечи, настолько, что чувствуешь холод от этого комка снега, который прилип.

...Первая ночёвка — я там повесил гамак. Повесил гамак, устроился. А гамак я сделал из парашюта. Снег сыпется, парашют не пропускает, и всё промокает.

Первая ночёвка. На стену мы пошли сходу, без обработки. Первая ночёвка Руфа Иванова. «Руф» называется ночёвка. Там шлямбура были набиты. Прошли по полке Снесаревской, а потом вверх прошли — и ночёвка. Ничего не обрабатывали. Сразу через бергшрудн перелезаешь, и потом по полочке небольшой и вертикально вверх начинается. Ночёвка Руфа Иванова. Я для этой цели сшил себе гамак из парашюта. И вот мы начали устраиваться на ночёвку, и я повесил свой этот гамак.

Когда устраивались, Опойцев выложил из рюкзака вещички и палатку «памирку» положил рядом. Там углубленице было. Я — чуть повыше вешал гамак этот. Места, где поставить палатку,

там не было. Гладкая стена такая, углубленице... Гамак повесил, и, когда я этим занимался, вдруг зашуршало. Я – раз! так вниз, смотрю... Я видел, как он клал палатку в это углубленице. Она зашуршала и полетела вниз. Ну, все: «Ох, ах», — оттянулись на верёвках, смотрят, палатка там на снегу лежит. Внизу эта палатка. Немножко она там внизу развернулась. Ну, поохали, поохали. Я, помню, повесил гамак, устроился в этом гамаке, и ночью я просыпаюсь. Я был в <спальном> мешке, в куртке. Просыпаюсь оттого, что у меня задница промокла. Ночью пошла крупа. Перед этим днём была нормальная погода.

И вот просыпаюсь, потому что промокло сзади. Гамак надо делать из сетки, а я из полотна сделал. Дырок не было. Крупа, естественно, под задницу, и, шевелишься ведь, спать неудобно, какое там удобство. В общем, промок весь гамак, и первым зад промок.

Вторая ночёвка. На следующий день уже полезли. Уже такая непогодка. На следующий день мы вылезли на эту полку Абалакова. В разных местах полка разная. У нас карниз, ниша с нависанием. Влезаешь туда так, садишься на рюкзак или на что. Т.е. полностью ты как бы закрыт. Но дождь идёт, тепло, по потолку течёт, и там, где острые места, начинает с них капать. Вода течёт по стене и затекает под карниз. Дальше туда протекает, в нишу. Сидишь, скорчившись, чуть задремал — нога промокла, или коленки. Так мы просидели всю ночь. Сидишь на рюкзаке, чуть голова склонилась — капает на тебя. На коленки, за шиворот. Чуть капюшон сдвинулся... Всё время мокрый.

И вдруг настаёт свет. Рассвело. Но идёт вроде как дождичек. Часов в 11 только двинулись. Я полез чуть влево и в том месте я как раз встретил инициалы первопроходцев (*Команда В.Абалакова, 1957г*). Которые не сумели пройти. Они как раз тут и сидели, где мы сидели. Один, видимо, полез выше, а остальным делать нечего — выбили шлямбуром надписи. А прошли они дальше надписей, откуда повернули (*вниз*). ...Абалаковская полка. И чуть-чуть из неё вылезает. Метра три. И я наткнулся, стоят инициалы, стоит «август» и год какой-то (*1957*) и число, то ли 24 августа... Все шесть человек, и всех инициалы. М.Хергиани, М.Кахиани... Они расписались и потом пошли. Они не дошли две верёвки. Причём (*верёвки*) были не самые сложные».

Третья ночёвка. «Мы полезли дальше, как-то лезлось. В этот день я видел, повернувшись назад, как облако ниже тебя, и в нём молнии. К вечеру. Облако перед тобою, сверху светло, а ниже начались молнии горизонтальные. Зрелище такое, оно один раз бывает.

Дальше надо двигаться. Дело к вечеру. Опять собирается гроза. Уже становится темно. Стена, и траверсом я туда иду. Причём, стена, и такие желоба. И по этим желобам течёт крупа.

Снег, крупа. С набором высоты я пересекаю широкий кулуар, который заканчивается ниже щелью. Всё темнеет. Я перебрался, и передо мной такая щель, полметра ширины. Туда я запахнул вначале, повыше, Монаенкова. А потом пришёл Калагин. Я тут стою, вот эта щель туда так идёт, и Опойцева, последнего, принимаю. Опойцева. И в этот момент опять какой-то заряд снежный такой. Катится по желобам этим крупа, и Опойцев, вот я смотрю на него, верёвка засыпается снегом. Он очень ловко по верёвке жумар вверх — rrrr — от него аж снег отлетает. Сверху сыпет по желобу, он энергично проскакивает жёлоб, пробивает его. Немножко кусок выпуклый, по нему меньше течёт, потом опять жёлоб, он пробивает, прорезает этот жёлоб и подходит ко мне. А тут у нас как-то нависает, и щель эта идёт как бы внутрь. Мы его просовываем дальше, Колю. Он маленький. За Монаенковым. Он в эту щель забился сразу, повесил рюкзак там, сел на рюкзак. Потом Монаенков, потом я стою на краю, вот такая площадка: две ноги, и всё. Даже меньше, две ступни ставлю, и всё.

Я стою. А Калагин — тут какая-то полочка, типа стула. Он становится на колени. Положил, чтоб не больно было, рюкзак под коленки, и вроде сел. На коленках стоит, сидит на рюкзаке, а я стою тут. И тут крюк забит, верёвка. А эти сидят в расщелине, как бы под крышей такой.

Совсем стало темно. Калагин, над ним Монаенков. Самое главное, вот таким образом расположились: я стою, этот Калагин на коленках как-то так вот, те на рюкзаках сидят. Но я, допустим, затих немножко, начинаю замерзать. Потому что всё промокло, бесконечная водичка. Я начинаю... одной рукой держусь, другой крутить. Приседаю. Другой рукой перебираю, опять приседаю. *(Это выше Абалаковской полки на день ходу./Б.)* И вот всю ночь так. Мне часов в пять, наверное, невмоготу. С одной стороны, вроде спать хочется, с другой стороны, замерзаешь. И вот, когда начинаешь замерзать, начинаешь прыгать, песни поём, чтобы взбодрить себя. В основном марши.

Потом, говорю: «Всё, не могу. Давайте примус». Достаём примус, снизу, там, держит Калагин, сверху — Монаенков. Он выше. И вот разводим примус. В руках держим: кто кастрюлю, кто... Кто-то чего-то держит. Я чего-то шевелюсь там, то ли чай достаю, то ли ещё. Попили. Рассвело. Пока сварили, пока попили. Ну и вроде свет появился. Периодически всё-таки снежок там. Но как-то мы попали вроде как под нависание, в эту щель внутреннюю.

Ну и утром я уже полез. И пролез всего две верёвки. Там, значит, лёд, а снизу под ним вода. Где лёд уже отстал, там, смотришь, ступеньки, раз, раз, отбил. И смотрю, верёвку прошёл. Мокрую. Утром. Потом уже потеплело. И, в конце концов, вылезаем, и чувствуется уже, — вот-вот «крыша».

Четвёртая ночёвка. И опять какая-то такая щель. Дело к вечеру. Щель просторная. Мы туда не просто согнутые забились, а легли. Но всё мокрое. Мешок пуховый — на свет смотришь, он прозрачный. А пух, там, где прошиты перегородки, весь колбасками. И вот пуховки такие же. Но пуховки, они на тебе надеты, вроде пуховка, типа штормовки, всё это на тебе надето, вроде как-то так.

Щель большая. Даже не щель, а как бы ниша... Кругом снег. Протянули верёвку по краю и повесили наши спальные мешки. От внешнего мира отгородились. Коля начал опять примус чинить, кочегарить. Чего-то уронил, какую-то деталь. В этом снегу каша. Снежная каша. Копаемся. Как-то закрыли мешками от внешнего мира, и зажгли примус. И примус так между ног как-то там работал. Чего-то там работало, и мы пытались пить, ещё чего-то. Ну, в общем, эта более-менее прошла ночь. В этот день мы прошли две-три верёвки. Три, не больше.

Но вот утром встаём, собираемся, пролезли верёвку, и как-то пополаживаться стало. И вот эти появляются, справа. Пять человек их там (*группа Ефимова из «Зенита», шли по Граковичу*) У них палатка, и они появляются. Рядом. Мы на каком-то там гребешке, и они там. Параллельно поднялись и начали целый день идти эту «крышу». Периодически ударяет гром, начинает сыпать снег, это время ты переживаешь, стоишь весь в снегу, стряхиваешь с себя... Верёвку пройдёшь — опять. Кто рядом по двое идёт. Нормально, весело идём эту «крышу».

Пятая ночёвка. Выходим на предвершинный гребень. Такое состояние: идёшь, всё снегом засыпано, скалки выступают... Когда на следующий год шли, там всё было значительно легче. А тогда всё снегом засыпано. Снег этот гребёшь. Медленно, из-за того, что он сыплется, где-то надо застраховаться, ты не можешь быстро идти, уминаешь всё его...

И вышли на самый гребень. Буквально метров двадцать — вершина. Слева. И вот мы на этом гребне, буквально нашли где-то площадку. Ставим эту палатку, «памирку». Девять человек. Ставим на гребне, дует ветер, который продувает насквозь эту палатку, и вот мы туда девять человек залезаем. (*Палатка двухместная, обычно помещается 4 человека, если плотно лежать, то пять /Б.*) Холодно. Ветер дул с востока. Куча тел друг на друге. Вперемешку все лежат. У кого-то во рту моя нога, там. Как пчёлы зимой греются: изнутри вылезает наружу, снаружи внутрь, и вот движение такое. То ты внутрь лезешь, то начинаешь задыхаться там... И вот это пространство между стенкой палатки и кучей тел было. Ты вылезает, ложишься и минуты две-три ты блаженствуешь. Вытянуты ноги, руки, и начинаешь замерзать. Ха. Ха. Терпишь, терпишь, и, когда немоготу, залезаешь на эту кучу и постепенно начинаешь туда проваливаться. Вот это самое интересное. Причём, вроде даже снимали где-то эти, ботинки.

Когда утром рассвело, никак не можем надеть ботинки. Они все мокрые. Колявные стали, дубовые.

Я всегда говорил, если идёт дождь, то тепло. Сыро, но тепло. А если мороз, то сухо, т.е. тоже тепло. Утром долго я надевал ботинки. Не лезет. Иногда кто-то над примусом греет. Чтоб он, ботинок, хоть стал мягким, чтоб надеть можно было. И вот мы надели и пошли потом на плато (*спуск по гребню довольно опасный и не такой уж короткий./Б.*) В общем, непогода была нехорошая. Был туман, ни хрена не видно, куда спускаться. Мы трое спускались последними: я, Монаенков и Журздин из другой команды. Мы страховались. Некоторые туда бежали: вроде снег, ступеньки. А мы — нет.

На плато туман накрыл всё это дело, и настала жара. Абсолютно задыхались от жары. Ветра нет, солнце пробивает туман, очень жарко. Сходил в туалет, туман, не видно. И вот штаны не можешь надеть. После этих ночей практически без сна. И ещё эта жара. Буквально сил нету, чтобы надеть штаны.

Там просидели до середины дня. Устали. Сидишь размякший, тепло, туман, в облаке сидим...»

«...В книгах про Альпы есть фотографии как лазить в трико-нях. Я много книжек этих там просмотрел. В Альпах, допустим, Гран Капуцин лезут в триконях. Крутой, практически вертикальный маршрут. Чатын более рельефный, а там, на Капуцине, меньше зацепок. На Чатыне кругом лезть можно. Я всегда говорил, что Чатын по лазанью — это первый разряд. Основное — непогода. Портит всё непогода. Если ты готов, мастер спорта, прошёл много скальных маршрутов, проблем нет никаких. Лезешь и лезешь. И всё.

Сырость, течёт вода, особенно левый маршрут. С «Крыши» всё идёт. Когда мы шли первый раз, шли «Крышу» целый день. Чередовалось: то снег, то гроза. Гроза, молнии, грохочет, не видно ничего, и сыплет этот снег. Стоишь, и вырастают на плечах сугробы. Стряхнул так, продавливается, снег накапливается, пуховка мокрая, чувствуется холод.

А на следующий год была нормальная погода, и мы два часа и всё, прошёл...» (*мне, помниться, часа четыре шли/Б.*)

Конец рассказа Винокурова

Справка

Восхождение на Малую Ушбу. Состав группы: Карзанов А.В., Винокурова С.И., Прокопенко В.М., Борисов Б.И., Самсонов Л.А., Темиров М.М.

С 06 июля по 11 июля 1981г.

Маршрут: «Ушба Малая, 4200, 5Б зач, по центру Южной стены, Е.Городецкий, 1977» (см. Классификатор... 2008).

Восхождение на Чатын. Состав группы: Калагин Ю.Г., Винокуров А.Ф., Монаенков Е.И., Опойцев Н.А.

С 04 июля по 11 июля 1981г.

Маршрут «по С стене (Снесарева)», 6 к.т.

Восхождение на Чатын. Состав группы: Ефимов В.Б., Бойко В.В., Васильев С.Н., Журздин В.И., Кукушкин А.Ф.

С 04 июля по 11 июля 1981г.

Маршрут «по С стене (Граковича)», 6 к.т.

Фотографию Чатына см. ниже в главе – «1982 год. Вторая поездка»

Восхождение на пик Щуровского

Мне давно хотелось пройти что-нибудь в двойке, посмотреть, каково это вдвоём на сложной стене. Предложил пойти со мной Лёве Самсонову. Выбрали маршрут Кенсицкого на пик Щуровского. Наверняка по подсказке Толи Винокурова.

Альпинист Лео Кенсицкий, именем которого назван маршрут, принадлежал к известной в 60-е и 70-е годы школе Моногарова с Украины. Эти ребята специализировались на популярных одно время «индустриальных» маршрутах — с применением большого количества шлямбурных крючьев, платформ, с ночёвками на стене в гамаках и т.п. Маршрут на пик Щуровского, который мы прошли, был как раз такого типа. Стена в совокупности не очень длинная и достаточно неровная. Несколько участков вертикальных и гладких плит, каждая по 30-40 метров. Между ними скалы, доступные для прохождения лазаньем, я бы сказал, не шестёрочные, а, примерно, на 5Б. Причём таких скал всего несколько верёвок.

Прошло тридцать лет с тех пор (сейчас 2011 год). Пытаюсь вспомнить, какой же маршрут мы тогда ходили? В книжке альпиниста у меня записано: «пик Щуровского по западной стене «Сурка», 5Б, 16 июля 1981г». В классификаторе 2008 года такой маршрут есть. Привожу список маршрутов на пик Щуровского из «Классификатора маршрутов на горные вершины (издание четвёртое, ФАР, Москва, 2008)»

№		Высота в м	Категория сложности	Характер маршрута	Маршрут	Руководитель, год прохождения
п.п.						
278	Щуровского <пик>	4259	2А	лс	ЮВ гребню	С.Голубев, 1915
279			4Б	к	СВ гребню	В.Пелевин, 1947
280			5А	к	З стене	С.Слензак, 1971
281			5А	к	СЗ стене	В.Абалаков, 1947
282			5Б	к	бастиону С стены	М.Хргиани, 1962
283			5Б	к	Западной стене «Сурка»	Л.Кенсицкий, 1967
284			5Б	к	С ребру	Л.Кенсицкий, 1962
285			5Б	к	СВ стене	В.Абалаков, 1953

Нашёл соответствующее место в книге А.Наумова (пришлось искать в Интернете). Привожу выдержки оттуда

Рисунки и цитата из книги А.Ф.Наумова «Баксанская долина».

«105. Пик Щуровского по Юго-восточному гребню с Ушбинского плато, маршрут 2А к/тр (С.Голубев, П.Панютин, Я.Фролов, 21 августа 1915 г.).

106. Пик Щуровского по Северо-западной стене, маршрут 5Б к/тр (В. Абалаков, А. Боровиков, И. Леонов, В. Чередова, 10 августа 1947 г.). /через «Сурка»/

107. Пик Щуровского по бастиону Северной стены, маршрут 5Б к/тр (М. Хергиани, А. Амшоков, М. Залиханов, Д. Кахиани, И. Кахиани, Г. Степанов, 5 июля 1962 г.).

108. Пик Щуровского по Северной стене, маршрут 5Б к/тр (Л. Кенсицкий, В. Кашин, Н. Мащенко, В. Моногаров, Б. Субортович, Б. Шапошников, 15 июля 1962 г.).

109. Пик Щуровского по Северо-восточной стене, маршрут 5Б к/тр (В. Абалаков, М. Ануфриков, В. Буслаев, В. Кизель, И. Лапшенков, И. Леонов, Л. Филимонов, 2 сентября 1953 г.).

110. Пик Щуровского по Северо-восточному гребню, маршрут 4Б к/тр (В. Пелевин, Я. Аркин, К. Фаддеева, Л. Филимонов, М. Чемодаков, 11 августа 1947 г.)».

...

«...Вариант подъема на «Сурок» справа по Западной стене (Л. Кенсицкий, Р. Бадыгин, А. Бланковский, П. Гончаров, В. Громко, О. Марковский, 2 августа 1967 г.).

От «Шхельдинских ночевок» пересечь ледник, подняться по левой стороне Ушбинского ледопада, затем свернуть влево и пересечь снежный кулуар (камни!), спускающийся с Западной стены пика Щуровского. По снежному склону, преодолев бергшрунд, выйти на нижние скалы левой стороны кулуара.

По сильно заснеженным, средней трудности и трудным, скалам («живые» камни!) прямо вверх. Первую 4-метровую стенку преодолевать в лоб и выходить за ней вправо. Затем по разрушенным скалам подняться под вторую стенку, которую проходить по слабо выраженному внутреннему углу. Далее вверх к плите. По плите вверх-влево до каминя и по залитому льдом камину вверх. Потом по заснеженным скалам средней трудности с 6-метровой стенкой в средней части прямо вверх на площадку под вертикальную стену, около большого откола. На площадке бивуак. От «Шхельдинских ночевок» 4 – 5 часов. В тот же день желательно обработать стену.

С правого края площадки прямо вверх (платформа, шлямбурные крючья) 25 м до полки и еще 15 м до второй полки. По второй полке вверх-вправо, затем вверх-влево и далее по заглаженным скалам 45 – 50 м вверх-влево на площадку. На площадке бивуак. От первого бивуака 10 – 12 часов.

С площадки 20 м прямо вверх по нависающей стене (платформа, шлямбурные крючья), затем вверх-вправо по полочке и вверх-влево по трудным скалам 3-метровой стенки (шлямбурные крючья) на полку. От площадки 40 м. Далее по 10-метровому внутреннему углу и разрушенным бараньим лбам вверх-вправо на перемычку за «Сурком». От предыдущего бивуака 6 – 7 часов.

От «Сурка» прямо вверх по средней трудности, местами трудным участкам стены. От стены по трудным плитообразным скалам ребра выход под 40-метровую бурю стену. Стену преодолевать в лоб и выходить над ней на площадку (с правой стороны сильно разрушенный внутренний угол, «живые» камни!). От «Сурка» 2 – 3 часа.

С площадки по простым скалам на полку под вторую отвесную 25-метровую стену с отслоившейся плитой. По 12-метровому камину между плитой и стеной («живые» камни!) вверх к нависающему камню. От камня траверс влево 10 м по стене с хорошими зацепками. Затем по внутреннему углу («живые» камни!) подъем на площадку. Отсюда по простым и средней трудности скалам левой или правой (камнепады, лавины!) стороны кулуара, далее по плитам на предвершинный гребень. От «Сурка» 6 – 7 часов.

Далее вверх 110 м по ледово-снежному гребню, затем 70 м по скалам средней трудности сильно разрушенного взлета и 30-метровому узкому заснеженному скальному гребню (карнизы) выход под второй скальный взлет. По скалам средней трудности второго 60-метрового скального взлета, затем по крутому ледово-снежному склону подъем на пик Щуровского. От места выхода на гребень 2 – 2,5 часа. Спуск с пика через Ушбинское плато (см. маршрут 105). Специальное снаряжение на 4 человека: веревка основная – 2x40 м, репшнур расходный – 3 м, крючья скальные – 15 – 20, крючья ледовые – 4-5, молотки скальные – 2, фонари налобные – 2, кошки – 4 пары, палатка – 1. При подъеме к «Сурку» по Западной стене необходимы дополнительно: крючья скальные – 10, крючья шлямбурные – 20-25, шлямбуры – 2, лесенки 3-ступенчатые – 8, платформа – 1. Места возможных бивуаков – на всех площадках, предвершинном гребне, пике и Ушбинском плато». Конец цитаты из книги Наумова.

Из сравнения этих цитат следует:

1. Маршрут Кенсицкого, пройденный в 1967 году, описанный у Наумова как вариант маршрута 106, в настоящее время считается самостоятельным маршрутом (283 в Классификаторе). До сих пор он 5Б.

2. Маршрут Абалакова (по северо-западной стене через «Сурка»), пройденный в 1947 году, во время написания книги Наумова (вышла в 1971 году) оценивался как 5Б (маршрут 106 у Наумова), в настоящее время это 5А (м. 281 в Классификаторе).

В 81 году, когда мы шли, маршрут Кенсицкого уже был самостоятельным. А про Абалаковский маршрут могу сказать, что

в наше время это была очень популярная пятёрка «Б».

Хорошо помню, что шли мы по западной стене. Справа от нас находился широкий снежный кулуар, а за кулуаром — тоже скалы, и по ним поднималась группа. Мы знали, что у них маршрут 5А. Их маршрут проходил как бы по правому борту (по ходу) кулуара и выглядел более пологим (маршрут 280 в Классификаторе).

Из бивачного снаряжения мы с Лёвой взяли спальные мешки, примус и большой кусок полиэтиленовой плёнки, которая продаётся в магазинах для укрытия парников и других хозяйственных нужд. Плёнка совсем мало весит и места тоже занимает мало, особенно, если её туго скатать. А палатку не взяли. Не было у нас и плащей.

У нас были две верёвки-сороковки и довольно много титановых карабинов («ирбисов»). Штук пятнадцать, может, чуть больше (и ещё по два-три личных карабина у каждого). Карабинов на стене всегда не хватает, но обошлись. Шли мы с двумя рюкзаками примерно одинакового веса, и не сказал бы, что лёгких. Хотя, понятно, что верёвок, обвязок, карабинов и молотков в рюкзаках не было, это всё мы несли на себе. Когда первый шёл без рюкзака, то второму приходилось двигаться с двумя рюкзаками. Идти вторым приходилось и Лёве, и мне. Я, например, двигался так: один рюкзак на плечах, второй привязывал на репшнуре к поясу, так что он висел метрах в двух ниже ног. Подтягивал себя с этими двумя ношами на перильной верёвке с помощью лесенки и зажима. Вторым верёвкой Лёва меня страховал.

Погода в первую половину восхождения, когда мы преодолели все эти стены и плиты, была неплохой. Небо хмурилось, может, иногда падал редкий снежок, но мы не замечали, не до того, всё-таки работа была напряженной.

На вертикальных участках (в описании у Наумова эти участки названы «нависающими») восходители оставили забитыми шлямбурные крючья (называемые на жаргоне «гайками» или «болтами»). Слава Богу, никто из последующих групп эти крючья не сломал. Получились уходящие вверх шлямбурные дорожки. Это нам здорово облегчало путь. По сравнению с первопроходителями, которые, стоя на платформе, пробивали шлямбуром дырки в скале под эти дорожки, задача у нас была значительно проще: первому надо было перевешивать с «болта» на «болт» карабины с лесенками, и так, на лесенках, подниматься.

Сам алгоритм движения по цепочке крючьев для меня проблемы не составил, т.к. я в своё время много тренировался на деревьях в Подмосковье, отрабатывая этот приём. Большим энтузиастом и специалистом лазанья по деревьям с помощью лесенок был Володя Надбах, у которого мы в своё время многому научились. Но было страшновато лезть по чужим шлямбурным крючьям.

Помню, на первой плите, которая нам встретилась, шлямбурная дорожка была длинной, почти с верёвку или около. Я там выходил первым без рюкзака. Всё время беспокоила мысль, насколько они надёжны, эти «болты»? Они уже несколько лет торчат в стене. Цепляю на очередной крюк карабин, вщёлкиваю верёвку, вешаю лесенку и начинаю плавно нагружать. Смотрю внимательно на этот крюк и думаю: «Не дай Бог, выскользнет. Тогда от рывков и все нижние начнут выскальзывать, только шпок-шпок-шпок».

Конечно, надёжнее было бы, если бы верёвка между мной и Лёвой была пропущена через все крюки. Но для этого у нас мало карабинов. Поэтому я старался, чтобы верёвка была пропущена через несколько последних крюков, через четыре — пять. Повешу очередной карабин, прощелкну верёвку, потом спускаюсь к нижнему карабину и снимаю его. Приходилось каждый раз приспускаться.

Продвигались вверх мы довольно быстро. В тот день, когда вышли со стены на гребень, погода начала резко портиться. Гребень после отвесов стены показался несложным. Примерно четвёрочные скалы. Мы продвигались вдоль гребня с попеременной страховкой и вскоре оказались в центре грозы. Секло крупной и снегом, вихрился туман, справа и слева с треском полыхали молнии. Надо было уходить с гребня. При первой возможности закрепили одну верёвку и спустились метров на тридцать. Нашли небольшое углубление в скалах, где и расположились. Здесь тихо, падает снег, гроза ушла выше. Изредка залетают порывы ветра. Мы развернули плёнку и под ней развели примус, соорудили чай, перекусили.

На ночь залезли в спальные мешки, расположившись рядышком, и завернулись в плёнку. Края плёнки прищепили карабинами, чтобы её не унесло и не намочило мешки.

Спать было тепло, проснулись бодрыми. Утро серое, низкая облачность, туман и сырость. И всё засыпано снегом. Закреплённая наша верёвка заросла льдом в два пальца толщиной. Начали по ней подниматься на гребень, но зажим держит плохо. Выбрались с трудом.

На вершину вышли быстро, путь по гребню однозначный, не заблудишься. А дальше начались проблемы. Спуск с пика Щуровского на Ушбинское плато ведёт по совсем простому снежному (2А) гребню (см. маршрут 105 на рис. ст. 191). В условиях видимости там идти просто и недолго. Но видимости не было. Туман сгущался, установилось полное безветрие. Молоко. Следы от предыдущих групп тоже хорошо засыпало свежим снегом.

Спускался первым Лёва, он часто становился на колени, чтобы руками прощупать под свежим снегом старые следы. Когда мы оказались на плато, стало ещё хуже. Сплошное молоко,

человека на расстоянии верёвки не видно. Непонятно, в какую сторону уклон и куда надо двигаться. Куда-то шли, я всё оглядывался назад на свои следы, стараясь, чтобы они не петляли, а шли по прямой. Пробовали кричать, зная, что на перемычке около Малой Ушбы должны стоять палатки. Брели мы, брели. Становилось тепло, сквозь туман прогревало солнце. Вдруг слева услышали голоса! Мы бегом рванули в ту сторону. Через некоторое время туман стал не таким густым, и мы заметили очертание гребня. Это был гребень с Чатына, по нему спускалась группа туристов. Отлегло от сердца: знаем, где мы и куда идти.

Быстро подошли к палаткам. Всё. Приключения закончились.

Добавлю, что в результате этой непогоды на стене Башкары случилась трагедия. Там ребята вышли тоже в двойке и тоже без палатки. Может, у них было мало тёплых вещей, может, оказались в таком месте, что негде было укрыться, только ребята погибли от переохлаждения.

Справка. Восхождение на пик Щуровского.

Состав группы: Борисов Б.И., Самсонов Л.А.

С 15 июля по 18 июля 1981 года.

Маршрут: по 3 стене «Сурка», 5Б к.т. (м. 283 в Классификаторе)

Живём на «Улыбке», отдыхаем. Попарились в бане. Наша команда в составе восьми человек ушла под Северную Ушбу для восхождения на первенство СССР. С ними ушёл Винокуров в качестве тренера, и кто-то ещё. Толя наблюдает за командой с перевала между Ушбой и Малой Ушбой.

Соня стала меня попрекать, почему я ушёл с Лёвой на восхождение, а её не взял? Предатель. И мы стали собираться на Ушбу, о которой все, конечно, мечтали. Я, Соня, Лёва, четвёртым — Винокуров, который находился с командой на Ушбинском плато около Северной Ушбы.

Восхождение на Ушбу

Маршрут (см. Классификатор маршрутов на горные вершины, М. 2008)

№ п.п.	Вершина	Высота в м	Категория сложности	Характер маршрута	Маршрут	Руководитель, год прохождения
216	Ушба (Ю)	4710	6А	к	ЮЗ ребру	Ю.Григоренко-Пригода, 1972

Маршрут, который мы прошли, на то время считался высшей категорией трудности (шестой), это уровень мастеров спорта. В 1981 году мне было 45 лет, моим напарникам Толе 47, Соне 43. Четвёртый участник восхождения, Лёва Самсонов, считался молодым.

Восхождение на Ушбу оказалось очень интересным. Там большой перепад высот, маршрут длинный. Сам подход под верхний бастион — это как 5Б, потом бастион — шестёрочные скалы, потом крыша Южной вершины — примерно 4Б, потом перемычка, затем спуск с Северной вершины, тоже непростой и интересный, наконец, спуск по Ушбинскому ледопаду. Ходили мы долго, восемь дней. На маршруте даже однажды устроили днёвку, и Толя Винокуров приготовил из сублимированного мяса и одной луковицы вкусные котлеты.

Восхождение совершено группой в 4 человека. Вышли из лагеря 22.07.81, вернулись в лагерь 30.07.81.

Сбор альпинистов Московской области 1981 года располагался в райском уголке Кавказа, который называется «Улыбка Шхельды». «Улыбка» находится недалеко от языка Шхельдинского ледника. От альплагеря «Шхельда» подниматься 30-50 минут.

Много мест для палаток, хватает на два — три коллектива. Берёзки, чистейшие ручьи. И рядом — огромные вековые сосны, стоящие среди больших камней по всей площадке, а в одном месте по склону поднимается небольшой густой лес.

Вместе с нашим сбором «Труда» стоят ребята из «Зенита».

В состав участников сбора входила и команда альпинистов областного «Труда», которая выступает в соревнованиях на первенство СССР. Их маршрут: Северная Ушба по Северо-Восточной стене. Руководитель команды — Женя Монаенков, тренер — Винокуров. В команде было восемь человек, ребята прошли маршрут, который теперь называется «по столбу» и в классификаторе маршрутов записан как 6А. Сам Винокуров (как и я) идти в команде не мог из-за формального ограничения: участвовать в первенстве могли альпинисты не старше сорока лет.

...И вот команда под руководством Монаенкова вышла на маршрут и успешно продвигается к вершине. Толя Винокуров, как тренер и азартный болельщик, наблюдает со снежной перемычки, ниже которой начинается Сванетия. Перемычка находится между Малой Ушбой и Ушбой, с неё хорошо видно каменное «зеркало» Северной Ушбы, по которому и поднимается команда. Толя там не один в наблюдателях, их палатка стоит прямо на перевальной точке перед спуском в Сванетию. Чтобы подойти к палатке, надо пересечь Ушбинское Плато.

Пока идет команда, другие группы тоже выходят кто куда. Мы вот на Ушбу. В нашей группе Лев Самсонов недавно оформил звание КМС (кандидат в мастера спорта), это будет его первая шестёрка. Остальная троица — все мастера спорта. Я буду руководителем. Мы втроём подойдем к палатке наблюдателей,

там заночуем, а утром, прихватив Винокурова, уже вчетвером отправимся дальше.

Выбрали маршрут на Южную Ушбу через верхний бастион по пути Григоренко-Пригоды. С Южной вершины спускаться в Сванетию не будем, а пойдем обратным траверсом через перемышку (седло) Ушбы и Северную вершину, потом спуск через Ушбинский ледопад. Мы все на Ушбе впервые, поэтому хотелось пройти ещё и траверс. Да и к дому так ближе.

Обычно руководитель отвечает за маршрут и за подбор снаряжения. Маршрут я изучил. Кроме меня хорошо знает маршрут Толя Винокуров, он вообще знает все маршруты и прекрасно ориентируется в горах. Так что вряд ли где полезем не туда — в случае чего Толя подскажет. С маршрутом всё в порядке.

Ещё мне как руководителю надо подобрать снаряжение. Подобрал титановые крючья, закладки, четыре верёвки, молоток и айсбайль. С карабинами — проблема. Почти все легкие титановые карабины разобрали и унесли на восхождения. Остались одни железные, причем не треугольные, а «бобы», которые ещё тяжелее. Нам на стену нужно много карабинов, штук сорок, наверное. Плохо, когда карабинов нехватка. На радиосвязи пожаловался Винокурову, думал, может он наверху что-нибудь наскребёт. Винокуров, помолчав, ответил: «Железные люди пойдут с железными карабинами». Пришлось взять минимум, но всё равно много по весу.

Рюкзаки получились тяжёлыми. От лагеря до встречи с Винокуровым надо нести ещё и его долю грузов. Соня строго следила за лишним весом: выбросила весь сахар, мол, слишком тяжелый, Лёву заставила оставить фотоаппарат (однако Лёва, надеясь на своё здоровье, украдкой сунул фотоаппарат в рюкзак).

Вместе с нами идёт небольшая группа наблюдателей, два или три человека, они останутся на перемышке. До Немецких ночёвок шли тяжело, потом втянулись и по Ушбинскому ледопаду поднимались довольно быстро. Хотя была уже вторая половина лета, но ледопад был в неплохом состоянии, только в самом верху уткнулись в большую трещину от края до края. В поисках перелаза ушли к правому углу трещины, и тут нам встретилась болгарская группа. Болгары спускались и собирались преодолеть сверху трещину как раз в том месте, куда и мы подошли. Их руководитель хорошо говорил по-русски. Энергичный парень, он сразу стал действовать: достал верёвку, бросил нам, помог перебраться. Прямо орёл. Произвёл впечатление, особенно на Соню.

Дальше путь к перемышке по Ушбинскому плато. «Ушбинское плато» хоть и плато, но наклон есть, есть и трещины. Поднимаемся медленно, чувствуется высота.

«Железный» Винокуров встретил нас наверху у палатки, чисто выбритый и обветренный. Здесь он находился уже около недели, однако не видно было, что он устал. Переночевав рядом с наблюдателями, с утра спустились по леднику, стекающему с Ушбинского плато между северо-западными склонами Ушбы и Южными склонами Шхельды (название ледника — Ушбинский), и в условиях хорошей видимости начали восхождение.

На первую ночёвку остановились, не доходя немного до Грузинской полки. Грузинскую полку проходили не по самой полке, а по нижней кромке чуть ниже края, траверсируя по крутым разрушенным скалам. Первым идет Винокуров, как всегда, надёжно и уверенно. На второй верёвке встретился участок сложнее. Винокуров забил в скальную, чуть нависающую, кромку крюк, прощелкнул верёвку и собирался двигаться дальше. В это время всё «живьё» под нависанием обрушилось. Страховка сработала, Толя оказался висящим в воздухе на верёвке. Однако довольно большим камнем его всё-таки задело по бедру. В общем, обошлось, кость повреждена не была, видимо, только сильный ушиб. Первым Винокуров идти уже не мог, пришлось всё время идти мне (до Северной вершины, а на спуске с Северной первым шёл Винокуров, последним — Лёва Самсонов. Кроме того, Винокуров шел первым, когда мы поднимались по «крыше» Южной вершины).

...Работаем слаженно, группа сильная и схоженная, Лева идет хорошо, продвигаемся вперёд без остановок. Скалы, снег — как везде. И всё же не как везде — ведь это Ушба! Голова, конечно, занята решением насущных задач по продвижению вперёд, а внутри, почти в подсознании, торжественное и даже праздничное волнение: Ушба — столько читали, столько слышали рассказов! Легендарная Ушба! Здесь когда-то ходил Мышляев. Вот встретился старинный крюк с кольцом...

Долгий траверс влево-вверх с небольшим набором высоты закончился. Здесь поворот направо. Далее путь прямо вверх через средний скальный пояс под верхний бастион. В точке поворота хорошее место для ночёвки, день клонится к вечеру, и мы решаем ставить палатку, хотя и оставалось светлое время.

В описании маршрута (книга А.Ф. Наумова «Горы Сванетии», М., ФиС, 1985) это место называется «площадка конца Грузинской полки — верхней части Нижнего скального пояса».

Место для ночёвки, действительно, хорошее: есть площадка для палатки. Здесь не круто, так что ходим вокруг палатки не привязанные. Больше таких спокойных ночёвок не будет до самой Северной вершины.

Видно, как справа, по Центральному бастиону Среднего пояса идёт группа. Эти ребята совершают восхождение тоже на

первенство СССР, т.е. конкуренты нашей команды Монаенкова. Они поставили палатку и ведут обработку стены выше палатки. Правилами соревнований это не разрешается, и Винокуров их как бы застучал, но склочничать и поднимать шум не будет.

От этой площадки и до ночевки в нижней части верхнего бастиона мы шли три дня, с двумя ночевками. Маршрут на этом участке такой: сначала поднимаемся по снегу, потом идём долго по скалам Среднего пояса и Центрального ребра, а в конце снова по снегу подходим под верхний бастион.

Всего на этом восхождении у нас было восемь ночевок (не считая ночёвки на верхней части Ушбинского плато, где мы встретились с Винокуровым, и которая была ещё на подходе к маршруту). Вторая ночёвка — на площадке в конце Грузинской полки, третья и четвёртая — на скалах Среднего пояса, пятая и шестая — на верхнем бастионе, седьмая — после спуска с Южной вершины к перемычке, восьмая — на Северной вершине.

Сейчас, вспоминая это восхождение, заглянул в книгу Наумова. Так вот, первая, вторая, третья и четвёртая из наших ночёвок были в местах, указанных в описании маршрута, т.е. наш график соответствовал описанию.

На прохождение верхнего бастиона в описании отводится 3-4 дня. Мы прошли его за полтора дня, но можно было пройти и за день (если бы не моя ошибка, о чём ниже). Всего на маршрут от Ушбинского плато и до Южной вершины (спуск с плато под стену и подъём по стене) мы затратили семь дней, включая день отдыха (днёвку). Если исключить днёвку, то получится шесть ходовых дней. По моим тогдашним оценкам группа средней силы, как, например, наша, могла бы пройти до Южной вершины за пять дней. Быстрее — вряд ли. Если кто ходит быстрее, то это очень сильная группа.

Замечу, что у альпинистов оценивается только трудность подъёма до вершины. Спуск в оценку не входит. Обычно группы, идущие по стене на Южную Ушбу, спускаются с вершины дюльферами к Красному углу и потом в Сванетию. Мы же, как я уже говорил, дополнительно совершили траверс через Северную вершину.

Вернусь к маршруту. Третий день — путь ведёт прямо вверх. Преодолели снежный склон, начали подниматься по скальному контрфорсу. Прошли немного и решили остановиться, поставить палатку и дальше в этот день не идти, хотя время было ещё раннее. Винокурову надо было передохнуть, и остальные были тоже не против. Толя видимо, всё-таки устал, ведь он, в отличие от остальных, уже долго находился наверху, хотя виду не подавал, не жаловался и шёл хорошо. Да и место для палатки подвернулось.

Вид с запада.
Самая правая вершина – Южная Ушба. Нижнюю часть Ушбы заслоняет гребень Шхельды. Виден путь подъёма справа по стенам, траверс через Северную вершину и путь спуска по гребню, через плато и по ледопаду. Левая небольшая вершина – Малая Ушба, под ней – плато, ниже – ледопад.

Толя с Соней остались в палатке, а мы с Лёвой, чтобы день не совсем пропал, пошли навешивать верёвки дальше. Из этого мало что получилось. Когда полезли, то обнаружили, что лезть получается довольно быстро, и навешенные верёвки если и дадут на следующий день экономию во времени, то небольшую. Кроме того, маршрут пробивается камнями. Если верёвки будут висеть полдня и потом ночь, то есть вероятность, что их перебьёт. Мы повесили одну верёвку, а дальше решили не вешать и спустились к палатке. Винокуров за это время приготовил котлеты! Из сублимированного мяса.

Хочу сказать два слова о сложности маршрута на участке до верхнего бастиона.

В книге Наумова «Горы Сванетии» этот путь описан как исключительно сложный. Вот фрагменты описания.

«...По расщелине в нависающих скалах 8 м вверх (ито, лесенки) под большой угол. По правой стороне угла очень трудный подъём 60-80 м (ито, л) на полку...» «Далее 70 м вверх по очень трудному (ито, л) вертикальному углу, обходя нависающие скалы слева, на маленькую площадку. Сидячий бивак» «...по крутым заглаженным заледенелым скалам трудный подъём 40 м (ито, л) на верх Центрального бастиона...» и т.д.

По описанию на преодоление этого участка отводится три дня. Мы шли тоже три дня. При этом большую часть первого дня мы отдыхали. Маршрут там проходит почти всё время по скалам, вроде контрфорса, слева видны крутые снежные поля. И скалы,

конечно, крутые, но не такие страшные, как написано в описании. Лесенок вешать не надо, и искусственные точки опоры не использовались. Всё проходится лазанием. Сейчас не помню, но почти наверняка я там лез в галошах и с облегченным рюкзаком. По моей оценке этот участок — хорошая 5Б.

Примечание: Ито — искусственные точки опоры, Л — лесенки.

Итак, третий день восхождения — едим котлеты и отдыхаем. Четвёртый день — поднимаемся в хорошем темпе до небольшой площадки в нише. Ночевка. Здесь ночуют, наверное, все группы, потому что много следов. Среди прочего вся площадка была засыпана незагоревшимися спичками. Бедные ребята мучились — то ли коробок у них подмок, то ли спички взяли негодные, мы им посочувствовали.

Пятый день — идём в хорошем темпе, и уже заметно, что поднялись высоко. Вот мы и наверху этой скальной гряды. Впереди снежный склон, а за ним — вертикальный бастион верхнего скального пояса.

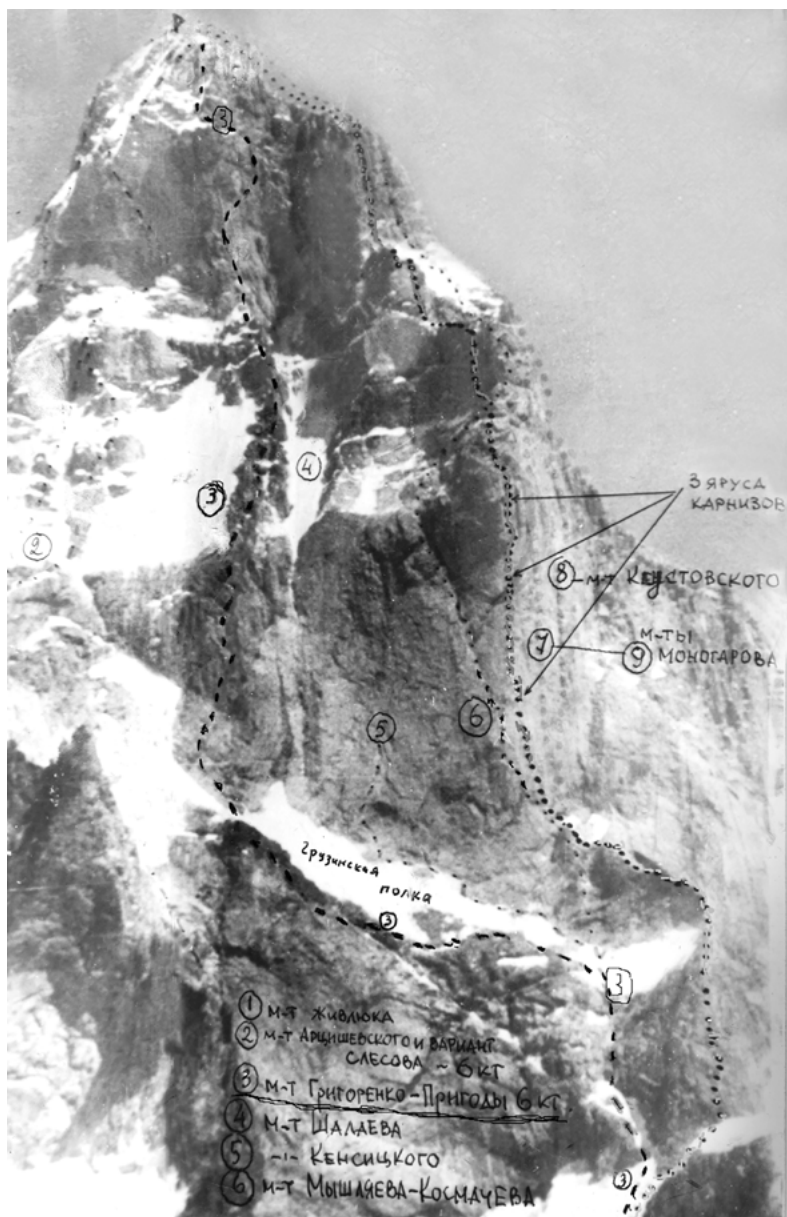
Сегодня у меня потери. На небольшом скальном плечике решил сориентироваться, как идти дальше. Снял рюкзак, достал планшетку с описанием, прочитал и положил описание на рюкзак на секунду. Описание тут же соскользнуло и полетело вниз. А через некоторое время обнаружил, что уронил светлые очки.

На восхождении я беру две пары очков: тёмные с диоптриями и светлые. Иду в тёмных, а светлые надеваю в сумерки. Кто-то посоветовал носить запасные очки в каске за подкашником. Однако оттуда они выскользнули. Но я не огорчился, рассудив, что Ушбе не жалко что-то отдать. Видимо, Гора потребовала жертв и сама забрала по мелочи. И то, что я не сожалел о потерянном, Гора оценила, не дав обрушиться карнизу на перемышке.

В этот день подошли к бастиону и начали подъём на бастион. Здесь настоящие шестёрочные скалы. Поднялись на неширокую полку, дело к вечеру, пора устраиваться на ночлег. На этой полке тоже обычно ночуют. Ночёвка сидячая: посреди полки выступ, справа от выступа можно сесть двоим и слева двоим, свесив ноги. Все предыдущие группы, наверное, так и делали.

Однако Винокуров хочет подвесить палатку. Для этого надо убрать выступ. И мы с ним вдвоём начали стучать молотками, расшатывая эту часть скалы. Стучали часа два, если не больше, пока выступ не начал шататься. В конце концов, расшатали и сбросили вниз. Этот осколок долго летел по воздуху, пока внизу не разбился об скалы, вызвав небольшой камнепад.

Подвесили на крючьях палатку, протянули внутри страховочную верёвку. Жизнь стала прекрасной: в палатке тепло, примус,

суп и чай. Хотя в группе и есть женщина, но проблем с туалетом нет. Кому надо, выползает наружу, остальные сидят внутри.

Сквозь палатку протянута верёвка. Спим так, что каждый прищёлкнул к этой верёвке с помощью небольшой петли и карабина. Неудобно, но по-другому нельзя.

Шестой день. Наутро началась самая сложная часть восхождения — подъём по бастиону. Там круто, камень с любого места падает, не задевая скал. Однако первопроходителям, команде Григоренко-Пригоды, удалось найти путь, не прямой, но такой,

что весь бастион можно пройти свободным лазаньем. С полки, на которой мы ночевали, надо пройти верёвку сложным траверсом направо до контрольного тура, а дальше — вверх. И вот ясным морозным утром выходим. Я первый, без рюкзака (легкий рюкзачок не в счёт) легко пролезаю траверс, забив по дороге несколько крючьев и несколько перепутав перильную и страховочную верёвки. Натянул и закрепил перила, жду. Пролез я там легко и понадеялся, что группа сможет пройти.

Надо сказать (для неальпинистов), что по горизонтальным перилам пройти с рюкзаком совсем не то, что по вертикальным. Очень тяжело, особенно последнему, когда перила снимаются. Фактически, надо пролезть, правда, с надёжной страховкой.

Винокуров подошел ко мне, с рюкзаком, с большим трудом, и по дороге частично распутал мою путаницу. Теперь пойдет третий, у меня появится запас верёвки, и я смогу двигаться дальше. Жду, но третий всё не идёт, и верёвка не выдаётся.

В общем, Соня и Лёва пройти сходу этот траверс не смогли. Не помню, как они справились, наверное, и Толя помог. А я вышел вверх метров на семь-восемь, и всё это время простоял в ожидании верёвки. Вот так, группа выпутывается из сложной ситуации, а руководитель ушёл вперёд и безучастно ждёт. Мне казалось, вот-вот, и я пойду дальше. Всего на этот траверс мы затратили около шести часов.

Дальше мы двигались по сложным скалам довольно быстро. Но тут возникли другие сложности. Погода была солнечной, тихой и тёплой. Снег, лежащий на «крыше» Ушбы, начал таять. По стенам потекло. Потеряли утреннее сухое время на прохождение злополучного траверса и попали под воду. Сначала закапало, потом струйки, а потом и ручьи.

Тяжело далась последняя верёвка перед полкой. Было уже часа три дня. Я ушёл вверх почти на сорок метров. Скала вертикальная, но лазанье не предельное, много зацепок. Полка, вот, уже видна, осталось пролезть метров пять-шесть. Чужих крючьев не видно, да там и не нужны крючья (тем, кто ходит на подобные маршруты). Я пытаюсь продвинуться вверх, а две мокрых верёвки отяжелели и не пускают. Держусь одной рукой за зацепку, второй приподнимаю верёвки, держу их зубами, заталкиваю в какую-то трещину на скале. Пытаюсь двинуться вверх, верёвки падают и опять тащат меня вниз. Внизу у станции трое ребят с рюкзаками сидят под водопадом. Охватывает отчаяние от бессилия, слёзы из глаз, начинаю прямо выть. Ещё и ещё раз тяну верёвки, и снова они падают вниз. Наконец, рванул грудью верёвки, вцепившись яростно в зацепки, с каким-то огромным усилием и с риском, но вылез.

...Большая ровная полка, шириной с диван или шире, на западе — солнце, как золото. Делаю станцию, перила, страховку.

Можно идти ребятам. Подходит Толя, и... без рюкзака. Сердце упало: значит, здесь и заночуем. Рюкзаки у них так намокли, что даже Винокуров не смог подняться с рюкзаком. Вытаскивали рюкзаки, потом поднялись Соня слевой. Поставили палатку, сушились и грелись на закатном солнышке.

На следующий день с утра, по морозу, прошли две сложных верёвки (остаток бастиона), вышли на «крышу», по «крыше» — на вершину, и к вечеру спустились с Южной вершины на перемышку.

Моя ошибка. Потом я всё обдумывал эту ситуацию, в чём ошибка, и как надо было действовать. На горизонтальных перилах, где мы потеряли столько времени, надо было закрепить верёвку на дальнем конце, но не пускать группу, а самому пролезть в обратном направлении, выбить промежуточные крючья, снова пролезть вперёд. Бросить от дальнего конца перил верёвку вниз, но так, чтобы группа спустилась к этому нижнему концу дюльфером и потом уже поднялась бы ко мне. А перила снять. Верёвок хватало, у нас было четыре верёвки по 45 метров. Т.е. группа спускается вниз, потом по почти вертикальным перилам вверх, как бы в виде такой буквы V. Мы всё это сделали бы часа за два, а, может, и быстрее, вместо шести. И не попали бы под водопады. Я поспешил, и получилось хуже.

Повторный рассказ про шестой день. «Над головами гладкая, немного нависающая стена, и конец её не виден. По этой стене прямо вверх уходит дорожка шлямбурных крючьев. Но по ним мы не пойдём. Первопроходцы маршрута (группа Григоренко-Пригоды) смогли найти путь, по которому можно пройти лазанием, не устраивая шлямбурных дорожек, и мы пойдём там же. От полки первая верёвка — тот самый знаменитый траверс, где у меня не хватило ума действовать более разумно. После траверса подъём с очень сложным лазаньем, пожалуй, ключевое место маршрута. Кстати, на этом участке встретилась банка с запиской, подвешенная на шлямбурном крюке — контрольный тур. Изредка встречаются старые крючья. Сознаюсь, я чистоплейством не занимался, а если встречался крюк, то вешал карабин и держался за него. Правда, и своих крючьев заколотил достаточно.

Из-за задержки на траверсе попали под водопады. Когда я вылез на полку, был, наверное, пятый час. Светлого времени до темноты хоть отбавляй. И «крыша» уже близко, верёвки две осталось. Однако пришлось заняться вытаскиванием рюкзаков. Мы с Винокуровым тащили тяжелые намокшие рюкзаки, один за другим, а снизу Лёва и Соня оттягивали за верёвку, чтобы меньше цеплялись за скалы. Конечно, этот тяжелый труд отнял у нас много времени.

Вытягивание рюкзаков — всегда тяжелая работа и большая потеря времени. Мы в команде на стенных восхождениях обходились без вытаскивания рюкзаков. Техника здесь такая. Участник восхождения с рюкзаком за спиной поднимается по перильной веревке, через вторую верёвку его сверху страхуют дополнительной верёвкой. Нижний конец этой страховочной верёвки прищёлкнут к грудной обвязке. Чуть выше вяжется ещё один узел, через который страховочная верёвка прищёлкнута к кольцу рюкзака. Тот, кто страхует, может натянуть страховочную верёвку, тем самым уменьшая вес рюкзака для идущего по перилам. Если кто-то всё же подниматься с рюкзаком за плечами не в силах, он может подвязать рюкзак с помощью короткого репшура к поясу от беседки и так тащить его за собой.

В нашем же случае рюкзаки так намокли и отяжелели, что пришлось всё-таки заняться вытаскиванием.

Совсем недавно Соня вспоминала, как несладко им тогда было: вода лилась за шиворот, в рукава, в ботинки, на рюкзаки...

А на полке под нависающими скалами было сухо и тепло. Вообще к концу нашего восхождения погода установилась просто сказочная. На этой полке мы провели остаток дня, блаженствуя. Ребята сушились. Хотя, конечно, всё время (в том числе и во время сна) все находились на самостраховках».

Седьмой день. Вышли рано. С утра холодно, морозец, даже руки зябнут. Оставшиеся две верёвки бастиона оказались тоже сложными. Но вот мы и на «крыше». Отсюда путь по скалам средней крутизны ведёт на вершину. Скалы как на четвёрке «Б». Но мы не переходим на движение в связках, а продолжаем «перилить», как и на стене. Впереди идёт Винокуров, за ним — Соня, я третьим. Лёва выбивает крючья. Винокуров идёт хорошо, но Соня почему-то недовольна и критикует его по ходу дела.

До этого Соня шла просто прекрасно. А здесь, когда мы уже прошли стену, наступила, видимо, психологическая разрядка. На каждой верёвке одно и то же. Винокуров выйдет первым, делает станцию, далее идёт Соня по перильной верёвке, держась за зажим (жюмар). Не доходя метров пяти до станции, начинает безостановочно говорить на ходу. Конечно, начинает задыхаться и останавливается. Но говорить не прекращает. А вся группа ждёт. Уж подошла бы, стала на самостраховку, потом и высказалась.

Мои увещания ни к чему не приводили. В конце концов, решил одёрнуть её резче. Соня замолчала, но обиделась на меня, даже немного поплакала. Честно и откровенно заявляю, что ни зла, ни раздражения против неё не было, просто хотелось как-то встряхнуть. Мы долго не разговаривали, больше года, потом помирились.

Соня, прочитав это место, сказала, что, мол, вы, мужики, (т.е. я и Винокуров) не поняли её тогда. Она была возбуждена и плакала от счастья. Стена позади, вершина близко. Готова была прыгать, ликовать, кувыркаться! А проявилось это возбуждение в том, что стала придираться к Винокурову.

В этот день мы вышли на вершину и начали спуск к перемышке. Скалы на Южной Ушбе в сторону перемышки крутые, почти вертикальные. Но много всяких выступов, полочек, ступенек и т.д., т.е. много всякого рельефа. Мы спускались, и я всё время старался оценить, как там подниматься. Лазанье не должно быть трудным, скорее интересным. Вроде стенок в Царицыно на башне.

К перемышке спустились, когда уже стемнело. Пришлось ставить палатку в непростом месте и снова спать в объёмах со страховкой.

...Итак, мы достигли перемышки, когда уже стемнело. Площадок здесь нет. Я даже вышел на перемышку и побродил в сумерках немного по снегу в поисках места для палатки, но понял, что круто, палатки не поставить. Тем временем Винокуров обследовал нижние скалы и нашёл подобие балкона, засыпанного снегом. Это на полверёвки выше перемышки, слева от пути, по которому все поднимаются с перемышки на Южную вершину. Решиться ставить там палатку мог только Винокуров. Однако делать нечего, мы поставили палатку и неплохо переночевали (вчетвером). Утром сняли палатку и обнаружили посередине площадки дыру, сквозь которую видна Сванетия.

Восьмой день. Преодоление перемышки. Перемышка представляет собой ожерелье снежных карнизов, нависающих в разные стороны, то вправо, то влево. Посередине — скально-ледовый островок, в него можно забить крючья, и до него верёвки хватает (на самом деле на перемышке два островка, второй ближе к Северной вершине, но там уже идти проще). Когда я пошёл, то понял, что пройти карнизы по примерной линии отрыва не получится. Погода была ясной и тёплой, снежный склон напитан влагой и при первом же шаге начал плыть. Пришлось лезть по самому гребешку карниза, а это вынос над пропастью на 3-5 метров. Карнизы там огромные. Меня страховали на двойной верёвке через два крюка. Но всё равно страшно. Лез, готовый к тому, что вот-вот карниз подо мной рухнет. Только и думал, какая огромная масса снега подо мной, и как надо успеть отпрыгнуть в случае чего. Потому что, если обвал зацепит, то и верёвки все порвёт, и никакие крючья не выдержат. Однако Бог миловал, карнизы не рухнули. Потом я делал перила для группы, и ребята уже проходили как раз по линии отрыва, держась за верёвку.

Прошли перемычку, вышли на склон Северной вершины. Тут, на скалах, совсем рядом с перемычкой и площадки для палаток обнаружили. Подъём на Северную вершину с перемычки совсем простой, примерно 2А. На северной вершине были в четвёртом часу. Светлого времени ещё много, погода ясная, начинаю спуск. Впереди — уходящий вниз длинный снежный гребень. Докуда мы дойдем, и где будем ночевать, я как-то не подумал. Прошел одну верёвку по гребню. Снег сырой и розоватый к вечеру, настолько напитан влагой, что в нём прямо тонешь, пришлось пробить целую траншею. Тут я призадумался. Если одну верёвку пришлось так долго идти, то сколько же сегодня успеем пройти? Совсем мало, вымокнем, места для ночевки не найдем. Подумал и вернулся. Прямо на вершине поставили палатку, там отличная площадка. Здесь места много, ходим непривязанные. Готовим на улице, а в палатке будем спать не теснясь.

Погода была удивительной, неповторимой. Вечереет, но сумерки ещё далеко. Мы сидели на теплых скалах и любовались, как угасал день. Тихо, тепло и покойно, словно в августовский вечер в средней России. Под ногами в голубоватой дымке Сванетия. Горы вдали, до самого горизонта. Горные хребты и вершины вблизи... Чтобы это увидеть, стоило жить.

Девятый день. Спуск на Подушку Ушбы, потом — на Немецкие ночёвки, потом — на «Улыбку».

Утром следующего дня был мороз, снег затвердел, по гребню мы спустились легко. Приключения начались ниже. Спустившись по длинному северному гребню, спускаемся по знаменитому ледовому склону. Первым идёт Винокуров, крутит промежуточные ледобуры и делает станции. Последним Лёва спускается лезвием на передних зубьях. Я ему говорю:

— Лёва, спускайся правее хоть на метр, не иди над людьми! — Но Лёву прямо тянет к людям, на те следы, где другие спускались. Я ему снова, а он: — Ага, ага, — и опять его кошки над головами.

Последняя крутая верёвка, внизу уже можно уйти в сторону, где более полого. Толя сделал станцию на двух заблокированных ледобурах, там стоим мы с Соней, привязанные к крюкам самостраховочными петлями. Сам Толя прошёл траверсом в направлении «скал Настенко», завернул ледобур и тоже ждет, пока Лёва спустится. Лёве осталось до нас меньше пятнадцати метров. Вот он вывернул последний промежуточный ледобур. Смотрю на него, он делает шаг, другой, на одной ноге кошка начинает сползать. Лёва скребёт этой ногой по льду, и кошка со звоном летит вниз. Секундой позже летит со свистом сам Лёва, сшибает меня и Соню и проносится вниз (кстати о самозадержании на льду). Мы повисаем на самостраховках, однако вцепились в верёвку мертвой хваткой, и Лёву останавливаем.

*Перед выходом.
В тельняшке –
Калагин, лежит
с рюкзаком –
Самсонов*

Дальше Лёва так и спускался на одной кошке, благо, ниже трудных мест уже не было. Только на Ушбинском ледопаде у него возникла небольшая проблема. А у меня полгода рука побаливала. Повредило верёвкой, когда Лёва нас сшиб.

Этот срыв Лёвы, как показало дальнейшее, не был случайностью. Позже Лёва ездил в горы с другими коллективами, там тоже были срывы, на последнем срыве Лёва погиб.

Прошли «подушку Ушбы», спускаемся по Ушбинскому ледопаду. Уже конец лета, и большая часть мостов рухнула, трещины расширились. В верхней части ледопада путь преградила бездонная трещина от края до края. Та самая, которую преодолевали неделю тому назад, только она стала ещё шире, и там, где перелезали, уже не пройти. Надо искать другой проход.

Здесь, где мы находимся, ещё высоко, под ногами фирн, а не лёд, и трещина в фирне. В одном месте два края трещины совсем недавно соединяла перемычка. Теперь перемычка рухнула, но кусок её с нашей стороны висит наподобие выроста. Этот вырост доходит до середины трещины, образуя половину снежного моста. Сняв рюкзак, со страховкой иду по выросту к самому его краю, ожидая ежесекундно, что подо мной рухнет. Стоя на краю, сжимаю головку ледоруба двумя руками, направляя древко вперёд, и падаю с вытянутыми руками в сторону нижнего края трещины. Ледоруб достал дальней стены и вонзился в фирн, а тело моё растянулось над трещиной. Дальше — уже проще. Повисаю на ледорубе, перебрасываю ноги на стену трещины, ну, и вылез

на кошках. Потом над трещиной сделали мост из верёвки, переправили рюкзаки, перебралась вся группа.

В Москве, при составлении отчёта о восхождении, надо было подсчитать количество использованных крючьев. При подъёме по стене было забито свыше четырехсот скальных крючьев. При прохождении перемычки и при спуске с Северной вершины много раз использовались ледобуры.

Скалы сложные, но всё проходится лазанием. Не помню, чтобы я за всё восхождение где-нибудь вешал лесенки. Лезть было легко, т.к. за спиной я чувствовал грамотную и сильную группу единомышленников. У меня была одна забота — как лучше выбрать маршрут и пролезть, а то, что ребята всё остальное сделают правильно, я не сомневался. Поэтому восхождение было спокойным и доставило огромное удовлетворение.

Выше всех похвал шёл Винокуров. Прекрасно прошла маршрут Соня. У Лёвы это было первое восхождение такой сложности, но он хорошо вписался в группу и погоды не испортил.

Отмечу ещё такую деталь. При подъёме по стене первый идет, скажем так, почти без рюкзака. Несёт на себе крючья, карабины и т.п. и совсем легкий рюкзак. Все грузы приходится нести троим. Кроме того, первый лезет в галошах, а его ботинки и кошки добавляются в общий груз. У Сони рюкзак был тяжёлый, а у ребят просто тяжеленные. И только после того, как прошли бастион и вышли на «крышу», мы перераспределили грузы и все четверо пошли с рюкзаками.

Справка

Восхождение на Южную Ушбу.

Состав группы: Борисов Б.И., Винокуров А.Ф., Винокурова С.И., Самсонов Л.А.

С 22 июля по 30 июля 1981г.

Маршрут по ЮЗ ребру (Григоренко-Пригоды). 6 к.т.

Добавления Винокурова, январь 2012

Про восхождение на Ушбу

(Винокуров ждал нас на плато)

...Я сидел на плато, собирался на Ушбу. Сижу, шью бахилы. И вот поднимаются снизу, я потом выяснил, австрийцы. С иглолочки одеты, свитера красивые, штаны голубые или ещё какие-то там. Поднимаются, приближаются к нам, а я сижу и из какой-то там парусины, которая там валялась, может, несколько лет, шью бахилы. И кто-то говорит: «Вот это он собирается на Ушбу. Шьёт себе бахилы. На Чатын ходил». На мне свитер неопределённого цвета, рубашка рваная.

(На Южной вершине)

...Там я запомнил бляшки на вершине. На Южной Ушбе. Молнии ударяют, и плавятся камни. Прямо как стекло бляшки. Молния ударяет, камень расплавляется, потом застывает. Много таких бляшек. Южная вершина небольшая, гребешок. И на этом гребешочке бляшки. Стекловидный камень. Больше нигде не видел, только там.

(Про ночевку перед перемычкой. Как Толя нашёл площадку, когда мы спустились с Южной вершины на перемычку)

Б. Я знал, что в районе перемычки ночуют. Но они же с другой стороны ночуют, у Северной вершины.

В. Я даже удивлён, как мы туда попали. Искал, искал. Я кому-то говорю, посмотри, вроде там что-то есть. Кто-то говорит: там что-то есть. Ты пошел вниз, а я полез вверх — верёвка запуталась. Когда уже в темноте я прилез, она так вот, камень, и — раз! конец как-то зашёл и прижимается к камню. И всё, ничего не сделаешь. Я обратно лез — просто так спускался, без страховки, без всего. Когда я ходил, там эту ночевку уже готовили. Оборудовали. И ты поднялся. Я уже спустился, на ощупь шел, темно. Но, помню, то ли звёзды светили, то ли ещё чего-то. Чуть-чуть видно было. Звёздное небо было, да, и откуда-то свет проступал. Хотя, говорят, от звёзд ничего не светит. Не знаю...

Небо звёздное, и всё равно как-то видно. То восхождение было... Помнишь, я говорил, надо подняться по хорошему маршруту и пройти ТРАВЕРС. Никто не гарантирует, что мы сюда ещё придём. Так получилось. Поэтому лучше задержимся, но пройдем и Южную и Северную Ушбу. Так и получилось.

(Делимся впечатлениями о перемычке)

Б. Впечатлений от перемычки очень много... Честно говоря, не ожидал такое встретить. Совсем рядом Северная. Господи, идти то...

В. Ну, пробежать буквально.

Б. Целый день ковырялись.

В. Целый день, потому что... Вот это и есть самостраховка. Всё остальное... Надо гарантировать, что ты не должен сорваться. Всё надо делать.

Б. Я, помню, собирался всё время прыгать, если рухнет...

В. Не. Прыжки в горах нельзя делать.

Б. Хорошая была страховка. А там с этой кучей льда и снега падать... Всё порвёт.

В. Надо идти на гребень. Верхом садиться.

Б. Толя, там же карниз был огромный. Карнизы так и так. В разные стороны.

В. В 81-м была тёплая погода. Мы прошли траверс. Мы целый день барахтались в снегу, тепло было и приходилось перестраховываться. Барахтались, и когда подошли к Северной, там оказалось просто. Дорога такая, ну, двойка. Мы раз, раз, на вершину, потом немножко подпустились назад и заночевали.

Б. Я сгоряча, я же руководителем был, попёрся первый. Мы вышли на Северную вершину. Времени было что-то часа четыре. До фига времени. Я дёрнулся, пробил траншею на верёвку. Тут осенило. Сейчас я уже глупости делаю, а тогда что-то стукнуло не сделать. Думаю, ну как же спускаться, если одну верёвку еле-еле пробил. Решил ночевать. Вернулся. Эти колебания и не дошли до вас. На следующий день всё замёрзло и легко прошли.

(О Самсонове)

В. На всю жизнь запомнил, как этот сорвался. Лев Самсонов. Нельзя срывать на таком льду.

Б. Кошка свалилась.

В. Да причём тут кошка... Ты должен думать. Кошка у тебя не в порядке, значит надо остановиться, завинтить крюк, привести всё в порядок. Потом только двигаться. Причём тут кошка? Кошка — это уже следствие неправильных действий. Он и погиб по этой же причине.

Он там, на пике Коммунизма, в трещину провалился. Благодаря Вите из Черноголовки тогда уцелел. Витя шёл последним. Услышал, кто-то стонет. Больше никого не было. Он заглянул, а там Самсонов. Недалеко это, морена рядом. Витя прибежал, туда побежали, вытащили. Он к этому готовился. И потом уже, на Кавказе, погиб.

Не принял мер никаких. Чувствуешь уже, что кошка разболталась — надо застраховаться, повесить себя, разобраться с кошкой. А он решил, так, может она... Вбить клюв ледоруба, стоя на одной ноге, быстренько вкрутить ледобур. У него этих ледобуров было навалом. Он скрёб ногой этой без кошки, и естественно, срыв. У него была эта склонность. Ничего не поделаешь.

Это то, что мы видели. А сколько таких случаев было на тех восхождениях, где мы не участвовали? Учи человека, не учи... Всё-таки он сам учится. Надо остановиться, надо всё это сделать.

Заключение

В сборе 1981 года принимали участие альпинисты Московской области из спортивных обществ «Труд» и «Зенит». Начальник сбора А.Ф.Винокуров.

Совершено 21 восхождение, из них 5 восхождений — тренировочные, остальные — спортивные. Из спортивных совершено 12 восхождений 6-й категории трудности и 5Б категории трудности. Первые выходы начались с 01 июля, последняя группа вернулась в лагерь 05 августа 1981 года.

Состав группы на первенство СССР:

Монаенков Е.И. — руководитель, Ефимов В.Б., Бойко В.В., Калагин Ю.Г.

Карзанов А.В., Опойцев Н.А., Прокопенко В.М., Щеголев Ю.К.

Тренер — Винокуров А.Ф.

С 15 июля по 25 июля 1981 года.

Маршрут (см. Классификатор маршрутов на горные вершины, М. 2008)

№ п.п.	Вершина	Высота в м	Категория сложности	Характер маршрута	Маршрут	Руководитель, год прохождения
200	Ушба (С)	4694	6А	комбинированный.	СВ стене через «столб»	Е.Монаенков, 1981

№ в/п	Время выезда	Кто вышел	Характерные места	Моршрут	К. / Пр
14	15 ³⁰	И.О. Рыболов и Завостников	Умба Сед	по СВ ст.	н.б
		Монаев Е.И.			
		Срещев В.Б.			
		Бойко В.В.			
		Калагин Ю.Г.			
15	15 ³⁰	Карамов А.В.	п. Умба	по 3 стеме	55
		Опайцев Н.А.			
		Прокленко В.М.			
		Цегелев Ю.К.			
		Борисев Б.И.			
16	16 ⁰⁰	Самсонов Л.А.	п. Умба	по центру	55
		Найдяцкий:			
		Смирнова Е.В.			
		Легев М.В.			
		Темуров М.М.			
17	16 ⁰⁰	Лавин Д.А.	п. Умба	по 3 стеме	55
		Кукушкин А.Ф.			
		Васильев С.Н.			
		Найдяцкий:			
		Винокуров А.Ф.			
18	16 ⁰⁰	Байко В.В.	п. Умба	по 3 стеме	55
		Шатилов В.Н.			
		Ермаков Р.Х.			
		Лавин В.А.			
		Колобав Г.П.			
19	16 ⁰⁰	Темуров М.М.	Умба (С)	по С. ст.	40
		Зингров А.П.			
		Хедмогатин.			
		Смирнов Е.В.			
		Ветчинин А.А.			
20	16 ⁰⁰	Винокуров А.Ф.	Умба (С)	по С. ст.	40
		Байко В.В.			
		Шатилов В.Н.			
		Ермаков Р.Х.			
		Лавин В.А.			

№ в/п	Время выезда	Кто вышел	Районы	Срок выезда	Время выезда	Возврат в штаб
21	18 ⁰⁰	Мурзин	Умба	28.07.1981	18.07.1981	Восхождение в долину с. в. Умба
		Мурзин				
		Мурзин				
		Мурзин				
		Мурзин				
22	18 ⁰⁰	Мурзин	Умба	28.07.1981	18.07.1981	Восхождение в долину с. в. Умба
		Мурзин				
		Мурзин				
		Мурзин				
		Мурзин				
23	18 ⁰⁰	Мурзин	Умба	28.07.1981	18.07.1981	Восхождение в долину с. в. Умба
		Мурзин				
		Мурзин				
		Мурзин				
		Мурзин				
24	18 ⁰⁰	Мурзин	Умба	28.07.1981	18.07.1981	Восхождение в долину с. в. Умба
		Мурзин				
		Мурзин				
		Мурзин				
		Мурзин				
25	18 ⁰⁰	Мурзин	Умба	28.07.1981	18.07.1981	Восхождение в долину с. в. Умба
		Мурзин				
		Мурзин				
		Мурзин				
		Мурзин				

(81-2)

1981 г. 09.

Дата выезда	Кто выехал	Место выезда	Материал	Кто выехал	Срок выезда	Дата и время возвращения	Результат выезда
19	22.07	Борисов Б.И. Виноградов А.Ф. Виноградова С.И. Самсонов А.А.	Учхоз Ю. Григорис- Григориди.	Мурзин	31.07 14:00	30.08 21:00	Восстановлена связь с Ю. по линии связи. Работа по плану № 19
20	23.07	Колобав С.Д. Лавин В.А. Васильев С.Н. Кукушкин А.Ф.	Мехельд 33 С от (Емеев)	Мурзин	27.07 14:00	27.07 14:00	Работа по плану № 18
21	14:00	23.07	Шурово по плану 0:00, с. Ю.Ю.	Мурзин	3.08 14:00	12:00	Восстановлена связь с Ю. по линии связи. Работа по плану № 20
22	12:00	28.07	Борисов Б.И. Борисов Б.И.	Мурзин	3.08 14:00	5.08 21:15:00	Восстановлена связь с Ю. по линии связи. Работа по плану № 20
23	12:00	23.07	Борисов Б.И. Борисов Б.И.	Мурзин	3.08 14:00	5.08 21:15:00	Восстановлена связь с Ю. по линии связи. Работа по плану № 22
24	16:00	31.07	Толубов А.М. Кавалеров Г. Свиридов Н.А. Прокоренко Д.М. Смирнов А.П.	Васильев С.Д. С. Дем	5.08 21:15:00	5.08 21:15:00	Восстановлена связь с Ю. по линии связи. Работа по плану № 21

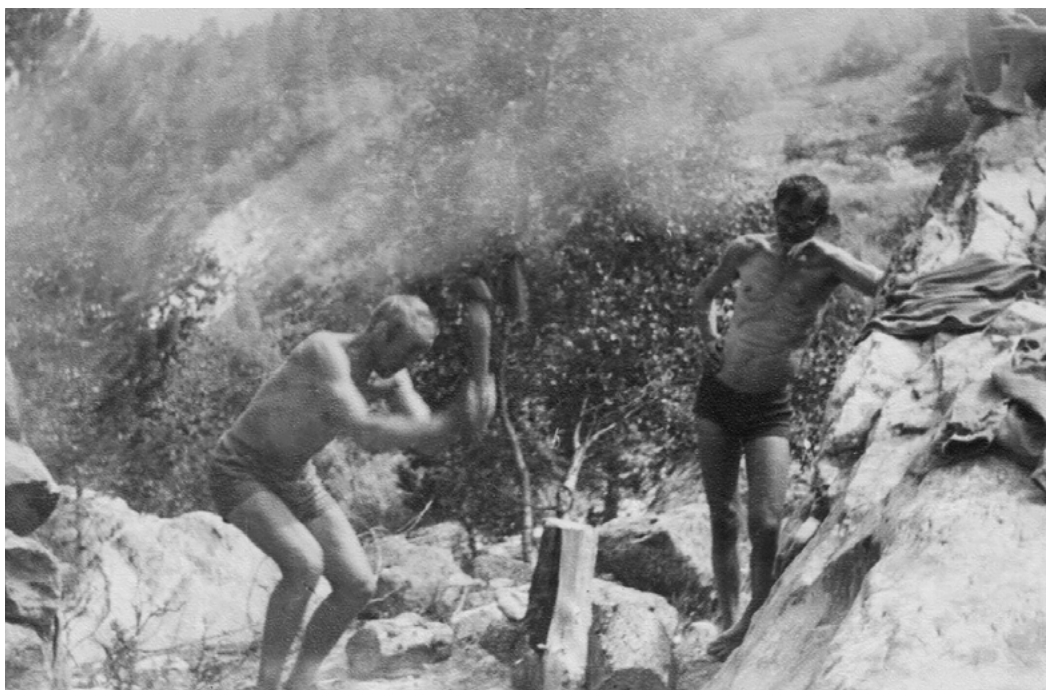
(81-2)

Дата выезда	Кто выехал	Место выезда	Материал	Кто выехал	Срок выезда	Дата и время возвращения	Результат выезда
19	22.07	Борисов Б.И. Виноградов А.Ф. Виноградова С.И. Самсонов А.А.	Учхоз Ю. Григорис- Григориди.	Мурзин	31.07 14:00	30.08 21:00	Восстановлена связь с Ю. по линии связи. Работа по плану № 19
20	23.07	Колобав С.Д. Лавин В.А. Васильев С.Н. Кукушкин А.Ф.	Мехельд 33 С от (Емеев)	Мурзин	27.07 14:00	27.07 14:00	Работа по плану № 18
21	14:00	23.07	Шурово по плану 0:00, с. Ю.Ю.	Мурзин	3.08 14:00	12:00	Восстановлена связь с Ю. по линии связи. Работа по плану № 20
22	12:00	28.07	Борисов Б.И. Борисов Б.И.	Мурзин	3.08 14:00	5.08 21:15:00	Восстановлена связь с Ю. по линии связи. Работа по плану № 20
23	12:00	23.07	Борисов Б.И. Борисов Б.И.	Мурзин	3.08 14:00	5.08 21:15:00	Восстановлена связь с Ю. по линии связи. Работа по плану № 22
24	16:00	31.07	Толубов А.М. Кавалеров Г. Свиридов Н.А. Прокоренко Д.М. Смирнов А.П.	Васильев С.Д. С. Дем	5.08 21:15:00	5.08 21:15:00	Восстановлена связь с Ю. по линии связи. Работа по плану № 21

Страницы из книги выходов сбора 1981 года.
Записи выходов с №14 по №24

На «Улыбке Шхельды». Я с ботинком у палатки

*После восхождения готовим баню. Отощали.
Слева Монаенков, справа Борисов*

Саша Карзанов

*А эта фотография относится к предыдущим рассказам про Фанские горы. Называется «Обед в Фанах под парашютом». Стол из камней, сверху парашют для тени.
(Из архива С.Винокуровой)*

1982 год. Вторая поездка в Адылсу

Планы на этот сезон обширные. Поедем снова на Кавказ: в Адылсу и в Безенги.

План сбора был увязан с первенством СССР по альпинизму. От альпинистов общества «Труд» Московской области принята заявка на участие в ледовом классе. В ледовом классе в 1982 году первенство должно было проходить в два этапа. Первый этап, очный, пройдёт в ущелье Адылсу в виде соревнования на леднике Кашка-таш, после чего каждая из команд совершит восхождение, то, которое она заявила, по ледовому маршруту. Наша команда собирается делать восхождение на Шхару.

Первую половину сбора проведём в Адылсу, как и в прошлом году, а затем планируется переезд в Безенги.

Снова расположились на «Улыбке Шхельды», справа от тропы. Живём в палатках-серебрянках, собрали палатку-баню на берегу потока. Участников сбора в этом году немного. У Винокурова сохранилась книга выходов, из которой видно, что восхождения в Адылсу совершали 13 человек, а в Безенги восхождений не было, т.к. мы туда не переехали, но об этом позже.

После занятий совершили тренировочное восхождение на пик Кавказ (2Б) 9-го и 11-го июля. Затем двумя группами вышли на Чатын, на шестёрки. Первая группа — пять человек под руководством Калагина вышла 13-го июля, вторая группа — четверо под руководством Карзанова вышла на следующий день. Группа Калагина собиралась пройти маршрут Граковича, а группа Карзанова — маршрут Черносливина.

Винокуров рассчитал, видимо, разумно: ребята пройдут сложный маршрут, войдут в форму и почувствуют уверенность. После возвращения из этих девятерых человек отберётся команда, кажется, шестеро, которые будут тренироваться на льду перед очными соревнованиями по ледолазанию. Времени до начала соревнований было ещё много, можно успеть и на Чатын сходить, и по льду полазать.

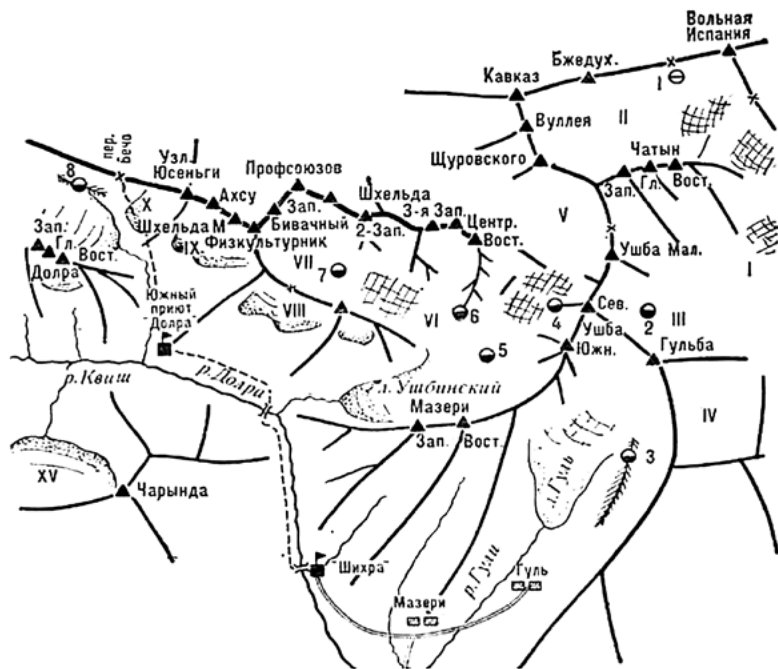
Однако по распоряжению КСП обе группы были возвращены в лагерь. Сейчас плохо помню, но, видимо, наша группа (Калагин) успела только перейти Ложный Чатын и на Чалаат даже не спустилась, а группа с Винокуровым (Карзанов) повернула назад ещё раньше.

Следующие дни Винокуров всё пропадал в КСП. В связи с первенством в ущелье было много команд, альпинистское начальство, велись переговоры и согласования, но мы в этом не участвовали, всё легло на Винокурова.

Толя всё-таки от своей идеи с Чатыном не отказался, и мы в тех же составах, теми же двумя группами и на те же маршруты вышли во второй раз. На этот раз вышли одновременно 23 июля, т.е. через десять дней, прошли Чатын и вместе вернулись 28 июля 1982 г.

Восхождение на Чатын

Немного о маршруте. На картосхеме в верхней части справа видно, что верхнее плато Чалаатского ледника (обозначено II) почти полностью окружено кольцом гор. С юга — массив Чатына, с запада пик Щуровского и пик Вуллея, с севера — пики Кавказ, Бжедух, пик «Вольная Испания».

из книги А. Наумова

Впервые стена Чатына была пройдена в 1952 году командой альпиниады МГУ под руководством Бориса Арнольдовича Гарфа (5Б). Они прошли по правому ребру треугольника Северной стены. И, видимо, Гарф обратил внимание альпинистов на «Ромб» как на проблему для советского альпинизма.

Попытку пройти Ромб предприняла команда «Спартака» во главе с В.М.Абалаковым в 1957 году. В команду были собраны лучшие скалолазы «Спартака», включая Мишу Хргиани. Им удалось пройти выше полки, которая с тех пор называется «Абалаковской». Шли они по пути, пройденным два года спустя командой Снесарева, и который называется «Маршрут Снесарева».

Впервые «ромб» был пройден в 1959 году двумя группами: группой Льва Мышляева и упомянутой выше группой Андрея Снесарева.

Стена «ромба» довольно короткая. Всего 12 верёвок, но верёвок трудных. Первые группы проходили «ромб» подолгу. Вот данные из книги Александра Наумова «Горы Сванетии», страницы 155-156: группа Граковича (1972) — 13 дней; группа

Мышляева (1959) — 11 дней и по тому же маршруту группа Граковича (1970) — 10 дней; группа Черносливина (1965) — 9 дней. Группа Снесарева (1959) проходила маршрут больше месяца, и по тому же маршруту группа П.Буданова (1965) — 9 дней. (Что всё-таки включал Наумов в эти дни? Включалось ли время на обработку и на спуск?)

Мы прошли стену Ромба за три дня. Плюс день обработки, плюс день на подъём по крыше и спуск по ЗА на Ушбинское плато. Всего восхождение заняло пять дней.

В прошлом (1981) году группа нашего сбора под руководством Винокурова прошла Ромб по маршруту Снесарева. Была непогода, и ребятам там здорово досталось. Вернувшись, Толя рассказывал, что на скале написаны фамилии участников восхождения Абалакова, докуда те дошли. «Виталию Михайловичу немного духу нехватило. Им осталось пройти две верёвки...»

Когда я первый раз заглянул на те места через западный гребень, то увидел фантастическую картину. Кругом черные стены, между ними белое дно, сверху нависающим потолком клубятся облака, так что самих вершин не видно, только стены. Клубятся, как над гигантским котлом... Похоже на преисподнюю.

А вот первое впечатление альпиниста из МГУ Константина Туманова (участника восхождения 1952 года в составе группы Б.А.Гарфа), увидевшего впервые стену с перевала «Ложный Чатын».

«Величественная, угольно-черная, прорезанная сверху донизу широким снежным кулуаром, она (стена) казалась совершенно отвесной. Совершенно горизонтальная, покрытая фирном поверхность цирка была удивительно похожа на озеро. Только у самого подножия стен Чатын-тау, пика Щуровского и их гребней, с трёх сторон окружающих цирк, фирн резко вздымался крутыми взлётами и лавинными конусами. Чёрные отвесы стен, как бы сжимавших цирк, не освещались солнцем даже в ясные дни, и это делало их особенно мрачными и угрюмыми.

Стоило, однако, обернуться на северо-восток, и мрачное впечатление сразу исчезало: с этой стороны цирк был открыт, спускаясь большим ледопадом к основному течению северной ветви ледника Чалаат. Слева виднелись вершины Бжедуж, пик Вольной Испании, знакомые по очертаниям, но непривычно чёрные, напоминающие отсюда декорации при взгляде из-за кулис. Справа, за причудливыми башнями невысокого бокового хребта Далла-кора, расположенного на переднем плане, высились Уллу-кара и массив Башкара-Гадыл... Далее поднимались Гумачи и Чегет-тау-чана; панораму замыкал массив Уллу-тау-чаны, видимый отсюда почти в профиль». /Побеждённые вершины, год 1953, стр. 202/

Северная стена Чатына

Внизу фотографии верхнее плато ледника Чалаат. Справа от большого снежного кулуара, в центре фотографии чёрная отвесная стена, – так называемый «ромб». По ромбу проложено пять маршрутов, все шестой категории трудности. Посреди ромба справа налево видна цепочка снежных пятен – это «Абалаковская полка». Выше верхней кромки ромба начинается склон из снега и заснеженных скал – «крыша» Чатына. По скалам слева от большого кулуара проходит маршрут Б.А.Гарфа, пройденный командой МГУ в 1952 году.

...Палатки двух групп нашего сбора стоят на верхнем плато ледника Чалаат, под самой стеной Чатына. Стена выглядит чёрной, мрачной и немного страшноватой. Выше «ромба» так называемая «крыша» — довольно крутой склон, ведущий к вершине. На крыше много льда и снега, всё это подтаивает и течёт по стене. «Ромб» практически вертикальный и смотрит на север. Солнце заглядывает на него редко, только к вечеру, когда уйдёт на северо-запад и ещё не опустится за гребень, который идёт от Чатына через пик Щуровского до пика Вулlea. И если к тому же ясная погода.

В нашей группе руководитель Юра Калагин. Основной забойщик — Витя Мерлис. Я, наверное, запасной. Еще в нашей группе пойдут Коля Опойцев и Лёва Самсонов.

В другой группе идут Винокуров, Саша Карзанов, Миша Темиров, и Миша Пархута. Руководитель — Карзанов. Те ребята нацелились пройти по пути Черносливина. А мы собрались на маршрут Граковича, самый правый на «ромбе».

Лично мне по большому счёту всё равно, какой маршрут идти. Лишь бы «Пройти Чатын!» Маршруты мало отличаются по трудности — все шестёрки. Но в разговорах как-то считалось, что левый, Снесаревский маршрут и самый правый — Граковича — чуть попроще, а Мышляева и Черносливина — посложнее. При этом маршрут Черносливина котировался почему-то повыше. Еще считалось, что маршрут Снесарева — самый мокрый, а маршрут Граковича — самый сухой, но там больше падающих камней. (Мокрый — это значит, что тебя будут поливать водопады и брызги от тающих сверху снегов. Наверное, и по маршруту Граковича льёт, только поменьше. Не знаю, проверить это, как скоро узнаете, не удалось).

Обычно в первый день проводится обработка нижней части маршрута одной связкой, а с утра второго дня начнётся собственно восхождение всей группой (когда-то было принято говорить: «идти на штурм»). У нас на обработку завтра пойдёт Витя Мерлис с Колей Опойцевым. Налегке. Возьмут верёвки, снаряжение и немного перекуса по карманам. И всё. Группа Карзанова решила начать восхождение сразу всей группой без дня обработки.

Сегодня погода хорошая, тихо и ясно. Солнце опустилось за гребень пика Щуровского, фирн на плато стал фиолетовым, потом синим. Мрачный Чатын совсем почернел. Плато окружено со всех сторон крутыми горами, будто гигантскими стенами, а мы на дне, крошечными точками у южной стороны этого дна. За нашей спиной плато, чуть понижаясь, вдали поворачивает на восток, а потом, через скальные ворота уходит на юг, в Сванетию. Но этот поворот от наших палаток уже не виден, т.к. закрыт восточным ребром Чатына.

Вечереет. Саша Карзанов затеял долгий спор с Мишей Темировым о судьбах страны, и что хорошо у нас и что плохо (напомню, что это лето 82-го, жив ещё Брежнев, которого не станет текущей осенью). Темиров недавно в нашей команде. Он из МВТУ, работает начальником цеха на заводе в Балашихе. А Саша с мехмата МГУ, научный работник. В этом споре «теории» с «практикой» практик (т.е. Темиров) более убедителен, и народ присуждает ему победу.

На следующий день двойка Мерлиса ушла на обработку. Мы смотрим на стену, собираемся не спеша, варим. Группа Карзанова от Снесеревской полки пошла прямо вверх. Последний Миша Пархута, он ещё на полке, сидит и страхует. Миша подготовился хорошо: на руках суконные рукавицы из солдатской шинели. На голове капюшон из полиэтиленовой плёнки для защиты от водяного душа, плёнкой закрыт рюкзак и весь Миша. А там на них уже начало брызгать.

Полагается с обработки возвращаться не очень поздно, к обеду. Ждем ребят. На этот раз наша двойка вернулась довольно поздно, день клонился к вечеру. Вернулись уставшие, но довольные. «Хорошо мы сегодня поработали, по-мужски» — сказал Витя, снимая снаряжение. Штормовка у Мерлиса вся промокла и топорщилась.

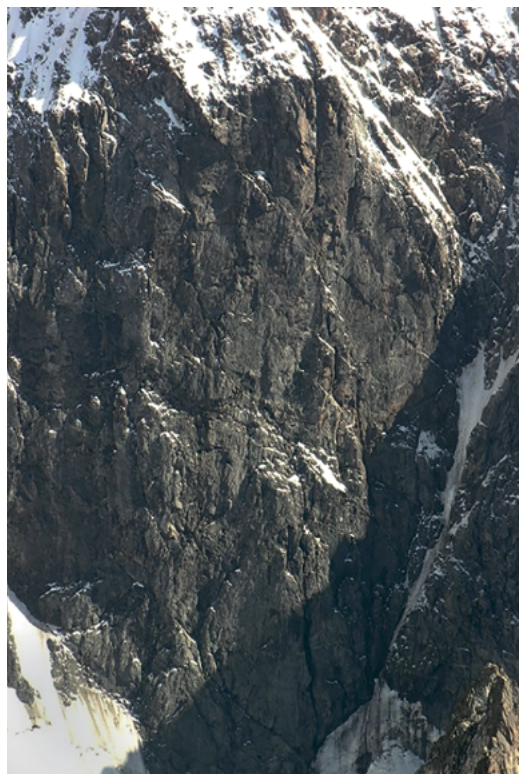
Мерлис вообще этим отличался: имел вещи, которые выпускала советская промышленность для альпинистов в стародавние времена. Штормовка у него была старинная, зелёная, из брезента. На восхождения ходил с тяжёлым и несовременным «абалаковским» рюкзаком, который иронически называли «зелёным другом». В то время как остальные сшили себе и лёгкие ветровки, и довольно лёгкие самодельные рюкзаки. Однако обувь у него была как у всех: ботинки — двойной «вибрам» (первым Витя лез в галошах).

Витя не сказал, где он повесил верёвки: на маршруте Граковича, или ещё где. Впрочем, никто его и не допрашивал, т.к. были уверены, что повесил там, где надо. Но на следующий день выяснилось, что мы идём не «по Граковичу», а «по Мышляеву». Я даже обрадовался, потому что именно Мышляевский маршрут меня интересовал больше. Я, конечно, хотел пройти любой из маршрутов, но в первую очередь Мышляевский. Про Мышляева я рассказывал, а об этом их восхождении ходили легенды.

Первый день восхождения. Выходим рано, с рассветом. Берём с собой одну палатку-серебрянку на пятерых, все верёвки, примус с бензином, минимум продуктов, необходимое снаряжение, спальные мешки. У нас пять верёвок, включая и те, которые были навешены ребятами вчера.

По фирну, который становился всё круче, быстро подошли к скалам и начали двигаться по навешенным вчера верёвкам с помощью зажимов и лесенок. Витя Мерлис идёт впереди. По мере продвижения стараемся освободившиеся нижние верёвки использовать для дополнительной страховки при движении по перилам.

Ребята вчера действительно хорошо поработали: навесили много верёвок (сколько точно — не запомнил, давно было, может, три, а может, даже четыре). Скалы трудные. К середине дня навешенные накануне верёвки закончились, и группа начала двигаться по привычному алгоритму: пять человек — пять верёвок, каждый на двойной верёвке. Витя лезет первым, вторым идёт Опойцев. В этот день прошли ещё, наверное, две с половиной верёвки. Вышли на Абалаковскую полку, где и остановились на ночёвку.

Интересно, что Винокуров недавно вспоминал, как он встретил Мерлиса на участке до Абалаковской полки:

«Ромб» Чатына

— А вот Мерлиса я встретил на полке Абалакова. Я вылезая и смотрю, Витя здесь. Мы подошли друг к другу, поговорили, а у него штормовка развеивается, или плащ там какой-то. Развеивается. Поговорили, и дальше пошли. Он чуть правее, я — левее. Но мы с ним встретились метр в метр.

Первый день группа отработала хорошо, поднялись довольно высоко. Уже можно оценить скалы Чатына: трудные, мокрые, местами припорошены снегом. Погода, в общем, хорошая: была видимость, не сыпало снегом, и не было потоков снега, текущих по вертикальным скалам, с чем встретились ребята в прошлом году. Я оценивал скалы, пройденные до Абалаковской полки, как трудные, но которые пролез бы и я, и Саша Карзанов, и Женя Монаенков.

Вите надо отдать должное, прошёл он этот участок хорошо. Я хочу сказать, что то, что прошёл Витя в первый день, я бы прошёл, наверное, с той же скоростью. Но вот то, что он пролез на следующий день — мокрый камин — я бы так не пролез, это действительно класс!

Однако по порядку. Абалаковская полка не сплошная, там встречаются небольшие наклонные полочки, торчащие камни, разрушенные участки, засыпанные снегом. Таких полок, чтобы

можно было сидеть — мало. Мы нашли две небольших, каждая на двух человек. Витя не захотел тесниться и ушёл вправо под камин. Там был как бы снежный сугроб в виде небольшой копны. Видимо сверху по камину сыпал снег и насыпал этот конус. Витя срубил верхушку конуса и уселся с комфортом. Витя у нас самый смелый. Устраиваться на этой снежной нашлапке было рискованно, т.к. она могла рухнуть, зато сидеть удобно. Правда, Витя был привязан к перилам, да и не рухнуло там ничего, зря мы опасались.

К ночёвке мы готовились по всем правилам: набили много крючьев, протянули несколько перильных верёвок. Сделали основные перила и перила на уровне груди для рук. Развесили по крюкам связки карабинов с крючьями. Всё, что могло бы упасть, было к чему-нибудь привязано. Витя сидел в стороне, к нему тоже была протянута перильная верёвка. Вдобавок между нашей группой и Витей натянули переправу из репшнура и по ней передавали Вите чай в ведёрке.

Возились долго. Чай варили уже в темноте. Вообще на этом восхождении мы ели мало, но голода не чувствовали. К тому же примус горел плоховато, мы успевали только натопить тёплой воды из снега. По два раза варить (чай, потом суп) не получалось. Как нам объяснил Коля Опойцев, он, чтобы не брать кастрюлю, взял этот примус, не самый лучший, потому что у него был самодельный жестяный (значит лёгкий) чехол. Чехол мы использовали вместо кастрюли.

Ночь провели сидя. Я, помню, подложил под себя сидушку. Потом, сидя на полочке, натянул на ноги, прямо на ботинки, спальный мешок, и дальше натянул его как можно выше. На ноги, которые уже в мешке, натянул пустой рюкзак, а шнурок, стягивающий горловину рюкзака, прищёлкнул к перилам. Получилась опора для ног, хоть и висели ноги над пропастью. Руки положил на перильную верёвку. Спиной касался скалы. К этой скале прислонился головой в каске и забылся, как бы провалился в черноту.

Мне казалось, что я очнулся через несколько минут. Открыл глаза, с удивлением увидел вдали на небе чуть светлеющую полоску. Вскоре там, за горами, стало краснеть.

Ночь прошла, близко рассвет. Значит, я проспал несколько часов, потому что вчера закончил возню точно раньше двенадцати, а сейчас уже скоро пять. Пора готовиться к выходу.

Во второй день впереди идёт опять Витя. Скалы трудные, Витя лезет и лезет, верёвка за верёвкой. Пролезет очередную верёвку, сделает станцию, дождётся, когда подойдет второй, и снова вверх. Станции Витя делает хорошие, крюки набиты надёжно. Следом работает группа: передвигается вверх с рюкзаками на спинах, выбивает крючья, переносит верёвки. Да, на станциях

у Вити крючья надёжные, а вот промежуточные не всегда. Как когда получится.

В этот день Витя пролез длинный и мокрый камин. Я там поднимался по верёвке и всё оценивал, как тут Вите удалось пройти. Трещин почти нет, крючья забиты редко, реже, чем полагается на таких скалах. Стена камина вертикальная, сырая и немного скользкая. Ему, первому, приходилось рисковать, далеко уходить от крюка.

К вечеру вышли на небольшое выполаживание. Здесь ночевали предыдущие группы. Остановились на ночёвку и мы. Палатку не поставишь, но есть несколько мест, где можно расположиться, лёжа или полужёжа.

Я полусидел, прислонившись спиной к скале. Наступили сумерки, темнело. Юра Калагин положил мне на живот свой плащ и попросил подержать, а сам начал устраиваться рядом. Я забился немного, а когда Юра, выложив себе ложе, попросил плащ, то я обнаружил, что плаща под рукой нет. Уронил. Прекрасный синий плащ, который Юра сам сшил. Было стыдно.

Ночью осадков не было, и мы неплохо отдохнули. С утра морозит и сухо. Немного подискутировали и пошли влево-вверх по довольно простым скалам. Перед выходом с места ночёвки я подошёл к Юре (он руководитель) и сказал, что Витю надо сменить, он отработал три дня, и что я готов идти первым. А сам подумал, что скалы выше сухие, как раз для меня. Но Юра как то нерешительно говорит, что у Вити, мол, хорошо получается, пусть и дальше он идёт впереди.

Этот относительно более простой участок вселил надежду, что крыша близко, и главные трудности позади. Все уже начали уставать от бесконечных отвесов и напряжения. Однако вскоре опять стало круто. Кругом нависали угрюмые скалы, и конца их не было видно. Я подумал, как же здесь шли первопроходцы и не сломались. Ведь они не знали, что их там дальше ждёт, проходима ли вообще стена?

Витя ушёл вперёд. Последняя верёвка перед крышей далась Вите тяжело. Там такая гладкая скала, вертикальная, в верхней части загибается, переходя в отрицательный наклон. Лазаньем последние метров шесть пролезть нельзя, надо на лесенках или «зальцугом». Витя пошёл зальцугом, забивая крючья, а Коля Опойцев подтягивал его: то одной верёвкой, то другой. Намучились оба, и Витя и Коля. Вся группа подтянулась, мы стояли снизу около Коли и ждали. Я всё сожалел, что утром не уговорил Витю смениться.

Всё-таки Витя пролез, вышел на «крышу», и мы по очереди следом. Вышли на скалы средней крутизны, припорошенные снегом. Скалы типа бараньих лбов, но не гладкие, после отвесов кажутся некрутыми. Ниже — обрыв, стена «ромба», с которой мы

только что ушли. Выше — снег, переходящий в снежно-ледовый гребешок. На скалах трещин хороших нет, еле-еле забили крюк сомнительной надёжности. Палатку поставить негде, надо подниматься на снежный гребешок и вырубать площадку там.

Поднялись на снег, это на полверёвки выше нижнего скального крюка. Под снегом был плотный фирн, мы, кажется, завили ледобур. Но тоже ненадёжный, потому что до прочного льда не достали. И вырубили площадку в фирне как раз под палатку. Как это обычно делается, в виде ступеньки в склоне: склон, вертикальная стенка длиной немного больше длины палатки, горизонтальная площадка на ширину дна палатки, далее вниз — продолжение склона. Поужинали на улице.

На радостях, что мы уже вверху, ребята несколько расслабились, бдительность ослабла. Стали спорить, как укладываться в палатке: сидя поперёк, прислонившись спинами к снежной стенке, или лечь вдоль, как обычно спят в палатках. Я, помню, предлагал сесть, мол, для пятерых как раз места хватит. Но ребята стали говорить, ничего, поместимся лёжа. Уговорить их не удалось.

Снаружи было темно, только слегка белел снег, быстро холодало. Четверо улеглись в палатке, я залезал последним. Внутри палатки, в полной темноте, я пытался найти щель между телами, протиснуться между ними и хотя бы боком улечься. Под моей тяжестью ребята раздвинулись, в основном те, кто лежал дальше от стенки. Правым боком я почувствовал дно палатки, и в тот же момент левая рука, оставшаяся свободной, встретила с чьей-то быстрой рукой. Я за неё тут же ухватился. Оказалось, рука Вити Мерлиса, который крикнул: «Держи» или что-то в этом роде.

Витя лежал с краю, и его из-за того, что я лёг, вытеснили на стенку палатки, так что он вывесился с горизонтальной части площадки на склон. Хуже того, стенка палатки начала расплзаться, и Витя мог вывалиться в дыру и улететь, если бы наши руки не встретились. Мгновенно все протрезвели, благодушные выветрилось. Никто уже не помышлял провести ночь лёжа. Все уселись рядком поперёк палатки, спинами к вырубленной стенке, и так подремали до утра.

Наутро мы ещё не кончили завтракать, как увидели, что снизу поднимается группа Карзанова с Винокуровым. Они вышли на «крышу» и продвигались по фирну в направлении нашего гребешка. Впереди красиво шёл Миша Темиров с двумя ледовыми молотками, вбивая по очереди клювы молотков в фирн.

После встречи и небольшого обмена информацией начали подъём к вершине единой цепочкой в девять человек. Путь по «крыше» до вершины идёт, в основном, по скалам. Я бы оценил

трудность этой части маршрута как 5А. После отвесов «ромба» скалы казались несложными.

Мы проходили верёвку за верёвкой, двигаясь по перилам. Сверху над головой была серая пелена, откуда падали редкие снежинки. Тепло и безветренно. К середине дня стали замечать, что кусается: то это, то другое. Карабин, верёвка. У меня царапало шею, как будто проволока застряла в ветровке. Догадались, что это электричество. Грозы не было, но чем выше, тем больше насыщенность электричеством.

Вышли на гребень, вершина рядом, но уж очень наэлектризовано вокруг. Все на верхнюю точку к туру не вышли, побоялись. Калагин с Мерлисом быстро поменяли записку и сразу спустились к остальным на гребень. Путь по гребню (3А) и спуск на Ушбинское плато проходил в тумане. Вёл нас Винокуров, который хорошо знал дорогу по прошлому году. На этом участке технических трудностей нет, но очень сложно найти правильный путь, тем более в тумане. Спасибо Винокурову, он нас там прямо вывел, как из лабиринта.

Справка. Восхождение на Чатын. Состав группы: Калагин Ю.Г., Опойцев Н.А., Мерлис В.П., Борисов Б.И., Самсонов Л.А. С 23 июля по 28 июля 1982г. Маршрут «по С стене (Мышляева)», 6 к.т.

Восхождение на Чатын. Состав группы: Карзанов А.В., Винокуров А.Ф., Пархута М.А., Темиров М.М. С 23 июля по 28 июля 1982г. Маршрут «по диагонали ромба С стены (Черносливина)», 6 к.т.

(Ниже фрагмент таблицы из Классификатора маршрутов на горные вершины, М. 2008)

№ п.п.	Вершина	Высота в м	Категория сложности	Характер маршрута	Маршрут	Руководитель, год прохождения
238а	Чатын(Гл.)	4411	6А	комбинированный.	«ромбу» С стены	Л.Мышляев, 1959
238б	Чатын(Гл.)	4411	6А	комбинированный.	«ромбу» С стены	Ю.Черносливин, 1965

После возвращения на «Улыбку Шхельды» началась подготовка к соревнованиям на первенство СССР. Команда была заявлена в ледовом классе. Тренер команды — А.Ф.Винокуров. Сам Толя принимать участие в соревновании не мог из-за возрастных ограничений (как, впрочем, и я).

Соревнования в ледовом классе в 1982 году проводились в два этапа. Первый этап — очные соревнования по прохождению на время ледовых стенок. Проводились на леднике Кашкаташ. Второй этап — восхождения по маршрутам, где много льда. Восхождения должны были проходить в районе Безенги.

Наш выход двумя группами на Чатын считался этапом подготовки к восхождению на первенство. Альпинистская подготовка

у ребят получилась хорошей. Однако из-за этих выходов (потеряли время из-за неудачного первого выхода на Чатын) не осталось времени для подготовки, не побоюсь этого слова, для натаскивания, на быстрое и слаженное прохождение ледовых стенок на Кашка-таше. Выступила команда бледно. Лучше других выглядел Витя Мерлис, который работал быстро и смело. Но и ему не повезло: немного поспешил в одном месте, уже недалеко от финиша, и сорвался. Команду судьи сняли с соревнований.

Переезд в Безенги не состоялся. Наши участники команды, которые более молодые и энергичные, затосковали и стали устраиваться на работу инструкторами. Кто-то уехал в «Уллуатау», кто-то договорился с лагерем «Шхельда». На «Улыбке» остались жить в палатках Винокуров, Соня, я, еще кто-то, дети. Я ещё подумывал куда-нибудь сходить, например, на Шхельду по «Рыбке» в двойке с Соней. Но выход не состоялся, не помню почему, скорее всего из-за отсутствия спасательного отряда. А может, я просто поленился.

Как-то я сказал Толе, мол, делать нам нечего, не уехать ли в Москву? На что Толя резко возразил, что мы же *живём здесь!* В том смысле, что это счастье жить среди гор. И никуда не спешить. Как я понимаю его сегодня! А тогда слова воспринял только разумом, но не сердцем.

На этом мы расстанемся с теперь уже далёким 1982 годом.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вот, собственно, и всё, что я хотел рассказать. Прошло тридцать лет, за окном 2011 год. Все герои моего рассказа с альпинизмом не расстались. Более молодым (Джапаридзе и Карзанов с 1947 года, Калагин с 48-го, Монаенков с 49-го) сам Бог велел продолжать ходить на сложные маршруты и ставить рекорды. Другая часть команды (Винокуров, я, Соня и Мерлис) была лет на десять старше, но тоже прожила долгую альпинистскую жизнь. Если взять за точку отсчёта сезон 1983 года, то мы были уже в возрасте (Винокурову 48 лет, мне 47, Соне 45, Вите Мерлису 44). В таких годах обычно или прекращают ездить в горы, или остаются в альпинизме в качестве начальников и «корифеев»: ведут общественную работу, ездят судьями, уполномоченными, работают в лагерях, на сборах выпускающими. На шестёрки уже не ходят. Мы же все ходить продолжали, я меньше, Толя, Витя и Соня больше.

Я вот сейчас поделил на две группы по возрасту, а потом подумал, что тогда, во второй половине семидесятых, такого деления не было. Мы все ощущали себя ровесниками, за исключением Винокурова. Толя был старше, опытнее и мудрее. Остальные — почти что равны, кто в чём-то одном посильнее, кто в другом.

После сезона 82 года я в горы с Винокуровым больше не ездил, вместе ходили иногда только в Крыму. Нет, вру, в 91 ездил на сбор в ущелье Коровшин в качестве судьи (интересная, кстати, была поездка, о которой стоило бы рассказать). Несколько лет работал инструктором в лагерях и на сборах, стараясь держаться поближе к отделению и подальше от начальства. В 1996, 97, 98 годах Женя Монаенков проводил сборы Московской области, клуб «Эдельвейс». Там я ходил с отделением молодых альпинистов. С нами ходила и Соня Винокурова. Последнее моё восхождение было в 2006 году, мы с Сашей Сергеевым взойшли на вершину Укю в Безенги.

Кроме меня выпали из команды Саша Карзанов и Юра Джапаридзе: Саша вернулся к альпинистам МГУ, Юра воспитывал молодых альпинистов в «Доме пионеров» Щёлково и делал интересные восхождения.

Винокуров продолжал устраивать сборы в различных горных районах: под пиком Коммунизма, на Юго-Западном Памире, у Холодной Стены, в Фанах, в ущелье Коровшин и т.д. В 1987 году я встретился с Толей на поляне Москвина под пиком Коммунизма. Толя был с командой Московской области, я с ребятами из МГУ. Толя рассказал, что высоту он переносит хорошо: «Я, когда поднимались, их одного за другим щёлкал» – говорил он после выхода на плато.

С ним ездили, кроме «старой гвардии» (Соня, Мерлис, Калагин и др.) молодые талантливые ребята. Шло время, старики один за другим уходили из команды. Винокуров стал ходить с подростками к тому времени альпинистами-скалолазами из Физтеха. С ними он сделал ряд сложнейших восхождений. С этой командой МФТИ (Тельпов, Комаров, Сахаров, Гешкенбейн, Щербаков и др.) связаны последние поездки Толи. (Борисов, 2016).

ВИНОКУРОВ АНАТОЛИЙ ФИЛИППОВИЧ

(Справка от Старикова)

Винокуров Анатолий Филиппович (06.03.1935) – Москва: инженер, окончил ВЗПИ, аспирантуру МВТУ, кандидат технических наук. Работает директором Насосного завода (г. Щелково, Московской области). Отмечен как самый старший участник чемпионатов по альпинизму. В 65 лет прошел в команде «Романтик» на в. Далар маршрут Варбуртона, 6А к/тр. и занял 5 место из 12 (в высотно-техническом классе чемпионата России 2000г.). Мастер спорта СССР – 1978 г., выполнил норматив с большим превышением, совершив вместе с В. Мерлисом за 40 дней сборов четыре восхождения 6 к/тр.(!): Чапдара (м-т Солонникова); Зиндон (м-т Емельяненко); Бодхона (м-т Сенчины); Чапдара (м-т Моногарова, 2-е прохождение).

«Звездным часом» Анатолия Филипповича является маршрут, проложенный в 1979 г. на вершину Чапдара по центру СВ стены (колодец Винокурова), и хотя в таблице к/тр. этот маршрут отмечен 5Б к/тр., в действительности его надо считать – 6Б. Спортивное долголетие позволило ему сравнительно недавно совершить в группе своего воспитанника К.Сахарова

первопрохождение на пик «4810», 6Б (1994); а также восхождения на Эль-Капитан по маршрутам «Нос», 6А (1996г.) и «Салате», 6А (1997), Монблан де Такюль, (маршрут Дервазути), 5Б (2002).

[/www.fany.ru](http://www.fany.ru), Г.А.Стариков 18.09.2002/

ВИТЯ МЕРЛИС

(Справка от Геннадия Старикова)

«Мерлис Виктор Петрович (1.05.1939 – 5.05.2000) – город Жуковский, Московской области. Окончил МВТУ им. Баумана по специальности «Двигатели внутреннего сгорания» (1962), инженер. Работал в ЦАГИ ведущим конструктором. Инструктор-методист по альпинизму 1 категории (1998). МС СССР – (1978), тренер – Б.В.Даутер. Норматив мастера спорта выполнил с большим превышением, совершив вместе с А.Винокуровым за 40 дней сборов четыре восхождения 6 к/сл. !!! (Чапдара, м-т Солонникова – руководитель; Зиндон, м-т Емельяненко – руководитель; Чапдара, м-т Моногарова, 2-е прохождение – руководитель; Бодхона, м-т Сенчины – участник). Проявлял себя надежным лидирующим в группе на сложнейших участках маршрутов. В 1979 году совершил неординарное первопрохождение за 9 дней на вершину Чапдара, центру СВ стены (колодец Винокурова) 6 к/сл. Кроме того имел восхождения 6 к/сл. на Крумкол и Чатын. По два раза был на вершинах: пик Евгении Корженевской (7105м) и пик Коммунизма (7495м) – в 1983 и 1987 годах. Неоднократный участник чемпионатов СССР и России. Много летних сезонов посвятил работе тренером в альплагере «Уллутау». Всего восхождений более 200, включая восхождения в Крыму. Погиб в Крыму на вершине Кушкая.»

Если полистать «Классификатор маршрутов на горные вершины, то среди тех, кто прокладывал новые маршруты, можно встретить и фамилию Мерлиса.

Маршрут (см. Классификатор маршрутов на горные вершины, М. 2008)

№ п.п.	Вершина	Высота в м	Категория сложности	Характер маршрута	Маршрут	Руководитель, год прохождения
	Чапдара	5049	5Б	комбинир.	левой части СЗ стены	В.Мерлис, 1989
	Башиль	4148	5А	скальный	пр. части баст.Ю стены	В.Мерлис, 1981

В девяностые годы, в пору безвременья в стране, когда инженерам перестали платить зарплату, Вите пришлось подрабатывать промышленным альпинизмом. Висел на верёвках на стенах городских зданий, мыл стёкла на окнах, заделывал трещины. Рассказывали, что однажды уронил молоток на чей-то автомобиль, поставленный хозяином под самыми окнами. Пришлось Вите выпутываться из этой неприятности...

Витя любил весной, на майские праздники, ездить в Крым на скалы, там мы с ним часто встречались. Погиб Витя в Крыму на скалах горы Куш-Кая.

СОНЯ ВИНОКУРОВА

Винокурова (Усова, Кравченко) Софья Ильинична.

Родилась 27 июня 1938 года в Белоруссии.

Альпинизмом начала заниматься в 1957 году в Новосибирске. Мастер спорта по альпинизму с 1970 года. Выполнила нормы мастера международного класса, но не стала оформлять. С 1964 года живёт и работает в г. Фрязино Московской области. Научный сотрудник.

Инструктор альпинизма с 1964 года. Много раз выполняла обязанности тренера и выпускающего на сборах в горах. Выдающаяся спортсменка, совершила ряд сложнейших восхождений на Кавказе, на Тянь-Шане, На Памире, в Фанских горах.

Соня ездит в горы и делает восхождения до сих пор.

ЮРА ДЖАПАРИДЗЕ

Юрий Отарович Джапаридзе родился 23 июля 1947 года.

Альпинизмом начал заниматься с 1970 года. Мастер спорта в 1979, инструктор альпинизма.

В восьмидесятые годы, будучи мастером спорта по альпинизму, окончил институт физкультуры по специализации «лыжи». Профессиональный спортивный работник. Много лет вёл секцию альпинизма при Доме детского творчества (бывший Дом пионеров) в городе Щёлково.

Совершил много замечательных восхождений. Среди них: Чапдара по центру СВ стены («колодец Винокурова»); Нахар (руководитель команды); Шота Руставели (с В.Бойко, по ледовой стене); Шхара – Западная Джанги с подъёмом на Шхару по маршруту Разумова (6Б) и много других восхождений.

Поднялся на все семитысячники СССР, кроме пика Победы (Пик Коммунизма, Евгении Корженевской, Ленина, Хан-Тенгри).

Продолжает активно заниматься альпинизмом.

(Справка от Геннадия Старикова)

Джапаридзе Юрий Отарович (23.07.1947) – родился в г. Тбилиси. Вырос и проживает в г. Щелково, Московской обл. Тренер клуба «Романтик». Окончил Институт Физкультуры – 1983, аспирантуру МОГИФК по кафедре лыжного спорта.

Первое восхождение – 1970 (в а/л «Торпедо» на вершину «3700»). КМС – 1977. Жетон «Спасательный отряд» – 1978. Инструктор альпинизма с 1979г. Мастер спорта СССР – 1979. Совершил более 150 восхождений в различных горных районах (включая Крым и Альпы), в том числе 7 первопрохождений 5-6 к/сл., 24 восхождения 5Б, 10 восхождений 6А и одно 6Б к/сл. – руководителем: Шхара Зап., маршрут Ю.Разумова, – Джанги Вост. в 2002 (в такой комбинации маршрут более не повторенный до настоящего времени, хотя район Безенги ежегодно посещают многие сильные команды альпинистов, претендующие на маршрут 6Б). Но самое замечательное восхождение не это, а в команде А.Винокурова «по Колодцу» на вершину Чапдара (1979), не повторенному.

Совершил восхождения на семитысячники: пики Ленина, Корженевской, Коммунизма (1983), а также на пик Хан-Тенгри (1989). Работал инструктором в альплагерях, старшим тренером альпинистских мероприятий. Много раз участвовал в Чемпионатах различного ранга по альпинизму. Проводил множество соревнований по скалолазанию и ледолазанию. Судья первой категории по альпинизму (2003). Общественная работа: с молодежью в своем клубе «Романтик», Московской областной ФА.

КАЛАГИН ЮРА

(26. 02. 1948–31. 03. 2015)

Калагин Юрий Григорьевич родился 26 февраля 1948 года. Мастер спорта по альпинизму.

Путешествует по горам с 1968 года как горный турист. В туризме Юра достиг звания Кандидат в мастера спорта, потом перешёл в альпинизм. Нормы на значок «Альпинист СССР» выполнял в а/л «Уллутау». На сборы 1976 года, где мы познакомились, Юра приехал, ещё не имея второго разряда.

После 1982 года Юра делал восхождения в высотных экспедициях на Памире (Юго-западный Памир, Фортамбек), на сборах, работал инструктором в лагерях. Стал мастером спорта СССР.

Юра был сильным и тренированным спортсменом, прекрасно бегал в лыжных гонках, и всё-таки у него начались проблемы с сердцем. Лечился. Спорт пришлось бросить, ограничить физические нагрузки. На их дачном участке из шести соток, который недалеко от Подольска, Юра соорудил домик. Дом получился в виде башни, небольшой в длину и ширину, но высокий, в четыре этажа.

Последние годы Юра жил, в основном, на этой даче. Работать и вести какую-то спортивную жизнь ему было не под силу.

У Юры с Галей две дочери. Старшая дочь Катя, которая была с нами в 82 году, теперь музыкальный работник. Уже после 82-го года родилась ещё дочь, Таня, которая тоже успела вырасти.

МОНАЕНКОВ ЖЕНЯ

Монаенков Евгений Иванович. Мастер спорта по альпинизму с 1980 года. Жил и работал в Подольске. Военнослужащий. В настоящее время живёт в Екатеринбурге.

(Справка от Г.Старикова)

Монаенков Евгений Иванович (23.10.1949) – родился и вырос в Подольске Московской области. В 1967 году начал заниматься в секции альпинизма завода им. М.И.Калинина. Первые восхождения совершил в а/л «Уллутау» на вершины Местия и Тютюбаши (1968). Срочная служба в армии (1968-70). III разряд – 1971, II разряд – 1972, I разряд – 1974, КМС – 1976, мастер спорта СССР – 1980 (тренер – Винокуров А.Ф., МС). Окончил технологический институт легкой промышленности. В а/л «Адылсу» прошел первый методический сбор по подготовке инструкторов под руководством Ф.А.Кропфа и стал

инструктором 3 категории (1975), 2 категории (1981), инструктор-методист 1 категории (1991). Жетоны «Спасательный отряд» №2111 (1978) и «Спасение в горах» №2 (2007). Работал инструктором и командиром отряда в альплагерях, старшим тренером альпинистских мероприятий. Много раз участвовал в Чемпионатах различного ранга по альпинизму. Совершил 160 восхождений в различных горных районах: 5Б – 21 и 6А – 8, из них 6 первопрохождений.

Например: Замин-Карор (1-я Западная) по правой части СЗ стены, 5Б/п, 1979, 4 место СССР;

Ушба Северная по СВ стене через «столб», 6А первопрохождение, руководитель, 1981, 4 место СССР;

Караганда (С) по СВ стене, 5Б первопрохождение, руководитель, 1983, 2 место РСФСР; пик Энгельса по Ю стене, 5Б первопрохождение, руководитель – 1984.

Всего же первовосхождений – 5, первопрохождений – 9. Одно из самых замечательных восхождений – в команде А.Винокурова по центру СВ стены на вершину Чапдара (1979) за 9 дней, вполне возможно 6Б.к.сл. Совершил восхождения в 1988 г. на пики Ленина (7134м) и Хан-Тенгри (6995м). Судья республиканской категории по альпинизму (1997). Многократно был задействован в различных спасательных работах как участником головных групп, так и руководителем спасработ. Кавалер ордена «Эдельвейс». Общественная работа: с молодежью в своем клубе, в Правлении Федерации Альпинизма России (председатель СТК 1999-2003), в Московской областной ФА (председатель – 2000-03).

1980-2000г. – служба в МВД России: полковник запаса. С 2005г. проживает в Екатеринбурге, работает в Уральском региональном центре МЧС России, главный специалист отдела, спасатель 1 класса.

КАРЗАНОВ САША

Карзанов Александр Викторович. Родился 23 марта 1947 года в Москве. Окончил мехмат МГУ. Математик, научный работник, доктор физико-математических наук.

Альпинизмом начал заниматься в 1969 году (новичок в а/л Шхельда). Занимался в альпсекции МГУ. В 1974 и 75 годах ездил по путёвкам в Безенги. В 1978-1982 годы ходил в команде Винокурова. После 82 года работал инструктором в а/л «Домбай» и в а/л «Алибек», делал восхождения в составе лагерных команд как участник и как капитан. В 87-88 годах – капитан команды МГУ, которая совершила несколько сложных восхождений 6 к/сл. в Фанских горах. Сильный, техничный альпинист, блестящий скалолаз.

ПРОКОПЕНКО ВАЛЕРА

Прокопенко Валерий Михайлович. 1942 – 2005. Мастер спорта с 1979 года. После 1982 года Валера продолжал заниматься альпинизмом. Сделал много интересных восхождений. Поднимался на пик Евгении Корженевской и пик Коммунизма.

ДЕТИ

Галя Кравченко и Маша Винокурова. Маша Борисова. Катя Калагина.

Галя и Маша ездили с нами во все поездки. В старших классах Галя училась в школе-интернате при МГУ (Колмогоровская школа). С отличием окончила МАИ. Студенткой стала ходить в сложные зимние походы, увлечение туризмом продолжалось довольно долгое время. И относительно недавно, но всё-таки пришла в альпинизм, ездила, в частности, на Аляску, на Мак-Кинли. Замужем, имеет взрослого сына, живёт в Москве. Занимается, как теперь говорят, «бизнесом», т.е., если сказать по-русски, Галя – «деловая женщина». Маша Винокурова альпинистской не стала. Одно время занималась таким романтическим делом, как полёты на международных авиалиниях. Замужем, живёт в Лондоне.

Борисова Маша училась в МГУ на почвенном факультете. Долгое время занималась скалолазанием и альпинизмом в МГУ и потом с коллективами Московской области. Увлекается фотографией и защитой окружающей среды. Замужем, имеет двоих детей. Муж – альпинист Саша Халяпин.

Калагина Катя. У Кати вскоре после 82 года обнаружился сильный голос. Тогда, школьницей, Катя красиво пела. Училась в музыкальной школе. В настоящее время она преподаватель музыки и пения. Замужем, есть дети.

ПРИЛОЖЕНИЕ

БЕСЕДЫ С ВИНОКУРОВЫМ

В 2011 году я передал Анатолию Филипповичу рукопись для прочтения и замечаний. Толя всё прочитал, мы договорились о встрече. И вот 4 января 2012 года я у него в гостях в Щёлково в его гостеприимной квартире. Нас трое: Толя, Ирина и я. Толя передал мне «Книгу выходов...», которая у него сохранилась с тех давних времён. Отметили, как водится, Новый год, потом Толя начал рассказ, который длился пять часов. Рассказ интересный, я его привожу здесь с сокращениями. Не знаю, удалось ли сохранить образную винокуровскую речь, но я старался.

Ниже в тексте обозначено: В – прямая речь Винокурова, Б – речь Борисова; И – речь Ирины, жены Винокурова.

Новичок и значкист

Винокуров. Я в Алибеке начал в 1962-м.

...мой первый инструктор — Лев Добровольский. Он был во втором разряде, и примерно неделю он был инструктором. Я в новичках был. А он второй разряд. Они запланировали идти на Эрцог по 4А. И другого инструктора дали, не менее знаменитого. Жена Арцишевского, того, который отравился дома с Евгением Абалаковым. Она мастер спорта тоже. Прекрасная женщина. Мне как бы повезло. 62 год, в Алибеке.

Когда я приехал, то в лагерь Алибек пешком пришёл. Я бегал хорошо. Для меня эта беготня... Я мог бегать по горам. Я пришёл в лагерь на день раньше. В палатку какую-то зашёл. И вместе с Гороховым и Морозовым, вместе с ними спал одну ночь. Пересменок. И они всю ночь, довольно долго, обсуждали эти восхождения. Где выпускают, где не выпускают, там кто-то такой-сякой не выпускает, снаряжение не то. В общем, альпинистские разговоры. Они вроде как второразрядники были. Потом они как-то ушли в Домбай из Алибека, где их вроде как кто-то не выпускал. И в Домбае их выпустили на Джугутурлючат, и там он улетел. *(Сергей Морозов и Евгений Горохов – альпинисты из МВТУ. Горохов по-гиб в 1962 году при траверсе вершин Джугутурлючат 5А. /Б.)*

Б. Они были прекрасные скалолазы.

В. Ну, хорошие ребята.

Б. Ребята неплохие, но вот серьёзное МВТУ их в свою компанию не брало. Шполянский, Бородкин, Глухов, Добровольский,

Мысловский, вся эта вот публика, ребята солидные, нацеленные. А эти вроде как попрыгунчики. Им благоволил Радель, официальный тренер МВТУ. Помнишь такого, Витольд Радель?

В. Раделя знаю.

Б. Он же их там и выпустил, в Домбае. Мы с Юрой Зыковым незадолго до этого ходили на Аманауз, ночевали с ними рядом. Такие шалопутные ребята. На Аманауз по четвёрке и мы, и они ходили (мы по 4А, они по 4Б).

В. Вот мы с тобой рядом ходили.

Б. Они вдвоём какие-то... Примус у них тяп-ляп. Канистры не было, бензин притащили в бутылке из-под вина. Этот Горохов бегал между камнями, кружку уронил, куда-то за ней лазил. Поругивают друг друга. Какие-то такие вот. Прыгают с камня на камень. В плавках это всё, где там привязываться...

Конечно, они очень сильные были ребята, и физически, и технически. Но вот такой солидности не было, и самое интересное, что у МВТУ коллектив такой, знаешь, жёсткий. Они разгильдяйства не прощают. На разборах ругают, секут как... Школа. А эти вот под Раделем были. Они не вписывались в команду, Шполянский, Мысловский и Добровольский их в команду не брали. Из-за примуса и погиб тогда Женя Горохов.

В. Добровольский Лёва. У него волосы такие лохматые, здоровые. Он ходил на Эрцог.

Потом поехал в 66-м в Уллутау. Четыре года не был в горах. По правилам надо было в новички. Но я убедил в Уллутау, что я хороший, и меня надо в «значки». Меня записали в «значки», и я в отличники попал.

Инструктором был как раз очень хороший человек, он в Ала-Арче работал всю жизнь. В тот раз приехал в Уллутау с другом просто посмотреть Кавказ.

Я перед этим как турист прошёл руководителем мимо лагеря через перевал Кой-авган и дальше ходил не на самый Эльбрус, а на приют 11. В плавках ходил. Жара.

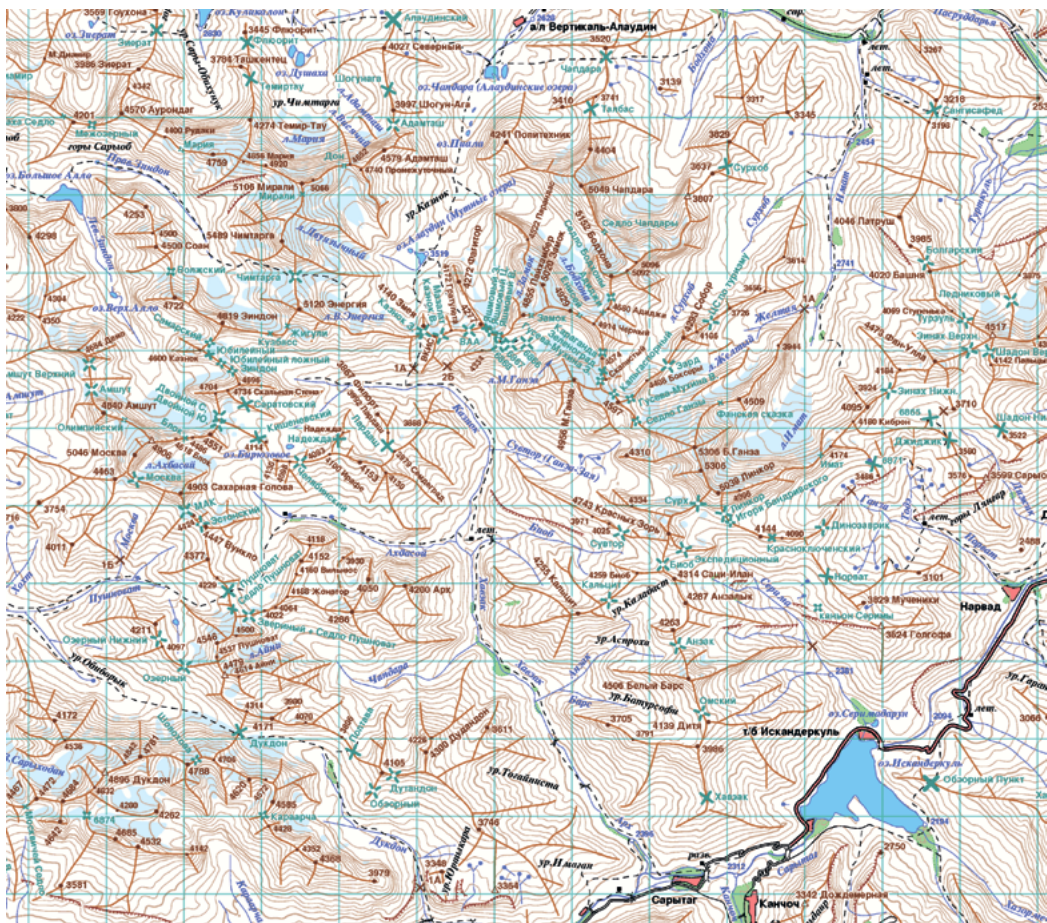
Б. Забавно, если бы я не заболел, то в 68-м стал бы мастером.

В. Был бы, не был бы. Ещё неизвестно, что лучше. Я, знаешь, сколько слезал там... Я на Пти-Дрю три раза пытался взойти. Но слезали всё время. Ну и что? Во-первых, мы там были, за камни держались, всё прочее. Так и другие.

...В 1966 году я выполнил третий разряд. В 67-м поехал снова в Алибек. 30 дней мы там пробыли, и я совершил три восхождения. Абсолютно, без конца дождь. Абсолютный дождь.

Поехал в 68-м в Дугобу, а потом в Фанские горы. И потом опять — Дугоба и опять, кажется, Фанские горы.

Первый раз в Фанях

Я всё прочитал у тебя в книжке. Когда ты там по ишака. Упал ишак... У нас тоже упал ишак.

...Мы первый раз поехали в Фаны через озеро Искандеркуль. Через это место. История интересная.

В 1968 году мы перед этим взяли путёвки в Дугобу. Наталья Ни, Мерлис, Тутушкин и ещё был парень из Фрязино, он умер уже. Поехали по путёвкам в Дугобу. Наталья была тогда второразрядница, а мы третий разряд. Она согласилась, что мы такие активные, всё время ходим и планируем всё, согласилась, что с нами будет ходить. Потом, после Дугобы, планировались сборы, которые проводил «Труд» (Юра Шилов). Сборы планировались на ТП, есть такая стоянка, куда от Искандеркуля добираться.

В Дугобе сделали пять восхождений, что надо было на второй разряд, и потом поехали в Фанские горы через Искандеркуль. Приехали туда, вроде по времени должны наши быть. Мы туда приехали, на это озеро. У нас тогда ничего не было, ни продуктов, ничего.

Обычно сборы берут ишаков и идут отсюда по ущелью на ТП. Там есть такая чудесная площадка, ТП называется, прекрасное место. Дальше, если продолжить это ущелье, то перевал Казнок, и спускаешься к Алаудинским озёрам.

Мы припёрлись туда, всё рассчитали, сегодня они должны приехать. Продуктов у нас уже нет, и денег нет. Расположились, где туристы обычно останавливаются. И каждый день с утра начинаем смотреть. Дорога видна, идёт оттуда, с Зеравшана, смотрим: всё, сейчас наши приедут. В общем, смотрели пять дней.

Потом пришли туристы. Мы познакомились с инструкторами, и они нас начали подкармливать. Принесут полбуханки хлеба, тушенку. Три дня проходит — уходят. На Искандеркуль, а потом идут дальше, через Казнок или ещё куда. Уходят. Они нас подкармливали. Группа сегодня уходит, там что остаётся, они нам приносят. Этим и питались. Пять дней.

Инструктора, они там все друг друга знают, нас передавали. Обьедки нам приносили, и мы жили. Ходили мумиё собирать. Один раз пошли в поход вокруг Искандеркуля. Я и Мерлис. Круг не сделаешь: речки впадают, довольно бурные. Мы с Мерлисом шли, шли, пару речек вброд перешли, потом попалась большая, не смогли вброд пересечь. Идёшь вдоль озера то по воде, то по берегу. Целый день ходили.

На пятый день видим, едут две машины. Подъезжают, Шилов командует. Машины с продуктами, всё забито. И тут они вылезают, выгружаются, и машины отправляют. А оказывается, надо было ещё вдоль берега проехать в дальний конец, и там вот, как раз ишаки. Шилов, вроде, он из Средней Азии, а оказывается, не знал. На следующий день снова искали машину, чтобы перебросить грузы в тот конец, где начинается ущелье, по которому носят ишаки.

На следующий день грузили машины, потом выгружались, договаривались. Пригнали 15 ишаков, целый день тянулись с ишаками к этому ТП. Целый день, конечно, шли. Первый раз ишак упал там. Тропа, склон, речка. Недалеко от ТП. Речка там, рюкзаки упали. Потом составляли акт, чего там пропало: пуховка, мешок спальный, ещё вещи... Первый раз в жизни был отчёт по ишакам (*смеётся*), которые уронили рюкзак в воду, и рюкзак уплыл.

Перебрались на это ТП. Было два мешка по 18 кг сушек, хорошие сушки, сладкие. 62 копейки за кг. Когда уходишь на восхождение, набиваешь карманы и в рюкзак сушками, печеньем. Вся печаль этого дела в том, что Шилов, по природе, противник всех восхождений.

— Продукты есть? Есть. Масло есть? Ну и сидите.

Восхождений мало. Сколько раз с ним ездили — всегда так. Не выгонял на восхождения, а просто тормозил. До слёз доходило

у некоторых женщин. Идеальная погода. Никаких дождей, ничего нет.

Шилов был кандидат (КМС), до мастера нехватало одной пятёрки «Б». Мы там что-то ходили, тройки, четвёрки... Наталья, Мерлис, Тутушкин, мы с ними ходили. 4А две штуки, 4Б я там сходил. У Шилова было запланировано восхождение 5Б, чтобы он мастера закрыл. Он работал в спортивных организациях, а по тем временам, что ты мастер спорта, что ты окончил институт — оклад тот же самый.

Задача была — ему сделать мастера. Наметили идти на Чапдару. Подход через Казнок, спуститься к Алаудинским озёрам. Там были: Богатов, мастер спорта, в хорошей форме, Охрименко, Андреев, мастер спорта, Шилов. Два мастера спорта, Охрименко и Шилов.

Готовимся. Мы с Подымовым, самые здоровые, ещё пару человек, идём как носильщики. Маршрут был намечен: Чапдара по Сфинксу, слева (5Б тогда, теперь это 5А). Набили рюкзаки неподъёмные, продукты несём. Рюкзаки собрали, а наружные карманы набили галетами, сушками...

И вот мы эти рюкзаки на перевал Казнок прём. Вдвоём с Подымовым движемся. Перешли Казнок, начинаются Мутные озёра. Вдруг встречаем по дороге — сидят молодые ребята, немцы. Один говорит, что его отец сломал ногу где-то между Энергией и Чимтаргой. Там где-то лежит этот мужик. Они спускаются, чтобы кого-то найти, чтобы помогли транспортировать.

Ну, мы расщедрились, открыли свои рюкзаки, а у нас там пять видов консервов. В Душанбе нам ЦК ВЛКСМ посодействовал, и мы на заводе брали эти консервы. Открываем банки, и всухомятку жрут они. А у них, у этих немцев, одно толокно. Открывают банку, кипятком разводят и едят. А мы им консервы. Потом тронулись, пошли, и был разговор, нам говорили, что самим жрать нечего будет. Так и было.

Расположились на Алаудинах. Эти пошли на Сфинкс, мы наблюдаем. Они прошли с одной ночёвкой. Договорились, что сигнал «Всё в порядке» — ракета. Впервые увидел, какая ракета на стене. Махонькая запятая, я удивился, как издалека видна ракета. На следующий день они пришли.

А перед этим мы их туда отвели (*От Алаудинских озёр до Чапдары/Б.*) ...Нагрузились, четыре нас человека. Они — восходители, идут только с ледорубами. Причём мы шли не слева, где положе, а справа. Все первый раз, не знали. Продукты, снаряжение, верёвки — несём. А я шёл вместе с Шиловым. Вот уже последний взлёт, я пришпорил, а он отстаёт. Пустой, с одним ледорубом, а я с рюкзаком. Как начал кричать на меня. Он идёт, а я ухожу вверх. Крутой такой склон травянистый со щебнем.

На перевал вышли, под маршрутом расположились. Они метрах в двадцати палатку поставили, мы, как сопровождающие, свою поставили. У них своя палатка, у нас своя. Мы всю ночь играли в карты. Им выходить в четыре или в пять, мы должны их накормить и выпустить, проводить. Чтобы не проспать, играли в карты. Они ушли.

Когда они пришли, продукты кончились. Шилов из Средней Азии. У него знакомые сборы там стоят. Знакомые узбеки. Мы пришли. После восхождения поговорить, то, сё. Там армейская палатка — продуктовая палатка. Угощали. Потом <мы> что-то попросили. Я ещё стащил палку колбасы.

Нам в качестве премии 4А — восхождение на пик Алаудин. Дают одну плитку шоколада, больше ничего нет. Мы выходим вечером, поднимаемся на перевал, устроились на ночёвку. Утром встали, пошли. Маршрут не знаем. Попёрлись по спуску. Подошли к жандарму. Я говорю Подымову: «Поднимитесь по двоечному пути, узнайте, это ли вершина. А мы с Кукушкиным (был такой) пошли правее. Между вершиной и жандармом перемычка, я пришёл на эту перемычку. А они по двойке взошли и кричат: «Это вершина!» *(Винокуров поднимался там, где все спускаются с жандарма дюльфером, но пролез. А связка Подымова спустилась на перемычку по двойке. Потом они с перемычки взошли по правильному маршруту).*

Четыре «А» сходили, молодцы. Дальше — продуктов нет, колбасу сожрали. Утром встали часов в шесть, поели, что собрали — толокно, полшоколадки. Девять человек. Идти через перевал Казнок. Долго. Всем выделили по две конфетки «Взлётная». Пошли, кто по два, кто по три. Я выходил последним. Помню, вышел в семь утра. Догоняю, обгоняю, догнал Богатова. А у Богатова было ружьё. Он снял рюкзак, пошёл куда-то вбок, слышу — Бабах! Улара убил. А я всех обогнал, и вниз. Пришёл в двенадцать часов (На ТП). Нас ждали, приготовили чай, еду. И вот, что было на столе, я выпил. Один. Через полтора часа приходит первый. И потом кто приходил, садился за стол и я с ними.

Ещё можно было ходить дней семь или восемь. Но Шилов был против восхождений, всё свернул и отправил в Душанбе. И в Душанбе были пять дней! Можно было ходить на восхождения. Пять дней мы ходили на базар, жрали дыни. По 15 килограмм дыни. Они приехали на пять дней позже, и уехали все на пять дней раньше. Могли ходить ещё десять дней. Я в Дугобе сходил больше, чем здесь.

Когда следующий раз поехал в Фанские горы, сделал 11 восхождений.

Сколько было...

...Я рассказывал, как мы шли, вторая пятёрка «Б», по Западной стене на Далар. Подымов, Софья, Цемко и я. Маршрут, его там

никто не ходил, кто-то когда-то прошёл. Камин, почти вертикальный, но узкий. Ноги ставишь сюда и туда. И лезу, лезу, дальше уже виден конец и гребешок. Вот уже вылезая, — гребень выше буквально метр. Чувствую — площадка, вылезая, камень, шатается, я руку — раз! и он пошёл. Ноги стоят. Камень остановился. Я руку аккуратно начинаю снимать. Руку убрал.

Там полка, уже гребень. Я крючья набил. Принимаю. Говорю: «Этот камень не трогать!» Цемко подошёл. Говорю, всех предупредить. Всем объяснил несколько раз. Вбил в мозги. Я начал дальше идти. Прошёл буквально метров пять. Как там загрохочет! Подымов вылез и бросил в этот большой камень камнем, примерно с блюдце. Камень стоял совсем неустойчиво.

... Два раза я вылезал на зубах. На авось. Вот на Даларе. Ноги некуда упереть. Гладко, зацепок нет. Лёг на живот и по миллиметру. Как-то чуть поднялся, и рука дотянулась. До «ручки» какой-то. Несколько минут в этом положении находился. Чтобы подышать. Смотрю — держится всё.

Б. Приходилось срываться?

В. С крыши. На Симагина это было (Район Ала-Арча). Метра два прошёл, забил крюк. Скальный. И потом ещё полметра поднялся, а все были внизу в двух метрах. Чувствую, как-то... То ли крючьев не хватало... Я решил спуститься. Берусь за крюк, а он у меня вылезает. Я опёрся, а он вылетел. Я полетел, метра полтора — два. Мимо них пролетел. Там было несколько крючьев забито, в том числе и ледовый, морковка.

Симагин — очень суровая гора. Вообще шестёрка. Но его редко ходят, и он не фигурирует. Рядом — Корея. Он короче, но всё залито льдом. Шли по очереди Мерлис и я.

Метров пять-семь щель, и Мерлис всю её. Выбил из неё лёд, чтобы куда-то вставить крюк. Я стоял на месте, и мне по каске всё время стучал этот лёд. Я молчал. Никак не может крюк забить. Выбивал во льду зацепки. Медленно продвигался по этой щели. Больше часа. Как-то вышибал весь лёд из этой щели. Удержался. На Симагина он не срывался.

В Безенги 1970. Коштан-тау

Коштаном я закрыл КМС. Сейчас шестёрка. Маршрут Симоника. Была зимняя погода. Там всё время шёл первым. Снизу доверху. На следующий год Крумкол прошёл. Тоже никому не дал, всё первым прошёл.

На Коштане выход на мульду, полверёвки осталось. Вылезая, поворачиваюсь, а конец развязался и метра полтора лежит. Не убежал. Я так смотрю на него, лежит. Кричу, чтобы верёвку не дёргали. Спустился, взял. Вышли в мульду, там ночевали. Ночью трепало, ветер. По углам сели, чтобы палатку держать. Ветер бесконечный. Подымов со своим пальцем... Жуткое дело

(Подымов поморозил большие пальцы на ногах, впоследствии была ампутация).

Маршрут: всё обледенело. Крутой лёд. Срединная часть — нет никаких площадок. Перед нами группа вырубала во льду. Оставила площадку. И мы все равно ещё два часа долбили, и всё равно палатку засыпало. Конёк оттягиваешь, за палатку снег. Утром встаёшь — холодно. Я пришёл без передних триконей. Всё сбил. Ноги отбил. Весь маршрут в кошках. А Подымов надел старые ботинки, новые пожалел. Новые не так промокают, а старые текут. Днём мокро, вечером всё замерзает.

В Безенги 1971. Крумкол

...Идём на Крумкол. Была тёплая погода. Мы нижнюю часть, буквально... там крутой снежник... мгновенно проскочили. Нogu ставишь, ударяешь, она пролезает и в то же время не соскальзывает. Снег такой, на Ушбе он как-то полз, а здесь — нет. Раз — и идёшь.

Прошли там, потом стенка. Вылезает, я вылезает. Гребень, с этой стороны идём. Потом вроде напрашивается на ту сторону вылезти. Вылезает на ту сторону, а там уже левый как бы склон. Ребро идёт такое. Я вылез, забил там два, кажется, ледовых крюка. Морковки. Приняли три рюкзака. Нас четверо. Два рюкзака завязаны через лямки. Петля <через лямки> и кольцо. Один — в кольцо. Зелёный рюкзак. Я его цепляю <на крюк>, не знаю, чей рюкзак. Принимаю Даутера. Вверх посмотрел — смотрю, летит лавина. Небольшая. Гребешок там, и она такая. Налетает. Тут сразу берёшься за крюк. Пригнулись. А Охрименко и Подымов внизу за гребешком. Налетает лавинка. Мокрый снег, тепло было. Сбивает. На спину опрокидываешься. На спину. Ты на самостраховке, и останавливаешься. Вот мы с Даутером в таком положении. Дальше — тишина. Пролетел снег, и всё. Мы засыпаны мокрым снегом. Присыпаны. На твоём теле застрял снег. И вот потом делаешь оверкиль, переворачиваешься на бок и поворачиваешься. Этим кричу: «Ну, как там?» А их тоже немножко присыпало. «Всё нормально!».

Я смотрю — вместо трёх два рюкзака. Тот, который повесили на кольцо, вырвало кольцо. Кольцо висит, и лямка висит, а рюкзака нет. А другие рюкзаки висят нормально. Завязаны: через кольцо пропускаешь и лямки. Петельку делаешь из репшура.

Тут начинается хохот. Гомерический хохот самый настоящий. Все смеются: Даутер, я... Когда я смотрел фильм «Они сражались за Родину». Наши, после бомбёжки, когда они в окопах были. Немцы бомбили передний край, где они были в окопах. И когда бомбёжка кончилась, они начали отряхиваться от земли, выкарабкиваться. Кто живой, а кто неживой. Ночью. И начинается этот смех. Гомерический смех. (Бондарчук, Шукшин). Такой же

абсолютно, всё одинаково. Только мы снег стряхивали и хохотали, а там вот после бомбёжки.

Рюкзак улетел. Там было: спальный мешок... Самое интересное, там была большая банка черной икры. Эта банка была внутри спального мешка. Мы потом спустились, и знакомые наши из Свердловска... Мальцев. А Мальцев во главе команды шёл траверс Северного массива (*Коштан – Дыхтау*). А мы Крумкол шли. А внизу их сопровождали, как они начали от Коштана, их помощники, ребята. Они идут поверху, а те понизу. Дней семь-восемь. Долго довольно-таки шли.

И этот наш рюкзак они нашли. Ребята, помощники. А мы с ними уже встречались в предыдущие годы. На Далларе. Уже знакомы были. Когда мы уже спустились, они приходят к нам и приносят рюкзак. Зелёный рюкзак, карманы все разорваны. В карманах там была сгущёнка, ещё чего-то. Банки. Когда рюкзак летел, всё выскакивало, рвало карманы. И, естественно, внутри пуховый мешок, принесли. Даже принесли сломанный ножик. Наполовину сломанный. Был в кармане. Сломался ножик, но всё-таки они половинку принесли. Ещё чего-то там, не помню. Что было в карманах, всё в основном улетело. Мы говорим: «А банка икры?» — «Ничего не было. Вылетела, наверное».

Мы с ними в хороших отношениях были, Встречались, чай пили. Вначале: «Не, ничего не было». А потом, дальше, разговор: — «Мы там понизу идём, у нас ни продуктов, ничего». Конечно, — говорят, — мы её съели.

Банку икры! (*черная, 1,5 кг*). Конечно, голодные были. Всё ясно. Ну, и молодцы, что съели.

Титановые карабины

А за год до этого мы шли Далар. За ними шли. Была непогода. Да, за Мальцевым шли. Его команда шла. А тогда только появились <титановые карабины>, у них, в частности. Они на Урале работают, там промышленный район, и тогда это было редкость — у них было 15 штук титановых карабинов. Сделаны они были как треугольные, но титановые. И легче примерно в два раза. И когда мы шли уже под вершиной, там такой вертикальный камин, я там снял два карабина. Титановых. Тогда только слухи были о титановых карабинах. А тут вдруг смотрим — настоящий титановый карабин. По конструкции такой же, но лёгкий.

Тоже приходим, пошли к ним. Обменяться мнениями, там. Я, конечно, пошёл, чтобы отдать им карабины. Хорошие ребята, мы где-то с Мальцевым встречались, хороший парень был. Не чета, скажем, этому, оттуда же, Ефимову. Это не чета. Мальцев и Ефимов — это два разных человека. Ефимов среди альпинистов не человек, а Мальцев — нормальный парень.

Ефимов... Когда они ходили в Гималаях. Канченджанга. Я сам слышал от Пети Кузнецова, зятя нашего Пенчука. Я слышал от этого Пети, что это плохой человек. Ефимов. Никакой он руководитель. Я с ним только на Замин-Кароре встречался. Мы шли маршрут параллельный на первенство страны. Общая оценка альпинистская, что он плохой человек, по отношению к альпинистам. Он себя ставил выше, чем его окружающие альпинисты. Такое мнение. А Петя с ним ходил.

Ну, мы пришли к этому, к Мальцеву. Сидим, болтаем, чай пьём. Я специально затеял разговор, что, мол, видели там карабины. А Мальцев, его напарнику, который последним шёл: — «А, ты, разгильдяй, оставил карабины!» Начал его чихвостить. Он уже его, наверное, чихвостил за то, что тот оставил карабины. «Такие карабины, мы новые заказывали на производстве, 15 штук, первый раз! Я тебе кричал, а ты, значит... Предупреждал, не забудь,ними карабины, а ты...» Уже шутейный разговор пошёл. Я достаю эти карабины и отдаю. На этом деле не разбогатеешь. На Юго-Западном Памире ходили его маршрут.

Про эстрасенса. 1978, Фаны

Фамилия его Херувимов. Его привёз с собой Даутер. Он (Даутер) всегда был склонен к мистике всякой. Доверчивый. В Фанских горах, на Алаудинах, вылезает из палатки и Журздину говорит: там у меня каракурт, паук. Тогда говорили, что пауки кого-то покусали, в больницу отправили, кто-то умер. Он спрашивает Журздина, ты, мол, местный (*Журздин из Самарканда*), знаешь. Тот заглянул, видит, пух летает. Говорит, это пёрышки, не каракурт.

И вот он привез откуда-то Херувимова. Выяснилось, что этот Херувимов многих знает из Фрязино. Во Фрязино были экстрасенсы, которые этим занимались. Рассказывал, как с какой-то женщиной перемещали шарик от пинг-понга: «Она ко мне — я к ней». Когда человек нормальный, не подумаешь, что он врёт. Оно так и было. Про это дело он много рассказывал.

Случай с Натальей Ни. Разговор был у костра, за обедом. Она говорит:

— Я три дня не спала.

— А в чем дело?

— Зуб у меня болит, — говорит. Херувимов спрашивает: — Наташ, что, зуб у тебя болит?

— Да. Я три дня не спала, мучаюсь.

— Будешь спать. Сейчас пища успокоится немного, и я тобой займусь.

Дело было к вечеру, темнеть стало. Там, помнишь, стол был из камней, а палатка Наташи метрах в пяти. Немного прошло времени.

— Ну, что, Наташа, пойдёшь?

Пошли они в палатку. Пробыл он там минут двадцать. Ну, проспали мы ночь. Утром у стола кто чем занят. Кто на восхождение готовится, кто у костра, и все смотрят на палатку Наташи. Ждём, когда она вылезет. Полчаса ждали, но не больше. Потом она вылезает, как всегда, молча. Вышла, подошла, спокойно, села и говорит: — Всю ночь как убитая спала. Херувимов молодец.

Мы спрашивали, чего он делал. А чего делал? Руками водил, не касаясь головы и ничего не говоря. Вокруг головы. Наташа говорит: — Я заснула сразу.

Про ишаков и про сахар

...поклажа съехала, накренилась, ишак падает. За стену зацепился... Потом на Холодную стену брали этих ишаков. Там раза два-три их перевьючиваешь. Идёт, идёт, за скалу зацепит, и — раз, поклажа начинает съезжать, всё больше сваливаться. Ноги начинают дрожать... Нужно его... всё снимаешь и снова. Там идёшь один с рюкзаком, даже тяжёлым, я там однажды ходил с рюкзаком 26 кг, а с ишаком идёшь в два раза медленнее. Если так за четыре часа проходишь, то ишак — это восемь часов. День идёшь. Приходишь в базовый лагерь уже к вечеру. Те, кто с ишаками — жуткое дело. Под Холодной стеной мы ходили, там от чрезмерной нагрузки у меня начинала кружиться голова. До гор у меня было так несколько раз.

Один раз было в моей жизни, я приехал с гор, в горах в форме был. Там своя специфическая нагрузка, ноги нагружаются. А тут я вышел на тренировку и подтянулся сто раз. Недели две уже прошло, как приехал.

Сто раз. И через день поехали в театр. И сахару я принимал много. Начинает кружиться голова, и рвота. Это от перегрузки, когда был перерывчик, потом в охотку давал себе большие нагрузки, и кружится голова и рвота. В театре я сел там с краю. Побежал в туалет, там вырвало. Потом голова начинает болеть. Не кружится, болит. Когда от перегрузки мышцы, то долго болят. В этот момент, когда болят мышцы, было такое состояние. Потом я наловчился. Я принимал горячую ванну, поливал голову, грелся весь. И это как-то успокаивал. Это когда много тренировался, были такие моменты.

И вот то же самое под Холодной стеной, прошли пять километров с грузом. Пошли на подход нести эти рюкзаки, я шёл, и у меня голова кружилась. Челночили. Речку переходить надо было вброд. Дня три — четыре так было. Потомходишь в постоянную нагрузку. А то тут бежишь, а на следующий день — вот это, голова кружится, рвота. Я уже запомнил. Думаю, наверное, много сахару. Я перестал потреблять сахар. Это быстро проходило. Я наловчился и понял, что лишний сахар мешает. Наловчился,

сумел себя понять. Хотя сахар, если ты тренируешься, завтра соревнования, надо большую долю принимать сахара. Это методика, так и должно быть. Когда соревнования, расходуешь много энергии, и в организме должен быть сахар. Перерабатывается и – в мышцы. Мы до этого сами доходили. Были медики, это всё наука, надо знать и понимать это дело.

Ещё про сахар и про чрезмерные нагрузки

...Мы как-то устроили здесь (*около Фрязино*), на Медвежьих озёрах, там пионерский лагерь, сборы (*когда Толя не был ещё альпинистом*). Нас там кормили, в этом лагере. Давали манную кашу, картошечку в обед, бульончик там. Картошку мятую с котлетой и манную кашу на третье, кто хочет и сколько хочет. Ребята здоровые, тренированные, бегали. Дня через четыре — пять по лесу была тренировка, с ускорениями. Бежим, значит, ускоряемся, ускоряемся. Шведский вариант тренировок. Побежали, раз, второй, и я не могу идти. Не то, что бежать, идти не могу. Нету сил. Такое питание слабое, а тренировались много. На пайке пионеров, которым по семь, по восемь лет. Я еле добрёл до палатки, в палатках жили. Собрали денег, послали гонцов в магазин, достали краковской колбасы и подкармливались колбасой и хлебом. Тут надо очень аккуратно.

Я рассказываю, как меня тогда Саша Лаптев спасал. Сахаром. При спуске с вершины наш товарищ сорвался на льду и повредил ногу. Поставили палатку. Вечерело. Наташа Горячих осталась с ним, а мы с Валерой Кравченко побежали за помощью. Дело было в Дигории. На поляне Нахашбита был лагерь нашего сбора. Пришли мы туда уже ночью. Собрались и на рассвете пошли вверх к раненому. И вот утром меня оставили силы. Ни рукой, ни ногой... Саша Лаптев берёт пачку сахару (полкило) и разводит сироп в полулитровой банке. Я выпил и ожил. Поднялся со всеми, а на спуске уже мог нести раненого, как все./Б.

Винокуров. Двести грамм сахара растворяется в ста граммах воды. Это я точно знаю. А вот ещё у меня было. Обморок. Сборы в Фанских горах кончились, а мне надо подписывать документы. Завтра мы уезжаем. Надо подписывать у Мумджи. Он в Артуче, а мы на Алаудинах. Договорились, ждут машины, с ишаками, послезавтра уезжаем в Самарканд. Я пошёл в шортах, футболка у меня, полбуханки чёрного хлеба и чего-то немножко было, колбаски кусочек. Я побежал налегке. Рюкзак для виду. Маленький. Я прибежал на Куликолоны, там Мумджи никакого нет. Я погнал в Артуч. Бегом всё, особенно подниз. Прибежал в Артуч, Мумджи меня покормил, бумаги подписал. Спать я устроился в какой-то палатке. Я на один матрац лёг, а другим прикрылся. Проспал ночь и утром часов в пять пошёл наверх. Конечно, никакого завтрака там... На Куликолон, потом на перевал. В общем,

я к вечеру спустился на Алаудин. Наших никого нет. Уехали все. Какие-то там туристы стоят. Я пришёл на свою стоянку, костёр пощупал — угли холодные. Давно уехали. А у меня штормовочка, футболочка и шортики. Какой-то руководитель, я у них у костра... Они меня в палатку выпустили. Перед этим они ужинали, а у меня эта буханка, я её не съел. Смотрю, их руководитель по полтора кусочка выделяет сахару. Туристам этим, их человек пять или шесть. Отсчитывает. На бумажке записал: этому отдал, этому... Всё записывает... Я думаю, ёлки с палками, у меня полбуханки хлеба чёрного! Думаю, сейчас я отдам, а мне надо бежать далеко, да потом до Самарканда доехать. Думаю, не буду есть ничего, показывать, что у меня что-то есть. И у них не буду просить. В общем, лёг. В палатке ничего не было снизу, на полу. Холодно, я почти не спал. Только рассвело — я вниз, и бегом. Пробежал сколько-то километров, там, где уже Чапдара течёт белая. Вода чистая в Чапдаре. Остановился, есть не хочется, видно, уже переголодал. Поломал хлеб, попил воды из речки и дальше бегом. Я добежал, где Зеравшан, посёлок, завод, сурьму, что ли добывают. И выскочил на дорогу. И всё это время нигде больше не ел и не пил. Вышел, какой-то ГАЗик меня подобрал.

Привезли они меня в Айни. Я захожу, там столовая. Или чайхана? Нет, столовая. Стал в очередь. Заказал там, талончик, взял четыре компота. Стою в этой очереди и чувствую — меня повело. Теряю сознание. Я понял, что я не пил, всё время бегом по жаре бежал. Я – к крану. Голову сунул и ещё пью. Пью, пью. Попил, опять в очередь. Как раз подошла очередь, я, помню, суп взял, ещё чего-то и четыре компота. Четыре стакана. Но тут я немного уже отошёл. Но сразу не проходит. Я выпил компот, есть не хотелось. Потом поел...

...и немного про Даутера

(про голодание по Бреггу. Организм привыкает, и потом день не поел, два – и ничего)

...Даутер, я к нему пришел. День рождения был у его жены, что ли. В Химках он жил. Мы пришли, он то ли одиннадцатый, то ли двенадцатый день голодает. Жена стол накрыла. Он пришёл, посидел. Но он пил только воду, причём, минеральную воду. Мы сели, он открыл бутылку минеральной воды, что-то выпил. Я, говорит, пойду побегаю. Он сидит уже заторможенный такой. Его спросишь, он не отвечает. А должен был двадцать дней голодать. Одну воду пил. Мы за столом сидели, он появился.

Один раз мы откуда-то приехали с Кавказа в Терскол. Лагерь Адыл-су, там начуч был Шилов. У него задача, чтобы на восхождения никто не ходил. Мы сдуру пришли к нему, поставили около лагеря палатку, пригласили его. Поговорить, давно не

встречались. Залезли в палатку, Подымов был, Даутер был, я. Мы говорим: — Юра, выпусти нас на Ушбу. Он, как всегда, начинает говорить: — Зачем?

Все полулёжа в этой палатке. Даутер, значит, задаёт ему вопрос какой-то. Беседа идёт не спеша. Задаёт вопрос, Шилов начинает отвечать, а Даутер захрапел. Юра осёкся, на Даутера смотрит, а он задал вопрос и успел заснуть.

Этот Даутер. Один раз на Даллар с ним идём. Вроде как прошли. Была плохая погода, а мы в непогоду пёрли. И вот видим, как в стороне вроде тур сложен. Я говорю, Борис,... иди,ними записку. Метров 10-15. Полочка небольшая. Вот он пошёл туда. Погода плохая, пуховка, каска. Он подошёл, около тура остановился. Надо разгрести, вынуть записку, написать свою. И вот он примерно это час делал. Плохая погода. Капюшон у него — хоп, назад. Записку надо спрятать, за пазуху, вроде как холодно, он одной рукой капюшон надвигает. А его сдувает. Он опять его ловит, капюшон болтается, он ловит. И вот так час целый стоял. Доставал записку, и ещё писать надо было. Он целый час писал записку. Всё время боролся с этим капюшоном, который слетал с головы, его надо было поймать. Стоишь и удовольствие испытываешь, когда видишь, как этот человек пытается что-то сделать, и всё время ему мешает этот капюшон. Ну, плюнул бы на него, да и сделал. Но ветер, снежок метёт, непогода. С Даутером всегда интересно ходить.

Про Чатын и Чапдару

...Первыми Чатын пошли команда Абалакова (в 1957-м). А потом через год (1959) пошли Снесарев и Мышляев. Мышляев в 63-м погиб на Чатыне. Карниз свалился. Они же десять человек пошли. Десять человек в таких горах, как Кавказ, сложный маршрут не ходят. Десять человек, это где-то там Памир или Гималаи. Идёт экспедиция. Не ходят все вместе. Это же сразу возрастает опасность. Так же, как, говорят, нельзя связываться больше двух. Редко, если тройка.

Б. 1963 год. В прошлом, 1962-м году Мышляев свершил свое первое высотное восхождение на пик Революции по сложному маршруту. В том же году В.Абалаков сделал попытку взойти на пик Коммунизма по Южной стене. Там был и Миша Хергиани. Не получилось. В 63-м Мышляев собрал сильную команду и тоже нацелился на Южную стену. Но в 63-м все экспедиции отменили. Неурожай и прочее. Не знаю, правда или нет, но говорили, что и Виталий руку приложил, чтобы не пустить Мышляева на п. Коммунизма. И тогда Мышляев поехал на Кавказ, чтобы сделать с командой несколько ственных восхождений. У Мышляева была сильная команда. Божуков, Баронов, Космачев, Коршунов, Ю.Смирнов... Для них это был

тренировочный выход. Мы тогда были рядом и видели, как они собирались под Чатын.

В. Это неважно, тренировочный или какой. Есть законы, которые должны выполняться. А неважно, какого ты уровня, класса.

Б. На разборе что Овчинников сказал. Все к вечеру приходят на ночёвку. Ночуют, а утром проходят под карнизом. А они были на ночёвке в 11 утра. Они там быстро шли. И решили выйти на вершину. Тогда землетрясение в Домбае было...

Рассказ Винокурова о восхождении на Чатын приведен в главе «1981 год. Кавказ. Первая поездка в Адылсу»

Винокуров говорит о Чапдаре. «...Первопроход. Чапдару я смотрел ещё до. В предыдущий год ходил туда специально, поднимался на перевал. Ходил, смотрел и как бы наметил путь. Наметил, с Даутером мы общались, может даже вдвоём ходили, не помню. В общем, наметил маршрут. И когда тут мы были и всякие фотографии смотрели, я уже этот маршрут решил. Проложил так.

Когда мы туда приехали, первое восхождение перед чемпионатом мы тогда решили сходить эту штуку. Шесть человек. Все мастера спорта. Лев Воробьёв, Журздин, Джапаридзе, Монаенков, Мерлис, Винокуров. Собрались и вышли туда (*уточнение: Монаенков, Джапаридзе, Воробьёв были КМС*). Мы выпустились сами.

Решили выходить в три часа ночи. Подошли туда, там где-то переночевали, и в три часа мы вышли. Ночью. А перед этим несколько дней я там смотрел, всё время засекал, когда течёт вода. Видны издали маленькие водопадки. И вроде как в час дня. Водопады. Ну, в час, до часу можно работать.

Вышли в три часа (*ночи*) и пошли, там такой снежник, но этот снежник весь изрыт оврагами. Метра по два. Чередуются: овраг — бугор, овраг — бугор. Борозды такие. Как в поле, когда картошку окучивают, только не тридцать сантиметров, а два метра. И мы по этим оврагам в темноте, в основном по гребешкам, подходим к этому маршруту. Подошли, сразу начинается вертикальная стенка. Мы там оделись. Сразу я пошел, как-то влево начал забирать. И полез. За первый день мы прошли сюда вот (*показывает на фото*). Здесь вот такое нависание, мы прошли под него. Там лезется, пятёрочное, и шестёрочное, может. Прошли верёвок шесть.

Потом здесь вот остановились на ночёвку. Немного зашли сюда, потому что там такая полочка, снежок, и нависает эта хренотень. Прямо нависает. Начали на следующий день обрабатывать. Я говорю, это нависает, а здесь тоже вертикально. Кое-где били, конечно, шлямбура. Полторы верёвки, одну, может, обработали. И спускаемся сюда.

На второй день, вечером, — реактивный самолет! (*показывает фото*). Вот отсюда, иногда отсюда, но тут, правда, подальше. Тут — рядом прямо. Справа. Как рядом с самолетом стоишь, и вот он рядом проезжает — гул стоит. Лёд, снег, всё летит, рёв, как рядом самолёт. А мы здесь находимся. Вот, где черное. Пролетает, несётся, и всё вниз. Думаешь: «Елки с палками, если бы мы там находились! Что это было бы!» И вот здесь мы проводим три дня.

За три дня мы прошли всего вот столько. Там вроде и Мерлис ходил. И я. После этого момента, помню, Монаенков шёл. Здесь такие были места. Кто-то идёт там, а внизу стоят, растягивают плёнку над головой, и на неё льёт ручей. И вот под этими ручьями мы до десяти часов! Я всё (*когда приходил и снизу наблюдал*) замечал, — в час дня, а теперь, видно, нагрелось, и уже начинает в десять вода литься. Там надо или в июне, или осенью идти. Я кому-то говорил, что надо осенью идти.

И вот так каждый день. В десять часов начинает лить, и вот здесь — то место, когда пошёл Журздин и проработал сколько-то, одну верёвку, что ли. Проработал.

А, помню! Журздин прошёл верёвку, вымок весь насквозь. Мы выжимали всё у него, только трусы не выжимали. Потом даже спиртику дали ему. Он дрожал весь. Замёрз. И вот пришли сюда (*показывает*). На следующий день я пошёл первый. В каком-то месте верёвка примерно метр проскользнула. Видно замёрзла ночью вода, потом, когда я натянул, проскользнула. Метр. Журздин верёвку одну прошёл, вернулся, и заночевали. И когда утром всё замерзает, я прошёл метра два, и она выскочила. Дальше я прошёл сюда, тут было такое место удобное, полочка была.

Потом Джип пошёл. После этого снова пошёл Журздин. Он идёт, и ему в рот попадает камень. В рот попадает, он кричит: «Умираю!», снизу подскакивает Мерлис к нему, рюкзак у него снял, ещё чего-то, освободил его. И вот он в таком виде подходит к нам, кровь, губа рассечена. Заячья губа. И нет одного зуба. А второй загнутый туда. Мы начинаем вокруг него суетиться, он зуб берёт так, раз — и на место поставил. Второй. Поставил на место, начали бинтовать — губа рассечена. Всё забинтовали. В таком виде здесь мы останавливаемся на ночёвку.

Трагедия, все сюда поднялись, надо идти дальше, уже крыша недалеко. Стена чёрная, без конца льёт. У нас есть шлямбурные крючья. Я говорю Джипу, давай, проблема. Слева нависающий карниз, метра три потолок у него. И трещина там сантиметра три. Причём нижняя часть карниза — массив, может отскочить и улететь весь. Такое впечатление.

Джип пошёл прямо вверх с этого места, где мы остановились на ночёвку. А там всё течёт, и щелей никаких нет. Шлямбура два забил. Под водой, что там забьёшь. И он там проболтался до самого вечера. Он спустился, здесь мы заночевали. Утром я встаю,

говорю, надо идти вот сюда вправо. Набрал снаряжение и пошёл. Вправо, а потом под карниз полез. Прямо под самый карниз. Вылез под карниз, забивал там шлямбуры. Из-под карниза вот сюда пошёл траверсом. Прошёл траверсом, тоже по дороге забивал какие-то шлямбуры. 60 метров всего прошёл. Отсюда досюда 60 метров. Джип, там его рвало, он держал меня. И когда я сказал Джипу: «Давай, приходи», он пришёл сюда.

От этого метр нависает, а дальше шероховатая скала, руку кладёшь, и каждый палец в дырку попадает. Там метров десять я, раз! проскочил и выскочил вот сюда. А там полка. Снежок, где воды можно набрать. Но воды там хватало. И вот тут всех я принимал. Я справа прошёл, а все поднимались вертикально, вот так вот. Я начал в семь (*утра*), а в три сюда вылез. Шестьдесят метров. Вот сколько по времени (*восемь часов*). Всех сюда приняли. Журздин со своими зубами, наверное, они уже так не болели, стабилизировалось.

А потом утром я слегка так наискосок. Уже есть куда ноги поставить, и я это дело просадил, даже крючьев не забивал. Хотя круто там было. Там скалы такие — куда ни поставишь руку — впивается в пальцы. Как пемза, такого характера скалы. Можно вертикально по ним лезть. И здесь я раз, раз, вылез. Вот на эти скалы мы вылезли, а там всякие ниши. В небольшую глубину. Устроились в разных местах, сели. Палатку, ничего не ставили. На ночь устроились там все. Изрезано там, гребешок, есть места, куда можно притулиться, за камень... Не холодно. По двое сидели.

Б. Вот здесь вы три дня шли.

В. Да. Три дня.

Б. Потом вот здесь вот, ты говоришь, Монаенков.

В. Да. Потом Журздин пошёл, прошёл верёвку, спустился, мы устроились на ночёвку, а потом я начал идти. И верёвки, от силы, две с половиной. Потому что пока мы его приняли (Журздина), пока разобрались, устроили его...

Вот тут полка нормальная. Но вот тут всё нависает. Это место — всё нависает. Верёвки висели и не касались стены. Прямо от этой верёвки вверх вылезал наверх по вертикальным верёвкам. Это место самое сложное. И тут вот тоже. А выше, здесь — я уже ходил два или три раза на Чапдару. Там легко уже.

В. ...А слева — маршрут Кустовского. Это девки наши прошли, чемпионы страны. Чемпионат Федерации. В истории, не знаю, как за границей, но у нас в стране и в СССР никто такой сложности женской командой не проходил. Никто более сложного маршрута — четыре тётки! — никто больше не проходил. Они единственные пока, такой сложности маршрут пройден чисто женской четвёркой.

Тельпов прочитал это место и сделал такое замечание: «На самом деле это восхождение было «первой ласточкой». Через

несколько лет Тамара Зуева сходила первую женскую 6А в двойке с Наговициной на Замок через Парандас (Хотя я не уверен, что это было труднее 5Б Кустовского). Потом Наговицина ходила шестёрку на Бодхону. Потом команда Коптевой ходила очень сильные маршруты, включая первопроход 6Б на Транго Тауэр в 2011 году. Этим летом красноярская женская группа прошла сложную 6А на Блока. /А.Тельпов, январь 2016.

...Американка на этом маршруте, на «Носе» (*Эль-Капитан, США*), она там много тренировалась лет, и она пошла. Но она шла с парнем. Страховал. Мы фильм смотрели про эту девку, американку. Она ночью тренировалась, готовилась, вдруг застрянет ночью. Весь маршрут она несколько раз проходила. Тренировалась там, всё знала.

А эти пошли, и всё. Маршрут Кустовского. 5Б. Прошли. Я наблюдал за ними. Я их встречал. В том году я их всё время встречал. Они спускаются с Чапдары туда (*на запад, на ледник Бодхона*). Шесть дюльферов. Поднялся туда. Там ледник идёт, и тропа по морене. Уже вечер, и я вижу, они спускаются. По этим дюльферам. И вот остаётся последний дюльфер. Одна спустилась, вторая спустилась, потом третья спускается. И дальше идёт, я знаю, Ирина. Я в бинокль смотрю, темнеет, темнеет. И, смотрю, начинают выдёргивать верёвку. Она (*верёвка*) не идёт. Через некоторое время темнеть начнёт. Смотрю — кто-то полез наверх. Железникова, я потом выяснял. Наверх полезла распутывать верёвку. Распутали, и уже вроде как увидел я, что она спускается опять. Дальше уже потемнело совсем. Потом, я спрашивал, они выдернули, спустились. Там спускаешься по осыпи, потом мультяшка, и дальше с той стороны — ледник. Ну, на морену. Они в этой мультяшке ночевали. С пищей у них плохо было. А я принёс специально пищу им, думаю, подкормить. А потом утром рано я послал туда Тельпова. Жена его там. Давай, иди, встречай. Вдвоём он с кем-то. Они взяли поесть. Рано их отправил.

Как-то было 20 лет этому восхождению. ...Я в Фанах вроде был восемь раз, что ли.

Про лавины

...Вот мы шли на Корженеву (*пик Евгении Корженевской*). По маршруту Лёвы Добровольского. Это был мой первый инструктор, Лев Добровольский. Он был во втором разряде, и примерно неделю он был инструктором.

И мы шли его маршрут на Корженеву. Ну, он требует знания гор. Когда мы вышли уже на сам маршрут, в основном шли там по скалам. Первая часть вертикально вверх.

...И вот я иду, склон снежный, дальше там скалы, ещё чего-то... А тут я иду. Эти нашлёпки скальные. Чего-то так жарко. Я первый

шёл, потом остановился, что-то снять, верхнюю какую-то одежду, и эти прошли, Прокопенко и другие,... прошли, идут вверх, топчут этот снег. Дело к вечеру, скоро надо на ночёвку. Вижу — справа лавинный вынос, замёрзший, а в середине такая скала. Они уже подошли под низ этой скалы, слева так. Начали ставить палатку. Я им кричу: «Ставьте направо, направо!» Они — нет, не послушались. Ну, я подхожу, говорю, чего не ставите вот туда? «Ну, уже палатку поставили». Поставили, растянули, примус уже зажгли. Только зажгли примус, начались эти лавины. Солнце ушло на запад и стало бить прямо в стену, в весь этот массив. Начались лавины, мы, значит, выскакиваем, надеваем ботинки, не зашнуровав. Вдруг идёт лавина прямо на нас. Мы — вправо, куда я говорил надо идти. Туда проходим — начинают лавины с той стороны. Мы там тропу протоптали горизонтальную. Под скалами.

И вот, мы побежали, а лавина накрывает всю нашу палатку. И всё ползёт так медленно. Снег, массив, палатки нет. А мы бегаем с той стороны и сюда. И так часа полтора. Пока солнце не зашло за гору, и всё сразу остановилось. Снег замерзает мгновенно. Остановилось, но тропа то протоптана, тут палатка. Мы начинаем копать, докапываемся, палатка там. Сплющенная. Всё копаем, добываем. Потом смотрим — крышки нет. Сходили вниз метров сто, нашли крышку от кастрюли, ещё чего-то. Я говорю, нужно же понимать, соображать надо. Я кричал, не стоял. Надо было настоять. И всё было бы на месте, и палатка, и всё. А буквально палатка была в метре от места, не задетого лавиной. Надо было метров 10 в сторону поставить. Лавина здесь уже тормозила, почему кастрюлю нашли. Крышка метров сто ниже, лавина её протащила и остановилась. Крышка почему-то ей понравилась.

Потом дальше шли. Я уже понимал. В одном месте, тоже какой-то такой склон, довольно крутой, и снег. Мы шли утром после ночёвки. Подходили под скалы, подрезали снег. Я всё думал, что надо быстрее проходить и цепляться за скалы.

Стрыгин такой есть. Ходил по горам в Хибинах. Сергей, зять. Показывает кино: долина, скалы справа, а они идут по центру. Мульда. Я только хотел сказать, рот открыл: «Вы не там идёте». И вдруг кадры останавливаются, и потом начинают снимать, когда их уже засыпало. Засыпало слегка, торчат два или три человека, а другие, как бы откопались, их не засыпало, они фотографируют. Я говорю: «Разве так ходят? Надо было прижаться к какому-нибудь берегу, идти недалеко от скал. С них ничего не слетит». Я уже чувствую, где чего может быть.

...А в это время в Южной Америке. Там непогода. Маэстро, итальянец, взял перфоратор, компрессор и бурил. Всё на шлямбурах.

Они (с Урала) там шли. Там хотя лето, но — как зимнее восхождение! Им дали первое место, а ленинградцам второе. Хотя они шли там чего-то дней 17.

Там, если на небе появилось в каком-то углу маленькое облачко — это непогода. Уже непогода. Уходят, и снова ждут. Причём, палатку не ставят. Её снесёт, такие ветра там. Поэтому все живут в пещерах, отрывают снежные пещеры. Даже Гешкенбейн был со своей женой, они там тоже вырыли пещеру. Там все так. Плато, и на этом плато пещеры. Так там пережидают непогоду. А если много облаков, то всё. Ветер ужасный, холод, и всё прочее. Там узкая кишка эта, Южная Америка.

И такая же погода в Новой Зеландии. На днях звонил Щербаков мне, Шура. Звонил, он там живёт. Говорил: «Ко мне приехали ленинградцы». У него друг в Ленинграде, и он уговорил их поехать туда. Одинцов, известный восходитель, он в Пакистане маршрут свой проложил. И, говорит, они пошли на пик Кука, самая высокая гора. Там маршрут самый простой, насколько я знаю, тройка. ЗБ, что ли. Так вот, он говорит, возвращаются, к нему едут домой. Не смогли пройти эту вершину. Непогода такая. Суровая. С той стороны Индийский океан, а с этой — Тихий. Причём это в районе сороковых широт. Вечно бури там, непогода. Вот и всё. Где только ни были они. Всё ходили.

Про разное

...Когда распался Советский Союз, на первом чемпионате России на Холодной Стене иркутяне выиграли первое место. А ленинградцы во главе с Балыбердиным заняли второе место, проиграли две десятых балла. И я там с этим Балыбердиным. Наши ушли, а Балыбердин приехал попозже и всё рассматривал маршрут. А я за своими смотрел и пришёл к нему наверх под стену. И он ещё чаем угощал. Некоторое время общались. Они потом пошли. 0,2 балла проиграли, и я потом ходил на заседание, когда объявляли. Они там возмущались, что они лучше. По-всякому судили, судили, отбрасывали два крайних результата, судьи. И всё равно получалось, что мы там выиграли. Капитаном был у них из Иркутска парень, который в этом году погиб. И ещё ленинградец какой-то тоже погиб.

Он зимой шёл Айгер по северной стене. Зимой. Мы директриссиму шли, потом не дошли и в верхней части свернули на классический маршрут. В Альпах. Раньше писали «Эйгер». А Айгер прошли в 1938 году. В 36 году были Олимпийские игры. В Берлине. Расцвет фашизма. «Триумф воли».

В 1936 году проложили дорогу, железную, в центре Айгера. Справа стена. Справа заезжают, и потом внутри вершины туннель, поезд разворачивается и уходит на перемычку между Юнгфрау... Три вершины: Айгер, потом Минх, потом Юнгфрау.

Между Минхом и Юнгфрау, на плато, станция. Высота три, примерно, с половиной. Дорога сделана в 36 году! И сделали станцию посредине Айгера, чуть пониже. Там шесть или семь окон больших. Там поезд всегда останавливается. Ходят они парами. Два вагона, потом ещё два вагона. Расстояние в пяти минутах, может, в десяти минутах. Вертикальная стена. И эти окна. Дорогу уже проложили, а стену <альпинисты> не могли пройти. Спустился два года четыре человека, в основном, немцы, прошли эту стену. Им вручили олимпийские медали. Гитлер вручил.

Кстати, там куча трагических восхождений на этой горе было. Помнишь, на Ушбе ночью кто-то завис на дюльфере? (1965 год, погиб Славик Цепелев из МВТУ, я там был в головном спасотряде. /Б.) И такая же ситуация была на Айгере. Какие-то мужики делали первопроход... Он несколько лет там висел. На Ушбе его сняли, а здесь несколько лет висел мужик на верёвках. И через несколько лет только сняли. Подошли, верёвку обрезали, и он улетел вниз. Выше этого места ночёвка есть, называется «смертельная» (слово такое есть...). Висел, потом сняли, потом, уже в 38-м прошли стену. И вот там, где нижнюю часть проходишь, там есть дверь наружу. Ты туда можешь залезть и сесть на поезд. Станция ещё далеко, но там обязательно остановится поезд, тебя посадят без проблем. Там вообще, что относится к альпинистам, четкий порядок. Всегда помогают. (Разговор о том, что у нас лыжню ногами топчут, собак пускают прямо на лыжню). Там альпинизм чётко... Вертолёт, снимают, без денег.

В Шамони. Вот там я спустился по всем канаткам сверху, меня застала непогода. Жуткая, наверху у канатки дует, дождь, снег и ветер. Два парня даже кошки снять не могут. Они по этой лестнице в кошках... Ну, что там — отстегнуть кошки? Нет! Настолько напуганы непогодой, что не могут отстегнуть кошки, прут, а наверху канатка, домик, крыша, всё там, можно укрыться. А здесь, на лестнице, она метров пять от скал, всё продувает. Такая непогода.

Канатка заработала, поехала вниз. У меня денег нет на автобус. А потом выясняю — автобус для альпинистов. От канатки везёт бесплатно в город Шамони. Может и платный автобус, но если ты альпинист, никто не скажет: — «Вьлезай!». Когда сильная непогода. выставляют дозор полицейских. Знают, в непогоду могут улететь. На Монблан траншея до самой вершины. Когда непогода, есть возможность в трещину. Или ошибиться, выйти не туда и погибнуть.

Стоят полицейские, два-три человека: «Не советуем. Не пустим вас, возвращайтесь». Не пускают. Хотя в нормальную погоду иди куда хочешь. Не надо ни регистрироваться, ничего. Но когда плохая погода... Там тропа, чтобы спуститься на ледник, лестницы набиты. Иногда лестницы такие, что с поднудением,

такая крутизна. И эти лестницы каждый год добавляются. Ледник отступает, там каша, плохо идти. Или продлевают лестницы, или вешают здоровый канат. По нему придерживаешься.

За этим следят всё время. Я сколько раз там был. Всё время рельеф меняется, и они всё время добавляют. Мужиков, которые этим занимаются, я видел там. Притащили канат, начинают крепить. Занимаются люди этим делом постоянно.

Про границу

Мы с Ириной собираемся в Швейцарию. Там, рядом с Цюрихом, живёт Дима Гешкенбейн. От Цюриха километра два. Деревня. На окраине Цюриха есть университет. Он там. Он вообще-то физик-теоретик, выпускник Физтеха. Защищался он здесь. И докторскую здесь защищал. В Черногловке. А там ему премию какую-то государственную дали. Приезжает сюда дней на десять.

Б. /Собирается домой/ Ты читал рукопись...

В. Мне понравилось. Неграмотности нет. Мне нравится, как написано, Ирина тоже читала немножко. Всё нормально, живо всё. А то, бывает, пишут, и не хочется читать. Жизнь в горах, в базовом лагере, тоже интересная штука. Ирина говорит: «Что это в палатке жить, это плохо, это сырость, дождь пошёл — деваться некуда. Надо в дом». Это вроде как цивилизация. Но, вообще, мы ездили по Европе, много в палатках. Приезжаем, снимаем, раз, ставим палатку.

И. Мы уже давно в палатке не жили. Дом снимаем и живём там. Посудомоечная машина...

В. Палатку снимаешь, а там, в центре — душ, туалет нормальный. С туалетной бумагой. Умыться, постирать. Машины стиральные. Нормально. Цена — семь долларов с человека. Так и в Америке. В Йосемитах. Палатку ставишь, есть ящик металлический, куда продукты можно положить, ну и туалет тут рядом. Три доллара. Есть летние домики. А есть пятизвёздочные отели. Выходит из гостиницы — его автомобиль подгоняют.

Б. Я в Безенги три года тому назад мёрз в палатке. После семидесяти стал мёрзнуть.

И. Всему своё время. Каждому возрасту...

В. И в Италии. Шесть на шесть площадка. Ставишь машину, и тут же ставишь палатку. Тут же водопровод, электричество есть, стол обычно с собой привозишь. 50 метров до воды. Пляж песчаный. Всё. Каждую субботу-воскресенье — танцы.

И. Молодёжь танцует, а мы на них смотрим. Выезжают большими семьями, мамы, папы, бабушки...

В. Километров десять от Венеции. Там сплошь такие участки. Загоняешь машину, куда хочешь иди там. Всё нормально. Можно дня на три приехать. Пляж. Позагорать, покупаться, потом поехать в другое место.

Б. В Крыму мы с дочкой жили, с Машей, и с младшими. Километра три было до дома отдыха. Но когда танцы, они там такую музыку врубают, что за три километра мне было беспокойно спать. А как же там отдыхающие?

И. Там до десяти, до одиннадцати вечера.

В. В Италии, во Франции, где Лазурный берег, Ницца. Весь этот берег идёт до Марселя. И там, когда мы в августе приезжали в самый пик, мы там, конечно, ничего не нашли такое. Отъехали километра два — два с половиной, нашли, нормально. Везде на машине ездим. Один раз только летали. В Америку летали.

Расширенную версию записи беседы можно прослушать на youtube канале по ссылке, или отсканировав QR код:
<https://www.youtube.com/channel/UCyViv6kxIGwn99SuOFIVHaQ>

*У Винокурова. Слева Джапаридзе, справа Борисов
03.11.12 Фото Сергея Багирова*

Журздин и Винокуров 03.11.12 Фото Сергея Багирова

Часть III
И ЕЩЁ КОМАНДА...

После периода 1976-82 годов Винокуров отправился на высоту и провёл несколько успешных экспедиций на Памир. Высотный альпинизм у него пошёл так же хорошо, как и стенной. Центральный Памир, пик Коммунизма, пик Евгении Корженевской, Юго-Западный Памир. С ним ездили альпинисты из областного «Труда», из «Зенита», старые друзья-соратники. Это были люди одного поколения с Винокуровым: почти ровесники или немного младше (скажем, лет на десять). Шло время, они старели, уходили кто куда – инструкторами в лагерь, на работу с молодёжью... А Винокуров не старел, хотя ему в 1985 году исполнилось 50. И со второй половины восьмидесятых Винокуров стал ездить с новой командой, с выпускниками МФТИ (физтех). Физтех как ВУЗ относился к студенческому спортивному обществу «Буревестник», а по расположению (г.Долгопрудный) к Московской области.

Новые соратники были лет на тридцать младше, совсем другое поколение. Для них Винокуров был «патриарх», в заслугах и сединах. И этот «патриарх» ходил с ними на равных на сложнейшие стены. Из «старой гвардии» с ними ездил Витя Мерлис, ещё – замечательный альпинист Валера Бойко, ещё – молодой Миша Лебедев из Черногловки.

В этой третьей части книги приведены воспоминания физтеховцев: Тельпова, Гешкенбейна, Щербаклова и Бутова. Ниже приводится также небольшой текст М.Лебедева, полученный от Шуры Тельпова.

Миша Лебедев

Лирическое отступление. О А.Ф.Винокурове, мудрости и афоризмах.

«Тридцать спиц соединяются в одной ступице, образуя колесо, но употребление колеса зависит от пустоты между спицами. Из глины делают сосуды, но употребление сосудов зависит от пустоты в них. Пробивают двери и окна, чтобы сделать дом, но пользование домом зависит от пустоты в нём. Вот почему полезность чего-либо имеющегося зависит от пустоты.» Лао-цзы.

Один из патриархов московского областного альпинизма, Анатолий Филиппович Винокуров, продолжающий и по сей день ходить на маршруты высшей категории трудности мирового уровня такие как Эль-Капитан, Северная стена Эйгера и т.п. обладает редкой в нынешнее время способностью формулировать свои суждения в яркой лаконичной форме. Пожалуй, каждый, кто с ним общался, мог бы вспомнить короткие и точные фразы, сказанные им по тому или иному конкретному поводу. Фразы на первый взгляд простые и не всегда до конца понятные. Сначала мы относились к ним с юмором и только со временем стали

понимать, что они обладают глубоким смыслом, выходящим за рамки той конкретной ситуации, в которой они были сказаны. На одной из ночёвок мы принялись как-то вспоминать и выяснили, что афоризмов этих уже довольно много, так что возникла даже идея собрать их в отдельную книгу. Правильность этой мысли становится особенно очевидной, если учесть присущее многим древним мудрецам свойство проявлять полнейшую безучастность в деле распространения и сохранения их учения.

Великий китайский философ Лао-цзы, как утверждает легенда, решил, разочаровавшись в своих согражданах, навсегда покинуть пределы Поднебесной. Начальник пограничной заставы буквально упросил его оставить для китайцев хоть какое-то изложение его мудрости. Лао-цзы благосклонно согласился и написал прямо на заставе свой знаменитый трактат в 5000 иероглифов «Дао-де-цзын». Таким образом, мы целиком обязаны сохранением этого философского шедевра неизвестному китайскому пограничнику. (Надо сказать, что и в наше время таможенники и пограничники тоже постоянно просят оставить им что-нибудь на память при выезде за пределы их страны, в чём мы не раз убеждались в Польше и Белоруссии во время наших поездок в Альпы.)

Вторым доводом в пользу издания такой книги можно считать замеченное нами свойство винокуровских афоризмов образовывать вместе цельную, внутренне связную систему, когда один афоризм как бы развивает и углубляет другой. Возьмём, к примеру, один из известнейших его афоризмов: «Не готов!». Высказан он был на одной из тренировок на скалодроме, когда Филиппыч наблюдал за прохождением одним из наших скалолазов сложного места. Пролететь чисто никак не удавалось и народ начал, как это часто бывает, давать снизу советы про то, как лучше поставить и нагрузить левую ногу. Всем казалось, что дело именно в этой пресловутой ноге, и стоит только правильно её нагрузить, как всё получится. И только Винокуров сказал совершенно нестандартную фразу, смысла которой мы тогда, конечно, до конца не поняли: «Нога, хе... Да не готов он! Просто не-го-тов!»

Сейчас, когда мы начали вспоминать другие его афоризмы: «Надо есть хлеб!» (сказано при виде народа, объедающегося фруктами на Ошском базаре) или «Надо больше есть!» (сказано, когда все страдали от горной болезни и есть вообще не хотелось) или «Надо идти вверх!», до нас вдруг доехало, что если не ест хлеб, и вообще не ест и не идёт вверх, то ведь ясно же, что не готов!

(От редакции. Надеемся, что такая книга появится.)

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АНАТОЛИИ ФИЛИППОВИЧЕ ВИНОКУРОВЕ

Первая встреча

В начале 80-х я участвовал в соревнованиях альпинистов Московской области в двоеборье: кросс, потом лазание (по заброшенной лианозовской церкви). Перед стартом я обратил внимание на пожилого мужчину, совершенно седого, с короткой стрижкой и волевым лицом. Он шнуровал шиповки и бормотал себе под нос: «Сейчас мы им покажем, как надо бегать!» И действительно показал — финишировал примерно в первой пятерке. Я потом спросил, что это за седой стриженный дяденька, который так хорошо бегают? «Это Винокуров, из «Труда». Он не только бегают, он в команде забойщиком ходит и никого вперед пускать не хочет». Это запомнилось.

Поездка в Каракол, 1987

Через несколько лет, в 1987 году, наша компания молодых альпинистов из МФТИ доросла почти до КМС-ов, и нас взяли на сборы Московской области в Каракол на Тянь-Шане. Руководил сборами Журздин, а среди тренеров были Анатолий Филиппович и Софья Ильинична Винокуровы. Винокуров выглядел очень строгим и неприступным.

Прямо перед поездкой на Тянь-Шань я был на Кавказе на сборах на жетон Спасотряда. Там было строго — утром будили и заставляли бегать и делать зарядку. Вообще-то я не люблю бегать с утра, но там втянулся, и на Тянь-Шане продолжил, для сохранения формы. Через некоторое время мне передали, что Винокуров пенял тренерам: «Из всего состава сборов только один человек делает утреннюю пробежку! Да и тот из Буревестника».

До норматива КМС мне не хватало двух гор: 5А в двойке и 5Б участие. Журздин застолбил несложную скальную 5А на Менделеевец недалеко от лагеря. Мы хотели пройти ее в двойке с Леной Лебедевой. Я считал, что мы вполне готовы к такому маршруту, т.к. ходили с ней в Крыму четвёрки и пятёрки еще в 1979 году, но начспас лагеря Каракол нас в двойке не пустил. Аргумент был: «Если ты поломаешься, она не сможет тебя спустить». А кто сможет? Тем не менее, гора забита, но на нее не пускают. (Сборы были на базе выездного альплагеря «Каракол», так что полной свободы не было). Журздин предложил мне сходить на эту гору вчетвером, добавить его и Винокурова. Это было очень неожиданно. Журздин — малознакомый мне тренер, за его

А.А. Тельпов

Тельпов Александр Алексеевич, родился в 1960 году в г. Красноярске, окончил МФТИ в 1984 году и после этого живет в г. Красногорске Московской области. Работал всю жизнь программистом в разных отраслях.

Альпинизмом начал заниматься в 1979 г. в альпсекции МФТИ, закончил в 1993 г., потом были эпизодические поездки в Крым и Йосемиты. Любимые восхождения: зимние восхождения на п. Щуровского, Северную и Южную Ушбу, летние на Восточную Шхельду, Джигит, Чапдару, п. 4810, Эль-Капитан и, конечно, многочисленные восхождения в Крыму.

плечами — первопроходы 6-й категории. На Винокурова и смотреть страшно. Винокуров мне сказал: «Ну, ты понимаешь, что мне тоже нужен какой-то интерес идти на эту гору. Давай так: полмаршрута ты первым пройдешь, полмаршрута — я». Так и сделали. Поначалу я вышел вперед, а Винокуров внимательно наблюдал.

— Мда... Это не Мартынов (Леонид Мартынов — МС по скалолазанию и вообще очень талантливый во многих областях человек, один из главных лидеров команды Московской области середины 80-х годов).

— Но ведь хорошо лезет, — защищала меня Лена.

— Хорошо. Но не классно.

На тот момент у меня за плечами было много крымских пятерок, зимнее восхождение на обе вершины Ушбы и большое сомнение. И потом я ходил еще много пятерок и шестерок в Крыму и в больших горах. Но, честно говоря, мое место в альпинизме исчерпывающе описывается фразой: «Хорошо. Но не классно». Удивительно, как точно Анатолий Филиппович определял человека по паре пройденных веревок.

Добавление Б.Борисова по поводу «не классно». Дело было в Уллутау в 76 году. После восхождения мы лежали на камнях недалеко от лагеря и загорали. Я играл в шахматы с Витей Мерлисом (а, может и не с ним). Рядом сидел Винокуров и наблюдал. Партия шла к концу, у меня было явное преимущество и выигрыш не вызывал сомнений, хотя напряжение ещё сохранялось. Я решил, что дело сделано, перестал думать, разменял фигуры и повёл игру к победе. Игра окончилась, Винокуров разочарованно встал и с досадой сказал мне: «Что же ты. Я думал, ты одним ударом закончишь». Я посмотрел на доску и сразу нашёл красивую комбинацию, которую ждал от меня Винокуров и которую я поленился искать во время игры. Таков был Винокуров — везде, даже в шахматах, делать «классно». И в горах. Я мог великолепно пролезть и показать класс, а мог быть не в форме. Винокуров же был всегда «готов», и брал на себя основную тяжесть работы в группе. Он шёл и ровнее, и сильнее, и разумнее меня и моих товарищей.

Кстати, шахматами Винокуров не увлекался.

Фанские горы, 1989 год

Через пару лет оказалось, что кроме нас, молодежи из альпсекции МФТИ, никто не хочет выступать в чемпионате РСФСР в техническом классе за Московскую область. А у нас были одни разгильдяи — никто не хотел ничего организовывать. Все любили только лазать. Меня убедили стать официальным начальником сборов и капитаном команды, и оформлять все нужные бумаги в областном спорткомитете. Я всегда боялся такой деятельности, но понимал, что иначе просто не попаду в горы. Тренерами сборов

согласились поехать Анатолий Филиппович и Софья Ильинична Винокуровы. Чем-то мы им понравились. Винокуров нашел нам доктора, и сказал, что в горах к нам присоединится еще один инструктор — его старый товарищ Виктор Мерлис.

Мы собрались ехать в Каравшин, где в прошлом году были пройдены потрясающие маршруты. Группа участников во главе с Мишей Лебедевым прилетела в Ленинабад (ныне Худжент) за 10 дней ранее, они собирались сначала сходить на пик Ленина. В Ленинабаде наши ребята узнали, что ехать в Каравшин сейчас опасно — начались разборки между киргизами и таджиками, сообщили нам об этом и уехали под Ленина. Винокуров предложил перезаявить объект восхождения на Фанские горы, которые он хорошо знал. Я и еще несколько человек прилетели в Ленинабад, закупили продукты, наняли грузовик ЗИЛ-130, загрузили продукты, загрузили завезенное первой группой снаряжение и поехали на Алаудинские озера. Однажды машина остановилась около арыка. Местные дети принесли топить котят. Утопили одного, а второго не успели. Лена Железникова упростила отдать ей. Это было безумие — везти в горы крохотную кошечку, умещающуюся на ладони. Она отказывалась пить молоко.

Винокуровы всей семьей — с дочкой Машей и маленькой собачкой Тимкой — летели через Душанбе. Мы их забрали на повороте в ущелье, ведущее к Алаудинским озерам. Немного далее голосовал мужчина с рюкзаком и маленькой девочкой за ручку. Винокуровы встрепенулись — да это Леня Курин! Он раньше ездил с ними на альпинистские сборы, а сейчас путешествовал вдвоем с дочкой. Леня с девочкой залезли в машину и жили потом с нами на Алаудинских озерах.

Леня Курин был альпинист-одиночка, но это не афишировалось, и все делали вид, что ничего не замечают. Однажды Леня не успел вернуться к завтраку, его дочку накормили, а когда он пришел к палаткам с сияющим и просветленным лицом, Винокуров о чем-то с ним переговорил. Больше Леня к завтраку не опаздывал.

Кошечка по-прежнему не пила молоко, а на Алаудинах пиццала от холода, поэтому я держал ее в пуховке. Спасли ее туристы — предложили крошечному котенку копченое мясо. Кошечка с рычанием набросилась на мясо, и мы поняли, что она выживет. Потом кошечка освоилась и стала прямо по голым ногам взбираться на колени и требовать еду. А однажды мы вернулись с горы — кошечки нет. Повариха объяснила, что какие-то альпинисты с чужих сборов ее похитили и не хотят отдавать. Несколько раз к ним ходили, и ругались, и просили, но там парни наглые и сильные, не хотят отдавать. Женя Войтенко расспросил, где найти этих парней, и через некоторое время принес котенка. «Женя, как ты смог? Ты дрался? — Нет, просто сказал, что это

кошак Винокурова, они сразу вернули». У Анатолия Филипповича была потрясающая популярность в Фанах. Все знали и любили его маршруты.

Винокуров показал намеченную им новую линию на Чапдару, метров 100 левее маршрута Солонникова. Поначалу она казалась непонятной и надуманной, целый день мы с Витей Комаровым ее разглядывали и примерялись. И под конец линия стала выглядеть естественной, привязанной к рельефу. Винокуров считал, что это будет маршрут 6-й категории, а никто из молодежи не имел опыта классифицированной шестерки, и по правилам не мог быть руководителем восхождения. К счастью, подъехал его старый партнер по восхождениям Виктор Мерлис, у которого в активе было полно шестерок. Винокуров предложил ему присоединиться к нашей молодой компании в качестве официального руководителя. Мерлис посмотрел на нас критически и сказал: «Все это хорошо, но лезть-то кто будет? Они же только пятерки ходили...» Винокуров в ответ вспыхнул: «Кто будет лезть? Да ты и будешь!»

На гору пошли Виктор Мерлис, приехавший из-под пика Ленина Миша Лебедев, и собственно молодые кадры: Вита Комаров, Костя Сахаров и я. Лезть всем досталось, и после восхождения Мерлис к нам помягчел и сказал, что мы — будущие мастера. Погода на маршруте была плохая, Мерлис приморозил руки, а я — ноги. И это в солнечных Фанах! За это восхождение дали второе место в чемпионате РСФСР.

Тем временем Анатолий Филиппович предложил женской части наших сборов пойти по маршруту Кустовского на Чапдару — поучаствовать в конкурсе на лучшее в СССР восхождение женской группой. Только Винокурову тогда это могло прийти в голову. Это малохоженный очень сильный маршрут 5Б категории, а еще никто в СССР не ходил женской группой 5Б, даже простых. Более того — только год назад разрешили ходить чисто женскими командами. Тамара Зуева и Лена Лебедева в прошлом году уже участвовали в подобном конкурсе — ходили 5А на Домашнюю в Ляйляке. В этом году к ним присоединились Лена Железникова и Ира Агаркова. Я не присутствовал при сборах на восхождение, но мне передали яркий диалог.

Ни описания маршрута, ни даже фото стены не было, Анатолий Филиппович давал устные наставления Тамаре Зуевой — руководителю восхождения:

— Надо все время идти вверх, не промахнетесь. Вправо не забирайте — там сыпет, но вы на месте все сами увидите и поймете.

— А вдруг мы все-таки не пойдем и не заметим, как попадем в опасное место?

— Тома, если ты находишься на аэродроме, и неподалеку от тебя взлетает реактивный самолет, это невозможно не заметить. Вам там будет ясно, куда не надо идти.

Восхождение было трудным, но завершилось успешно и, естественно, получило первое место в конкурсе лучших женских восхождений СССР. Следующее прохождение этого маршрута состоялось через 15 лет и заняло второе место на чемпионате СНГ.

Пока мужская команда ходила новый маршрут на Чапдару, Винокуров сидел внизу начспасом. Как только группа спустилась, усталая и слегка помороженная, застоявшийся Анатолий Филиппович предложил части товарищей немедленно сходить с ним 6А на Замок (через Парандас) с условием, что хотя бы половину маршрута он пройдет первым. Мы с Витей Комаровым и Костей Сахаровым с удовольствием согласились. Очень понравилось, как Винокуров лез — аккуратно, вдумчиво и спокойно. Утром первой ночевки на горе Винокуров с рассветом всех растолкал. «Как вы рано просыпаетесь, Анатолий Филиппович! — А я вообще не сплю на восхождении. — А что же Вы ночью делаете? — Я жду, когда станет светло и можно будет продолжить работу на маршруте!»

Возвращались в Москву через Душанбе, и там, на базе «Варзоб», Винокуров поднял тост: «Я вижу, у нас получилась не просто поездка в горы. Я вижу, что родилась новая команда. Я предлагаю выпить за команду!»

Еще запомнилась погрузка в самолет. Я надел пуховку и спрятал в ней котенка. Анатолий Филиппович, чисто выбритый и очень солидно выглядевший, нес на руках свою собачку Тимку, маленькую дворняжку. Работница аэропорта посмотрела на собачку, потом на Винокурова, и спросила: «Это, наверное, породистая собака?» Винокуров выдержал паузу и подтвердил: «Да, это собака очень благородных кровей!» Работница аэропорта с уважением пропустила его с собачкой на руках в самолет.

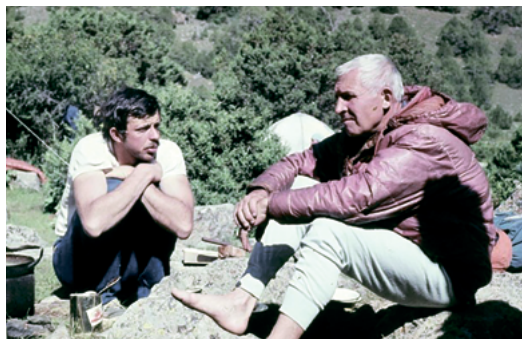
Каравшин, 1991 год

В 90 году я в горы не ездил, а Анатолий Филиппович и наша новая команда добрались до Каравшина. Район очень понравился, и в 91 году решили поехать снова, поучаствовать в чемпионате РСФСР и очном чемпионате СССР. Меня тоже позвали и даже обязали опять быть официальным капитаном команды и начальником сборов под предлогом, что больше никому.

К составу 89 года присоединись альпинисты предыдущего поколения Валерий Бойко и Александр Левченко, знакомые по поездке на Юго-Западный Памир 86 года. Валера Бойко для меня легендарный человек. Рассказы о восхождениях на Гуамыш, Холодную стену, пик Маркса вдохновляли на дерзкие замыслы. Для Валеры все равно, с верхней страховкой он лезет или вообще без страховки.

Еще я пригласил своего старого друга Александра Щербакова. Он мой напарник с самого начала занятий альпинизмом, с ним

мы прошли первые крымские двойки, первые самостоятельные подвиги на Кавказе — зимнее восхождение на пик Щуровского. После института он распределился в Севастополь и ездил в горы с крымчанами, но к 91 году там компания распалась, и он поехал в горы с нами (как член альпклуба пос. Черноголовка — устав клуба местной прописки не требовал). Я ездил в Крым только через Севастополь, обязательно навещал Щербакова, мы вместе лазали и ходили крымские маршруты. Через него я познакомился со многими севастопольцами. Винокуров ранее Щербакова не встречал, но поверил моей рекомендации.

Слева Михаил Лебедев, справа Анатолий Филиппович Винокуров.
Фото Александра Тельпова

Груз забросили вертолетом, а сами пришли пешком через селение Ворух. Винокуров был сторонником активной акклиматизации. Он говорил: «Часто люди делают ошибку — расхаживаются сначала на тройке, потом идут четвёрку, потом несложную пятёрку, а потом нет либо времени, либо погоды, либо сил сходить что-нибудь путное. Я, когда приезжал в новый район, то спрашивал, какой тут самый сильный маршрут? И шел сразу на него. Приехал в Безенги и пошел на Крумкол. В непогоду, практически зимнее восхождение получилось. Зато запомнилось. И еще ошибка: некоторые люди делают перерыв в тренировках перед выездом в горы, чтобы отдохнуть. Надо тренироваться буквально до посадки в самолет». Анатолий Филиппович обладал даром вселять уверенность. Мы для разминки и знакомства с районом пошли сразу на Асан по маршруту Погорелова 6А. На спуске с Асана я увидел СЗ стену 4810 (Вершину называли по отметке её высоты в 4810 метров над уровнем моря). Сказать, что я был впечатлен — ничего не сказать. Даже во сне не мог представить такой стены. В нижней части виднелись черные точки — это магнитогорцы шли первопрохождение.

Через пару дней мы пошли на 4810 по Русяеву, решили заявить его на чемпионат РСФСР. Сейчас этот маршрут имеет самый низкий рейтинг на СЗ стене и разжалован в 6А, но сам по себе маршрут великолепен, а в 1988 году получил золото на Союзе. Не самая сложная, но очень красивая линия по центру стены с удобными ночевками и классическим лазанием без каких-либо извращений типа дырок и скайхуков.

Пошли шестером: я, Шура Щербаков, Витя Комаров, Костя Сахаров, Анатолий Филиппович и Тома Зуева. Тамара Зуева участвовала в отборах в гималайскую экспедицию на Шиша-Пангму. Хотя Тома было объективно очень сильна, искушенный в околоальпинистской политике Винокуров мудро оценил ее

шансы: «Шиша-Пангма, говоришь? Ну, будет тебе шиша!» Тем не менее, он понимал, что участие в восхождении 6Б поднимает ее рейтинг, и предложил нам взять с собой Тамару. Мы с Витей Комаровым и Тамарой когда-то ходили свою первую 5Б, знакомы много лет, и были только рады. Однако Винокурову это вышло боком: после восхождения Софья Ильинична устроила ему жуткий скандал. Она совершенно не могла переносить, что какая-то другая женщина находится рядом с Анатолием Филипповичем на восхождении. Это было ее место!

*Пик 4810, Северо-
Западная стена*

Административные хлопоты по организации сборов высали у меня все силы, у меня плохо получалось лазать, и лидерами работали в основном Витя Комаров и Шура Щербаков.

Когда мы дошли до «бровей», погода испортилась — пошел мокрый снег, потом он замерз и образовал ледяную корку на скалах. Вся стена была белая, за исключением большого коричневого пятна слева. Там было реально круто. Как раз туда шли магнитогорцы, но сейчас их не было видно. Нам самим продвигаться вверх было невозможно, и мы два дня сидели на ночевке. От скуки забрались на левую «бровь», посмотрели тур маршрута Крицука и обнаружили записку магнитогорцев (под руководством Иголкина) о прохождении нового маршрута на 4810. Только недавно до меня дошло, что записка была прошлогодняя, с 1990 года, а так я много лет думал, что это была свежая записка той компании, которую мы видели недавно слева, и восхищался скоростью, с которой магнитогорцы перешли на маршрут Крицука. На самом деле они мудро спустились вниз. А мы сидели на заледенелой полке, ожидая чуда. Это Винокуров настоял — давай подождем. И чудо пришло — вечером второго дня пошел

ливень. По всей стене поверх льда ровным слоем текла вода, в ней ослепительно отражалось солнце. Сумасшедшая картина, в жизни не видел ничего подобного. Вода размывала лед, и сверху посыпались льдинки, похожие на битое оконное стекло. Мы держали над головой наклонную крышу из карематов, чтобы льдинки рикошетили и нас не поубивали. К утру скалы высохли, и мы вышли наверх.

Вставка Б.Борисова. Прочитал до этого места и захотел добавить. Дело в том, что я там тоже находился в качестве судьи по альпинизму. Я привёз с собой половину бинокля – монокуляр с достаточно большим увеличением. В этот монокуляр (трубу) мы с Соней наблюдали за восхождением на вершину 4810. Как ребята шли до полки, не запомнилось. Но вот они вышли на полку, устроили ночёвку, и началась непогода. Засыпало снегом, стена обледенела, ребята остановились. День на полке, второй. Снизу всё видно. Эта скала и ещё несколько соседних вершин удивительны. Словно было когда-то расплавленное озеро горной породы, похожей на стекло, сверху озеро застыло ровным слоем, а потом какой-то великан растопыренными пальцами выдавил вверх там и там эту плёнку, и она застывшей так и осталась. Совершенно гладкие глянцево-белые скалы без рельефа, но с множеством карнизов, карнизиков, и больших, и крошечных в несколько миллиметров. Вся стена видна, нет углов, поворотов, за которыми можно укрыться. И все, кто находится на стене, видны всё время. Абсолютно некуда скрыться. Я привык, что на Кавказе группа видна, если она на снегу, а как только выйдут на скалы, то увидеть сложно. А здесь на гладком полотне стены всё открыто.

Ребята на полке выйдут и стоят. Делать им нечего, полка узкая, не походишь, можно только стоять. Уйдут в палатку, потом снова выйдут и стоят. Всё видно. Винокуров там чаще стоял. Просидели-простояли два дня и пошли вверх. Я изредка посмотрю – лезут. Соня смотрит в трубу, не отрываясь. Конечно, интересно смотреть, как лезут. Но Соня уже чересчур: рано утром перекусит и бегом к трубе, смотрит и смотрит дотемна. Я пытался её уговорить, но ничего не вышло.

...Смотрю в трубу. Ребята поднялись высоко, до вершины день, наверное. Работают. Вот Сахаров последним тяжело поднимается по верёвке. Мне показалось, что они устали – сложный долгий подъём, плюс еще отсидка на полке. Мы с Мишей Лебедевым решили их встретить. Спуск с вершины проходит с другой стороны в соседнее ущелье. Мы взяли палатку и через небольшой перевальчик прошли туда. Поднимались им навстречу, надеясь найти, но так и не встретили. Стемнело, мы поставили палатку недалеко от тропы, чтобы завтра с утра подниматься дальше и искать ребят. Проснулись от громкого женского возгласа: «Так ведь это наши наблюдатели!» Вылезаем, уже рассвело, группа бодро спускается по тропе. Весёлые, и незаметно, чтобы переутомлённые. А мы то, вот

так встретили! хотели чаем напоить, подкормить, и всё проспали. Я Толю спрашиваю, как, устали? – Нет. Выше полки нас уже ничто не могло остановить!

После этого начался очный чемпионат СССР — за 10 дней надо набрать как можно больше баллов. В нашу команду входили Валера Бойко, Саня Левченко, Витя Комаров, Костя Сахаров, Шура Щербаков и я. Винокуров был тренером команды и определял тактику. Первым пошли маршрут Погорелова на пик Слесова по пятам за командой свердловчан под руководством Кленова. Мы снимали их записки и видели, что идем в их графике. Это была одна из сильнейших команд страны, так что было приятно, что мы можем идти в их темпе. Однако на второй день произошла катастрофа: на ногу Левченко уронили большой камень. Мы спустились и вертолетом доставили Левченко в больницу Душанбе. К счастью, с ногой у Левченко все завершилось благополучно. Ну, из чемпионата СССР мы выбыли, а еще через пару месяцев СССР не стало.

*Слева Виктор Комаров, самый сильный и техничный человек в нашей команде. Справа лежит Винокуров. По фото можно оценить жесткость веревок, с которыми мы тогда ходили.
Фото Александра Тельпова*

Каравшин, 1993 год

Первая попытка прохождения маршрута Сахарова

В 1993 году наша команда Московской области снова приехала в Каравшин. Основная цель — пройти новый маршрут по бастиону в левой части СЗ стены пика 4810 (Одессы), где уже пробовали свои силы и удачу магнитогорцы и голландцы.

Костя Сахаров взял на себя бремя капитана команды и начальника сборов. Это дало мне возможность сосредоточиться целиком на спортивной части.

Для разминки пошли на Асан по маршруту Русяева. Начали мы с Анатолием Филипповичем, потом вперед вышли Витя Комаров и Костя Сахаров. Через некоторое время послышался звон и голос Вити Комарова: «Шура, скайхук сломался! Остался один, а тут дорожка из дырок». Я подошел — дырки на плите было видно за несколько метров.

— Витя, мне кажется, ты тут и так пролезешь. Вон и шлямбур видно.

— Не полезу.

И мы спустились. Печально, но современные техничные маршруты требовали специального снаряжения, которого у нас было мало.

Внизу мы купили у отъезжающих питерцев пару рельефных скайхуков. Витя Комаров с помощью напильника, молотка и пассатижей изготовил из 8мм арматуры несколько прекрасных дырочных скайхуков (вокруг было полно железного хлама, оставшегося от деятельности сталинских времен). С собой мы привезли три пробойника «мечта новосела», купленных в хозяйственном магазине. Альпинистских пробойников, с коронкой и каналом для продувки внутри, раздобыть не удалось. Зато у нас была прекрасная Мартыновская платформа, также Костя Сахаров изготовил несколько съёмных шлямбуров.

На первопроход на 4810 вышли вчетвером — Сахаров, Комаров, Винокуров и я. Нижняя часть там пологая, мощные голландские шлямбура снимали все страхи, и поначалу все шло хорошо. Следов магнитогорцев мы не встретили. У большой полки была последняя станция голландцев — они там даже оставили пару красивых карабинов. К большому карнизу подошли по ярко выраженному внутреннему углу, а перелезли его чуть правее. Тут уже пришлось бить дырки, но впереди виднелся какой-то рельеф. После долгих трудов дошли до рельефа — он оказался без щелей, просто граненая скала. Это было большое разочарование, и мы маятниками ушли вправо, в косой внутренний угол. Можно было бы и под карнизом туда траверсировать. Прошли немного вверх, и тут у нас кончилась вода. Было впечатление, что впереди еще много работы, а надежды на воду нет, и мы спустились.

Каравшин, 1994 год. Прохождение маршрута Сахарова

На следующий 1994 год я не поехал в горы. Меня заменил Шура Щербаков и безусловно усилил команду — когда-то мы с ним были на равных, но после нескольких лет жизни

в Севастополе он стал сильнее. Цель была очевидна — маршрут на 4810 надо было доделать.

Начало маршрута по знакомым местам проскочили быстро. У большого карниза немного застопорились. Год назад проходил его я, а страховал Винокуров, но Филипыч забыл место перелаза, а следов видно не было. Повесили платформу на тот же шлямбур, попросили сесть так же, как год назад, взять в руки веревку и постараться вспомнить, где же Тельпов лез. Не помогло.

Пройдя карниз, Щербаков увидел гладкое зеркало, а над ним шлямбур. Он рассказал, что бить дырки очень не хотелось, и он предельно старательно искал старые, но не нашел. Я думаю, что их там просто не было, год назад мы шли левее, а на тот шлямбур попали маятником. Так что, я думаю, карниз пробит дырками по меньшей мере в двух местах. Дальше было в основном ИТО по естественному рельефу с минимумом долбежки и небольшими подлазами. В итоге новый маршрут был пройден за 8 дней, с 7 ночевками. Участники: Константин Сахаров, Виктор Комаров, Анатолий Филиппович Винокуров и Александр Щербаков.

Маршрут считается одним из самых сложных в районе. Второе и третье прохождение сделали много лет спустя, и оба заняли по 10 дней. А потом его прошли зимой и, я боюсь, испортили. Участники зимнего восхождения писали, что основным инструментом был пробойник. Обидно, когда лишние дырки бьют только из-за того, что холодно тапки надеть.

Лена Железникова рассказывала, что Винокуров спустился с горы помолодевший лет на 20, с горящими глазами, необыкновенно красивый, и весь вечер пел под гитару. На момент восхождения ему было 59 лет.

Эль-Капитан, 1996 год

В 1996 году Дима Гешкенбейн предложил поехать в Калифорнию, в гости к нашему товарищу по МФТИ Косте Шмакову (он тогда был аспирантом Стэнфордского университета и работал на линейном ускорителе) навестить Йосемитскую долину и полазать по знаменитым на весь мир гранитам, срав-

*Путь восхождения
1994 года на пик 4810*

нить их с Каравшинскими. Винокуров загорелся, он в свои 60 лет лазал очень прилично, ходил в Крыму хорошие маршруты.

Я всю зиму тренировался на скалодроме в ДДС. Весной встречаемся там с Анатолием Филипповичем. Он с гордостью рассказывает, что зимой поднимал тяжести и набрал 10 кг веса. У него была теория, что в пожилом возрасте для лучшего обмена веществ полезна большая мышечная масса. Но в итоге весной он лазал намного хуже, чем полгода назад. Анатолий Филиппович сам отметил: пальцы не держат. Витя Комаров, отказавшийся от поездки в Йосемиты, лазал тут же, и Анатолий Филиппович его укорял: «Витя, посмотри — я купил себе каску. Первый раз в жизни купил, раньше давали на складе. А почему я ее купил? Да потому, что я на много лет ее купил! А ты не хочешь ехать в горы!»

В итоге из Москвы полетели Винокуров и я, а из Цюриха — Дима Гешкенбейн. Так втроем мы и поехали в Долину, т.к. Костя не смог по работе. Времени было мало — Дима должен был скоро лететь обратно читать студентам лекции. Мы решили чуть-чуть полазать и сразу идти на Эль-Капитан по маршруту Нос.

Первую веревку пролез Винокуров. Несмотря на зауженность, маршрут Нос классный и тяжелый. По сравнению с Каравшином прекрасно можно страховаться закладками и камалотами в любом месте, длинные хорошие щели со стандартными маятниками из одной в другую.

В какой-то момент нас догоняет двойка молодых сильных корейцев. Их заинтересовало наше самодельное снаряжение, а когда они узнали, что мы из России, то с почтением спросили у Винокурова: ходил ли он на южную стену пика Коммунизма? Винокуров с огорчением покачал головой. А когда корейцы ушли вперед, сказал: «Это самая сложная стена на территории СССР. Нет ничего лучше. Я к ней присматривался. Ее бы хорошо быстро пройти, в двойке. Но я был не готов». После паузы улыбнулся: «Но я готовлюсь!»

Отрывочные воспоминания

Однажды Винокуров сказал: «Когда просыпаешься утром в горах, твоя первая мысль должна быть: сегодня меня может убить». Очень странно было такое услышать. Но этот серьезный настрой позволял безаварийно ходить сложные и опасные маршруты.

Он рассказывал, что сначала получил среднее специальное образование и был распределен в Челябинскую область. Неподалеку в лесу был секретный завод. Анатолий Филиппович проработал год и вернулся в Московскую область. И вовремя: там рвануло на следующий год. Он уцелел.

Позже заочно учился в институте, потом в аспирантуре МВТУ им. Баумана. Он говорил, что всю жизнь делал насосы. Но

«насосы» — это было широкое понятие. Одно время он работал в закрытом НИИ и сделал гидропривод для первых наших БРЛС для МИГов, причем добился более широких углов поворота, чем у американских аналогов.

Воспоминания Лены Железниковой:

Они вдвоем с Винокуровым в начале 90-х сходили несколько хороших крымских маршрутов, например, маршрут Фантика на Малый Кильсе. Лидировали на восхождении попеременно. Жили под Парусом. Как-то раз Анатолий Филиппович жарил на костре картошку. Лена подошла и помешала, чтобы не пригорела. Винокуров: «А ну отойди! Я сходил в Форос и принес оттуда картошку, я почистил, я порезал, а она самое интересное — мешать!»

9 мая 2015 года, я позвонил Винокурову поздравить с праздником. Полгода назад он обратился к врачам — было ощущение, что что-то мешает в животе. Врачи нашли раковую опухоль в почке диаметром 11 см, метастазы в печени и легком.

Винокуров не отвечает. Но через некоторое время перезванивает сам: «Я не мог взять трубку — на лесах стоял, потолок шпаклевал. Самочувствие? Да нормальное... Я тут 3 дня возился — машину ремонтировал. Склеил бампер, зашпаклевал и покрасил. А что без дела то сидеть?»

*Каравшин, 1994г. А. Ф. Винокуров
Фото Вадима Гешкенбейна*

*На вершине Эль-Капитан после прохождения маршрута «Нос».
Справа – Александр Тельнов. Фото Вадима Гешкенбейна*

*Винокуров перед началом маршрута «Нос»
Фото Вадима Гешкенбейна*

*Винокуров во время восхождения на Эль-Капитан,
1996г. Фото Вадима Гешкенбейна*

ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ФИЛИППОВИЧА ВИНОКУРОВА

Я познакомился в первый раз с Филиппычем (за почти 30 лет знакомства и близкой дружбы ни на «Толяна» ни на «ты» мне не удалось перейти) в 1989 г. в Фанских горах. Пересекаться мы ещё раньше пересекались на разных областных скалолазных соревнованиях, но этого я совершенно не запомнил. Какое мне было дело, кто делал трассы для них! В Фанах в альплагере Артуч я был предыдущие два года, ходил на 1-й разряд, сначала себе, потом друзьям. Про маршруты Винокурова я первый раз услышал в 87-м году, на ночёвке на Сфинксе (5А на Чапдару, которой мы закрывали 1-й разряд). Наш инструктор и тренер физтеховской альпсекции Евгений Валентинович Карпов (тоже на Женю, как у многих приятелей перейти не смог), показывая окрестные маршруты, ткнул влево за угол, сказав, что здесь 5Б — Винокуровский Колодец. «На самом деле шестёрка, но её классифицировали, как 5Б, чтобы не ходили». «А почему её ходить не надо?», поинтересовался я. «Потому что НЕ НАДО», отрезал Карпов. Он не любил рассусоливать очевидные для него истины. «Я метаю стрелы», любил приговаривать он. А уж это наше было дело ловить их или не ловить. В отличие от многих старших товарищей, я не очень преуспел в ловле этих стрел. Но то, что было за углом, выглядело страшно, и я успокоился, мы лезем то, куда НАДО, и это хорошо. На следующий год, в том же Артуче, закрывая первый разряд друзьям, мы хотели выпуститься на Винокуровскую 5А на Марию. И гора красивая, и стена, по которой шёл маршрут, выглядела интересно, и нам полазить хотелось. Но благоразумное начальство послало нас на дежурную пятёрку на Диамар.

Итак, 1989-й год, Фаны, мои первые сборы. Район уже знакомый, стояли на Алаудинах, но всё не так, как раньше. С удивлением наблюдаю, что главный начальник не сидит на троне, принимая рапорты возвращающихся групп, как мы привыкли в лагерях, а бегаёт из долины в долину, встречая то одну группу, то другую. Много позже я спросил Винокурова, почему он сам не пошёл с командой на первопрохождение на Чапдару на чемпионат. Оказалось, в то время были ограничения по возрасту. Через два года, когда ограничения сняли, он выиграл чемпионат России, сходяв 4810 по Русяеву. Пересекались мы с ним немного в тот выезд. Пока мужская команда лезла первопрохождение на Чапдару (маршрут Мерлиса), и Анатолий Филиппович сидел

Д. Б. Гешкенбейн

Дима (Вадим Борисович) Гешкенбейн родился в 1965 году, окончил МФТИ в 1987 г., доктор ф.м.наук. Альпинизмом занимается с 1983 года. Живет и работает в Швейцарии.

внизу, мы ходили наши горы. Когда команда пришла, то он в немногочисленном составе убежал на шестёрку на Парандас, и мы остались внизу наблюдателями за восхождением нашей женской команды по маршруту Кустовского на ту же восточную стену Чапдары, где был его Колодец. Уж наглядился я на него тогда. Ходили наши женщины 8 дней, и Софья Ильинична не выпускала

Тамара Зуева
в экспедиции на Чо
Ойю, 1997г.
Фото: Лев Иоффе

нас на горы: «Твоя жена там, ходи и наблюдай!» Только когда Филиппыч с командой спустились с Парандаса и вернулись в лагерь, а женщины скрылись на «крыше», и смотреть с востока, откуда их всё равно уже не видно, смысла не было, Винокуров отпустил нас на 5Б на Адамташ. Хотя сходили мы довольно быстро, к героическому возвращению женщин не успели. Ох, и попало мне от Ирины тогда.

С Лёней Бутовым, моим тогдашним напарником по связке, мы сходили две 5А (одну в двойке) и две 5Б. По сравнению с альплагерями, где заветной мечтой было выпуститься на 5А, это было небо и земля. Но главным событием того выезда, было, конечно, восхождение наших женщин. Первая 5Б женской группой в Советском Союзе и какая! Об этом отдельный рассказ, который я написал двадцать лет спустя. Я решил не менять в тексте от 2009-го года практически ничего, из песни слова не выкинешь. Хотя рассказ и не о Винокурове, но всё, что там было, произошло благодаря ему.

К 8-му марта и не только. Они были первыми

20 лет назад, летом 1989г. было совершено первое в истории советского альпинизма восхождение 5Б к/тр чисто женской группой. Под руководством Тамары Зуевой Ирина Агаркова, Лена Железникова и Лена Лебедева прошли северо-восточную стену Чапдары по маршруту Кустовского.

К сожалению фотографий участниц с того лета не нашёл, привожу более поздние.

Чтобы оценить масштаб происшедшего, надо вернуться в то время. Предыдущая попытка сложных женских восхождений закончилась известной трагедией на пике Ленина в 1974 году, когда 8 женщин (группа Эльвиры Шатаевой) замёрзли во время шторма вблизи вершины. После этого женский альпинизм в нашей стране на долгие годы был запрещён. Правильное это было решение или нет, отдельная тема для обсуждения, но наши женщины испытали ограничения на себе. Так, Лена Железникова, которая пройдёт первой большую часть скальной стены Чапдары,

всего за два года до этого в тех же Фанах не смогла выполнить первый разряд. На комбинированное восхождение 4Б к/тр. на Марию её не допустили. Согласно правилам разрешалось не более двух женщин в группе на маршрутах 4 к/тр., и Лена оказалась лишней. Те, с которыми она ходила весь этот месяц в Артуче, сходили 5А на Чапдару по Сфинксу и выполнили первый разряд. А Лене пришлось на следующий год повторять смену, чтобы разрешили сходить на пятёрку. Но перестройка в стране дошла и до альпинизма, и уже через год в 1988 году ограничения для женщин были сняты. Даже решили провести конкурс на лучшее женское восхождение. Побоялись назвать это женским чемпионатом. Разрешить разрешили, а вдруг опять что случится?

Заранее это женское восхождение не планировалось. Идея сходить вместе возникла уже на сборах, т.к. в составе сборов оказалось четыре тетки — минимальное необходимое число для команды. Для Ирины Агарковой и Лены Железниковой это были первые сборы. До этого всё по лагерям.

Почему А.Ф.Винокуров направил их на маршрут Кустовского на Чапдару? В Фанских горах полно пятёрок «Б» похалвнее! К тому же у Ирины Агарковой это первая 5Б будет. А Кустовского — малохоженный маршрут (было всего два прохождения), и за перевалом. Но Анатолий Филиппович всегда был настроен на победу. Выпускал не туда, где попроще, а наоборот, где посложнее. Знал, какие маршруты ценятся на чемпионатах. Да и стена эта была хорошо знакома. В 1979 году он по её центру прошёл «Колодец» (http://www.fanyvertical.ru/uplfile/file/127_chapdara_5b_1.pdf). Тоже, кстати, маршрут 5Б к/тр., хотя сложнее большинства шестёрок в районе. И до сих пор не повторённый. Уж очень он труден и опасен. Не раз команды заявляли «Колодец», но подойдя под стену и увидев, как оттуда летит, отказывались от восхождения.

Било сильно и на Кустовском. Сверху с крыши вытаивают камни, и весь низ пробивается. Сезон 1989г. в Фанах был очень холодным — во многих местах обычно сухие скалы оказались покрыты натечным льдом. Внизу скалы по маршруту были во льду, и их решили обойти справа. Там оказалось всё очень разрушено. На первой ночёвке камень попал в палатку, прорвал край. Обсуждался вопрос о спуске, — не предполагали ранее, насколько камнеопасен маршрут. Только тут поняли, что надо идти наверняка, а не рассчитывать в случае будущей неудачи

*Лена Лебедева
в экспедиции на Чо
Ойю, 1997г.
Фото: Лев Иоффе*

дюльфернуть со стены — это было бы очень опасным. Надо было решить: или идти только наверх, или с утра быстро спускаться, пока не бьет и мало прошли. Решили бороться дальше. В воздухе ф-р-рр — мимо пролетали камни, и иногда било по стене. Этот запах камня, пролетевшего сотни метров и разбившегося о скалу, останется в памяти надолго. Ещё четыре дня они лезли стену. Большую её часть первой прошла Лена Железникова, сказавшись большим опытом крымских шестёрок. Думаю, если бы не она, не вылезли бы. На второй день Лену сменила Тома, на третий опять поменялись. Дополнительно была психологическая трудность: шли без описания, почти все время в плохой видимости, и следы людей на стене встречали только дважды. Все время были сомнения — по маршруту ли идем. Успокаивала отчасти лишь фраза Филиппыча: «А там, девочки, только вверх надо идти, не промахнетесь». Выше, на льду и снегу первыми работали Лена Лебедева и Тамара Зуева, у них было больше такого опыта. Тяжёлым местом оказался переход со скал крыши на крутой ледовый склон, покрытый снегом. И застраховаться невозможно и пройти не получается — вместе со снегом сползаешь вниз. Тут вперёд вышла Тамара. Несмотря на распухшую ногу (маятник на перилах), она смогла выползти наверх и сделать станцию. Позже Тома будет успешно выступать на кубках мира по ледолазанию.

Вышли на гребень по темноте уже, и, не разобравшись, поставили палатку прямо на перемычке. А ночью началась непогода, стало буквально сдувать. Палатку дорвало окончательно. Борясь со штормом, невольно вспоминали о тех восьми, замерзающих в непогоду в снегах пика Ленина в 1974г. Было страшно, очень страшно... Однако самообладания не потеряли, перебазировались под прикрытие скал. Природная сообразительность (физтешки всё же!) не подвела, Ирина придумала перевернуть палатку крепким дном вверх и завернуться в ней на снегу. Так и уснули. Следующий день переживали непогоду и обрабатывали маршрут. Впереди оставались еще сложные скальные участки гребневого маршрута Черевко 5Б. Лена Лебедева прошла эти обледенелые веревки (страховала Тома), у них ещё остались силы на шестой день восхождения. Продукты кончились, т.к. взяли еды по минимуму, а лезли дольше, чем планировали. Потом на пути к вершине первой по крутому снегу всё время шла Тома, даже с больной ногой у нее это получалось лучше.

Спуск тоже не обошёлся без приключений. На одном из дюльферов заклинило верёвку. По осыпи спускались уже в темноте, не хотелось лишней раз ночевать сидя. И добравшись до морены ледника, упали спать в первом же ровном месте. Проснувшись утром, увидели — стоянка под палатку. Внизу наблюдатели гадали, что случилось? Связи уже давно нет. Со стены, из зоны видимости ушли, вроде давно должны были быть внизу, а их нет.

Пошли на поиски к спуску. Там и встретились на восьмой день походов.

Чемпионат тот выиграли. Можно было бы победить и с чем попроще. Никто из женских команд выше 5А в тот год не сходил.

Почему они пошли на это восхождение? Уж точно не из-за феминизма — они и слова такого тогда не знали! Просто было интересно попробовать что-то новое. За исключением Тамары Зуевой больше женскими командами не ходили. Тома ещё поиграла какое-то время в женские игры (первая женская 6А в двойке с Еленой Наговициной в 1999 г.), но потом тоже отошла от этого. Горы не место, где надо на мальчиков и девочек делиться, и отношение к чисто женскому альпинизму у участниц того восхождения скорее отрицательное.

Будут у них впереди и более сложные горы: и шестёрки, и восьмитысячники, и золотые медали в «мужском» первенстве (Тамара Зуева за восхождение на пик 4810 по Русяеву 1991 г.). И, насколько мне известно, это женское восхождение никто из участниц не рассматривает как что-то особое в своей биографии. На мой взгляд, зря.

А следующее восхождение по этому маршруту произошло через 15 лет и заняло второе место на чемпионате СНГ.

Участники сняли записки команды Зуевой и были удивлены, что наши женщины прошли точно по маршруту. До этого они видели отчет о женском восхождении, но посчитали, что вряд ли они могли его на самом деле пройти. Никто не верил, что какие-то абстрактные никому не известные женщины могли пройти столь сложный маршрут в ту плохую погоду, что была тогда в районе.

Каравшин 90

Первая поездка в Каравшин оказалась для меня почти полной противоположностью предыдущего года. Если в Фанах было ощущение лёгкости и того, что нам всё по колено, то тут оказалось не так. Мы долго расхаживались. Сперва ходили малоинтересные горы, 4А на Духтарчу, 4Б на Усен и 5А на Жёлтую стену. Но даже там всё происходило не так быстро, как хотелось бы. 4Б на Усен ходили два дня, а на Жёлтой стене мы ближе к верху схватили холодную ночёвку. Мы, как и многие другие, думали пройти её за полдня. Уж больно она не горой смотрится по сравнению со стенами напротив. Не спеша вышли, а маршрут оказался длиннее, чем хотелось. В результате просидели ночь, накрывшись фольгой для тепла. На этой Жёлтой стене произошла интересная история. Соседние московские сборы привезли с собой

Ирина Агаркова и Лена Железникова на Асане, 1994г. Фото: Дима Гешкенбейн

Северо-восточная стена Чапдары. Маршрут Кустовского проходит в её левой части 1989 г. Фото Лены Железниковой

голландских альпинистов. Благодаря деньгам, полученным с иностранцев, москвичи не только прилетели на вертолёт, но и приехали с жёнами (не альпинистками) и детьми. Голландцы пытались сделать новый маршрут на этой Жёлтой стене. Пройдя несколько верёвок, они оставили провеску и спустились отдохнуть. В это время кто-то из отечественных альпинистов (в долине стояло несколько сборов) вышел пораньше на 5А (там единственный маршрут в то время был, эта 5А Солонникова) закачнулись, сняли голландские верёвки и были таковы. В то время ходили либо с рыболовецким фалом, либо с коломенской верёвкой, которые не очень предназначались для занятий альпинизмом, поэтому «буржуйские» верёвки были большой ценностью. Следующие дни

москвичи с голландцами ходили по долине, пытаясь найти воров. Никто не признался. Хотя и известно было, кто ходил на эту стену в тот день, но ребята сказали, что ничего не видели и не знают. Никого не обыскивали. Хотя история получилась некрасивая (для голландцев восхождения закончились), но мнения, как ни странно, разделились. Отдельные люди, даже в руководстве нашими сборами, считали, что то, что сделали ребята, это не обычное воровство, а некая доблесть. А иностранцы, так они богатые, с них не убудет. Хотя и подходила к концу перестройка, а идеи большевизма были ещё сильны. *(Скорее наоборот: воровство в горах — следствие внедрения рыночных идей. Во времена моей молодости в горах не воровали. /Б.)*

Но вернёмся к нашим восхождениям. Следующим нашим маршрутом была 5Б по северной стене Ситника на главную вершину района, — пик 4810. Очень красивый маршрут на потрясающую гору. Сперва по ледовому кулуару на перемышку, потом по скальной стене доверху. Вышли ночью, с фонариками, поскольку кулуар был камнеопасный. Тактический план, как обычно, выполнить не удалось, после обеда испортилась погода, и пролезть обледенелую трещину я до верху не успел. Поэтому на следующий день, дойдя эту верёвку, мы перенесли палатку чуть повыше и стали провешивать дальше, не рискуя идти наверх. И правильно сделали. Маршрут был в плохом состоянии (или мы плохо умели такое лазать). Через день вылезли на вершину. Найти спуск в другую сторону по южному гребню нам не удалось, всё было занесено снегом и никаких

красных ленточек на станциях, про которые нам говорил Миша Ситник, мы не нашли. А тут началась гроза. Ледорубы звенят, Лёня Бутов получил разряд и на время полуослеп. Надо было куда-то быстро валить. Спустились на предыдущую ночёвку, — хорошая полка на выходе с западной стены. Там и заночевали. На следующий день 40 дюльферов по пути подъёма. Кулуар, который мы вверх, боясь камней, шли ночью, спускаться получилось уже ближе к вечеру. Пронесло. Хотя на последнем дюльфере вырвало станцию, когда Шура Анкудинов начал спускаться. Меня тоже сорвало, но проехав несколько метров по ледово-осыпному склону, нам удалось задержаться. Остальные уже спустились к тому моменту. Этот последний срыв был у нас далеко не первым на этой Горе. Лёня срывался один раз, и я ещё три, два небольших срыва на подъёме и ещё один на спуске вблизи вершины. Надо было быстро спускаться в грозу, и времени думать о дюльферах и страховке последнего не было, на пути вверх это были простые скалы. Но на спуске плиты стали мокрыми, где-то я поскользнулся и уехал на восточную стену. Даже оплётка верёвки перетёрлась об угол. Но тогда все эти звоночки не воспринимались серьёзно. И, как увидим через несколько дней, зря. Надо отметить, мы были одними из последних, кто ходил этот маршрут, тем более спускался по пути подъёма. Приехав через три года, мы видели как по кулуару валят глыбы величиной с автобус. Приехав через двадцать лет,

*А. Ф. Винокуров, Костя Сахаров
и Витя Комаров*

обнаружил, что лёд в кулуаре вытаял. Теперь этот маршрут первопроходцев, к сожалению, только кусок истории.

Обогрившись и обсохнув внизу, мы были готовы к новым подвигам и попросились на шестёрку на Асан, маршрут Погорелова. Всё бы ничего, но Софья Ильинична ни в какую не выпускала Ирину Агаркову на маршрут. Ирина уже прошла две 5Б и формально удовлетворяла всем правилам выпуска. Но Софья Ильинична считала, что женский путь на шестёрку должен быть сильно дольше. Возможно, по себе мерила. Мужской группой она бы нас без проблем выпустила, а с Ириной никак. По большому счёту она была права. Не про Ирину, а про нас, «Не готовы мы были на шестёрку самостоятельно. Просто не-готовы!», крылатая фраза Анатолия Филипповича, сказанная в другом месте и по другому поводу, тут оказалась в самый раз, как мы скоро увидим. Винокуров звал нас с Лёней на 6А Овчаренко на 4810. Чтобы заявиться на первенство, не хватало людей, и мы бы оченьгодились. «Я приехал в горы с Ириной и буду ходить с Ириной», ответил я. К тому же, если бы мы оба пошли с командой, то и Шуру Анкудинову делать было нечего. В результате решили, что Лёня идёт с командой, а мы втроём, с Шурой и Ириной плюс связка Андрей Склокин — Х (забыл, как зовут, он был не с физтеха, и больше с ним не пересекались) идём своей группой 5А Альперина на Асан. Тут тоже пошло, как и всё в тот год. Подошли по страшному сыпучему кулуару под маршрут (идёшь по живым глыбам-чемоданам, съезжающим вниз). Я, будучи руководителем, не разобрался в описании и неправильно нашёл маршрут. Послал Шуру с Х обрабатывать внутренний угол. После двух верёвок они поняли, что маршрута там нет и сдюльферяли. Маршрут оказался слева за углом, и тот внутренний угол, что из описания, был скальным кулуаром идущимся без страховки. На следующий день пошли уже как надо. Интересно, но пройдя его в 2014-м году, я обнаружил, что сейчас и подходят под маршрут и начинают его совсем с другой стороны. Оно так проще. В первый день лидировал Андрей Склокин. Он довольно быстро двигался по широким щелям и каминам, что встречались на маршруте. К вечеру, пройдя первый ключ, — выход из угла через карниз, после 12 верёвок встали на предполагаемую ночёвку. На следующий день по плану первым должен был идти я. Пройдя второй ключ (широкую щель прямо над палаткой), я вышел на довольно простые скалы, полез по ним и через некоторое время... сорвался. По-видимому, камень из под ноги вылетел. Пролетел я метров 20 и упал на полку. Побился сильно. Разбил очки, по-видимому, треснули рёбра и, как потом выяснится, сломал таранную кость. Была небольшая ошибка страхующего, поэтому я пролетел несколько больше, чем должен был.

Но глупо валить на других, самому не надо было срываться. Как сказал Анатолий Филиппович после гибели Виктора Мерлиса (сорвался в Крыму на подходах к маршруту): «Не должен первый срываться, не-дол-жен!» Меня приспустили вниз. Дали обезболивающий из ампулы. Запить было нечем, поскольку всё выпили на ночёвке. По связи сообщили в лагерь. Меня волновало, как идти по каменистой осыпи, по которой с таким трудом подымались. Дюльферяешь, вися на верёвке, а тут как-то двигаться надо, на носилки не положишь. Думал, буду на пятой точке сползать. Дело спас Витя Комаров, самый сильный участник наших сборов. Он просто посадил меня на спину. Под плечи его поддерживали двое и сзади страховали усами верёвки ещё человек шесть. Но выглядело это так: Витя со мной за спиной движется вперёд как танк, волоча за собой на верёвках остальных людей и периодически подхватывая за шкуру тех, кто его поддерживал под плечи, когда они оступались. Несколько раз Вите предлагали смениться, но я вцеплялся в него и говорил, что на других не сяду. Когда спустились на ледник, то переложили на носилки и донесли до лагеря. На следующий день улетел с вертолётном других сборов. Потом была отдельная интересная медицинская история с больницами, костылями и восстановлением. Нога в суставе до сих пор хуже гнётся, чем здоровая. Но если мне что и мешает лазить, то не это.

Каравшин 93

Лето 93-го мы опять в Каравшине. Интересно, хоть мы были далеко не первыми, кто начал ходить в этом районе (первые восхождения были в 1986 году), но по сравнению с 90-м годом следов человека стало куда больше. Если три года назад приходилось с ледорубом в руках забираться на язык ледника, то сейчас там уже была тропа. Мы стали придерживаться Винокуровского принципа не расхаживаться долго, а сразу идти на главное восхождение. Сходив, как обычно, без верёвки всем сбором на Духтарчу, мы с Ириной прошли 5А в двойке на Усен. После этого вчетвером с Мишей Суловым, Женей Войтенко и Володей Маловым пошли 6А на Асан по Горбенко. Прошли с тремя ночёвками. Маршрут красивый, по центру стены выводит прямо на вершину. На нём очень хорошо себя показал Миша Сулов, лидируя практически весь маршрут. Остальные участники пытались его сменить, но тут же темп замедлялся, и Миша лез снова первым. Позднее я не раз видел в описаниях упоминание о дырочках на этом маршруте и частом использовании скайхуков. Мы ничего такого не заметили.

Следующей целью был тот же Асан, но правее, 6А Тимофеева. Маршрут (раздетая 6Б) выглядел сложнее. Внизу нужно было лезть по плитам по дыркам на скайхуках, хороших мест для ночёвок (как

на огурце на Горбенко/Погорелова) там было меньше. Мы провели несколько верёвок, но когда оторвались, нас смыло дождём. Времени на повторную попытку уже не было.

Запомнился уход вниз. Шли пешком два дня. На заставе (верх ущелья в Киргизии, ниже — таджикский кишлак Ворух) нас позвали на чай. Ворух — таджикский анклав на территории Киргизии, и периодически там происходили стычки. «Пограничники» рассказывали, как они охраняют границу, достали автоматы, стрельнули куда-то в гору и предложили нам пострелять. Мы вежливо отказались. Потом один из них любезно спросил, не могу ли я подарить ему свою солнцезащитную панаму. Отказать выглядело неблагоприятным. Были рады, что не попросили чего большего, и удалось без больших жертв уйти.

Каравшин 94

В тот выезд мы тоже не откладывали сложные горы на потом. После тренировочной Духтарчи сразу решили идти 6А Погорелова на Асан. Времена уже стояли другие, и никто не противился тому, что мы идём с двумя женщинами: Лена Железникова, Ирина Агаркова, Лёня Бутов и я. Стену от «Огурца» до «Балкона» прошли без каких-либо затруднений. А от Балкона до вершины за день не успели, крыша оказалась длиннее, чем мы думали. Подозреваю, что и не самый лучший путь мы на ней выбрали. На ней пришлось лезть по такой же породе, с которой я улетел четыре года назад, покатая черепица, всё полого, но мало мест для страховки. Заночевали на каких-то полочках в верхней части крыши и к полудню вылезли на вершину. Спустились в лагерь уже в темноте.

После Асана план по шестёркам был выполнен. Амбиций лезть на стену 4810 у нас не было, и вдвоём с Лёней Бутовым мы решили сходить на пик Пирамидальный, высшую точку района. Пирамидальный замыкает долину и очень красиво смотрится своей комбинированной стеной. Справа с перевала между Пирамидальным и вершиной Карасу был относительно простой гребень. За день добрались до перевала. Главную сложность представляли переправы через реки. Прошли мимо остатков от рудников 30-х годов и по ледово-снежному склону на перевал. Там заночевали. На следующее утро, оставив палатку, пошли на вершину. Гребень оказался ледовой стеной, где пришлось идти на передних зубьях. Ледовые сбросы обошли справа. Далее снежный гребень и... «Весь мир на ладони, ты счастлив и нем...». Высота 5509 м, дышится тяжело, акклиматизации не хватает, предыдущая гора Асан была всего-то 4230 м. Сверху Асан и 4810 кажутся совсем не грандиозными стенами, а небольшими скалами. Виден район Аксу (Ляйлык), пытаемся угадать, где там какие вершины. Спускаться к перевалу решили не по пути подъёма. Нашли более простой кулуар, чем ледовая стена при движении наверх. Всё равно, в палатке

оказываемся в темноте. Лёне понравилось ходить большие красивые горы. Позже он взойдёт и на пик Корженевской, Мак-Кинли, Ама-Даблам. Поехав в Каракорум за неделю от приезда поднимется на Брод-Пик. А для меня Пирамидальный останется самой высокой горой, на которую удалось подняться. Интересно, что после ни в классификаторе, ни в интернет-архивах ФАР я не обнаружил этого маршрута. Все классифицированные маршруты на Пирамидальный (5Б и 6А) идут с другой стороны. Но мы то знали, что идём не первопрохождение, в моей книжке альпиниста стоит Пирамидальный по северному гребню 4А. А может, действительно мы были первыми? Таких энтузиастов, что в районе, знаменитом гранитными стенами, пойдут на ледовую гору, ещё найти надо.

А Винокуров? В тот год вместе с Костей Сахаровым, Витей Комаровым и Шурой Щербаковым доделали свой маршрут на 4810 по самой крутой левой части северо-западной стены. В предыдущий год с Шурой Тельповым вместо Щербакова они прошли самую сложную его часть, но кончилась вода, и пришлось спускаться. Этот маршрут (Сахарова) и 20 лет спустя считается одним из самых сложных на этой стене.

Шура Тельпов и Витя Комаров выходят на 4810

Зарубежные выезды

После успешного первопрохождения маршрута на 4810 в 1994 г. Винокуров переключился на восхождения за пределами бывшего СССР. По-видимому, интересных объектов на родине он уже не видел, а про Альпы, Йосемиты, Гималаи слышал, как и все, очень много. Открытие границ и успешное ведение бизнеса с насосным заводом делали возможным то, о чём в советские времена и мечтать не имело смысла. Летом 95-го года Лев Иоффе предложил нам с Ириной организовать совместную экспедицию в Каракорум. Лев любил ходить на высокие горы. Будучи скорее туристом, чем альпинистом (в альплагеря не ездил) он взойшёл на все семитысячники СССР, кроме пика Победы. Меня же после Каравшина привлекали большие стены. Составили план: Лев со своей компанией и Ириной пойдут на Мустаг-Тауэр, а я с Анатолием Филипповичем и командой на Транго-Тауэр, благо они относительно рядом. Из Цюриха, куда я уже переехал, созвонился с Винокуровым, он с радостью согласился. Я оставил на него формировать состав. Ближе к лету оказалось, что команды нет, у всех оказались свои интересы, и в горы никто ехать не собирается. Пермиты уже были получены. Когда выяснилось, что Транго отменяется, я заикнулся, что же делать с теми 1200 долларов, которые Лев уже заплатил за наш пермит

на Транго. В следующую нашу встречу Винокуров передал мне эти деньги. Анатолий Филиппович всегда был человеком слова и дела. Сказал — сделал.

Айгер

Первая серия выездов в Альпы была на северную стену Айгера. Сразу скажу, все попытки были безуспешными. Айгер, хоть и невысокая гора (3970 м.), но северная стена огромная, с перепадом 1800 м. Классический маршрут первопроходцев длиной четыре километра. Она действительно давит своими масшатабами. У нас всё шло по одной схеме. Мы выходили, запасаясь продуктами на несколько дней. В первый день проходили метров 500, хотя планировали больше. На другой горе в Альпах, да и в наших горах с такой высотой, мы бы уже были на вершине. А на Айгере это были ещё «подходы». Хоть и ничего не мешало нам продолжать дальше, запасов продуктов и газа было ещё на много дней, но почему-то мы решали, что лезем слишком медленно и надо спускаться. По-видимому, реального морального настроения на серьёзную борьбу не было, а наскоком Айгер не пройти было. «Не готовы, просто не-го-то-вы!» Коротко о попытках. Так как северная стена камнеопасная, то взойти пытались зимой.

1995 год

Первая попытка. Получив визу сразу от посольства, Винокуров с дочкой Машей, Костя Сахаров, Шура Щербаков и Лёня Бутов сразу же выехали в Швейцарию и за 42 часа, останавливаясь только, чтобы сменять водителей, доехали до меня. Мы решили идти один из «простых» маршрутов, маршрут Лаупера, который, формально идёт не по северной, а по северо-восточной стене. Перед отъездом у меня дома посмотрели видео Лео Дикинсона «Айгер соло». В этом документальном фильме о первом британском соло восхождении Эрика Джонса на Айгер сперва рассказывается история «стены смерти». С подробностями гибели первых и не первых восходителей. Даже обрыв верёвки Джона Харлина и падающее тело показано. Не рекомендуется к просмотру перед выходом на эту стену. Ночью снились кошмары. Мы подъехали, заночевали в снегу недалеко от станции поезда (через Айгер, на перевал Юнгфрауйох идёт железная дорога, с окнами на северную стену, построенная ещё в 1912 г.). С утра подошли под маршрут. А тут испортилась погода. В то время интернет прогнозов не было, как, впрочем, и интернета. Шёл снег, со стены начали сходить лавинки. Стало ясно, что нужно поворачивать. Времени на вторую попытку не было. Это была характерная особенность попыток на Айгер, Выезд был на небольшое время. В первые попытки и акклиматизационных восхождений не делалось, гора, вроде, невысокая, зачем нам. А высота всё же чувствовалась.

Позднее были тренировочные восхождения, но, всё равно, это не на месяц поехать в горы с серьёзным настроем.

Декабрь 1995 года

В декабре Лёня Бутов, работавший недалеко в Германии, приехал ко мне, чтобы повторить попытку. План был — за 2-3 дня до вершины и день на спуск. Потом мне надо было улететь на конференцию. В первый день забрались довольно высоко, метров на 600. Хотя, возможно, это была и высшая точка, достигнутая за все попытки, было ясно, что во время мы, скорее всего, не укладываемся. Обсудив вечером, решили не рисковать и с утра спускаться вниз. Лёня снимал оставшуюся с вечера верёвку. Метров 15 выше меня, спускаясь по относительно пологому ледовому склону, Лёня неожиданно поехал вниз. Я видел, как, проехав мимо меня, он улетел в кулуар на скальные сбросы. Вся страховка, которая была между нами, это вбитый в снег ледоруб, на котором крепилась ночью палатка. Я думал, что сейчас мы вместе полетим донизу. Однако ледоруб за ночь хорошо вмёрз, и я поймал Лёню. Крикнул, он ответил, значит, живой. Пролетел метров 40. Вылез Лёня сам. Хоть и в шоке, но без видимых повреждений. В этот день мы уже никуда не пошли, приходили в себя. Вниз спускались два дня. Сначала спускал Лёню, потом спускался сам, где мог лазаньем, где не мог, оставляя, что было. Возможно, пойдя наверх, мы бы быстрее оказались внизу. Как спустились вниз, погода испортилась. Мобильных телефонов тогда не было. Связь держали с Ириной, которая на второй день приехала посмотреть на нас с рацией. Сказали ей, что срыв, небольшая травма, и спускаемся. Небольшая травма, как Лёня уже в Германии выяснил, оказалась трещиной в шейном позвонке, и ему ещё долго пришлось ходить в ошейнике. Интересно, но в той ситуации нам и в голову не пришло вызывать спасателей. Мы исходили из принципа, установленного в наших горах: если можем сами спускаться, — зачем звать помощь. Вскоре после этого я прочитал, как гид с клиентом восходили по северной стене Айгера и упустили один ледоруб. Они вызвали вертолёт, и он снял их со стены. В следующую свою аварию я был менее щепетильным с вызовом спасателей.

Анатолий Филиппович
на подходах

Зима 1998 года

На этот раз приехал Винокуров с Лёней Бутовым и Мишей Лебедевым. Решили идти не простой, а один из сложных маршрутов по стене, маршрут Харлина. С Анатолием Филипповичем приехала также дочка Маша. Подготавливались мы более основательно. Выехали в Энгадин, недалеко от Санкт Морица. Заночевали в палатке вблизи от отеля на перевале высотой 2900 м. Машу, конечно, поселили в гостиницу. Это удобное место для акклиматизационных выходов. К гостинице на перевал Дьяволецца идёт канатная дорога. Можно подняться по ней, а можно по горнолыжной трассе вверх с фонариками. Как спортивный состав и сделал. На следующий день Маша осталась гулять-кататься, а мы взошли по снежно-ледовому гребню на пик Камбрена. Завершив тренировочный выезд, переехали под Айгер. Акклиматизация не слишком помогла. Пройдя метров 500, мы упёрлись в скальный угол с натёчным льдом. Подозреваю, что мы перешли на другой маршрут, но дело это не меняет. Лезть, вроде и было можно, но непонятно, как организовывать страховку. Потыкавшись, я не стал рисковать. Более смелых тоже не нашлось. Это, пожалуй, был единственный раз на Айгере, когда можно было сказать, что действительно, не смогли пролезть и поэтому повернули.

Осень 1998 года

Видя бесплодность попыток зимних восхождений, но всё ещё боясь летних камнепадов, мы решили идти осенью, в сентябре, и на классический маршрут Хекмайера 1938г. С Винокуровым приехал Шура Щербаков. Казалось, время восхождения мы выбрали правильно, швейцарское телевидение собиралось вести прямую трансляцию по случаю 60-летия первопрохождения стены. По плану специально отобранные лучшие альпинисты Швейцарии и Германии с камерами на голове будут лезть этот маршрут и вести трансляцию. Мы акклиматизировались опять в районе Дьяволеццы, сходяв на одну из вершин пика Палю, которая только на 100 метров ниже Айгера. Но пока мы разминались, погода испортилась, выпал снег, который вряд ли бы уже стоял до весны. Когда в горах наступает зима, не угадаешь. Швейцарское телевидение перенесло на следующий год юбилейное восхождение, а мы решили попробовать. В первый день по пологим скалам, где полагается идти одновременно, мы из-за снега вешали перила. К вечеру дошли до бокового подсобного туннеля железной дороги, которая идет через Айгер на перевал Юнгфрау Йох. Именно около него случилась знаменитая трагедия 1936 года, показанная в фильме «Северная стена». Мы залезли в штольню и вполне комфортабельно заночевали. Наутро подошли под первое сложное место. Оно так и называется на маршруте «Сложная трещина». Чуть ли не единственный участок V-й категории

трудности на маршруте. В других условиях пятая категория не является трудной. Не то, чтобы она выглядела непроходимой. Но почему-то мы решили и не пытаться. Спустились вниз, прошли через боковой туннель внутрь скалы к главному железнодорожному туннелю, проголосовали вниз едущему поезду и под восхищённые взгляды японских туристов поехали вниз. Смена впечатлений потрясающая. Только что мы боролись за жизнь на холодной Стене смерти и через 15 минут мы в толпе туристов на солнечной станции Кляйн Шайдегг.

Лето 1999 года

Пытаясь упростить ещё больше, мы перенесли следующую попытку на конец августа. Приезжал один Филиппыч (с дочкой Машей, Ириной Райской и её сыном Лёшей). Второго августа, в порядке подготовки к Айгеру, мы с моей Ириной полезли на маршрут Кассина на пик Бадиль. Замечательный маршрут, примерно 5А к.тр. на знаменитую стену. Прошли за день, был я в хорошей форме, но на следующий день, спускаясь под дождём, я верёвкой скинул себе на голову камень. Знал, что камни лежат, но вместо того, чтобы вжаться в скалу, смотрел вверх, надеясь увидеть, куда полетит и вернуться. Доигрался в вышибалы. Камень попал под каску и пробил череп. К счастью удалось вызвать вертолёт, который смог меня забрать со стены. Свой день рождения четвёртого августа встречал в реанимации в Лугано. Когда через две недели вышел из больницы, то доктору на реабилитации в Цюрихе я сказал, что ко мне друг приедет в горы ходить, и спросил его мнение на тему того, можно ли мне, прямо сейчас, заниматься альпинизмом. Не знаю, что подумал врач обо мне, но сказал, что ничего не мешает, череп мне нормально свинтили, но если опять ударит по голове, то могут быть необратимые последствия. Я понял, что на Айгер лучше не стоит. У меня повышенное чувство ответственности, и мне было очень неудобно, что подвожу Анатолия Филипповича, который прорулит столько километров, чтобы полезть со мной. Поэтому, когда Филиппыч с семьёй приехали, я сказал ему, что на Айгер как-то боязно, но может, мы какую другую гору вместе сходим, не такую опасную. Винокуров сказал, что они с удовольствием погуляют по стране и альпинизмом заниматься не будут. Я думаю, глядя на меня, всё всем (кроме меня) было ясно. Но сделал он всё очень деликатно, взяв принятие решения на себя и сняв полностью вину с моих плеч.

Так и закончились наши попытки на Айгер. Следующие альпийские выезды были или в Шамони или в Долломиты.

Йосемиты 1996 год, Нос

В отличие, от других «не наших» гор, поездки в Йосемиты в 90-х годах оказались удачными. Оба раза мы прошли тот

Нос на Эль-Капитане: Шура и Филиппыч в дождь устанавливают платформу

маршрут, на который выходили. В мае 1996 года удалось организовать первый выезд в Йосемитский национальный парк. Хотя изначально надеялись поехать большим составом, в результате там оказались Анатолий Филиппович, Шура Тельпов и я. В аэропорту Цюриха у меня отобрали мою газовую горелку. У меня была специальная очень удобная подвесная кастрюлька под эту горелку, и я переживал, что она не подойдёт к другим горелкам, что были у нас. Вопрос решился просто, Филиппыч что-то подпилил, и моя кастрюлька стала универсальной, подходящей к разным видам газовых горелок. Инженер, он и в горах Инженер. Времени у меня было не так много, я совместил этот выезд с поездкой на конференцию. Поэтому, приехав в парк и полазав денёк, мы вышли на самый известный маршрут на Эль Капитане, — Нос. Маршрут начинается не с земли, а с небольшого пьедестала, метров 40 высотой. Решили, что свяжемся наверху, надели тяжёлые рюкзаки и полезли. Каждый своим ходом. Скалы там несложные, но найти этот простой путь нелегко. Я уже был несколько раз до этого в долине, подлезил налегке в основание маршрута и без приключений вылез наверх, не подумав о товарищах. А Филиппыч с Шурой заблудились, вылезли на стенку, с которой можно упасть. Обратно с тяжёлым рюкзаком пути нет, спрашиваю, кидать верёвку? «Да зачем она тут?!» — ответил Винокуров и как-то прошкрябался. А Шура не решился и привязался. И правильно сделал. Не хватало ещё на подходе разбиться. Удивительная особенность Эль Капитана, что Нос, что Салатэ, который мы прошли год спустя, — с первого метра стены виден последний. И это при перепаде 900 м. Связано это с тем, что низ лежит, а верх нависает. На маршрут мы брали с собой платформу. В принципе, она там не нужна, на Носу много полок. Но также очень много народу пытается его пройти. Поэтому платформа оказалась очень кстати, нам не пришлось делить полки с другими группами. Восхождение проходило в раздумьях: успеем или не успеем. Как обычно, лезли мы медленнее, чем хотелось, а у меня были билеты. К середине маршрута, вопрос уже встал ребром, лезть дальше или спускаться. Но тут, неожиданно, удалось ускориться. Мы успели: вылезти вовремя, спуститься 15км вниз в долину уже в темноте, поспать несколько часов и рано утром выехать в Сан Хосе, чтобы успеть в аэропорт.

Йосемиты 1997 год, Салатэ

В следующем году мы снова в парке, полезем несколько изменённым составом вчетвером с Лёней Бутовым и Володей

Маловым. С Винокуровым приехала Ирина Райская с сыном Лёшей. Теперь наша цель, — маршрут Салатэ. Собственно, на Эль-Капитан это два самых популярных ственных маршрута, Нос и Салатэ. Кроме красоты, они ещё характерны относительно несложным уровнем искусственного лазания, А2 (или С2 — что означает без использования крючьев, только на закладках и фрэндах, как Филиппыч называл: «Наш друг Камелот»). Название Нос понятно, он идёт по самой выступающей части стены, носом выпирающую в долину. Маршрут Салатэ назван в честь Джона Салатэ, эмигранта из Швейцарии, одного из пионеров альпинизма в Йосемитах. Будучи кузнецом по профессии, он придумал делать скальные крючья из жёсткой стали. Эти крючья не гнулись, а пробивали гранитные трещины. Сам Салатэ этот маршрут не ходил, закончив восхождение лет за 10 до его первопрохождения Роялом Роббинсом. Этот маршрут был широко известен советским альпинистам, будучи пройденным Бершовым с группой. Из публикаций об этом восхождении, собственно, наши альпинисты и узнали о существовании Эль-Капитана. Особенность маршрута, — несколько верёвок с очень широкими щелями, где сложно организовать страховку. Для прохождения таких щелей Володя Малов изготовил две суперфрэнды, где-то сантиметров на 25 шириной. Стоя комфортабельно на земле, их, если постараться, можно сжать одной рукой. С лазания же это сделать невозможно. Одна из самых страшных по описаниям верёвок на этом маршруте, — Hollow flake (пустая нашлапка). Хотя и несложная (5.9, что соответствует нашей пятой категории), это полущель-полукамин, классическая off-width. В Америке трещины классифицируются по той части тела, которую можно туда заклинить, finger crack — трещина под пальцы, hand crack — под ладони, fist crack — под кулак и т.д. А есть off-width — шире чем кулак, но ещё не камин, так что телом расpirаться нельзя. Пройдя первым верёвку в камине такой же категории на Носе, я знал, что это не мой вид лазания и громко всем говорил: «Что угодно, только не это!» Однако так случилось, что когда мы подлезли туда, я был первым, вторым подошёл Винокуров. Ждать, пока остальные подлезут — это терять время да и совсем явно расписываться в своей

В начале спуска с Эль Капитана: А.Тельпов и А.Ф.Винокуров

беспомощности. И не посылать Филиппыча же! Хотя, думаю, он бы её, как раз легко пролез, там нужны железные нервы, с чем у него всё в порядке всегда было. Пришлось закачнуться туда маятником, и вперёд! Мыслей пролезть щель без страховки в голову не приходило. Пришлось использовать суперфрэнды. Ставишь одну, повисаешь, пытаешься заклинить вторую. Поставил, вынимаешь первую и так далее. Иногда, расхрабрившись, я ногами вставал на фрэнду, чтобы повыше запихнуть другую. Всё время под тобой только одна точка. Если она выскочит, — полёт будет большой с соответствующими последствиями. В современной шкале ИТО категория участка определяется не столь сложностью постановки точек, сколь последствиями при их выпадении. Думаю, моим способом это на А4 тянуло. В дальнейшем попадались похожие неприятные участки, например, камин Ухо, который лез Лёня. Из-за этого двигались мы медленнее, своей воды бы не хватило, повезло, нашли чужие фляги, которые оставили на маршруте предыдущие восходители. В отличие от Носа, где одновременно лезло несколько групп, на Салатэ мы больше альпинистов не видели. По-видимому, эти щели их отпугивают. Если Нос оставил очень приятное впечатление, то желание повторять маршрут, подобный Салатэ, не возникло. Спуск был обратно по «яйле» много часов с тяжёлыми рюкзаками. Внизу из долины кажется, что вокруг тебя большие скальные горы, а на самом деле, это не горы, а стены оврага, который пропилила речка Мерсед. Равнина, она как раз наверху, бескрайнее плато, покрытое гигантскими секвойями диаметром в несколько метров. Интересно, что в долине столпотворение туристов, а наверху никого, даже тропинок не видно, кажется, что неделями можно гулять, не встретив людей. А прошли 10 километров к водопаду, и уже не протолкнуться.

Шамони

Колыбель альпинизма — Монт Блан, Пти-Дрю, Гранд Жорасс, кто не слышал про эти вершины. Первый выезд был в 2001 году. С Винокуровым приезжала большая компания, практически сборы: Миша Лебедев, Фёдор Ахматов, Костя Сахаров, Миша Суслов. Я ходил с Сусловым и с Сахаровым, Филиппыч с Лебедевым и Ахматовым. Я после травмы в 99-м особо не стремился сразу на подвиги. Было много разных попыток, но безуспешных. То дождь смочит, то по времени за день не успеваем, то под маршрут подойдём, а там бергшрунд, а у нас и ледоруба нет. В общем, «Не-го-то-вы!». Винокуров, как обычно сразу сунулся на Пти-Дрю, но с середины маршрута их смыл дождь. Мы сунулись под конец, но спустились с того же места. Перед отъездом Винокуров сказал: «Какой год, ни на одну гору не удалось сходить!»

В 2002 году амбиций сразу лезть на Пти Дрю не было, решили начать с ребра Джервазутти на Монт Блан ду Такул. Маршрут носит имя знаменитого итальянского альпиниста Джусто Джервазутти не потому, что он его прошёл, а потому что погиб на нём. Во время спуска с неудачной попытки первопрохождения заклинило верёвку. Поднимаясь на ней, Джервазутти сорвался и разбился. Первую попытку мы делали ещё в предыдущем году. Но, когда подошли под маршрут (он скальный) оказалось, что под стеной большой бергшрунд, а из снаряжения у нас только лыжные палки. Во второй попытке уже в 2002 году случилась комичная история. Подготовившись, мы (с Сёмой Дрелем и Винокуровым) вечером подошли под маршрут, перелезли бергшрунд и провесили верёвку. Как у нас принято, мы оставили всё железо на станции, сдюльферяли по закреплённой верёвке и встали на ночёвку чуть ниже бергшрунда. Рано утром мы слышали, что кто-то проходил мимо нас на этот маршрут. Выйдя чуть позже и поднявшись по верёвке, чтобы лезть дальше, я с удивлением обнаружил, что железа нет. Судя по всему, те, кто рано утром вышли на маршрут, прихватили висящее на станции снаряжение. Они были в паре верёвок от нас, но пытаться догнать их без страховки мы не рискнули. Решили идти на перехват и встречать воров на вершине. Спустились, собрали палатку, оставили Анатолия Филипповича перетаскивать бивачное снаряжение на плато, и вдвоём с Сёмой побежали на перехват. Ребро Джервазутти имеет перепад 800 метров, но с плато можно по снегам зайти на

В кемпинге в Шамони, 2002 год. Слева направо С. Дрель, И. Райская, Д. Гешкенбейн, А. Смирнов, А. Ф. Винокуров, Д. Фрейтор, Б. Старостин.

*Монт Блан ду Такул,
ребро Джервазутти
по центру, между двух
ледовых кулуаров*

вершину по маршруту ориентировочно 2Ак.тр. Часа через два-три, запыхавшись, мы забежали на вершину и были готовы уже броситься с ледорубами на сидевших там туристов, но вовремя спросили у них, как они туда попали. Дальше началось многочасовое ожидание, которое было не слишком приятным. Пуховки мы не взяли, т.к. спешили, да и высота (4248 м.) чувствовалась. Филиппыч с бивачным снаряжением уехал на канатной дороге вниз, и, когда дело стало клониться к вечеру и закрытию канатки, мы тоже решили спускаться, чтобы не хватать холодную ночёвку на леднике. Уже почти у станции канатной дороги, глянув в сторону вершины, мы увидели три точки, спускающиеся вниз. «Это они, надо на перехват!» Собрали подмогу. На плато целый палаточный лагерь, оттуда можно ходить много разных гор. Проходя там, услышали русские голоса:

«Ребята, вы из России?»

«С Украины, а что?»

Объяснили ситуацию.

«А, если надо вломить, то мы всегда за!»

Встречали уже с численным перевесом. У меня, не имевшего большого опыта уличных драк, были опасения, что делать, если скажут, что ничего не брали. Попросим заглянуть в рюкзаки, а если откажутся? Сразу в глаз бить? Опасения были напрасными. Ребята не стали отпираться. Только на вопрос, не видели ли они наши френды на маршруте, они сперва ответили, что никаких людей там не заметили. Альпинистские френды, слова происходит от Friends — друзья, они же друзья альпинистов. Мы пояснили.

«Да, конечно, взяли, мы хотели их в стол находок отнести в Шамони, как спустимся.»

«Тогда давайте обратно!»

«Пожалуйста, только вы сами отсортируйте, они у нас перемешаны.»

В процессе перебирания содержимого рюкзаков мы попытались спросить, как ребята всё это представляют, почему связка железа висела на маршруте. В ответ услышали что-то невразумительное про то, что они думали, что кто-то в плохую погоду спустился с маршрута. А то, что вниз уходила верёвка и стояла палатка, им в голову не пришло, по-видимому. Мне показалось,

что ребята то, что сделали, и воровством не считали. Они из той категории людей, которые взять что-то, что плохо лежит, считают не зазорным, скорее наоборот, не взять это большая глупость. Как бы то ни было, но из-за этого инцидента пришлось спуститься вниз и перенести восхождение на несколько дней.

В следующей попытке через несколько дней участвовал Дима Фрейтор вместо Сёмы. Маршрут длинный, TD+ ориентировочно (5А — 5Б к.тр.). Приходилось вешать перила. За день не успели, тяжело втроем с жумарами, да и Филиппычу уже 67, не побегаешь. Схватили холодную ночёвку на 4000 м уже после всех трудностей. Всю ночь машем руками, ногами, не даём другу другу заснуть. У Димы это первая холодная, его опекаем, я-то калач тёртый, ещё в Крыму на Классике давным давно под дождём сидели, ну и много других случаев было. Филиппыч тоже объясняет, как что надо делать, чтобы не замёрзнуть, не заснуть. На следующий день он, как обычно, в кроссовках по фирну на вершину и спуск по снегам. Уже внизу, отпиваясь чаем, он заметил: «Интересно, первая холодная ночёвка у меня.»

Доломиты

В 2004-м году поехали в Доломиты, в район Драй Циннен (Drei Zinnen по немецки, — три зубца, Tre Cime di Lavaredo по итальянски). Говорят, это самые фотографируемые горы мира. Ландшафт в Доломитах действительно фантастический, из травы вырастают вертикальные скальные пальцы и стены. Горы в целом куда более домашние, чем в районе Монт Блана, ледников нет, подходы до хижин полчаса – час, везде хорошие тропы.

Приехали Анатолий Филиппович с Ириной и Седов, тоже Анатолий но Сергеевич с женой Надеждой. Первым маршрутом выбрали «Жёлтый Кант» Комичи на Малую башню (Kleine Zinne). Красивое, вертикально вверх уходящее жёлтое ребро. Маршрут очень популярный, поэтому скалы залезанные. Шли, как обычно, не быстро. Седов из старой гвардии Винокурова. В доисторические для меня времена они вместе на соревнованиях по скалолазанию выступали. В последнее время в горы не ходил. Что бы я мог после такого перерыва,

На ребре, спуск
с жандарма

Жёлтый кант

представить невозможно, поскольку в процессе подъёма выяснилось, что он прекратил ходить в горы ровно в тот же год, как я начал в них ходить. Наверное, тогда он очень хорошо лазил. На вершину (крымская пятёрка, 13 верёвок) вылезли уже вечером. Дюльферяли не по пути подъёма, а в провал между двумя вершинами. Поэтому стемнело практически сразу. Для меня спуск осложнялся недавней трагедией, произошедшей за неделю до того в Шамони. Мой хороший знакомый Дидье, гид-аспирант, разбился, спускаясь дюльфером с клиентом. Одна из верёвок оказалась чуть короче другой, и он проскочил её конец. Ещё недавно он нам рассказывал про условия в Шамони, и вот нет человека. А у него с Леной только ребёнок родился... Поэтому, как ни пытаешься разные мысли гнать из головы, они всё равно туда лезут. Филиппыч дюльферял первым, выбирал путь. Сразу сказал, что

приключений не ищем, спускаемся до ближайшей станции и там закладываем новый. Так медленно, но надёжно, по 20 метров за раз мы к восходу солнца спустились. Анатолия Филипповича всегда отличало умение принимать правильные решения в нужный момент.

Отдохнув и сходя ещё одну простую гору (по моему мнению, мы слишком медленно лазили для серьёзных гор) мы вышли на следующий маршрут. Он был главной целью выезда, маршрут Бауэра Рудольфов через большой карниз на Чима Вест. Несколько вертикальных верёвок и главное препятствие — потолок 60 метров, после которого маршрут соединяется с маршрутом Кассина. Через три года после нас в 2007 году Александр Хубер проложил два маршрута свободным лазанием через эту крышу с категорией сложности 8с. Таких амбиций у нас не было, мы надеялись, что крючья на потолке не совсем сгнили. К сожалению, проверить это не удалось. Где-то на третьей верёвке при подъёме по перилам на Филипыча сбросили камень, повредили кисть. Пришлось спускаться вниз.

В 2005 году Анатолий Филиппович справлял своё 70-летие. Квартира в Щёлково была полна гостей, старая гвардия (я только фамилии слышал) и мои старые друзья, которых я уже лет десять,

как не видел. Очень приятный был вечер. К сожалению, вскоре после юбилея, тренируясь на стене школы недалеко от дома, Анатолий Филиппович упал и сломал ногу. В 70 лет переломы заживают медленно и плохо, и до конца восстановиться не получилось. В 2006-м они с Ириной приезжали в Шамони, но он ещё хромал, подходил под маршруты, но до восхождений дело не дошло.

Йосемиты 2007

Видя, что в Альпах у нас получается плохо, я решил опять попробовать Йосемиты. Тем более что оба предыдущих выезда на Эль-Капитан были удачными. В планах была стена Халф Дома, она покороче и попроще, чем Эль-Капитан. Поскольку идти должны были в двойке, я не был уверен, сколь мы справимся, и предложил Винокурову в конце мая съездить в Крым, проверить, можем ли мы в двойке ходить относительно сложные маршруты. Получился очень душевный выезд на Форос. Сходили две пятёрки, Зяблик на Кильсе Буруне и комбинацию Лапы справа (КПК) с Тимофеевским Зелёным углом на Канте. Казалось, что в режиме: я лезу, Филиппыч жумарит, мы вполне можем работать. В сентябре выехали втроём с Ириной в Америку. Поскольку Халф Дом существенно серьёзней Крымских стен и по граниту у меня хуже получается лазить, решили сперва разминуться не в долине, где обычно жарко, а наверху в Туломни. Там, правда, оказалось холодновато, ночью заморозки, высота всё-таки 2600, да и сентябрь был холодный. Повезло, нашли комнату внизу уже за пределами парка с востока. Полазили, сходили классический маршрут на замечательную стену Фэйрвью Дома (Fairview Dome).

*Фото маршрута
с сайта
www.summitpost.org*

Посередине стены нас догнал соло альпинист, лезущий без страховки. Это был уже второй случай в этой поездке, когда встречали на маршруте солоиста и третий в Йосемитах для меня. По-видимому, там это популярно. В Альпах, где я провёл куда больше времени, мне ни разу не попадались одиночки. Про Ули Штека я конечно слышал, но в горах не видел, а в Йосемитах в большом количестве, один за другим лазали одиночки без страховки. Завершив тренировочный цикл, мы переехали в Долину и вышли на подход к Халф Дому. Тут только и выяснилась моя ошибочная тактика по подготовке к восхождению. Вместо того, чтобы мне тренироваться лазать, надо было Филиппычу

тренироваться ходить. Подход под стену очень долгий, 12 км с перепадом в километр. Его обычно ходят 6-8 часов. А у нас тяжёлые рюкзаки, мы ещё воду с собой на маршрут несли, поскольку местные не рекомендовали нам пить из речек. Шли очень медленно. Мало-помалу, становилось ясно — сначала, что провесить в этот день не успеем, а попозже, что и подойти под стену засветло не получится. В какой-то момент нужно было принять решение. Не дойдём. Повернули назад и заночевали в лесу. А ночью выпал снег. Такое там редко, что в сентябре снег выпадает, мы месяц выбрали, чтобы не жарко было, а тут такой год оказался. Пришлось разгрести снег от палатки. Стена Халф Дома была вся белая. Так что, может и повезло, что не дошли до маршрута.

Анатолий Филиппович ещё приезжал в Шамони с Ириной, но серьёзных попыток горовосхождений не было. Возраст сказывался. Я переключился на Сёму Дреля и Олега Конончука, и мы ездили в горы втроём.

Приезжая в Москву, я обычно заезжал к ним в Щёлково. Перед поездкой в Фаны в 2012 году Филиппыч прекрасно проконсультировал по знакомому как пять пальцев району.

Отдельные фразы/афоризмы из многолетнего общения:

«В горах плохой погоды не бывает. Когда дождь, то тепло, а если холодно, то сухо»

«Не могут эти стать президентами страны (сказано в 90-е, во время чехарды преемников, при очередном выборе кандидата). Их же все знают. Должен появиться новый, неизвестный человек и с короткой, простой фамилией. А эти все с длинными фамилиями, народ их не примет!»

«Ты думаешь, что на границе ловят шпионов? (при пересечении очередной европейской границы). Нет, шпионов, как раз пропускают. Надо посмотреть, где и что они ищут!»

В отличие от многих Анатолий Филиппович и вне альпинизма был самодостаточным успешным человеком. При походе за визами, ему всегда их давали, в отличие от других желающих. С Леной Лебедевой мы даже смеялись. «Пришли я и Филиппыч в посольство. Все бумаги у нас одинаковые. Но сразу ясно, кому нельзя отказать, а кому, наоборот, нельзя сразу дать визу.»

Дима Гешкенбейн

На вершине на фоне Монт Блана, Дима Гешкенбейн и А.Ф. Винокуров

Анатолий Филиппович на фоне Чима Гранде и Чима Вест. Большой карниз виден над головой Винокурова

А. Н. Щербаков

*Щербаков Александр
Николаевич. Окончил
МФТИ в 1982.*

*Кандидат физ-мат
наук. Жил и работал
в Севастополе.*

*Прошёл все сложные
стены Крымских гор.
Сейчас проживает
в Новой Зеландии.*

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ФИЛИППОВИЧА ВИНОКУРОВА

Совсем недавно я показал Анатолию Филипповичу (АФ) видео, как мой семилетний сын Антон лезет на снежную горку, выбивая ступени, но в самом верху срывается и скатывается вниз. Винокуров на это отреагировал немного неожиданно для меня.

— Знаешь Шура, а ведь из Антона альпинист не получится...

— Ну и хорошо. А почему Анатолий Филиппович?

— Ну, ты же знаешь, альпинисты не срываются. Он мог бы там пролезть, а взял и сорвался.

Это была одна из Винокуровских «мантр» — «альпинисты не срываются». В пояснение АФ рассказал историю своего товарища Левы Самсонова, который срывался несколько раз, каждый раз оправдываясь — развязалась кошка, подскользнулся, поспешил и т.д. пока не разбился.

Я и так всегда разделял мнение Винокурова по поводу срывов. Свою прививку против срывов я получил в 1976 году во время своего первого выезда в Крым с альпинистской секцией ФАЛТА МФТИ. Руководителем сборов был В.Башкиров. Стояли мы в Батилимане под Кушкаей. Башкиров с товарищами ходили пятерки, ну а мы, первый раз попавшие на скалы, лазали с верхней страховкой. Однажды я ушел в сторону и оказался в ситуации «ни вверх, ни вниз» и с большим маятником. Мне говорили — прыгай, но я боялся и не мог себя заставить. В конце концов, мне удалось приспустить и уйти от маятника. Это ощущение страха перед срывом, потом несколько раз приходило ко мне в страшных снах. Но со временем воплотилось в принцип «держишься через не могу».

Винокуров пользовался огромным авторитетом и уважением в нашей команде. И это не из-за возраста или прежних заслуг. Он был человеком, который всегда знал, что нужно делать. У него был дар быстро и правильно оценивать ситуацию и предлагать наиболее подходящие решения.

В качестве примера могу привести ситуацию, в которую мы попали при восхождении на пик 4810 в 1991 г. В тот выезд в Каравшин я впервые после окончания физтеха воссоединился со своими студенческими друзьями по альпинизму. Мы приехали туда с А.Ф.Винокуровым в качестве ходячего тренера. Меня пригласил Шура Тельпов. В то время я мало чего знал про Каравшин. Одно из первых наших восхождений было на Асан по Погорелову. Восхождение особенно запомнилось выходом

на вершину. До этого я видел пик 4810 только частично, далеко из ущелья и из-за угла. А на вершине Асана ты неожиданно оказываешься примерно на половине высоты 4810 и прямо напротив огромной стены. Для меня было потрясением увидеть настолько монументальную, отвесную и лишённую рельефа стену. Казалось, она нависает над всем цирком. Я отчетливо помню, что я тогда подумал: — «Вот стена, на которую я никогда не смогу подняться». Однако у АФ были другие планы, и через несколько дней наша команда в составе А.Ф.Винокурова, А.Тельпова, К.Сахарова, В.Комарова, Т.Зуевой и меня уже лезла на 4810 по маршруту Русяева.

Когда мы вышли на «Брови», погода испортилась — поднялся ветер и повалил снег. Снег прилипал к «теплой» черной стене, и к утру мы оказались посередине огромного засыпанного снегом ледяного катка, поставленного вертикально. Мне казалось, что надо спускаться. «Даже если начнет таять, сколько времени пройдет, что бы можно было лезть?!». Того же мнения придерживалась и остальная команда. Однако Винокуров предложил подождать. Два дня мы провели, исследуя полку, на которой сидели. На второй день поздно вечером стена вдруг ожила, и снег вперемешку со льдом начал скользить вниз. Происходило это одновременно по всей поверхности стены. Мы сидели в палатке, накрыв головы спальными ковриками, пытаясь защититься от бомбардировки. Периодически крайнему приходилось вылезать и выгребать кастрюлей и ногами снег, который забивался между палаткой и стеной и грозил спихнуть нас с полки. Примерно через полчаса обвал закончился, и стена почернела опять. Утром погода была приемлема, но белые остатки еще виднелись повсюду на стене, и многие зацепки были в снегу или во льду. Мне, приехавшему из Крыма, было очевидно, что нужно подождать, пока стена не очистится, на что А.Ф. твердо заметил: «Чего ждать Шура? Надо лезть...». И он опять оказался прав. После того как руки-ноги разогрелись, всё вполне лезлось и мы получили большое удовольствие от маршрута в целом.

Когда я познакомился с Винокуровым, он первым уже старался не ходить, но зато проделывал огромную работу по переноске груза и тактическому руководству. У него обычно был самый тяжелый рюкзак, и переубедить его облегчить было невозможно. На спуске и особенно на дюльферах он предпочитал спускаться первым, поскольку мог лучше и быстрее других найти правильный путь и организовать страховку.

Как-то я поинтересовался: как он справляется с таким тяжелым рюкзаком? «А че тут... Я же дома тренируюсь. Поднимаю мешки с песком и цементом на восьмой этаж». Я подумал он шутит, но как оказалось, он примерно в это время купил квартиру в новом доме в Щелково и делал там ремонт. Ремонт заключался

в перепланировке, укладке новой стяжки на пол и штукатурке всей квартиры. Перед этим естественно надо было снять и вынести старую штукатурку и стяжку. Лифт не работал несколько месяцев. Я не представляю сколько «камазов» АФ пришлось перенести вверх и вниз.

Другая уникальная черта АФ была в том, что он, казалось, все умел. И все умел делать сам.

Однажды мне случилось варить борщ в его присутствии. «Шура — кто так режет капусту? Давай я тебе покажу...». И показал как эффективно и быстро можно шинковать капусту.

В последние годы АФ был занят строительством загородного дома. Я знаю, что он практически все там сделал сам — своими руками. Он сам начертил и утвердил проект. Залил фундамент, выложил блочные стены. Установил перекрытия. Собрал и установил крышу. Провел всю электропроводку, провел воду и отопление. Сделал дома сауну. Установил камин. Несколько раз он рассказывал о тех многочисленных приспособлениях, которые ему пришлось изобретать, чтобы одному сделать «невозможную» для одного человека работу. Например, для покрытия крыши ему надо было поднять и установить оцинкованные железные листы длиной шесть метров. Он наладил систему блоков и лебедок и всё поднял сам.

АФ был изобретатель по профессии. Кандидат технических наук. Выпускник Бауманской аспирантуры. Автор нескольких зарегистрированных изобретений. В начале своей карьеры АФ занимался разработкой гидропровода для поворотов локатора (БРЛС) на военных самолетах. Его разработка была установлена и эксплуатировалась на истребителях Миг-25 до тех пор, пока пассивные БРЛС не были заменены на локаторы с активной фазовой решеткой, для которых уже не требовалось механическое сканирование.

Но вообще его основной специальностью были насосы. Он долгое время работал на Московском насосном заводе в качестве главного инженера. В 1992 г. он организовал и наладил собственное производство «ЗАО-Помпа». Однажды он рассказывал о начале своей рабочей карьеры и привел такую деталь: «А ты знаешь, я ведь про насосы никому никогда не задавал вопросов. Вот такой у меня был принцип. Я должен был всегда разобраться сам. Ко мне многие обращались, даже когда я еще учился в институте. А я никогда ни просил мне помочь, если это касалось насосов. Вот был такой упрямый, мне всегда нужно было разобраться самому.»

Под стеной п. 4810

А. Тельпов. п. 4810 1991 г.

*На вершине п. 4810. Слева направо – Тельпов,
Винокуров, Сахаров, Комаров, Зуева. 1991 г.*

Винокуров на вершине пика 4810 1994г.

*Винокуров и Комаров –
ожидание погоды. п. 4810
1991г.*

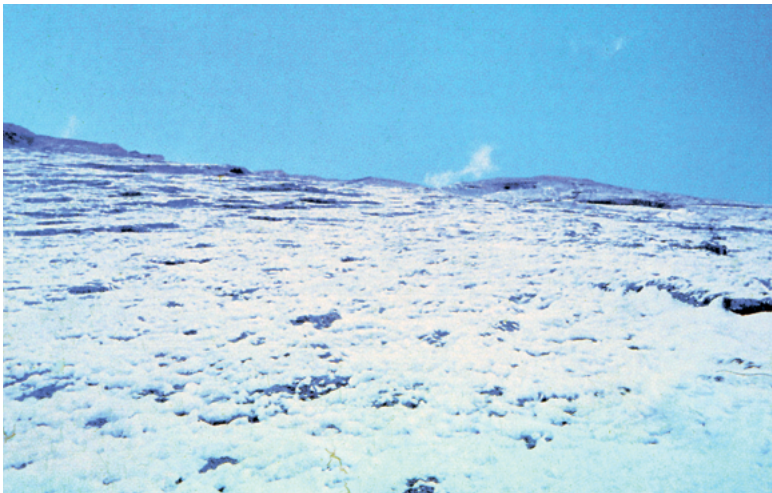
*Винокуров работает на
перилах. п. 4810 маршрут
Сахарова 1994г.*

Т. Зуева, Винокуров и Комаров на левой «Брови»

А. Тельпов. п. 4810 1991 г.

Стена 4810 после непогоды. Вид вверх. 1991 г.

Л.В. Бутов

Леонид Викторович Бутов, родился в 1964, окончил МФТИ в 1987, доктор ф.м. наук, альпинизмом занимается с 1983 года.

ЭЛЬ КАПИТАН ПО МАРШРУТУ САЛАТЭ ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ФИЛИППОВИЧА ВИНОКУРОВА

Фаны 1989

В 1989 мы поехали с Анатолием Филипповичем в Фанские горы. После восхождения на Чапдару по правой части Северо-Западной стены (5А), Анатолий Филиппович выпустил нас — Диму Гешкенбейна, Лену Железникову, Володю Малова и меня — на нашу первую 5Б — маршрут Гульнёва на Бодхону. Было ощущение надвигающейся непогоды, и большинство сборов, если не все, оставались на Алаудинах. Анатолий Филиппович выпустил на маршруты все группы наших сборов, и все восхождения прошли успешно. Непогода усложнила маршрут, да и опыт мы только начинали набирать. Так что шли мы долго, с тремя ночёвками на маршруте. Устали сильно. Когда спустились на тропу, увидели Анатолия Филипповича. Он прибежал из лагеря встретить нас, взял у нас тяжёлые вещи, побежал с ними в лагерь, и приготовил для нас обед к нашему приходу. В моих глазах, Анатолий Филиппович уже был легендой, но сделал он это так просто, что становилось ясно — иначе не поступают.

К этому времени мы расходились и немного почувствовали горы. Следующий маршрут 5А на Замок сходили с Димой в двойке быстрее: начали маршрут утром и часам к 5 вечера уже были в лагере на Алаудинах. Наши сборы подходили к концу: команда области успешно сходила первопрохождение на Чапдару по Северо-Западной стене на первенство России, а женская команда прошла сложный маршрут Кустовского на Чапдару по Восточной стене, это восхождение стало лучшим на первенстве Союза. Оставалось всего пару дней до машины вниз. Над лагерем возвышалась стена Адамташа, по центру которой красивой линией проходил маршрут Грищенко 5Б. Мы спросили Анатолия Филипповича, сможем ли мы сходить этот маршрут. Чтобы успеть к машине, стену надо было пройти за день. Анатолий Филиппович подумал немного и сказал, что он сам к этой стене давно присматривался, и за день там тяжело управиться. Сказал и на маршрут выпустил, поверил в нас. Мы с Димой, Сашей Анкудиновым и Женей Войтенко быстро собрались и вышли. Стену нам за день пройти удалось. Заночевали на ребре над стеной на удобной площадке. Было тепло и тихо, наш лагерь на Алаудинах выглядел по-домашнему, и чувствовалось, что пришло время расставаться с Фанами. Утром дошли до вершины и успели спуститься в лагерь к машине.

Каравшин 1990

Следующим летом мы поехали с Анатолием Филипповичем в Каравшин. Команда планировала идти на первенство, а мы, как обычно, были самой молодой группой на сборах. снаряжение ещё догоняло нас, но хотелось скорее прикоснуться к скалам. Пошли к соседям — Питерской команде. Им надо было на следующее утро выходить на первенство, но они дали нам своё снаряжение с просьбой вернуть к середине дня, чтобы они рюкзаки успели собрать. Прямо над лагерем шёл короткий маршрут на Духтарчу 4А, на него мы и пошли. Хотя акклиматизации не хватало, снаряжение удалось вернуть вовремя. После Духтарчи, Дима Гешкенбейн, Ира Агаркова, Саша Анкудинов, и я сходили красивую 4Б на Усен и вышли на 5А по Жёлтой Стене. Стена встретила нас камнепадом — поднимаем головы, а там, как звездное небо, только вместо звёзд камни. Летят беззвучно, лишь на подлёте стали бить по выполаживающейся стене. Мы успели прижаться к стене, никого не задело. Планировали пройти маршрут за день, но почти сразу пошёл дождь, движение замедлилось, и стену мы прошли уже к ночи. Всё было мокрым, и мы не решились искать путь спуска в темноте и морозящем тумане. Пришлось устраиваться на холодную ночевку. Впрочем, она получилась не очень холодной. Ире удалось найти уютную пещеру, а Дима укрыл нас фольгой, которую он предусмотрительно взял на маршрут. Так в разговорах и посидели до утра. Утром убедились, что правильно сделали, что не пошли спускаться в темноте — найти спуск между скальными сбросами было бы непросто.

После этого мы вышли на 4810. Стену мы уже рассмотрели с Усена и хотелось, конечно, на неё. Но мы были не готовы. «Не готов», помню, Анатолий Филиппович так сказал на Черноголовском скалодроме кому-то, когда тот долго объяснял, почему он не пролез. С тех пор так всегда говорю себе, когда что-то не получается. Мы пошли маршрут Ситника 5Б по Северной стене. С утра прошли кулуар. Было видно, что место опасное (через пару лет мы наблюдали с Асана как по этому кулуару с искрами, как лава, сходят вагоны камней), но тогда ни на спуске, ни на подъёме камнепадов не было. С перемычки движение сильно замедлилось. Скалы были залиты тонким льдом, и у нас уходило до нескольких часов на веревку. После пары ночёвок вышли на относительно сухие скалы, и пошло намного быстрее. Как-то выхожу на полку, готовлю станцию, поворачиваюсь и вижу человека на гладкой стене, метрах в десяти от меня. Вокруг туман и тишина. От земли идём уже третий день. Как-то непонятно... Человек мне тихо так говорит: кинь мне веревку. Тут сверху слышались голоса и мистика рассеялась. Оказалось, это группа дюльферяет с вершины, и их

*Асан (слева) и пик
Пирамидальный
(вдали). Вид из
базового лагеря.*

первый спустился без жумаров на гладкий участок, а выйти оттуда маятником на рельеф и полку, где я делал станцию, было непросто. Ко мне подошла Ира с веревками, мы помогли с выходом на полку, и вскоре уже вся группа продюльферяла мимо нас вниз. После такой неожиданной встречи настроение поднялось, и я быстро пошел дальше. Слишком быстро. В какой-то момент под калошу попал кусочек льда, и я не заметил, как уже летел. Хорошо, что я не забывал делать точки, полёт получился небольшим. Так что тут же пошёл дальше, и вскоре мы вышли на хорошую полку. Было приятно заночевать на сухом и ровном после предыдущей незапланированной ночёвки в снегу, втиснувшись между камнями. Утром верёвок через восемь приятного лазания мы вышли на вершину. Было очень красиво, и мы провели на вершине минут десять. И тут началась гроза. Мы стали дюльферять, прижимаясь как можно сильнее к скале. Иногда, чтобы двигаться, приходилось немного приподниматься, и тут же усиливался электрический гул, заставляя снова вжиматься в скалу. Вокруг били молнии. Одна ударила прямо между мной и Димой. Между нами было метров двадцать. Я смотрел в этот момент на Диму и вдруг увидел огненную стену между нами. Меня ударило слабым боковым разрядом, было очень неприятное ощущение, как стиральной доской провели по спине. Кроме того, появилась резь в глазах, и один глаз стал плохо видеть, наверно от яркого света. Это прошло через пару дней. Вскоре гроза стихла, сильные разряды по нам не попали. Все мокрые мы спустились на полку, которая приютила нас на подъёме, и решили

на ней заночевать. Весь следующий день дюльферали и к вечеру пришли в лагерь.

В это время команда области собиралась на первенство, и оказалось, что не хватает одного участника. Нам пришлось разделиться, и я пошел в команде с Анатолием Филипповичем, Виктором Комаровым и Константином Сахаровым на 4810 по маршруту Овчаренко 6А по правому канту Северо-Западной стены. Во время восхождения шёл снег, но всё же состояние стены было сильно лучше, чем на нашем предыдущим маршруте. Практически весь маршрут первым уверенно работал Витя, и маршрут прошёл без запоминающихся трудностей, с ночёвкой под маршрутом, ночёвкой на подъёме, и ночёвкой на вершине. Спускались дюльферами на перевал между 4810 и Ломо. Этот путь спуска мы пробовали найти неделей раньше, когда вышли на вершину по маршруту Ситника, но тогда гроза не дала нам времени на поиски, и мы спускались по пути подъёма. В этот раз было тихо. Утром был завтрак на вершине с потрясающими видами. На спуске Анатолий Филиппович шёл первым все дюльфера, и мы быстро спустились на перевал. Потом был спуск с перевала в соседнее ущелье и поход в лагерь, куда мы пришли уже в темноте. В лагере узнали, что Дима сорвался на маршруте Альперина на Асане, и нужна помощь. Мы подошли под маршрут утром. Группа с Димой уже сдюльферяла к основанию стены. Видно было, что травмы серьёзные. До тропы надо было спуститься по нагромождению камней. На таком рельефе организовать носилки было непросто, да и времени на это не было. Витя взял Диму на спину и так прошёл весь путь от стены до самой тропы. На тропе подошли участники других сборов с носилками, и через несколько часов мы донесли Диму в лагерь. На следующий день Диму забрал вертолёт. Потом выяснилось, что у Димы было несколько переломов, восстановление заняло годы.

Каравшин 1991

В 1991 мы снова поехали с Анатолием Филипповичем в Каравшин. Целью команды был маршрут Русяева на 4810. Мы с Сашей Анкудиновым приехали позже, у нас получалось всего около двух недель в горах, и мы решили походить в двойке. После тренировочного маршрута на Духтарчу мы вышли на 5Б на 3850. Верёвок после двенадцати пошёл сильный дождь. Стена собрала воду в поток прямо по маршруту, в этом потоке мы и оказались. Остаток дня и ночь мы провели в полувисячем состоянии. Утром погода установилась, но мы с трудом могли двигаться, и идти вверх не было сил. Потихоньку сдюльферяли вниз и вернулись в лагерь.

Отдохнув день, решили пойти на маршрут Горбенко 5Б по Восточной стене Асана. Маршрут оказался очень интересным.

После нижней части стены с траверсами и поисками пути, вышли на более крутой участок, на котором запомнилось лазание по красивой мраморной линии. Начался дождь. В это время мы вышли на небольшую полку. Укрылись плёнкой и стали ждать. Под плёнкой было вполне сухо, особенно по сравнению с предыдущей горой, ветра почти не было, и создавалось впечатление уютного сидячего бивуака. Иногда сквозь дождь и туман появлялась стена 4810. Часа через три дождь утих. Скалы были мокрые, но идти было можно. Дошли до хорошей полки и встали на ночёвку. На следующий день вышли на вершину, спустились на несколько дюльферов и заночевали. Продукты и вода кончились, а с ними и силы — на следующий день дюльферялось небыстро. После небольшого отдыха мы ещё попробовали сходить на Пирамидальный, но поднялись лишь до перевала. Наш короткий выезд заканчивался. В тот год Анатолий

Филиппович с командой прошли стену 4810 по маршруту Русяева. Для нас эта стена оставалась в планах на будущее. Так получилось, что остаётся.

Каравшин 1994

В следующий раз мне удалось поехать на сборы Анатолия Филипповича в Каравшин в 94-ом, и снова всего на пару недель. В этом году на подъезде к Каравшину было беспокойно, и мы залетали в лагерь на вертолёте. После традиционного тренировочного маршрута на Духтарчу, Ира Агаркова, Лена Железникова, Дима Гешкенбейн, и я вышли на Северо-Западную стену Асана по маршруту Погорелова 6А. В первый день поднялись на ночёвку на огурце. Потом два дня проходили стену, в основном на ИТО, с небольшими участками, которые удавалось пролазить. После ночёвки на балконе над стеной было ощущение, что слож-

ная часть маршрута пройдена и вершина близко. Но почему-то движение по крыше оказалось медленнее, чем мы ожидали, по-видимому, не хватало акклиматизации. Так что не дошли до вершины пару веревок и заночевали на крыше. Рельеф был пологий, и удалось найти неплохие полочки для всех, не очень далеко друг от друга. Утром были красивые виды на 4810 и Пирамидальный с вершины Асана, потом знакомые для меня дюльфера, и возвращение в лагерь.

Дима на вершине Пирамидального

*На вершине
Пирамидального*

После этого Дима и я пошли на пик Пирамидальный. Каравшин — это район красивых скальных стен. Но нам хотелось пройти снежно-ледовый маршрут и посмотреть на район с пика, который возвышался над долиной, действительно как пирамида. На подходе прошли брошенные рудники и к вечеру по снежно-ледовому склону поднялись на перевал. Утром прошли верёвок десять ледовой стены с крутым натечным льдом на паре верхних верёвок. Затем снежный гребень вывел нас на вершину. Погода была ясная, и виды с вершины были потрясающие. Недалеко был виден район Аксу. Мы там не были и пытались узнать вершины. Далеко на горизонте, за скрытой дымкой долиной, возвышались снежные горы. Величественная стена 4810 была как на ладони. В это время Анатолий Филиппович, Виктор Комаров, Александр Щербаков и Константин Сахаров работали на 4810. Тогда они совершили первопрохождение наиболее сложного маршрута на стене. Мы пожелали им удачи и начали спуск. Решили найти путь спуска проще подъёма и пошли по соседнему кулуару левее. Этот путь действительно оказался проще, и вскоре мы были у нашей палатки на перевале. Заночевали и к обеду вернулись в лагерь. Получилось интересное восхождение, нехарактерное для Каравшина и напоминающее поход в удалённый район. Мы не уверены, что этот маршрут категорирован. По ощущениям получилось 4Б, путь спуска 3Б.

Хотя сборы продолжались, мне надо было спускаться вниз. Идти надо было одному через беспокойный район. Когда я проходил абрикосовый сад, меня пригласили на чай. Мы хорошо посидели. Веревки ценятся в горах, и я написал записку для Димы с просьбой передать мою верёвку, оставшуюся в лагере, гонцу из сада. Потом оказалось, что гонец не просто пришёл за верёвкой, а принёс ведро абрикосов в подарок. Ещё оказалось, что пришёл он в день рождения Димы, так что подарок получился вовремя.

Я продолжил путь вниз. Недалеко от границы меня остановил человек и взволнованно рассказал, что через границу идти сейчас нельзя — туда пришли автоматчики и ждут врагов с перевала. Пригласил к себе на ужин и переночевать. Ужин с шурпой был замечательный. Часа в два ночи разбудил меня и сказал, что сейчас самое время идти, на границе все будут спать. Так и получилось. Утром я добрался до Воруха. Ни в Ворухе, ни в автобусе туристов не было, и местные смотрели на меня с удивлением. Это отличалось от того, как нас приняли в Ворухе в 90-м. Тогда для нас гостеприимно накрыли стол и долго уговаривали остаться на несколько дней.

Альпы

Во второй половине зимы 95-го Анатолий Филиппович, Александр Щербаков, Константин Сахаров и я поехали в Альпы.

Выехали на машине Анатолия Филипповича. С нами ещё поехала дочка Анатолия Филипповича Маша. В Швейцарии нас ждал Дима, и после недолгих сборов в Цюрихе мы выехали на Айгер. Летом стена Айгера пробивалась камнепадами, поэтому и решили идти зимой. С погодой нам не повезло. Только подошли, повалил снег и облепил всю стену. Пришлось отступить. Попробовали переждать непогоду, но времени у нас было немного, непогода продолжалась, и стало ясно, что выйти на стену в этом сезоне не получится.

Мы с Костей думали сходить на Маттерхорн. Анатолию Филипповичу уже пора было в Москву, но он лишь попросил нас вернуться в Цюрих побыстрее. На Маттерхорн мы пошли по классическому маршруту по гребню. Летом на нём много людей, но зимой мы были на маршруте одни. Скалы были покрыты льдом, так что кошек не снимали. Часам к четырём вышли на вершину и уже в темноте спустились к маленькой хижине в середине маршрута, где и заночевали. Когда на следующий день спустились в Церматт, оказалось, что последний поезд на Цюрих уже ушёл. Так что пошли траверс по барам. Утром на первом поезде добрались до Цюриха, там на вокзале нас встретил Анатолий Филиппович, и мы тут же поехали в Москву.

В декабре 95-го я работал недалеко от Альп, и мы с Димой решили попробовать сходить Айгер по маршруту Лаупера в двойке. За день прошли метров 600 по высоте и встали на ночевку. Диме надо было ехать на конференцию через несколько дней. Чтобы успеть на неё, на утро мы начали спуск. При снятии навески я сорвался на несложном ледовом участке. По-видимому, кошка попала под вмерзшийся камень, и я потерял равновесие. Пролетел метров сорок. Через первые десять метров задел головой выступающий камень и повредил шею, каска разлетелась. После этого полет был почти вертикальный, лишь немного прикладывало о скалы. Очнулся, вися на веревке. Дима страховал меня с ночевки на полке и поймал через ледоруб, воткнутый в твердый снег. Я висел более чем в половине веревки ниже Димы. Пока был шок, и боль ещё ощущалась не так сильно, я вывязал одну из двух веревок, Дима её выбрал, привязал к ней жумары, спустил мне, и на них я поднялся на полку. Там уже боль усилилась, начался жар. Мы пробыли на полке около суток, потом медленно пошли вниз. Снаряжения на все дюльфера нам бы не хватило, поэтому на участках попроще Дима спускал меня и затем спускался с нижней страховкой. Шли медленно, по пути заночевали. На ночёвке горелка сломалась, нам удалось её починить. К основанию маршрута спустились, развесив всё железо на дюльфера. Потом рентген показал трещину в шейном позвонке, и почти полгода пришлось проходить в ошейнике.

Летом Анатолий Филиппович и я съездили в Крым с семьями. Это был единственный раз, когда мы были в Крыму и не ходили маршруты. Просто грелись на солнце и путешествовали по красивым местам.

Спустя пару лет Анатолий Филиппович организовал новый зимний выезд, мы вернулись на Айгер и вышли на маршрут Харлина. Льда на стене было мало, и надо было идти по скалам, покрытым тонким льдом. Веревок через двенадцать стало ясно, что движемся слишком медленно, и мы решили спуститься.

Йосемиты 1997

В мае 97-го нам удалось выбраться в Йосемиты на неделю. Целью наших коротких сборов было восхождение на Эль Капитан по маршруту Салатэ (VI, 5.10, A2, по-нашему — 6A). Маршрут действительно красивый. По сравнению с другими маршрутами на Эль Капитан выделяется относительно большим количеством участков, проходимых свободным лазанием, и относительно несложным ИТО. Немного о технических характеристиках маршрута: перепад высот — около 1 км; протяженность — 36 веревок (некоторые неполные); средний наклон — около 85°; порода — гранит; рельеф — вертикальные щели, камины; через каждые 5-7 веревок — удобные полки для ночевков; все станции на шлямбурах, но на веревках чужого железа практически нет (кроме пары мест, пробитых старыми крючьями); воды на маршруте нет.

По стилю маршрут похож на маршруты в Каравшине. Только гора невысокая, в этом смысле есть аналогия с Крымом. Впрочем, если сравнивать с Крымом, то Эль Капитан — это пять крымских шестёрок, которые надо пройти подряд, и вытаскивая тяжелые рюкзаки. По мере подъёма рюкзаки заметно легчеают, т.к. на старте они в основном заполнены водой.

После веревок десяти навески мы оторвались от земли. Дима начал работать первым и прошёл Пустой откол — узкий камин, в который можно с трудом втиснуть плечо. Для страховки на таком рельефе у нас были приготовлены два больших самодельных фрэнда, с помощью которых Дима и прошёл этот ключ. После первой ночёвки подошли к Уху — камину, образованному

*Маршрут Салатэ.
Эль Капитан*

двумя скользкими плитами, расходящимися вниз. Прохождение Уха отняло у группы много времени и сил. Сначала я целый час шёл этот участок. Сказывалось, что я ещё не достаточно восстановился после травмы. Потом второй подошёл без рюкзака и вынул все точки. Теперь уже можно было перекинуть веревки и перетащить рюкзаки вверх карниза. На ночевку в Альков-биви вышли уже ночью с фонарями. Альков-биви — это просторная ниша, закрытая стенами с трёх сторон. На следующий день предстояло дойти до ночёвки на наклонной полке и навесить дальше, так что рано с утра продолжили путь. От наклонной полки мы с Димой пошли на навеску. И заблудились. Над нами нависали карнизы, через левый из которых нам предстояло идти. Но подошли мы под центральный карниз. Обещанного простого А1 ИТО через него не просматривалось. Дима припустил меня, и я стал бегать маятником, пытаюсь закачнуться в щель, ведущую под наш карниз. С нескольких попыток получилось. Маятник оставил интересные впечатления, но в результате этих путешествий мы навесили меньше, чем планировали. Впрочем, следующий день показал, что достаточно. Наклонная полка оказалась вполне комфортабельной, и мы хорошо отдохнули. Только воды явно не хватало, наша дневная норма оказалась слишком мала для этого маршрута. На следующее утро мы подошли под карниз Крыша. Отсюда начиналась вершинная башня. Она составляет около 70 м. Вместе с карнизом на этих 70 м нависание по-видимому превышает 15 м. Это ключ маршрута при прохождении свободным лазанием (лазание от 5.12 до 5.13b). При этом ИТО — классическое А1. На вершинной башне, а также верёвке ниже её, полочек нет, так что четыре станции подряд висячие. Крышу и вершинную башню удалось пройти в планируемом темпе, и вскоре мы уже устраивались на ночёвку на удобной полке Лонг ледж. Утром прошли три верёвки и достигли вершины. Потом были приятный поход по тропе через лес, спуск вдоль водопада и возвращение в лагерь.

У нас было достаточно времени фотографировать на страховке. Фотографии смогут лучше рассказать о маршруте.

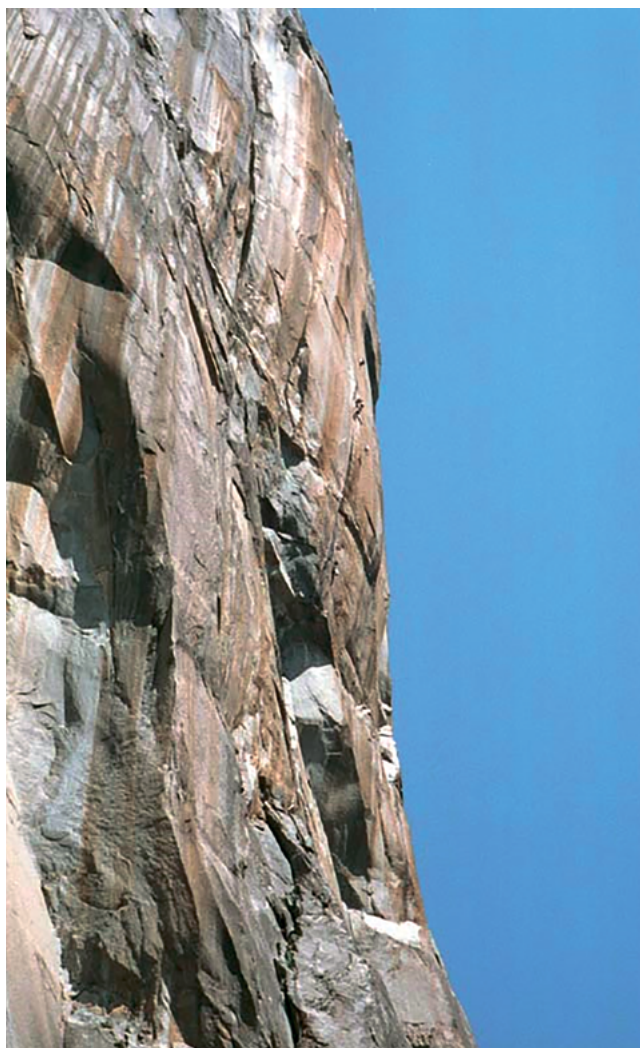
«Базовый лагерь». В кадр не попал железный ящик, в который мы прятали продукты от медведя. Сам медведь в кадр тоже не попался, хотя крутился где-то рядом и видели мы его метров с пятидесяти

Первая веревка после навески. Дима работает первым

Первые метры маршрута. Входим в вертикальный мир

Несколько групп идут соседний маршрут Шилд

Прохождение камина Уха

Веревка выше Уха. Одна из ключевых веревок при прохождении маршрута свободным лазанием (5.13). Нам до такого уровня лазания далеко, веревку прошли на ИТО (А2).

Анатолий Филиппович на страховке в Альков-биви

Володя работает на первой верёвке от Шпиля

Вид со Шпиля Эль Капитана в долину. Шпиль – это столб посреди стены, отделенный от стены на метр

Вид со Шпиля вверх. Через левый карниз нам предстоит идти. До вершины ещё около 15 верёвок

Наиболее крутым участком маршрута является вершинная башня, начинающаяся с карниза Крыша. На снимке – подход под Крышу

Проходим Крышу

Анатолий Филиппович под Крышей. Когда полочки нет, можно удобно устроиться на рюкзаке

Вершинная башня заканчивается полкой Лонг ледж. Приятно ступить на нее после четырёх висячих станций. На снимке – утро после ночевки на Лонг ледж.

На Лонг ледж

Стена пройдена

В ВОСХОЖДЕНИИ УЧАСТВОВАЛИ:

Анатолий Филиппович Винокуров
Владимир Малов
Константин Шмаков
Дима Гешкенбейн
Леонид Бутов

ТАК ПРОШЛИ ФАНЫ И КАРАВШИН, АЛЬПЫ И ЙОСЕМИТЫ.
ЧТО-ТО У НАС ПОЛУЧАЛОСЬ, ЧТО-ТО НЕТ. В ПОГОДУ
И НЕПОГОДУ, НА МАРШРУТЕ И НА ОТДЫХЕ, ВСЕГДА
ЧУВСТВОВАЛОСЬ, КАКОЙ АНАТОЛИЙ ФИЛИППОВИЧ
СИЛЬНЫЙ И СВЕТЛЫЙ ЧЕЛОВЕК. ТАКИМ ОН ОСТАНЕТСЯ
С НАМИ.

Расширенную версию записи беседы с Винокуровым
можно прослушать на youtube канале
по ссылке, или отсканировав QR код:
<https://www.youtube.com/channel/UCyViw6kxIGwn99SuOFIVHaQ>

Оглавление

Часть I. Альпинист	7
<i>Б. И. Борисов</i> – Самородок	9
<i>Ю. О. Джапаридзе</i> – Команда молодости нашей...	19
<i>В. И. Журздин</i> – Рассказ о Винокурове	28
<i>Е. И. Монаенков</i> – На северной стене Чатына	36
<i>А. С. Седов</i> – Воспоминание о максималисте А. Винокурове	46
<i>С. И. Винокурова</i> – Альпинист Анатолий Винокуров	52
Фото из архива Сони Винокуровой	86
Колодец Винокурова	95
Часть II. В команде Винокурова <i>Б. И. Борисов</i>	103
Предыстория	
Немного про себя или как я узнал про Винокурова	107
1976 год. В Уллутау на сборе «Труда»	109
1977 год. Первая поездка в Фанские горы	122
1978 год. Вторая поездка в Фанские горы	131
1979 год. Третья поездка в Фанские горы	147
1980 год. Четвёртая поездка в Фанские горы	169
1981 год. Кавказ. Первая поездка в Адылсу	185
<i>Послесловие</i>	236
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Беседы с Винокуровым	243
Часть III. И ещё команда...	267
<i>А. А. Тельпов</i> – Воспоминания об Анатолии Филипповиче Винокурове	271
<i>Д. Б. Гешкенбейн</i> – Памяти Анатолия Филипповича Винокурова	285
<i>А. Н. Щербаков</i> – Светлой памяти Анатолия Филипповича Винокурова	310
<i>Л. В. Бутов</i> – Эль Капитан по маршруту Салатэ	316

Б82
УДК 82-94
ББК 84-4

ISBN 978-5-9909277-3-5

Альпинист АНАТОЛИЙ ВИНОКУРОВ

Москва, 2016 – 336 с.

Составитель и редактор – Б.И. Борисов
Оформление – Ирина Борисова

Тираж 200 экз.
формат 70х100/16

Фотография на титуле, стр.2 – *Е. Железниковой*

Фотографии на шмуцтитулах:

Часть 1 – из архива С.Винокуровой

Часть 2 – Винокуров во время прохождения «Колодца»

Часть 3 – На фоне Айгера, слева направо Шура Щербаков, Костя Сахаров, Лёня Бутов, А. Ф. Винокуров.

© Коллектив авторов, 2016

